

ISSN: 2542-212X

Электронный журнал

Кавказология

Caucasology

I

2021

Электронный журнал

Кавказология

Caucasology

№ 1 / 2021

DOI: 10.31143/2542-212X-2021-1

*Свидетельство о
регистрации*

Эл № ФС77-59844
от 17 ноября 2014

ISSN

2542-212X

Периодичность

4 раза в год

Учредитель/Издатель

Федеральное государственное
бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Кабардино-Балкарский
государственный университет
им. Х.М. Бербекова»

Е-mail редакции

caucasology.kbsu@gmail.com

URL-адрес издания

<http://www.kbsu.ru/nauchnye-izdaniya/zhurnal-kavkazologiya/>

Редакционный совет

Альтудов Юрий Камбулатович, профессор, ректор Кабардино-Балкарского государственного университета им. Х.М. Бербекова, Нальчик, Россия.

Барахоева Нина Мустафаевна, директор Ингушского научно-исследовательского института гуманитарных наук им. Ч.Э. Ахриева, Магас, Россия.

Берсиров Батырбий Махмудович, главный научный сотрудник Адыгейского республиканского института гуманитарных исследований имени Т.М. Керашева», Майкоп, Россия.

Горбунов Александр Павлович, ректор Пятигорского государственного университета, Пятигорск, Россия.

Грусман Владимир Моисеевич, директор Российского этнографического музея, Санкт-Петербург, Россия.

Гапуров Шахрудин Айдиевич, президент Академии наук Чеченской Республики, Грозный, Россия.

Дердугьян Георгий Матвеевич, профессор Нью-Йоркского университета Абу-Даби, США.

Дмитриев Владимир Александрович, ведущий научный сотрудник Российского этнографического музея, Санкт-Петербург, Россия.

Дюмон Жерар Франсуа, географ, экономист и демограф, профессор, преподаватель Университета Париж-Сорбонна, Париж, Франция.

Ивахненко Евгений Николаевич, профессор Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия.

Ильин Владимир Иванович, профессор кафедры социологии культуры и коммуникаций Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Россия.

Карамурзов Барасби Сулейманович, профессор, руководитель Центра развития цифровой экономики МГУ им. М.В. Ломоносова, действительный член Российской академии образования, Нальчик, Россия.

Левитская Алина Афаковна, профессор Северо-Кавказского федерального университета, Ставрополь, Россия.

Магомедов Магомед Ибрагимович, главный научный сотрудник Института языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы, Махачкала, Россия.

Мусукаев Александр Ибрагимович, доктор исторических наук, профессор, Нальчик, Россия.

Мюльфрид Флориан, доктор наук, Йена, Германия.

Рябов Андрей Виленович, главный редактор журнала «Мировая экономика и международные отношения», Москва, Россия.

Томеллари Витторио Спрингфилд, профессор департамента славянской филологии университета г. Мачерата, Марчета, Италия.

Узденов Таусолтан Аубекирович, ректор Карачаево-Черкесского государственного университета имени У.Д. Алиева, Карачаевск, Россия.

Editorial Council

Altudov Yuri Kambulatovich, Professor, Rector, Kabardino-Balkarian State University, Nalchik, Russia.

Nina Mustafaevna Barakhoeva, Director, Ingush Institute for the Researches in Humanities, Magas, Russia.

Bersirov Batyrbiy Mahmudovich, Principal research fellow, Adyghe Republic's Institute for Humanitarian Studies, Maikop, Russia.

Gorbunov Alexandr Pavlovich, Rector, Pyatigorsk State University, Pyatigorsk, Russia.

Grusman Vladimir Moiseevich, Director, Russian Museum of Ethnography, St. Petersburg, Russia.

Gapurov Shahrudin Aidievich, President, Academy of Sciences of Chechen Republic, Groznyi, Russia.

Derluguian Georgi, Professor, New York University Abu Dhabi, UAE, USA.

Dmitriev Vladimir Alexandrovich, Leading Researcher, Russian Museum of Ethnography, St. Petersburg, Russia.

Dumont Gerard Francois, geographer, economist and demographer, Professor of Paris-Sorbonne University, Paris, France.

Ivakhnenko Evgeny Nikolaevich, Professor, M.V. Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

Ilyin Vladimir Ivanovich, Professor, Saint Petersburg State University, St. Petersburg, Russia.

Karamurzov Barasbi Suleymanovich, Professor, CEO, Lomonosov Moscow State University Digital Economy Development Center, Full Member of the Russian Academy of Education, Nalchik, Russia.

Levitskaja Alina Afakoevna, Professor, The North-Caucasus Federal University, Stavropol, Russia.

Magomedov Magomed Ibragimovich, Principal Research Fellow, Institute of Language, Literature and Art, Makhachkala, Russia.

Musukaev Alexander Ibragimovich, Doctor of Historical Sciences, Professor, Nalchik, Russia.

Mühlfried Florian, PhD, Jena, Germany.

Ryabov Andrey Vilenovich, Editor-in-chief, World Economy and International Relations, Moscow, Russia.

Tomellery Vittorio Springfield, Professor, University of Macerata, Macerata, Italy.

Uzdenov Tausoltan Aubekirovich, Rector, Karachay-Cherkess State University, Karachaevsk, Russia.

Главный редактор

Боров Аслан Хажисмелович

Редакционная коллегия

Кажаров А.Г. (заместитель главного редактора),
Азикова Ю.М. (ответственный секретарь),
Аккиева С.И., Аствацатурова М.А., Баразбиев М.И.,
Бауаев К.К., Берберов Б.А., Бозиева Н.Б., Борова А.Р.,
Бугай Н.Ф., Бухуров М.Ф., Геграев Х.К., Гутов А.М.,
Дзамихов К.Ф., Иванова С.Ю., Канукова З.В.,
Кочесоков Р.Х., Кудаева З.Ж., Кузьминов П.А.,
Кучукова З.А., Мамсиров Х.Б., Муратова Е.Г.,
Нальчикова Е.А., Прасолов Д.Н., Сабанчиев Х.-М.А.,
Тамазов М.С., Текуева М.А., Тимижев Х.Т.,
Тхагапсоев Х.Г., Тенов Т.З., Узнародов Д.И.,
Узнародов И.М.

Editor-in-Chief

Borov Aslan Hazhismelovich

Editorial board

Kazharov A.G. (Deputy Editor-in-Chief),
Azikova Yu.M. (Executive Secretary),
Akkieva S.I., Astvatsaturova M.A., Barazbiev M.I.,
Bauaev K.K., Berberov B.A., Bozieva N.B., Borova A.R.,
Bugay N.F., Buhurov M.F., Gegraev Kh.K., Gutov A.M.,
Dzamiyov K.F., Ivanova S.Yu., Kanukova Z.V.,
Kochesokov R.Kh., Kudayeva Z.Z., Kuzminov P.A.,
Kuchukova Z.A., Mamsirov Kh.B., Muratova E.G.,
Nalchikova E.A., Prasolov D.N., Sabadchiev Kh.-M.A.,
Tamazov M.S., Tekueva M.A., Timizhev Kh.T.,
Thagapsoev Kh.G., Tenov T.Z., Uznarodov D.I.,
Uznarodov I.M.

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ, ЭТНОЛОГИЯ И АРХЕОЛОГИЯ**Археология и древняя история****Осташинский С.М., Кулькова М.А.**Результаты петрографического анализа керамики поселения Мешоко **12-25****Средневековая и новая история****Мирзоев А.С.**Институт выезда на службу и военное отходничество как часть военной культуры черкесов **26-66****Новейшая история****Лобанов В.Б.**Административно-территориальное деление Терека и Дагестана в период революции и гражданской войны, 1917–1920 гг. **67-80****Кажаров А.Г., Тамазов М.С.**«...В том, что будет Кабардинская АО, я убежден и буду поддерживать волю трудящихся». Документы и материалы о выходе Кабардинского округа из Горской АССР в 1921 г. **81-95****Мамсиров Х.Б., Лоов А.А.**Особенности «коренизации» государственных и культурных учреждений Кабардино-Балкарии в свете новых архивных документов **96-129****Хубулова С.А.**Социальная политика в отношении семей военнослужащих в годы Великой Отечественной войны (на материалах Северной Осетии) **130-140****Тетуев А.И.**Государственная политика по формированию исторической памяти о Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.: региональный опыт **141-157****ФОЛЬКЛОР И ЛИТЕРАТУРА НАРОДОВ КАВКАЗА****Кетенчиев М.Б., Акамов А.Т.**Концепт *кѣз / гѣз* («глаз») в карачаево-балкарской и кумыкской национальных картинах мира **158-170****Бауаев К.К.**Кенотипы балкарской поэзии и механизмы их формирования **171-180**

Биттирова Т.Ш.

Тревоги времени в социальной лирике Кязима Мечиева

181-193**Хавжокова Л.Б.**

О некоторых особенностях становления адыгской литературы

194-207**Кумышева Л.Ч., Кучукова З.А.**

Женщины-джигиты или гендерное измерение поэзии Фоусат Балкаровой

208-227

Наши авторы**228-229**

CONTENTS

*HISTORY, ETHNOLOGY AND ARCHAEOLOGY***Archaeology and ancient history****Ostashinskij S.M., Kulkova M.A.**Results of Petrographic Analysis of Meshoko Ceramics **12-25****Medieval and modern history****Mirzoev A.S.**Institution of Departure for Service and Mercenary Practices as a Part of the Military Culture of Circassians **26-66****Contemporary history****Lobanov V.B.**Administrative-Territorial Division of the Terek Region and Dagestan During the Revolution and Civil War, 1917–1920 **67-80****Kazharov A.G., Tamazov M.S.**“...I Am Convinced that there Will be a Kabardian Autonomous Okrug and I Will Support the Will of the Workers”. Documents and Materials on the Withdrawal of the Kabardinsky District from the Mountain ASSR in 1921 **81-95****Mamsirov H.B., Loov A.A.**Peculiarities of Indigenization of Administrative and Cultural Institutions of Kabardino-Balkaria in the Light of Newly Found Archival Documents **96-129****Khubulova S.A.**Social Policy in Relation to Military Servicemen’s Families During the Great Patriotic War (Based on the Materials of North Ossetia) **130-140****Tetuev A.I.**State Policy for the Formation of Historical Memory of the Great Patriotic War 1941–1945: Regional Experience **141-157***FOLKLORE AND LITERATURE OF THE PEOPLES OF THE CAUCASUS***Ketenchiev M.B., Akamov A.T.**The Concept of *Köz / Göz* ("Eye") in Karachay-Balkarian and Kumyk National Pictures of the World **158-170****Bauaev K.K.**Kenotypes of Balkar Poetry and Mechanisms of their Formation **171-180**

Bittirova T.Sh. The Anxieties of Time in the Social Lyrics of Kyazim Mechiev	181-193
Khavzhokova L.B. On Some Features of the Formation of the Adyghe Literature	194-207
Kumysheva L.Ch., Kuchukova Z.A. Women-Dzhigits or Gender Dimension of Fousat Balkarova's Poetry	208-227
<hr/> Our authors	228-229

ИСТОРИЯ, ЭТНОЛОГИЯ И АРХЕОЛОГИЯ**Археология и древняя история**

УДК 902

DOI 10.31143/2542-212X-2021-1-12-25

**РЕЗУЛЬТАТЫ ПЕТРОГРАФИЧЕСКОГО АНАЛИЗА КЕРАМИКИ
ПОСЕЛЕНИЯ МЕШОКО****С.М. ОСТАШИНСКИЙ**

*Государственный Эрмитаж
190000, Санкт-Петербург, Дворцовая набережная, 34
E-mail: osm@mail.ru*

М.А. КУЛЬКОВА

*Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена
191186, Санкт-Петербург, наб. р. Мойки, 48
E-mail: kulkova@mail.ru*

Аннотация. В статье приведены результаты петрографического анализа керамики энеолитического поселения Мешоко. Всего исследовано 42 фрагмента (см. приложение), 10 экз. из которых принадлежат к верхней части отложений памятника (слою 1 и 2а; рис. 1), 20 экз. относятся к средней части отложений (слой 2b; рис. 2), 12 экз. – к нижней части (слой 3; рис. 3). На основе анализа выделено 5 групп керамики (рис. 4). Группа 1 состоит из фрагментов с примесью известняка, группа 2 – с примесью диорита, группа 3 – с примесью биогенных карбонатов и песка, группа 4 – с примесью кальцита, группа 5 – с примесью диорита и шамота. В группах 1 и 2 преобладают глины смектитового состава, в группах 3 и 4 – смектит-карбонатного. Сопоставление этих групп со стратиграфией выявило приуроченность большей части керамики 3 и 4 группы к нижнему слою, а 1 и 2 группы к среднему и верхнему слою (табл. 1). Помимо состава, керамика этих слоев отличается характером обработки внешней поверхности. Значительные изменения в технологии изготовления керамики при переходе от нижнего слоя к среднему позволяют предполагать соответствующие изменения в составе населения.

Ключевые слова: Северный Кавказ; энеолит; поселение Мешоко; петрографический анализ; примеси; типы глин.

RESULTS OF PETROGRAPHIC ANALYSIS OF MESHOKO CERAMICS**S.M. OSTASHINSKIJ**

*State Hermitage museum
190000, St. Petersburg, Dvortsovaya emb., 34
E-mail: osm@mail.ru,*

M.A. KULKOVA

*Herzen State Pedagogical University
191186, St. Petersburg, r. Moyki emb., 48
E-mail: kulkova@mail.ru*

Abstract. The article presents the results of petrographic analysis of the ceramics of the Chalcolithic settlement of Meshoko. A total of 42 fragments were examined (see appendix), 10 of which belong to the upper part of the monument's sediments (layers 1 and 2a; Fig. 1), 20 refer to the middle part of the sediments (layer 2b; Fig. 2), 12 – to the lower part (layer 3; Fig. 3). Based on the analysis, 5 groups of ceramics were identified (Fig. 4). Group 1 consists of fragments with an admixture of limestone, group 2 – with an admixture of diorite, group 3 – with an admixture of biogenic carbonates and sand, group 4 – with an admixture of calcite, group 5 – with an admixture of diorite and chamotte. Clays of smectite composition predominate in groups 1 and 2, while clays of smectite-carbonate composition predominate in groups 3 and 4. Comparison of these groups with stratigraphy revealed that most of the ceramics of groups 3 and 4 are confined to the lower layer, and groups 1 and 2 to the middle and upper layer (Table 1). In addition, the ceramics of these layers differ in the nature of the external surface treatment. Significant changes in the technology of making ceramics during the transition from the lower layer to the middle layer allow us to assume corresponding changes in the composition of the population.

Keywords: Northern Caucasus; Chalcolithic; Meshoko; Petrographic analysis; Admixture; Types of clays.

Работами А.Д. Столяра и А.А. Формозова в конце 1950 – начале 1960 гг. в предгорной части Республики Адыгея была открыта энеолитическая эпоха Северо-Западного Кавказа. В окрестностях пос. Каменноостровский были обнаружены как открытые поселения этого времени, так и пещеры с навесами, содержащие слои медного века. Наиболее ярким и информативным среди исследованных памятников оказалось поселение Мешоко. Его выделяло присутствие мощной оборонительной стены, сложенной из камня, и наличие стратиграфии.

Анализируя материалы раскопок, А.Д. Столяр обратил внимание на различие материальной культуры нижнего и верхнего слоя поселения. В нижнем слое была зафиксирована тонкостенная, лощеная керамика, украшенная преимущественно рельефным криволинейным орнаментом, в большом количестве были обнаружены каменные браслеты. Для верхнего слоя были типичны более грубые и толстостенные сосуды, украшенные жемчужным орнаментом, браслеты редки, в кремневой индустрии появлялись сегменты,

значительно расширялся состав сырья. Оборонительная стена была сооружена на раннем этапе существования поселения и перекрыта отложениями его позднего этапа. А.Д. Столяр предположил, что культуры нижнего и верхнего слоя разнородны в своих генетических истоках, а переход от нижнего слоя к верхнему не был чисто эволюционным процессом. Нижний слой поселения Мешоко был оставлен пришлым населением, имеющим южное происхождение. Мощные укрепления были построены для защиты от «варварских» местных племен. Однако они не смогли уберечь жителей – крепость была взята, и верхний слой принадлежит уже носителям аборигенных традиций, возможно, включивших в свой состав остатки первоначального населения крепости [Столяр, Формозов 2009: 108–109].

А.А. Формозов изменения в материальной культуре поселения Мешоко рассматривал в рамках двух этапов одной культуры [Формозов 1965: 74].

К проблеме интерпретации стратиграфии поселения Мешоко вернулся А.Д. Резепкин. При анализе большой коллекции керамики из раскопок 1958–1964 гг. учитывались примеси, характер поверхности, орнамент, а также формы венчиков сосудов. Было выделено три типа венчиков, которые в разных пропорциях были зафиксированы в обоих слоях поселения, что говорило об отсутствии резкой смены типов сосудов. Жемчужный орнамент преобладал в верхнем слое, но был обнаружен и в нижнем. В итоге исследования в культурном слое Мешоко были выделены два горизонта, верхний и нижний, между которыми отсутствовали генетические, культурные отличия. В нижнем горизонте преобладали тонкостенные сосуды с плавно отогнутыми венчиками, примесью мелко толченого кварцита и наклепной орнамент. Для верхнего горизонта более типична относительно толстостенная керамика с прямыми и отогнутыми наверху венчиками, для которой характерен жемчужный орнамент и примесь толченого известняка, выгоравшего на поверхности черепка. Подчеркивалось, что речь идет о резком преобладании, а не о внезапном появлении этих признаков в горизонтах поселения. При этом, несмотря на обоснование принадлежности обоих горизонтов одной культуре, А.Д. Резепкин отмечает ее изначальную неоднородность, наличие в ней разных и преобладающих в разное время компонентов [Резепкин 2005: 81].

Исследование культурной стратиграфии поселения Мешоко было продолжено в работе А.Г. Козинцева. Работа основана на технологическом изучении керамики из стратиграфической колонки №1 в сопоставлении с данными по кремневой индустрии из колонки №2. Стратиграфические колонки – это небольшие раскопы, культурный слой в которых разбирался максимально тщательно, условными горизонтами по 4–6 см. Исследовалась твердость фрагментов, толщина стенок и состав примесей, которые были определены как оолитовый известняк и кальцит. Было установлено, что в период существования поселения происходили изменения в технологии изготовления керамики. В керамике из верхних слоев вместо кальцита применяется дробленый известняк, который сильнее разлагается при обжиге, значительно ухудшается качество обработки поверхности сосудов, исчезает лощение, такой показатель, как «средняя твердость» керамики, уменьшается, но при этом

увеличивается толщина стенок сосудов. В результате смены технологии резко возрастает пористость черепка. В итоге исследования было продемонстрировано, что качество керамики ухудшается от нижних слоев к верхним. При этом одновременно с деградацией керамики отмечается процесс совершенствования обработки кремня. Интерпретируя полученные данные, А.Г. Козинцев поддержал мнение А.Д. Столяра: речь идет о взаимодействии двух различных по происхождению культур. Культура раннего периода тяготеет к южным традициям. Она постепенно вытесняется значительно более архаичной культурой позднего периода, обнаруживающей местные неолитические корни [Козинцев 2017: 73].

Настоящая работа также посвящена анализу керамики поселения Мешоко в соотношении с его стратиграфией. Стратифицированная коллекция была получена в ходе новых раскопок на поселении. Образцы были исследованы с помощью петрографического анализа. Помимо 20 фрагментов стенок сосудов из раскопок 2009 г., были проанализированы 22 фрагмента из материалов стратиграфической колонки №2 1964 г., горизонты расчистки которой были сопоставлены со слоями. Материалы позднего этапа существования памятника содержатся в первом от поверхности слое темно-серого гумусированного суглинка и в подстилающем его втором слое, насыщенном щебенкой. Раннему этапу соответствует нижний, третий слой – слой светло-серого гумусированного суглинка. Как показывает анализ данных раскопок [Осташинский 2012: 62, 65], материалы позднего этапа, происходящие из первого слоя, аналогичны материалам из верхней части второго слоя (слоя 2а) и отличаются от материалов его нижней части (слоя 2б). Поэтому и в данной работе они разделены. К слоям 1 и 2а относятся 10 фрагментов (рис. 1), к слою 2б – 20 фрагментов (рис. 2), к слою 3 – 12 фрагментов (рис. 3). Большое количество образцов слоя 2б объясняется необходимостью получить более полное представление о керамике этого среднего уровня, непосредственно контактирующего с нижним слоем.

На основе данных петрографического анализа (см. приложение) было выделено пять групп керамики. К *группе 1* относятся 10 фрагментов с примесью известняка в тесте (рис. 4, 1). Преобладают глины смектитового состава (8 экз.), в основном тощие (7 экз.), содержащие 18% кластического материала, два образца состоят из жирных глин смектит-хлоритового состава, с 3% кластического материала. К *группе 2* принадлежат 17 фрагментов с примесью дробленого диорита (рис. 4, 2). Преобладают глины смектитового состава, среди которых тощие насчитывают 7 экз., жирные – 2 экз. Второе место занимают тощие (1 экз.) и жирные (5 экз.) глины смектит-гидрослюдистого состава. В единственном экземпляре найдены образцы, изготовленные из глин хлоритового и иллитового состава. *Группа 3* содержит шесть фрагментов с примесью дробленых биогенных карбонатов и 10 % песка, состоящего из полевого шпата (рис. 4, 3). Все фрагменты изготовлены из тощих (4 экз.) и жирных (2 экз.) глин смектит-карбонатного состава, как правило, содержащих включения гематита (5 экз.). Один фрагмент, изготовленный из смектит-карбонатной глины, имеет примесь 10% песка и дробленого кальцита.

Условно он отнесен к *группе 3.1*. *Группа 4* включает в себя семь фрагментов с примесью дробленого кальцита (рис. 4, 4). Они изготовлены из жирных глин смектит-карбонатного (4 экз.) и смектитового (3 экз.) состава, содержащих включения гематита. К *группе 5* отнесен один фрагмент с примесью дробленого диорита и шамота (8%), состоящего из плохо обожженной керамики другого состава (рис. 4, 5). Он изготовлен из жирной смектит-хлоритовой глины.

Распределение выделенных групп по слоям поселения Мешоко представлено в таблице 1.

Слой	Группа 1	Группа 2	Группа 3	Группа 3.1	Группа 4	Группа 5	Итого
Слой 1+слой 2а	6	4					10
Слой 2б	4	11	1	1	2	1	20
Слой 3		2	5		5		12
Итого	10	17	6	1	7	1	42

Табл. 1. Стратиграфическое распределение керамических групп.

В основании отложений (слой 3) преобладают фрагменты, относящиеся к 3 и 4 группе, насчитывающие по 5 экз. Только два исследованных фрагмента принадлежат 2 группе. При переходе к средней части отложений (слою 2б) происходят значительные изменения. Образцы 3 и 4 группы, доминирующие в нижнем слое, присутствуют здесь в небольшом количестве (4 экз.). Наибольшее количество фрагментов относится ко 2 группе (11 экз.), за которой следуют фрагменты, принадлежащие к 1 группе (4 экз.). В верхней части отложений (слой 1 и 2а) присутствуют фрагменты только 1 (6 экз.) и 2 (4 экз.) группы.

Помимо изменения состава примесей в нашей серии фиксируется также изменение цвета и характера покрытия внешней поверхности черепков. В полном соответствии с наблюдениями предыдущих исследователей, качество керамики значительно ухудшается от нижнего слоя к верхнему. Образцы из 3 (нижнего) слоя характеризуются плотным тестом черепка, гладкой и хорошо лощеной внешней поверхностью (рис. 3). Толщина стенок варьирует от 4 до 10 мм, в среднем составляя 6 мм. Цвет красноватый, бежевый, серый. На внутренней поверхности одного фрагмента имеются следы краски (рис. 3, 2). Керамика из слоя 2б имеет ряд заметных отличий. Большая ее часть имеет лощеную поверхность, но качество лощения ниже, на поверхности всегда проступает примесь, есть один пористый фрагмент. Меняется цвет черепков: преобладают коричневато-оранжевые и темно-серые оттенки, у четырех фрагментов цвет внешней и внутренней поверхности заметно отличается (рис. 2, 1-2, 6, 11). Толщина стенок – от 4 до 15 мм, среднее значение составляет 7 мм. По цветовой гамме этой керамике близки образцы, отобранные из слоя 1 и 2а, однако они заметно отличаются характером поверхности. У половины фрагментов (5 экз.) она пористая с обеих сторон (рис. 1, 1, 5-8), два фрагмента имеют грубую от выступающих примесей поверхность (рис. 1, 2, 9) и только у трех – присутствуют следы лощения (рис. 1, 3-4, 10). Толщина стенок находится в промежутке от 6 до 12 мм, среднее значение – 8 мм.

Пористость керамики, по-видимому, связана с разложением известняка во внешних частях черепка при обжиге. Поэтому большое количество пористой керамики в верхней части отложений можно объяснить преобладанием в данной выборке образцов 1 группы с примесью известняка. Однако встречаются фрагменты с этой примесью и не имеющие пористой поверхности (рис. 1, 3; 2, 8). Вероятно, на появление пор воздействовало также качество лощения и внешнего покрытия черепка.

Выявление такого покрытия является одним из важных результатов исследования. Оно состояло из отмученной глины, иногда отличающейся по составу от глины из которой был изготовлен исследуемый образец. Покрытие зафиксировано у большей части исследованных фрагментов (35 экз.), кроме шести образцов 1 группы (рис. 1, 3, 5-7; 2, 8), и одного образца 2 группы. На трех фрагментах из нижнего слоя (рис. 3, 7-9) в составе покрытия была обнаружена охра. Не исключено, что этой добавкой объясняется красноватый цвет керамики 3 слоя, однако у трех других фрагментов, близких по цвету, охристой добавки не выявлено (рис. 3, 4, 10, 12), возможно, из-за ее меньшей концентрации. Кроме того, присутствие охры в покрытии обнаружено и на двух фрагментах из слоя 2b (рис. 2, 1, 3). Таким образом, вопрос о цвете керамики и причинах его изменения при переходе от слоя 3 к слою 2b требует дальнейшего изучения.

Различия между слоями прослеживаются и в размерах примесей. Наиболее крупная примесь характерна для керамики 3 слоя, где у восьми фрагментов она составляет 0,4-1,2 мм, и еще в двух случаях доходит до 1,5 и 2 мм. В слое 1 и 2 (а и b) преобладают примеси размером 0,4-0,7 мм и 0,4-0,87 мм. При этом в слое 2b выделяется группа из шести фрагментов с примесью диорита, размер которой составляет всего 0,07-0,1 мм (рис. 2, 2, 6, 9).

В отличие от примесей и характера внешней поверхности, температура обжига керамики фактически не менялась, оставаясь в пределах среднетемпературного обжига (см. приложение). Но есть некоторые различия в его продолжительности. В 3 слое кратковременный обжиг встречается у 58% образцов, в слое 2b – у 35%, в слое 1 и 2a – у 30%.

Таким образом, результаты петрографического анализа и характер изменений внешней поверхности черепков подтверждают трехчастное деление культурных отложений поселения Мешоко. В нижней части отложений (слой 3) преобладает керамика из глин смектит-карбонатного состава с примесью кальцита и биогенных карбонатов с песком, с очень гладкой, хорошо лощеной поверхностью. Красный цвет некоторых фрагментов обусловлен добавками охры в покрывающий слой тонкой отмученной глины. Для средней части отложений (слой 2b) характерна керамика с примесью диорита и (в меньшей степени) известняка, преобладают глины смектитового состава, качество обработки поверхности ухудшается, появляются отдельные пористые фрагменты, цвет меняется на коричневато-оранжевый и темно-серый. В верхней части отложений (слой 1 и 2a) на первое место выходит керамика с примесью известняка, в меньшем количестве встречается примесь диорита. Заметно преобладают глины смектитового состава. Увеличивается толщина

стенок сосудов. Цветовая гамма остается неизменной, а качество обработки поверхности снова заметно ухудшается, преобладают пористые фрагменты.

Описанные изменения в особенностях технологии изготовления сосудов, на наш взгляд, могут быть связаны с изменениями в культурных процессах на поселении. Между средней и верхней частью отложений они носят, в основном, количественный характер, и могут быть объяснены процессом эволюции. Более значительные перемены наблюдаются при переходе от нижнего слоя (слой 3) к среднему (слой 2b). При этом переходе фиксируется использование для изготовления керамики новых источников глин, изменение состава формовочной массы и приемов обработки внешней поверхности сосудов. По этнографическим данным установлено, что эти элементы технологии быстрее других реагируют на появление носителей новых традиций и отражают процесс смешения [Бобринский 1978: 244].

Таким образом, наши наблюдения подтверждают идею А.Д. Столяра о том, что изменения в материальной культуре поселения Мешоко нельзя объяснить только фактором эволюции. Перемены, зафиксированные при переходе от третьего ко второму слою, по нашему мнению, свидетельствуют о смене состава населения. Однако против полного разрыва традиций говорит присутствие двух фрагментов 2 группы в третьем слое и четырех фрагментов 3 и 4 группы во втором слое, обнаружены и фрагменты, изготовленные из общих типов глин. На данном этапе исследования можно констатировать, что и точки зрения А.Д. Столяра и А.А. Козинцева, подчеркивающих различия в материальной культуре поселения, и А.А. Формозова и А.Д. Резепкина, делающих акцент на сходстве, имеют под собой основания. Энеолитическая эпоха в данном регионе, очевидно, возникла в процессах сложного взаимодействия различных слагающих ее компонентов.

Приложение. Петрографический анализ образцов керамики поселения Мешоко

№	Шифр	Слой	Состав глины. Кластического мат. %	Состав, размер зерен, мм	Отощитель %, размер обломков, мм	Темп. обжига, С°	Продолж. обжига	Рис.
1	Мш-64 Б2/3	1	Смектитовый. 18%	Амфибол, мусковит, полевой шпат. 0,05-0,08	Дробленый известняк (55%). 0,4-0,87	750-850	Кратковрем.	1, 6
2	Мш-64 Б2/3	1	Смектитовый. 18%	Мусковит, амфибол, микроклин, включения глинистых пеллитов. 0,01-0,05	Дробленый известняк (45%). 0,42-0,7	750-850	Долговрем.	1, 3
3	Мш-09 М15/6	2а	Смектит-хлоритовый. 3%	Мусковит. 0,01-0,05	Дробленый известняк (50%). 0,42-0,7	650-750	Долговрем.	1, 10
4	Мш-09 М15/6	2а	Смектитовый. 18%	Амфибол, мусковит, полевой шпат. 0,05-0,08	Дробленый известняк (55%). 0,4-0,87	650-750	Долговрем.	1, 7
5	Мш-09 М15/6	2а	Смектитовый. 18%	Амфибол, мусковит, полевой шпат. 0,05-0,08	Дробленый известняк (55%). 0,4-0,87	700-850	Долговрем.	1, 5
6	Мш-09 М15/6	2а	Смектитовый. 3%	Мусковит. 0,01-0,05	Дробленый известняк (55%). 0,42-0,7	750-850	Долговрем.	1, 8
7	Мш-09 М16/6	2а	Смектитовый. 16%	Мусковит, полевой шпат. 0,01-0,05	Дробленый диорит (полевой шпат, амфибол, пироксен) (55%). 0,42 -0,7	750-850	Кратковрем.	1, 9
8	Мш-09 М16/6	2а	Смектитовый. 16%	Мусковит, полевой шпат. 0,01-0,05	Дробленый диорит (основной плагиоклаз, амфибол) (35%). 0,42-0,7	750-850	Кратковрем.	1, 4
9	Мш-64 Б2/9	2а	Смектит-гидрослюдисто-вый. 15%	Мусковит, полевой шпат. 0,01-0,05	Дробленый диорит (основной плагиоклаз, микроклин, амфибол) (55%). 0,42-0,7	750-850	Долговрем.	1, 1
10	Мш-64 Б2/9	2а	Смектитовый. 3%	Мусковит, полевой шпат, амфибол (актинолит). 0,01-0,05	Дробленый диорит (основной плагиоклаз, амфибол), эффузивы, (35%). 0,42-0,7	750-850	Долговрем.	1, 2
11	Мш-09 М14/7	2б	Смектит-хлоритовый. 3%	Мусковит. 0,01-0,05	Дробленый известняк (50%). 0,42-0,7	650-750	Долговрем.	2, 7
12	Мш-09 М16/7	2б	Смектитовый. 18%	Амфибол, мусковит, полевой шпат. 0,05-0,08	Дробленый известняк (55%). 0,4-0,87	700-850	Долговрем.	2, 8
13	Мш-09 М14/7	2б	Смектитовый. 18%	Мусковит, амфибол, микроклин. 0,01-0,05	Дробленый известняк (45%). 0,42-0,7	750-850	Долговрем.	-
14	Мш-64 Б2/10	2б	Смектитовый. 18%	Амфибол, мусковит, полевой шпат. 0,05-0,08	Дробленый известняк (55%). 0,4-0,87	700-850	Кратковрем.	-
15	Мш-09 Л14/7	2б	Смектитовый. 3%	Мусковит, полевой шпат. 0,01-0,05	Дробленый grano-диорит (основной плагиоклаз, микроклин, амфибол) (45%). 0,42-0,7	750-850	Кратковрем.	2, 11
16	Мш-09 М14/7	2б	Смектит-гидрослюдисто-вый. 3%	Мусковит, полевой шпат. 0,01-0,05	Дробленый диорит (основной плагиоклаз, микроклин, амфибол) (55%). 0,42-0,7	750-850	Долговрем.	-
17	Мш-09 М16/7	2б	Смектит-гидрослюдисто-вый. 3%	Мусковит, полевой шпат, включения окислов железа (гематита). 0,01-0,05	Дробленый диорит (основной плагиоклаз, микроклин, амфибол) (55%). 0,42-0,7	750-850	Долговрем.	2, 4
18	Мш-64 Б2/10	2б	Смектитовый. 16%	Мусковит, полевой шпат, амфибол (актинолит). 0,01-0,05	Дробленый диорит (основной плагиоклаз, амфибол) (55%). 0,07-0,1	750-850	Долговрем.	-
19	Мш-64 Б2/10	2б	Смектитовый. 16%	Мусковит, полевой шпат, амфибол (актинолит), включения округлых глинистых пеллитов и гематита. 0,01-0,05	Дробленый диорит (основной плагиоклаз, амфибол), кварцит, эффузивы (андезит) (55%). 0,07-0,1	750-850	Долговрем.	2, 9
20	Мш-64 Б2/10	2б	Смектитовый. 16%	Мусковит, полевой шпат, амфибол (актинолит). 0,01-0,05	Дробленый диорит (основной плагиоклаз, амфибол), кварцит, эффузивы (андезит) (55%). 0,07-0,1	800-900	Кратковрем.	-
21	Мш-64	2б	Смектит-	Мусковит, полевой	Дробленый диорит	750-850	Долговрем.	-

	Б2/10		гидрослюдитовый. 3%	шпат, включения окислов железа (гематита). 0,01-0,05	(основной плагиоклаз, микроклин, амфибол) (55%). 0,42-0,7			
22	Мш-64 Б2/12	2b	Смектитовый. 16%	Мусковит, полевой шпат, амфибол (актинолит). 0,01-0,05	Дробленый диорит (основной плагиоклаз, амфибол) (55%). 0,07-0,1	800-850	Кратковрем.	-
23	Мш-64 Б2/12	2b	Смектитовый. 16%	Мусковит, полевой шпат, амфибол (актинолит). 0,01-0,05	Дробленый диорит (основной плагиоклаз, амфибол) (55%). 0,07-0,1	800-850	Кратковрем.	2, 2
24	Мш-64 Б2/12	2b	Хлоритовый. 6%	Мусковит, полевой шпат, амфибол (актинолит). 0,01-0,05	Дробленый диорит (основной плагиоклаз, амфибол) (55%). 0,07-0,1	800-850	Кратковрем.	2, 6
25	Мш-64 Б2/12	2b	Смектит-гидрослюдитовый. 3%	Мусковит, полевой шпат, включения окислов железа (гематита). 0,01-0,05	Дробленый диорит (основной плагиоклаз, микроклин, амфибол) (55%). 0,42-0,7	750-850	Долговрем.	-
26	Мш-64 Б2/10	2b	Смектит-карбонатный. 10%	Микроклин. Включения гематита. 0,01-0,05	1) Дробленые биогенные карбонаты (55%). 0,42-1,2 2) Песок (10%). 0,4-0,7 мм	750-850	Долговрем.	2, 3
27	Мш-64 Б2/12	2b	Смектит-карбонатный. 18%	Микроклин, карбонаты. Включения гематита. 0,01-0,05	1) Дробленый кальцит (45%). 0,7-1,2 2) Песок (10%). 0,4-0,7 мм	750-850	Кратковрем.	2, 10
28	Мш-64 Б2/12	2b	Смектит-карбонатный. 10%	Микроклин. Включения гематита. 0,01-0,05	Дробленый кальцит (45%). 0,7-1,2	750-850	Долговрем.	2, 5
29	Мш-64 Б2/12	2b	Смектит-карбонатный. 10%	Микроклин. Включения гематитовых оолитов. 0,01-0,05	Дробленый кальцит (45%). 0,7-1,2	750-850	Долговрем.	2, 1
30	Мш-64 Б2/10	2b	Смектит-хлоритовый. 3%	Мусковит, полевой шпат, амфибол (актинолит). 0,01-0,05	1) Дробленый диорит (основной плагиоклаз, амфибол), эффузивы, (35%). 0,42-0,7 2) Шамот (8%). 0,5-0,7	750-850	Долговрем.	-
31	Мш-09 М16/10	3	Иллитовый. 3%	Мусковит, полевой шпат. 0,01-0,05	Дробленый грано-диорит (основной плагиоклаз, микроклин, амфибол, кварц, оливин) (45%). 0,7-2	750-850	Кратковрем.	3, 3
32	Мш-64 Б2/16	3	Смектит-гидрослюдитовый. 3%	Мусковит, полевой шпат, включения окислов железа (гематита). 0,01-0,05	Дробленый диорит (основной плагиоклаз, микроклин, амфибол) (55%). 0,42-0,7	750-850	Долговрем.	3, 1
33	Мш-09 М16/10	3	Смектит-карбонатный. 18%	Микроклин. 0,01-0,05	1) Дробленые биогенные карбонаты (45%). 0,42-0,8 2) Песок (10%). 0,4-0,7	750-850	Кратковрем.	3, 10
34	Мш-09 М16/10	3	Смектит-карбонатный. 18%	Микроклин. 0,01-0,05	1) Дробленые биогенные карбонаты (60%). 0,42-1,2 2) Песок (10%). 0,4-0,7	750-850	Кратковрем.	3, 12
35	Мш-09 Л16/10	3	Смектит-карбонатный. 10%	Микроклин. Включения гематита. 0,01-0,05	1) Дробленые биогенные карбонаты (45%). 0,42-1,2 2) Песок (10%). 0,4-0,7	750-850	Кратковрем.	3, 4
36	Мш-09 М11/10	3	Смектит-карбонатный. 10%	Микроклин. Включения гематита. 0,01-0,05	1) Дробленые биогенные карбонаты (45%). 0,42-1,2 2) Песок (10%). 0,4-0,7	750-850	Долговрем.	3, 9
37	Мш-64 Б1/20	3	Смектит-карбонатный. 10%	Микроклин. Включения гематита. 0,01-0,05	1) Дробленые биогенные карбонаты (45%). 0,42-1,2 2) Песок (10%). 0,4-0,7	750-850	Долговрем.	3, 7
38	Мш-09 М16/10	3	Смектитовый. 3%	Микроклин. Включения гематита. 0,01-0,05	Дробленый кальцит (45%). 0,7-1,5	750-850	Кратковрем.	3, 11
39	Мш-09 Л16/10	3	Смектит-карбонатный. 10%	Микроклин. Включения гематита. 0,01-0,05	Дробленый кальцит (45%). 0,7-1,2	750-850	Кратковрем.	3, 6
40	Мш-09 Л11/8	3	Смектит-карбонатный. 10%	Микроклин. Включения гематитовых оолитов. 0,01-0,05	Дробленый кальцит (45%). 0,7-1,2	750-850	Долговрем.	3, 2
41	Мш-64 Б2/16	3	Смектитовый. 1%	Включения гематитовых оолитов. 0,01-0,05	Дробленый кальцит (45%). 0,7-1,2	750-850	Долговрем.	3, 5
42	Мш-64 Б1/19	3	Смектитовый. 1%	Включения гематитовых оолитов. 0,01-0,05	Дробленый кальцит (45%). 0,7-1,2	750-850	Кратковрем.	3, 8

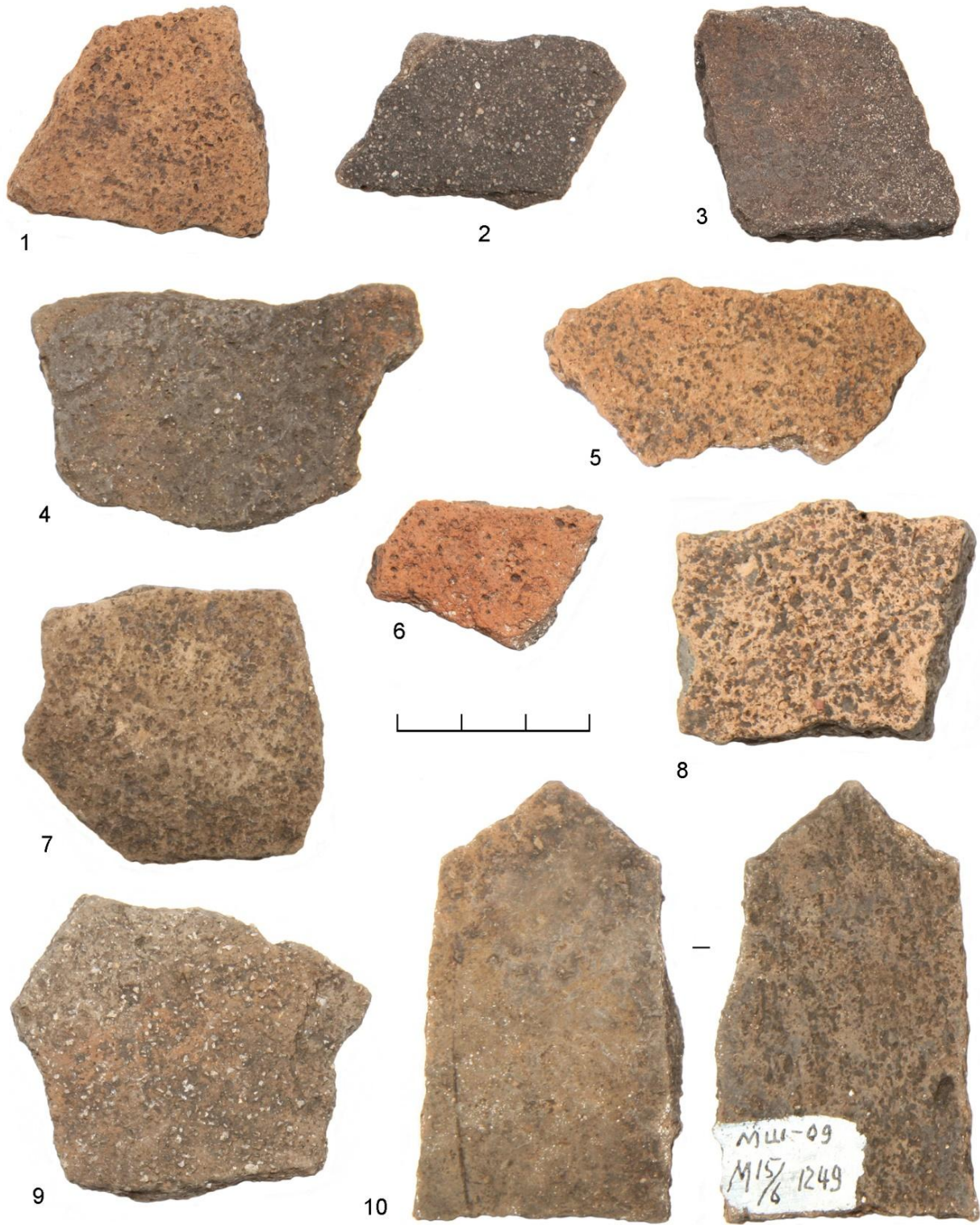

Рис. 1. Керамика верхней части отложений поселения Мешоко. Слой 1 и 2а.

Рис. 2. Керамика средней части отложений поселения Мешоко. Слой 2б.

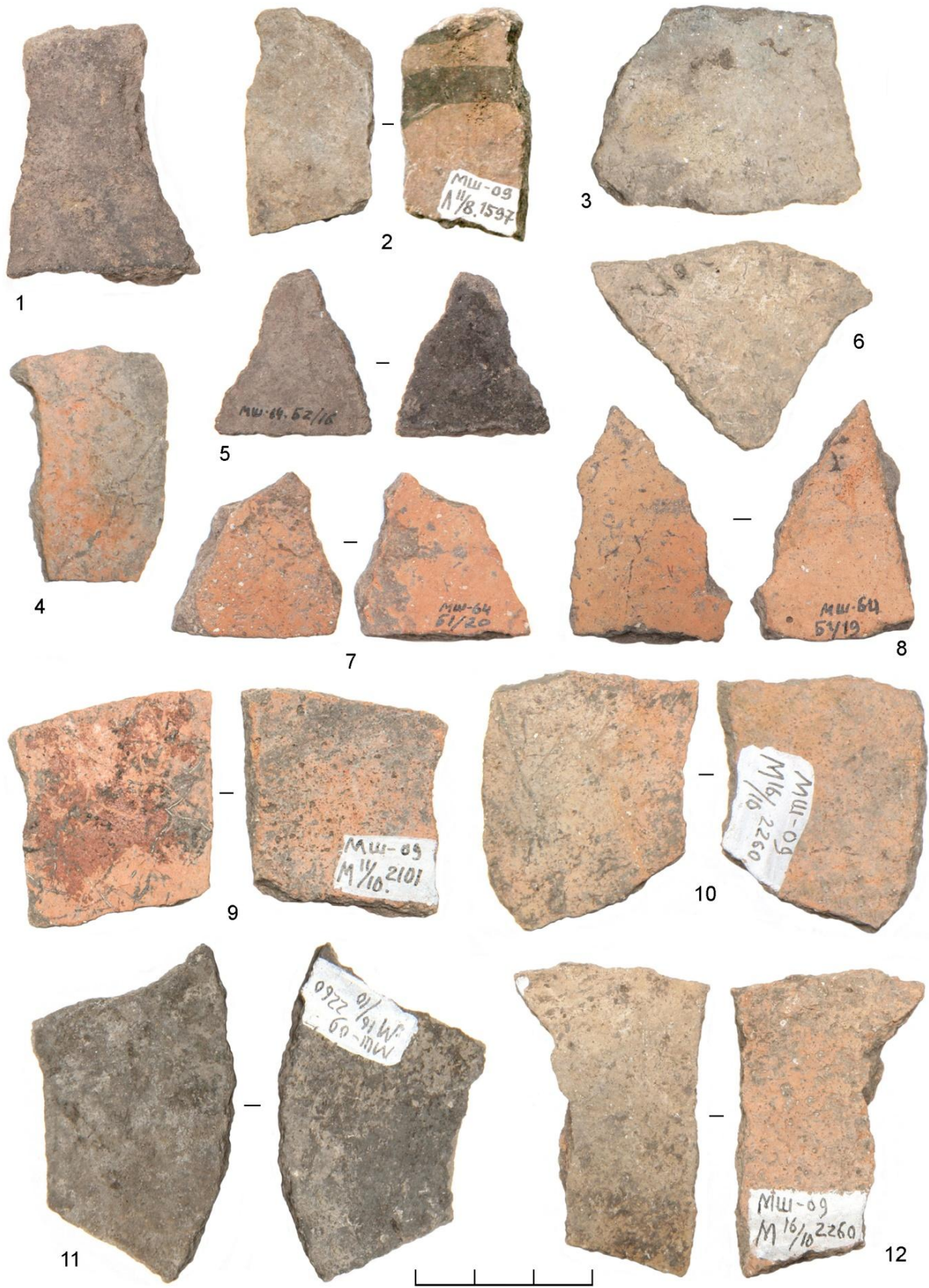
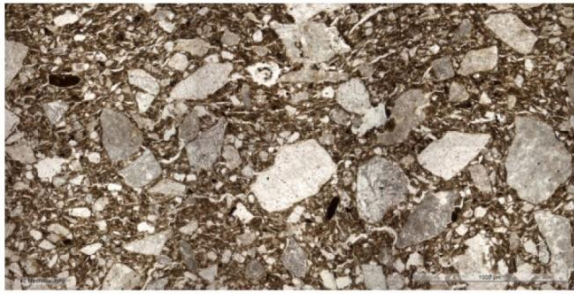
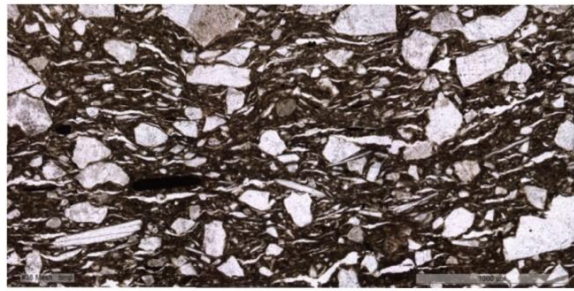
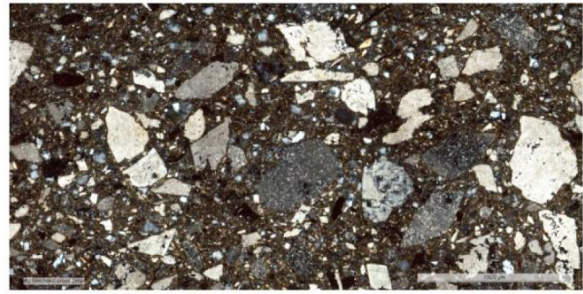

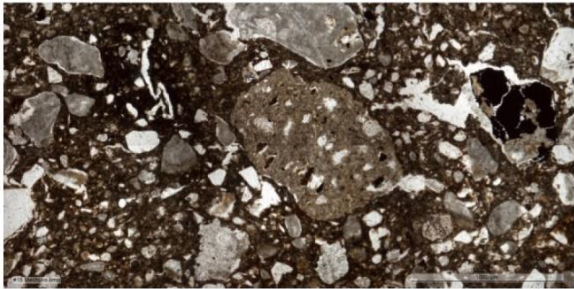
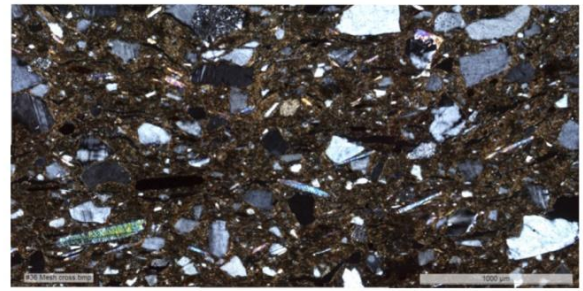
Рис. 3. Керамика нижней части отложений поселения Мешоко. Слой 3.

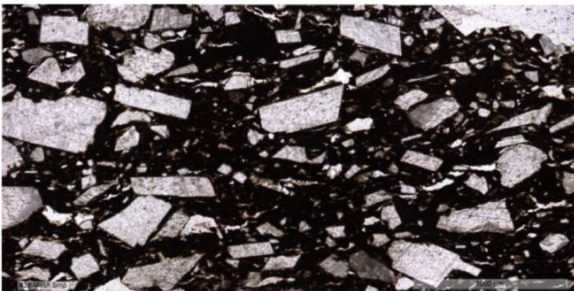
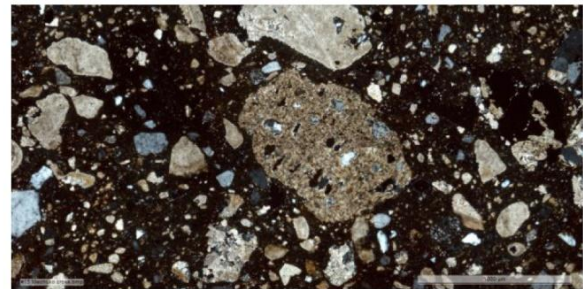
1)

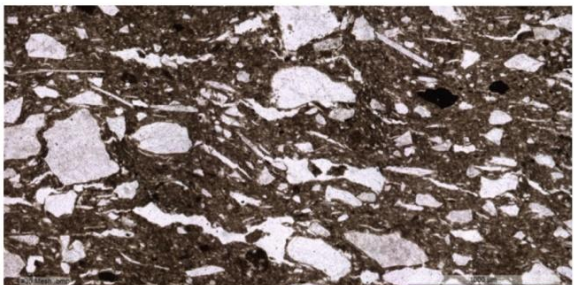
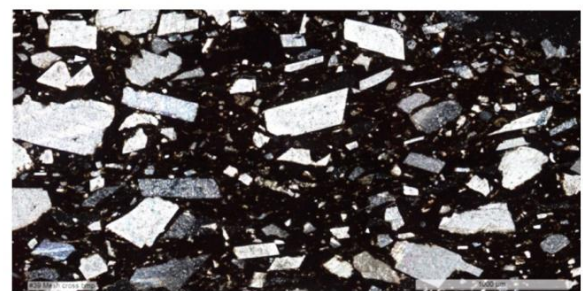
2)

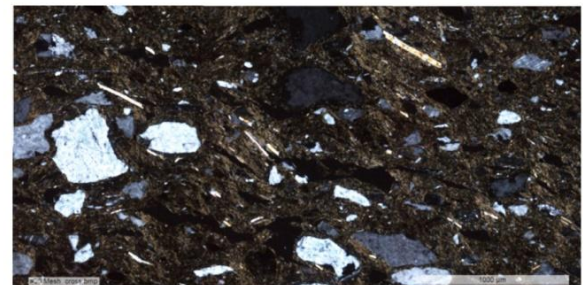
3)

4)

5) (без анализаторов, линейка 1000 мкм)

(в поляризованном свете, линейка 1000 мкм)

Рис. 4. Фото шлифов. 1 – образец №4, группа 1; 2 – образец № 23, группа 2; 3 – образец № 35, группа 3; 4 – образец № 41, группа 4; 5 – образец № 30, группа 5.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Бобринский 1978 – *Бобринский А.А.* Гончарство Восточной Европы. – М.: Наука, 1978. – 272 с.

Козинцев 2017 – *Козинцев А.Г.* Опыт обобщенной оценки культурной динамики на многослойных памятниках (по материалам энеолитических крепостей Закубанья) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2017. – Том 45. – № 1. – С. 62–75.

Осташинский 2012 – *Осташинский С.М.* Материалы раскопок 2007 г. на поселении Мешоко // Археологические вести. – 2012. – № 18. – С. 43–66.

Резепкин 2005 – *Резепкин А.Д.* Энеолитическое поселение Мешоко // Материалы и исследования по археологии Кубани. – Краснодар: [б.и.], 2005. Вып. 5. – С. 73–93.

Столяр, Формозов 2009 – *Столяр А.Д., Формозов А.А.* (ред.) Мешоко – древнейшая крепость Предкавказья. Отчеты Северокавказской археологической экспедиции 1958-1965 гг. / Ред.-сост. А.Д. Столяр, А.А. Формозов. – СПб.: Издательство Государственного Эрмитажа, 2009. – 249 с.

Формозов 1965 – *Формозов А.А.* Каменный век и энеолит Прикубанья. – М.: Наука, 1965. – 160 с.

REFERENCES

BOBRINSKIY A.A. *Goncharstvo Vostochnoj Evropy* [Pottery of Eastern Europe]. – М.: Nauka, 1978. – 272 p. (In Russian)

FORMOZOV A.A. *Kamennyj vek i eneolit Prikuban'ja* [Stone Age and Chalcolithic of the Kuban region]. – М.: Nauka, 1965. – 160 p. (In Russian)

KOZINTSEV A.G. *Opyt obobshchennoi otsenki kul'turnoi dinamiki na mnogoslainykh pamyatnikakh (po materialam eneoliticheskikh krepostei Zakuban'ya)* [The experience of a generalized assessment of cultural dynamics on multilayer monuments (based on materials of the Eneolithic fortresses of the Trans-Kuban region)]. IN: *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii.* – 2017. – Vol. 45. – No. 1. – P. 58–71. (In Russian)

OSTASHINSKIY S.M. *Materialy raskopok 2007 g. na poselenii Meshoko* [Excavation materials of 2007 at the Settlement-Site of Meshoko]. IN: *Arkheologicheskie vesti.* – 2012. – No. 18. – P. 43–66. (In Russian)

REZEPKIN A.D. *Eneoliticheskoe poselenie Meshoko* [Eneolithic settlement of Meshoko]. IN: *Materialy i issledovaniya po arkheologii Kubani* [Materials and research on archeology of the Kuban]. – Krasnodar: [w.p.], 2005. Iss. 5. – P. 73–93. (In Russian)

STOLYAR A.D., FORMOZOV A.A. (eds.) *Meshoko – drevneishaya krepost' Predkavkaz'ya. Otchety Severokavkazskoi arkheologicheskoi ekspeditsii 1958-1965 gg. / Red.-sost. A.D. Stolyar, A.A. Formozov* [Meshoko – the most ancient fortress of Ciscaucasia. Reports of the North Caucasus Archaeological Expedition 1958-1965. Ed. by A.D. Stolyar, A.A. Formozov]. – SPb.: Izdatel'stvo Gosudarstvennogo Ermitazha, 2009. – 249 p. (In Russian)

ИСТОРИЯ, ЭТНОЛОГИЯ И АРХЕОЛОГИЯ**Средневековая и новая история**

УДК 930.8 (471.6)

DOI 10.31143/2542-212X-2021-1-26-66

**ИНСТИТУТ ВЫЕЗДА НА СЛУЖБУ И ВОЕННОЕ ОТХОДНИЧЕСТВО
КАК ЧАСТЬ ВОЕННОЙ КУЛЬТУРЫ ЧЕРКЕСОВ****А.С. МИРЗОЕВ**

*Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук»
360000, КБР, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18
E-mail: marzeibach@mail.ru*

Аннотация. В статье исследуются традиционные институты военной культуры черкесов – военное отходничество и выезд на службу. Выезд на службу являлся частью универсальной системы пополнения правящего класса феодальных держав Европы и Азии, в которую издавна и глубоко была интегрирована черкесская аристократия. Этому благоприятствовала заслуженная репутация в военной сфере, высокоэффективная и совершенная система воинского воспитания, а также культивирование рыцарской идеи и таких ее составляющих как верность сюзерену, благородство, аристократический этикет «уэркъ хабзэ». Выезд на службу был сугубо феодальным институтом, с соответствующим оформлением в рамках вассально-сюзеренных договорных отношений. Выезд на службу был характерен для высших слоев черкесской аристократии, для всех остальных сословий черкесского общества было характерно военное отходничество (наемничество). Последнее не предполагало заключения договорных отношений, установления вассально-сюзеренных отношений и обязательной инкорпорации в состав правящего класса принимающих стран. Выезд на службу и военное отходничество входили в систему основных и наиболее характерных институтов военной культуры черкесов. Эти институты на протяжении длительного времени играли значительную роль в жизни черкесского общества, и их изучение имеет не только научно-познавательное, но и практическое значение. Исследование институтов военной культуры может способствовать пониманию историко-политических и социально-экономических процессов, происходивших на Центральном и Северо-Западном Кавказе в период с Позднего Средневековья по Новое время.

Ключевые слова: Центральный и Северо-Западный Кавказ; XVI-XVIII вв.; черкесы; военная культура; традиционные институты; военное отходничество; институт выезда на службу; аристократические элиты; матримониальные связи.

INSTITUTION OF DEPARTURE FOR SERVICE AND MERCENARY PRACTICES AS A PART OF THE MILITARY CULTURE OF CIRCASSIANS

A.S. MIRZOEV

*Institute for Humanitarian studies – branch of the FSBSE «Federal Scientific Center 'Kabardin-Balkar Scientific Center of the Russian Academy of Sciences'»
360000, KBR, Nalchik, Pushkin st., 18
E-mail: marzeibach@mail.ru*

Abstract. The article examines the traditional institutions of military culture of the Circassians – military departure and departure for service. Departure for service was part of the universal system of replenishment of the ruling class of the feudal powers of Europe and Asia, into which the Circassian aristocracy had long been deeply integrated. This was favored by a well-deserved reputation in the military sphere, a highly effective and perfect system of military education, as well as the cultivation of the knightly idea and its components such as loyalty to the suzerain, nobility, aristocratic etiquette "uerk khabze". Departure for service was a purely feudal institution, with the appropriate completion within the framework of vassal-suzerain contractual relations. Departure for service was characteristic of the upper strata of the Circassian aristocracy; for all other classes of Circassian society, military otkhodnik (mercenary) was characteristic. The latter did not imply the conclusion of contractual relations, the establishment of vassal-suzerain relations and correspondingly – incorporation into the ruling class of the host countries. Departure for service and mercenary practices were among the basic and most characteristic institutions of the military culture of the Circassians. For a long time these institutions have played a significant role in the life of Circassian society, and their study has not only scientific and educational, but also practical value. The study of the institutions of military culture can contribute to the understanding of the historical-political and socio-economic processes that took place in the Central and Northwestern Caucasus during the Late Medieval and Early Modern Times.

Keywords: Central and Northwestern Caucasus; 16-18th centuries; Circassians; military culture; traditional institutions; mercenary practices; departure for service; aristocratic elites; matrimonial ties.

Введение

Военную культуру правомерно выделить как особую подсистему в рамках традиционной культуры черкесов. Это понятие включает в себя такие составляющие как военный быт, комплекс представлений о войне (культура войны), традиционные общественные институты (наездничество, атальчество, выезд на службу, военное отходничество), различные аспекты военного искусства, вооружение и амуниция воинов, одежда, походная пища и некоторые другие.

Военная культура в целом и входящие в нее институты военной культуры, являются сквозной темой истории народов Кавказа, будучи актуальными для их самосохранения и выживания в сложных геополитических условиях в период Средневековья и Нового времени.

Исследование данной темы имеет, по нашему мнению, большое значение для понимания историко-политических и социально-экономических процессов,

происходивших в это время на Центральном и Северо-Западном Кавказе. Традиционная предрасположенность к военной деятельности кавказцев вообще, и черкесов в частности, сыграли и продолжали играть до недавнего времени значительную роль в жизни черкесской зарубежной диаспоры.

Причины, корни такого явления, как традиционная предрасположенность адыгов к военной деятельности, которая наблюдалась до недавнего времени среди черкесской диаспоры в странах Ближнего и Среднего Востока, можно найти при изучении традиционных институтов военной культуры черкесов.

Несомненно, специфические комплексы духовных представлений, способствовавшие развитию характерной для северо-кавказских этносов воинственности, продолжают сохраняться и ныне в психологии этих народов. Анализ общественных институтов и порождаемых ими этнических концепций и систем воспитания, способствующих развитию воинственности, могут дать много для понимания исторического прошлого северо-кавказских народов. Совокупность ценностных ориентиров, ментальных установок, морально-психологических качеств как часть военной культуры черкесов формировались столетиями и до сих пор продолжают сохраняться в психологии этого и других народов Кавказа. Изучение механизмов их воспитания и стереотипов поведения способствуют пониманию не только исторического прошлого северокавказских народов, но и современных социально-политических проблем, имеющих место в этом регионе.

Несмотря на семьдесят лет советской власти и проводившуюся ею политику модернизации, традиционные общества, каковыми были народы Центрального и Северо-Западного Кавказа до того как они попали в геополитическое пространство сначала Российской империи, а затем Советского Союза, и сегодня не являются в полной мере современными модернизированными сообществами. Традиционные менталитет, традиции, идеальные установки продолжают играть значительную роль в их социальной жизни.

В войнах, в том числе и современных, продолжают иметь большое значение моральные и духовные качества народов участвующих в них. Традиционные общества, несмотря на их технологическую отсталость в военной сфере, имеют то преимущество перед модернизированными, что милитаризованность их социальных отношений порождает лучший человеческий материал для армии и военной сферы. Демилитаризация социальных отношений в модернизированных обществах, с преобладанием современного городского населения приводит к сложностям в деле формирования эффективных вооруженных сил, связанных с характерным нежеланием нести военную службу и нести военные потери [Ливен 2019: 257]. Другим фактором дающим преимущество традиционным обществам в военной сфере перед современными модернизированными социумами, является коллективистские ценности и идеалы в противовес крайнему индивидуализму и гуманизму (приоритету прав человека), лежащим в основе либерально-демократической идеологии. Нежелание жителей государств с современными индивидуалистическими обществами рисковать жизнью за свою страну

компенсируется созданием высоко оплачиваемых профессиональных армий, некоторым отгорожением ее от общества и значительной части его культуры, чтобы вдохновить своих людей культурой и набором лояльностей, порожденных изнутри самой военной среды [Ливен 2019: 277]. «Классическим примером армии, имеющим собственную культуру, – считает А. Ливен, – является британская армия, где носителями лояльности и морали главным образом выступает своеобразный клан – полк с его корнями и традициями, насчитывающими сотни лет» [Ливен 2019: 278].

Касательно темы нашего исследования, говоря о глубоких воинских традициях народов Северного Кавказа, наличии у них в прошлом развитых институтов военной культуры, следует отметить, что ментальные, идейные основы, связанные с этим актуальны и сегодня в сознании представителей этих народов. Они могли бы найти свою реализацию в создании отдельных элитных воинских подразделений в составе российской армии, как это было предложено ведущим российским ученым в области этнологии, кавказоведом С.А. Арутюновым в одном из своих телеинтервью¹. Конечно, при этом пришлось бы учитывать особенности менталитета и традиций этих народов при формировании таких воинских подразделений. Подобный удачный опыт имел место в Российской империи во время Первой мировой войны, когда из представителей народов Кавказа была сформирована так называемая «Дикая дивизия». В этом уникальном воинском подразделении, включенном в состав российской регулярной армии, учитывались и использовались традиции и обычаи кавказских народов и, как результат, оно проявило себя как самое боеспособное подразделение российской армии. Горцы Северного Кавказа и в целом Кавказская конная дивизия проявили себя не только как храбрые и умелые воины, но и как самое дисциплинированное подразделение российской армии. Когда началась революционная смута, целые подразделения, в том числе и гвардейские, выходили из подчинения верховного командования, участились случаи неподчинения солдат своим офицерам и даже их убийств. «Дикая дивизия» в таких условиях осталась одной из немногих частей российской армии, сохранивших верность присяге, чувству долга, воинской чести [Опрышко 1999: 50–51].

В Новейшей истории в качестве примера можно также привести элитное гвардейское подразделение главы Хашемитского иорданского королевства, состоящее исключительно из черкесов, а также элитное подразделение британской армии – Королевские гуркхские стрелки (англ. The Royal Gurkha Rifles, сокращённо RGR) – британский стрелковый полк, состоящий из гуркхов – этнических непальцев. Королевские гуркхские стрелки считаются элитным подразделением британской армии, и по статусу находятся ниже Парашютного полка Великобритании и выше британских Стрелков. Им, как и черкесским

¹ Проблемы Кавказа. Обсуждение с Сергеем Арутюновым, зав. отделом Кавказа Института этнологии и антропологии РАН. 03.03.2010 // Канал на платформе YouTube – finamfm (ГолосИслама.RU – Информационно-дискуссионный портал). URL: <https://youtu.be/6ggAlsbjxDs> (дата обращения: 12.12.2020).

гвардейцам, охраняющим королевскую резиденцию в Аммане, доверяют нести службу в Букингемском дворце.

Есть мнение, что гвардейские части и спецподразделения в силу своей малочисленности не могут играть большой роли в широкомасштабных войнах. Но их значение определяется не численностью, а высокими боевыми и моральными качествами. От их преданности и профессионализма зачастую зависит безопасность не только первых лиц государства, но и судьбы целых династий и государств. В качестве примера можно привести события «Черного Сентября» 1970 г. в Иордании, когда боевики Организации освобождения Палестины (ООП) подняли вооруженное восстание с целью уничтожения королевской династии и создания на территории Иордании палестинского государства. Черкесская гвардия, не смотря на свою малочисленность, как и вся черкесская община Иордании, сыграли важную роль в спасении жизни короля Хусейна и самой хашимитской королевской династии. В этих событиях черкесская гвардия короля оправдала свою репутацию профессионального, преданного долгу и боеспособного воинского подразделения. 7-го июня на короля Хусейна было совершено второе покушение, когда он направлялся в Амман из своего загородного дворца Рагдан. Поскольку 15-километровый участок дороги шел через контролируемый палестинцами район, его сопровождала колонна броневиков и 60 черкесских гвардейцев. На перекрестке у Сувейлиха, пригорода Аммана, колонна была подвергнута массированному обстрелу из гранатометов, пулеметов и автоматов. В этом бою погибло более 40 военнослужащих черкесской гвардии, включая водителя Короля. Оставшиеся в живых охранники спасли Хусейна и отвезли его в Амман¹.

Во время боев в Аммане особенно успешно действовал в запутанных переулках лагерей палестинских беженцев сформированный в 1969 г., на пике противостояния с палестинскими террористами, батальон специального назначения (БСН) Иордании личный состав которого полностью был укомплектован из черкесов и чеченцев под командой офицеров общественной безопасности. Это был прообраз знаменитой в будущем 101-й части специального назначения. Батальон успел хорошо зарекомендовать себя во время операции по освобождению иностранных заложников, захваченных боевиками Народного фронта освобождения Палестины (НФОП) в гостинице «Интерконтиненталь» в июне 1970 г.². И по сей день в гвардии короля, охраняющим его резиденцию служат исключительно черкесы из лучших семей с очень тщательным отбором по ряду качеств. Помимо высокой военной подготовки, которую они получают в элитных спецподразделениях за рубежом и в самой иорданской армии, от них требуется знание и приверженность букве

¹ Т1эшьюкьюэ, Евгений. Черкесы. Иордания. Черный Сентябрь 1970 года. Часть 1. 29.03.2012 // Международная черкесская ассоциация: сайт. URL: <http://intercircass.org/?p=1405> (дата обращения: 12.12.2020).

² Т1эшьюкьюэ, Евгений. Черкесы. Иордания. Черный Сентябрь 1970 года. Часть 2. 30.03.2012 // Международная черкесская ассоциация: сайт. URL: <http://intercircass.org/?p=1437> (дата обращения: 12.12.2020).

и духу черкесского этикета «адыгэ хабзэ»), рекомендовано владение черкесским языком.

Когда мы говорим о воинских традициях и менталитете представителей традиционных обществ, мы не утверждаем, что военная организация этих обществ эффективней военной организации модернизированных обществ с их современными технологиями вооружений, связи и управления. Тем не менее, многие государства в наше время не пренебрегают, а используют человеческий материал, сформированный в традиционных обществах при создании различных специальных подразделений для армии и военной службы. Как считает большинство военных специалистов при любом развитии военных технологий качество личного состава воинских подразделений всегда будет актуальным, всегда будут возникать ситуации, когда определенные военные задачи могут решить только солдаты с соответствующими военными навыками, моральными и волевыми качествами. В определенных условиях не всегда возможно использование современной техники и технологий, или же их применение носит ограниченный характер. При необходимости можно привести множество примеров на эту тему из истории военных конфликтов последнего времени, мы же пока ограничимся констатацией данного факта, признаваемого большинством военных специалистов.

В современной России поддержание местных воинских традиций и воспитания стимулируется и финансируется государством только по отношению к казачеству.

Что касается историографии данной темы, то надо заметить, что ни в дореволюционной этнографической литературе, ни позже в советский период военная культура черкесов не стала объектом специального комплексного исследования.

Хотя специальных комплексных исследований по проблеме военной культуры черкесов нет, есть много работ, изучающих некоторые вопросы, прямо или косвенно связанные с этой темой. По теме института выезда на службу большой материал содержится в монографии Е.Н. Кушевой, написанной на основе изучения широкого круга архивных источников второй половины XVI – первой четверти XVII вв. [Кушева 1963]. Этот институт дают возможность изучить именно русские источники, так как состояние и характер источников по другим странам (Османская империя, Персия, Крымское ханство, Кахетинское и Имеретинское царства и др.) не позволяют исследователям понять характер присутствия на военной и государственной службе черкесов в этих странах. В них зачастую отмечается сам факт их включенности в военно-административную систему этих государств, но условия их нахождения на службе, будь то военное отходничество (наем) или феодальный институт выезда на службу, не оговариваются.

Вопросы функционирования институтов выезда на службу, военного отходничества, военного рабства затрагивались в работах В.Н. Сокурова [Сокуров 1999; Сокуров 2011; Сокуров 2017], К.Ф. Дзамихова [Дзамихов 2008], С.Х. Хотко [Хотко 1999; Хотко 2017], А.В. Кушхабиева [Кушхабиев 1993;

Кушхабиев 1997], М. Крушинского [Крушинский 2002], Б. Барановского [Барановский 1979], А.В. Казакова [Казаков 2006; Казаков 2017].

Из работ современных авторов можно отметить вышедшую в Майкопе в 2019 г. коллективную монографию Э. Шеуджен и С. Хотко, в которой история черкесов освещается сквозь призму военно-исторической антропологии – новой отрасли российской исторической науки начавшейся разрабатываться в первых годах XXI столетия [Шеуджен, Хотко 2019].

Настоящая статья ставит предметом исследования институт выезда на службу и военное отходничество, как часть военной культуры черкесов и связанные с ними социальные явления в их динамике, с учетом их трансформации в ходе исторического развития. Географические границы исследования носят условный, этнически ориентированный характер и включают пространство Северо-Западного и Центрального Кавказа. Наряду с основным ареалом распространения черкесской военной культуры на Центральном и Северо-Западном Кавказе в статье рассматриваются вопросы присутствия черкесского военного компонента в Османской и Российской империях и др. государствах.

Хронологические рамки исследования определены периодом: Позднее Средневековье – Новое время. Выбор этого отрезка времени был обусловлен следующими соображениями:

– нижняя граница хронологических рамок начинается Поздним Средневековьем, так как касательно этого периода имеются первые, документально подтвержденные источниками прецеденты вовлеченности черкесов в военную сферу соседних государств через институт выезда на службу. Под Поздним Средневековьем в масштабах черкесской истории, учитывая замедленность протекания у народов Северного Кавказа социально-политических процессов, мы подразумеваем период с XV до начала XVIII века.

– феодальный институт выезда на службу верхними хронологическими рамками своего существования имеет первую половину XVIII в. Верхняя граница хронологических рамок определена тем, что в 1720-х гг. имел место один из последних прецедентов выезда на службу в Российскую империю на договорных началах на основе феодального права в лице кабардинского князя Эльмурзы Бековича-Черкасского.

– Верхняя граница хронологических рамок института военного отходничества (наемничества) обозначена периодом Нового времени, так как оно имело место вплоть до последних дней независимого существования Черкесии и даже позже.

Реализация обозначенной цели исследования предполагает выполнение следующих исследовательских задач:

– провести дифференциацию института выезда на службу и института военного отходничества. Появление черкесов на военной службе других стран помимо выезда на службу и военного отходничества было связано также с такими явлениями как военная эмиграция и военное рабство. Но последние два явления не являются объектом изучения нашей статьи.

– показать характер и масштаб политических, военных, культурных и демографических контактов Черкесии со странами Восточной Европы, Закавказья и Ближнего Востока в рамках института выезда на службу и военного отходничества;

– показать какое значение имели институты военного отходничества и выезда на службу в налаженной черкесами эффективной системе военной подготовки.

Функционирование (причины, социальный состав, условия бытования) институтов выезда на службу и наемничества (военного отходничества)

Выезд на службу, наряду с системой военного рабства и наемничеством являлся универсальным институтом пополнения правящего класса феодальных держав Европы и Азии и их армий. В средние века выезды на королевскую службу (comitat) с правом и без права отъезда были характерным явлением в жизни многих стран и народов. Черкесские князья и дворяне были широко вовлечены в этот процесс. Традиция выезда на службу и военного отходничества к правителям Золотой Орды, Египта, Османской империи, Крымского ханства, Речи Посполитой, России, Персии и Грузии сложилась у черкесов издавна. Причин для этого было много: военно-аристократический образ жизни, целиком посвященный воспитанию и реализации воинского духа, неразвитость государственных институтов, феодальные междоусобицы, внутри сословная конкуренция, ограниченность собственных материальных ресурсов и перспектив социального роста [Сокуров 1999: 97–98].

Выезд на службу и военное отходничество были направлены в более развитые в социально-политическом отношении и богатые страны, где было больше возможностей для самореализации и достижения высокого социального статуса и положения. Черкесы легко вписывались в структуру соседних государств и выполняли в основном военно-командные функции. Правители охотно привлекали их на службу, высоко ценя их военный профессионализм, аристократическое воспитание и личную преданность. Последнее качество часто превращало черкесов в «гвардейскую касту», обслуживающую дворы властителей Европы, Северной Африки и Ближнего Востока. По настоящее время охрану иорданских королей осуществляет черкесская гвардия [Сокуров 1999: 98].

Во всех феодальных государствах, как правило, дворянство было интернациональным по своему составу и происхождению. В состав служилого сословия вовлекались пассионарии как местных, так и соседних народов, готовые предложить свои услуги высшей аристократии. Сами черкесские князья поощряли прием таких переселенцев, называемых «хэхэс». Больше всех поощряли переселение из Чечни, Осетии, Дагестана и других мест в Кабарду и прием их на службу кабардинские князья. Убежище предоставлялось вне зависимости от происхождения – царского, княжеского, дворянского или крестьянского. В Кабарде были особые правила приема переселенцев. Представители зависимого крестьянства пополняли соответствующие сословия,

свободные общинники в зависимости от личных качеств – ряды служилого дворянства (беслен-уорки и уорки-шаотлегуса) и телохранителей (пшичеу). При переселении в Кабарду представителей феодальной знати соседних народов их опускали на ступень ниже той, которую они занимали у себя на родине. Потомки крымских ханов пополняли сословие хануко, т.н. горские князья (ногайские мурзы, балкарские таубии, тагаурские алдары, абазинские аха, карачаевские бии, дигорские баделяты и др.) сословие уорков-дыжинуго, но не выше. Чаще всего же они становились беслен-уорками – княжескими служилыми дворянами.

Сами же черкесы издавна и глубоко были интегрированы в подобную систему за пределами Кавказа. Этому благоприятствовала заслуженная репутация в военной сфере – не только по причине их общепризнанной храбрости, но и в силу высокоэффективной и совершенной системы воинского воспитания, а также культивирования рыцарской идеи и таких ее составляющих как верность сюзерену, благородство, аристократический этикет «уэркъ хабзэ». Все это в случае выезда гарантировало черкесам быстрое продвижение по службе, как на военной, так и при совершении политической и административной карьеры при дворах иноземных государей.

Выезду черкесов способствовала не только их востребованность за границей, но и целый ряд внутренних причин. Многие покидали Черкессию в надежде обрести большие возможности для самореализации, чем на родине, где социальный статус человека определялся при рождении и, как правило, оставался неизменным на протяжении всей жизни. Высшие сословия феодальной Черкесии (пши, тлекотлеш) носили замкнутый, закрытый характер. Незрелость государственных институтов и военизированный характер черкесской культуры препятствовали совершению иной, кроме военной, карьеры.

Выезд на службу представителей княжеского сословия был обусловлен тем, что не все из них могли рассчитывать на получение владельческих прав и полноценную реализацию княжеского статуса. Авторитет, влияние князя определялись количеством подвластного населения и прежде всего личных дворян. Черкесские феодальные политии (Кабарда, Бесленей, Темиргой, Бжедугия и др.) делились на уделы, во главе которых стояли удельные князья. Они вместе со своими родными братьями – владельцами деревень с подвластными крестьянами и дворянами осуществляли военно-политическое, хозяйственно-экономическое руководство уделом. После смерти удельного князя власть передавалась старшему по возрасту брату, а в случае его отсутствия старшему сыну [Кушева 1963: 113–114]. Имущество движимое и недвижимое, деревни, крестьяне, личные дворяне умершего князя делились между сыновьями. Князь мог считаться полноценным князем только тогда, когда у него были свои подвластные села, с подданными – крестьянами и служащими им лично дворянами. Если в княжеской семье было много сыновей, то такой раздел вел к чрезвычайному дроблению удела, к внутренним конфликтам и ослаблению удела. Хроники феодальных войн в Кабарде свидетельствуют, что очень часто они начинались с целью забрать у более

слабых соперников их «кабаки» (села) вместе со всеми подданными – крепостными крестьянами и уорками. Политические позиции князей зависели от мобилизационного ресурса их уделов. В период средневековья, до широкого распространения огнестрельного оружия, основу их военной мощи составляла дворянская панцирная конница. Высокая боеспособность этой кавалерии обуславливалась их узкой военной специализацией, отстраненностью от производительного труда за счет эксплуатации зависимых крестьянских сословий, а также владением очень дорогим и высокого качества наступательным и, что особенно важно, оборонительным вооружением в виде кольчужного доспеха. При приеме на службу князя должны были в качестве обязательного компонента «уэркъ-тын» (дворянского подарка) предоставлять поступающим на службу несколько семей крепостных крестьян и кольчугу. Крестьяне должны были своим трудом содержать дворянские семьи, которые в свою очередь в случае военной мобилизации по призыву князя должны были выставлять от одного до трех своих взрослых членов в полном вооружении. Сами кольчуги были очень дороги и стоили несколько семей крепостных крестьян. В XVII в. каждый кабардинский кабак (в среднем 100 дворов) мог выставить около 20 таких профессиональных воинов. Споры за владение этими кабаками и подвластными возникали даже внутри удела между членами одной княжеской патронимии. Так в первой четверти XVII в. между различными ветвями княжеского дома Идаровых возник спор за наследство убитого в 1635 г. последнего представителя Идаровых из линии Темрюковичей – Клыч Саусланова [КРО 1957: 384–385]. Речь шла о феодальном владении из одиннадцати селений с мобилизационным ресурсом 250 уорков. Основными претендентами на наследство выступили две княжеские семьи Идаровых по линии Желегота Идарова (братья Будачей, Шолох, Алегуко Сунчалеевичи) и Келемет Куденетов из патронимии Камбулатовых [Кожев 2019: 115–130]. В итоге спор между двумя ветвями рода Идаровых за выморочное наследство своего родственника привел к битве на р. Малка 12 июля 1641 г. с привлечением военных ресурсов практически всех уделов Кабарды, дагестанских владетелей, ногайцев и русских стрельцов. Единственной боевой силой в междоусобных столкновениях той эпохи, – отмечает З.А. Кожев, – выступало профессиональное доспешное конное войско, формировавшееся военно-служилым сословием черкесских дворян-уорков. И в этом крупнейшем сражении в истории Кабарды, в котором с обеих сторон приняло свыше семи тысяч воинов, они сыграли решающую роль [Кожев 2019: 134–135, 122, 127].

Для того чтобы владеть своими личными дворянами, содержать дворянское ополчение, выполнять свои сюзеренные и патронажные обязательства князьям необходимо было иметь достаточное количество людских и экономических ресурсов. Эти ресурсы были ограничены, поэтому в княжеских семьях, где было много сыновей, часть их отправляли на службу в соседние государства. Без собственных крестьян и дворян их княжеский статус был неполноценен, а столько дворян и крестьян на всех молодых князей не хватало. Слабая экономика, натуральное хозяйство, отсутствие сильных государственных институтов с развитым государственным, военным,

административно-бюрократическим аппаратом не давали возможности для их самореализации внутри страны. Зато эти молодые люди из аристократических семей были востребованы в соседних государствах для пополнения военно-управленческого класса. Поэтому по взаимному согласию членов семьи выбирали обычно младших братьев для выезда на службу.

Острое соперничество ведущих княжеских родов за верховную власть в стране, получить которую было трудно без поддержки извне, приводило к поиску внешних сил и привлечения их ресурсов для использования во внутривнутриполитической борьбе. Заключение таких союзов со стороны черкесских владетелей обычно подкреплялось династическими браками с монархами союзных государств и отправкой к ним на службу своих сыновей. Служба последних при их дворах должна была служить залогом верности заключенным договорам и принятым на себя обязательствам. В этом отношении выезжие черкесские княжичи являлись в определенной степени заложниками и гарантами таких политических альянсов.

Имели место и выезды под давлением обстоятельств. Потерпевшие поражение в междоусобной борьбе князья, чтобы избежать истребления бежали в соседние государства, находили приют и покровительство у их правителей. Даже если они и возвращались на родину с иноземными армиями, с помощью которых возвращали свои уделы и подвластных, их сыновья и младшие братья могли остаться служить при дворе их покровителей и союзников.

Кровная месть и угроза истребления со стороны более сильных родов служила также причиной переезда в соседние страны дворянских семей. Так, например, согласно фольклорной версии, кабардинский дворянин Худаберд Азапшев, ставший жертвой оговора и угрозы истребления со стороны княжеской фамилии Таусултановых, вынужден был покинуть родину и какое-то время прожил в Крыму [Народные... 1986: 363].

Отъезжающими двигали честолюбие, стремление к славе, желание проявить себя на военном и административном поприще в других странах. Этому способствовали природный ум, любознательность, энергия, смелость, аристократическое воспитание. Выезд за пределы Черкесии для дворян был облегчен правом свободного отъезда (пщыхъуэж) и практической возможностью расторжения феодального договора с сюзеренами [Кушева 1963: 111–112]. Неограниченная свобода передвижения «вольных земледельцев» (крестьян-тфокотлей) демократических политий Западного Кавказа также способствовали широкому распространению в их среде военного отходничества.

Кооптация выезжавших на службу черкесских аристократов в состав правящей элиты России, Польши, Турции, Персии и др. государств облегчалась еще и тем, что до конца XVII века основная масса черкесского населения оставалась языческой с элементами христианства и мусульманства. У мигрантов не было какого-либо религиозного барьера, и они быстро адаптировались в любой конфессиональной среде. Те, кто служил султану и крымскому хану, становились мусульманами, тогда как те, кто служил русскому царю, принимали православие [Лемерсье-Кельеже 2009: 277].

Религиозная индифферентность и приоритет сословных ценностей и понятий были в целом характерны для черкесской аристократии. Когда турецкий сераскер в Анапе Хасан-паша (чеченец по происхождению) упрекнул черкесского князя Аходягоко в том, что тот «служит неверным и проливает кровь мусульман», Аходягоко, нисколько не смутившись, ответил: «Да! Я служу русским потому, что они покровительствуют мне; сражаюсь с врагами русских, для них убиваю и мусульман, не щажу и себя – я дал слово все это делать и не перестану делать, пока останусь под их покровительством. То же самое буду делать и для падишаха, если ты призовешь меня на его службу. Но не хочу обманывать: если мне не будешь оказывать приличествующего мне уважения, если не будешь меня ценить, как этого я заслуживаю, то не буду ни служить, ни повиноваться. Ни для кого не намерен я унижать себя, не стану ни за что наравне с теми, которые уступают мне в достоинствах» [Хан Гирей 1974: 312–313].

Появлению черкесов на службе у государей России, Османской империи, Крымского ханства, Персии, грузинских царств и других стран способствовало установление с ними брачных связей черкесских князей, выдававших за них своих дочерей. В соответствии с черкесскими традициями невесту при отправлении в дом жениха должен был сопровождать член семьи или близкий родственник. После свадьбы он оставался жить в доме зятя в качестве гостя в течение года, пока она не освоится. Обычай этот назывался «жэмхэгъасэ¹» [Адыгэбзэ... 1999: 174]. Смысл обычая заключался в том, чтобы невеста, оторванная от родной среды, близких и родственников, попадая в чужую семью, могла легче адаптироваться. Для этого рядом с ней находился один из членов ее семьи или родственник. Особенно это было актуально, когда знатная черкешенка выходила замуж в отдаленные страны, чьей язык, обычаи, а иногда, и религия, были ей чужды. Для того чтобы изучить их нужно было время, а присутствие рядом брата и других близких людей с кем она могла говорить на родном ей языке и делиться своими проблемами, способствовало безболезненной адаптации и психологическому комфорту. Когда девушка выходила замуж в своей стране, к примеру, в Кабарде, Бесленее и других областях Черкесии, родственники, находившиеся с ней по обычаю «жэмхэгъасэ» через год могли вернуться домой. Во-первых, это была знакомая ей среда, родные обычаи и язык, во-вторых, у нее была возможность периодически приезжать в гости в родительский дом, а ее родственникам навещать ее в доме мужа. Когда же черкесская аристократка выходила замуж в Персию, Османскую империю или другую отдаленную страну, этот переезд означал, что фактически она навсегда прощается с родной семьей и страной. Обычно сопровождавшие ее родственники в таком случае оставались вместе с ней в этих странах, поступая на службу ко дворам монарших особ, чьими

¹ Когда телку первый раз выгоняют в стадо, обычно она с непривычки убегает домой. Чтобы этого не происходило, в течение недели каждое утро ее выгоняет кто-нибудь из членов семьи и, находясь рядом, не давая ей сбежать из стада. «Жэм» – корова, «хэгъасэ» – приучить, адаптировать.

родственниками они становились. Так, например, оказался в Москве брат кабардинской княжны Марии Темрюковны – Михаил (Салтанкул) Темрюкович Черкасский, а бесленевский князь Махошоко Каноков – в Стамбуле, где его сестра была замужем за султаном Сулейманом II Великолепным (1642–1691) [Сокуров 2011: 55]. При отъезде в другую страну вместе с братом черкесской княжны по обычаю выезжало некоторое количество его личных дворян со своими семьями. Также вместе с невестой могли переселиться семьи ее кормилицы (дэгызэ) и воспитателей (быфыкьуэдэ, быфыкьуэанэ) [Кушева 1963: 125]. Обязательно несколько служанок (унаут хьыджэбз) должны были сопровождать ее.

Матримониальные связи черкесских аристократов с царствующими домами соседних стран в точности отражают и географию выезда на службу представителей знатных черкесских семей. Это Россия, Османская империя, Крымское ханство, Персия и Грузинские (Картли, Кахети, Имеретия, Мингрелия) государства. Заключение подобных браков свидетельствовало о высоком социальном статусе черкесских князей, с одной стороны, а с другой эти браки носили политический характер, закрепляя политические союзы и альянсы. Можно привести примеры сохранившихся в исторических источниках подобных браков.

Обширные матримониальные связи с самыми знатными аристократическими домами имели кабардинские князья из рода Идаровых. Дочери Темрюко (Темиргоко) Идарова – Гошаней, Алтынчач и Малхуруб, были замужем соответственно за русским царем Иваном IV Грозным, астраханским царевичем Бекбулатом и Тинехматом – сыном правителя Большой Ногайской Орды Измаила [Налоева 2015b: 2]. Дочь младшего брата Темиргоко – Желегота Идарова, известная в русских источниках как «Айшефат Масалтан царица», была одной из жен крымского хана Девлет-Гирея I [НА ИГИ КБНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. 12. Л. 26]. Дочь Сунчалаея Канглычевича Идарова Увжухта замужем за персидским шахом Аббасом I [Налоева 2015b: 2]. Дочь Арсламбека Кайтукина была замужем за крымским ханом Арслан Гиреем [Налоева 2015b: 8]. Две дочери кабардинского князя Шолоха Тепсарукова были замужем за представителями правящего дома Крымского ханства (один из них царевич Мурат-Кирей). Когда русские терские воеводы требовали от него поменять его крымско-турецкую политическую ориентацию на русскую, он им отказал, ответив: «Как де мне от Крымского и Шевкальского и кумыков отстать? А в Крыму у меня две дочери и многой мой род и племя; а в Шевкалах и кумыках таково ж» [Белокуров 1888: 90]. В установлении династических, брачных связей с кабардинскими князьями были заинтересованы грузинские цари, бравшие в жены их дочерей. Отец кахетинского царя Александра II Леван (1504–1574) вторым браком был женат на сестре малокабардинского князя Алкаса Геляхстанова [Белокуров 1888: 166]. А дочь кабардинского тлекотлеша Хота Анзорова замужем за сыном Александра II Араклином [Белокуров 1888: 168]. Дочь малокабардинского князя из рода Мударовых Алимурзы Казиева была женой грузинского царя Вахтанга VI известная в грузинских источниках как царица Русудан [Налоева 2015b: 11]. Кабардинские княжны были замужем

за мегрельским владетельным князем Леваном III Дадиани и имеретинским царем Георгием II. Сам Леван III сватал за своего сына дочь видного кабардинского удельного князя XVII в. Алегуки Шогенукова, для чего посылал к нему для переговоров своего азнаура Тавея [Сукунов 1992: 82–83].

Несмотря на схожесть между военным отходничеством (наемничеством) и институтом выезда на службу, необходимо подчеркнуть различия, имевшие место между ними. Военное отходничество или наймничество, феномен имеющий место в том случае, когда лицо или группа лиц предлагает свои услуги правителям иностранных государств (охрана объектов, государственных границ, торговых караванов, коммуникаций, первых лиц государства, участие в вооруженных конфликтах на стороне нанимателя) за определенное материальное вознаграждение – жалованье. Оно, как правило, не предполагает высокого социального статуса наемников и их включение в состав правящей элиты принимающего государства. Для нанимателей было достаточно того, чтобы они хорошо владели воинскими навыками. Договор с наемниками, не предусматривал заключения и соответствующего оформления вассально-сюзеренных отношений, как это имело место, к примеру, в случае поступления на службу, черкесских аристократов к правителям соседних государств.

В отличие от военного отходничества (наема), выезд на службу был сугубо феодальным институтом, с соответствующим оформлением в рамках вассально-сюзеренных договорных отношений. Основное отличие института выезда на службу от военного отходничества (наемничества) было предоставление, помимо государственного жалованья, приезжим аристократам земельных владений с податным населением и включение их в правящий феодальный класс. Наемникам же выплачивалось только жалованье. Данное обстоятельство имело место и подтверждается источниками XVI–XVII вв. относительно черкесских князей выезжавших на службу к польским королям и русским царям [Крушинский 1999: 102; Кушева 1963: 122]. Несмотря на обилие персоналий черкесского происхождения на службе у крымских ханов, османских султанов, персидских шахов, грузинских царей упоминаемых в исторических хрониках, сами эти источники не раскрывают условий их нахождения на службе: получали ли они в качестве вознаграждения за службу земельные владения с податным населением или же только государственное жалованье. Можно предположить, что здесь также имел место институт выезда на службу, с соответствующим оформлением и выдачей земельных пожалований, особенно, в тех случаях, когда прибывшие становились родственниками монархов через матримониальные связи.

Как считает Ф.А. Озова, выезд кабардинских и жанеевских князей на службу в Москву начиная с XVI в. можно рассматривать в какой-то мере как одну из форм дипломатического заложничества. «Воспитанники» [служилые князья], в юном, а иногда и в зрелом возрасте выезжавшие в Москву, гарантировали договоры о военно-политических союзах между царем Иваном IV и верховными князьями Кабарды и Жанае. «Служилые» князья, принявшие православие и находившиеся при московском дворе, фактически являлись знатными заложниками, обеспечивающими соблюдение шертных соглашений и

присяги, заключенных между русскими царями и теми черкесскими владетельными князьями, которые вступали в договорные отношения с русскими монархами [Озова 2020: 147–150, 170–173]. Но здесь мы не склонны такую практику отождествлять непосредственно с институтом аманатства, так как оно являлось самостоятельным институтом, со своими правилами и особенностями. Подобный политический инструмент использовался и в азиатских государствах, например, в империи Чингизидов, в Османской империи и шахском Иране. Таким образом, через институт выезда на службу, черкесские юноши высокого социального происхождения пополняли правящий класс феодальных держав Европы и Азии.

Традиционное воспитание, получаемое детьми черкесских аристократов в рамках института аталычества (быфадэ-пшур), прививало им не только воинские, но и управленческие, коммуникативные навыки, а также высокие этикетные качества. Черкесских аристократов с детских лет обучали не только воевать, но и управлять подданными. Поэтому они, попадая в другие государства, легко инкорпорировались в местные аристократические элиты и занимали руководящие должности не только в сугубо военных структурах, но и в государственных. Известны сотни имен черкесских аристократов, занимавших важные государственно-административные посты в Османской империи, Персии, России, Грузии, Польше, Египте и других странах.

Относительно русского государства по письменным источникам известно, что их поступление на службу к царскому двору оформлялось на договорных основаниях в рамках института вассально-сюзеренных отношений. При заключении договоров о принятии на службу, предполагавшую их инкорпорацию в состав правящего класса, принимающая сторона тщательно изучала сословный статус приезжих и реальный политический вес в Черкесии делегировавших их кланов. Они рассматривались русским правительством как агенты влияния, посредством которых планировалось лоббировать российские геополитические интересы на Северном Кавказе.

Черкесия с давних пор была страной, поставлявшей в государства Евразии контингенты профессиональных воинов. В феодальную эпоху наряду с аристократами высшего ранга, в воинский класс Черкесии входили представители многочисленного служилого дворянства¹, свободного крестьянства и отдельных категорий зависимых сословий. Востребованность и высокая репутация черкесов в военной сфере позволяла им находить

¹ Сословная иерархия феодальных политий Черкесии, оформившаяся окончательно к началу XVI столетия, разделяла дворянство на две категории: родовитое и служилое. Относительно Кабарды и других феодальных владений Черкесии к первому относились сословия тлекотлешей и дыжынуго, ко второму беслен уорков и уорков шаотлехуса. Первые два сословия, будучи вассалами князей, сами в свою очередь имели своих вассалов и подконтрольные им вотчины. Их титул был потомственным. В отличие от них вторые считались жалованными дворянами и могли пополняться как из среды дворянства других народов, так и из числа свободного крестьянства и даже людей зависимого состояния. Беслен уорки служили князьям (пши), уорки шаотлехуса являлись вассалами тлекотлешей и дыжынуго.

применение своим способностям в армиях иностранных государств, но шансы пополнить ряды правящей элиты принимающих стран были, как правило, только у представителей высших слоев черкесской аристократии. Поэтому институт выезда на службу имел бытование, как правило, в их среде, а военное отходничество или наемничество – в среде всех нижестоящих сословий, включавших служилых дворян и крестьянство. Исключение составляли страны, где функционировала система военного рабства (Мамлюкский Египет, Османская империя). Люди низкого или несвободного социального статуса, попадавшие в эти страны в качестве невольников имели шансы занять место в правящей, управленческой элите этих государств.

Основные страны, куда в период Позднего Средневековья и позже выезжали на службу или нанимались черкесские аристократы подтверждаемые источниками – это Московское царство (Россия), Османская империя, Крымское ханство, Речь Посполитая, Персия и Грузия. Провести, опираясь на письменные источники, четкую дифференциацию между выездом на службу и наемничеством не всегда представляется возможным. Обзор персоналий черкесов на военной службе иностранных государств занял бы слишком много места, так как их количество огромно и не поддается подсчету. Можно только коротко сказать об истории появления их в этих странах и перечислить часть из них.

Московское княжество (Московское царство, Российская империя)

Типичным примером функционирования института выезда на службу является образование служилой аристократии адыгского происхождения в России с середины XVI в. Эти выходцы из Западной Черкесии и Кабарды вписали яркие страницы в историю России под именем князей Черкасских, Бековичей Черкасских, Ага-Машуковых Черкасских и др. Наиболее известными были кабардинские Черкасские (Темрюковичи, Камбулатовичи, Сунчалеевичи) – потомки сыновей кабардинского князя Идара, которые после женитьбы царя Ивана IV на Марии Темрюковне в 1561 г. стали во множестве выезжать на службу в Москву. Кроме того существовали ветви Черкасских, которые принадлежали другим адыгским этническим подразделениям – бесленеевцам и жанеевцам, а именно Ахамашуковы, Егуповы и Чюмаховы Черкасские [Дзамихов 2008: 227].

Первый известный случай выезда в Московское княжество черкесского князя связан с именем бесленеевского князя Мохошоко Канокова, перешедшего на службу к Ивану Грозному в 1552 г. Он приехал из Царьграда (Стамбула) вместе со своим сыном Рамаданом и стал родоначальником князей Ага-Машуковых Черкасских в России. До этого он находился на службе у своего шурина – турецкого султана Сулеймана Великолепного, чьей женой была его сестра Махидевран-Султан [Кушева 1963: 150]. После того как черкешенка путем интриг небызвестной фаворитки султана Роксоланы сначала была оттеснена от власти, а затем была отослана в Амасью, где был наместником единственный ее сын Мустафа, статус Махошоко пошатнулся. Он был

оскорблен и, видимо, уже тогда стал задумываться о смене покровителя. После казни Мустафы по приказу султана, жизнь самого Махошко была под угрозой. Поэтому его приезд осенью 1552 г. в Москву можно рассматривать как бегство. В это время уже имело место противостояние и противоречия между Османской империей и ее сателлитом – Крымским ханством, с одной стороны и Московским царством, с другой. Он приехал в Москву не один и был принят с большим почетом. Махошко сопровождали оппозиционные Крыму абазинские князья и дворяне, во главе с Канклычем Езбозлуковым и Танашуком. Махошко присягнул царю на верность, а в 1557 г. принял крещение под именем Ивана. Вскоре он стал фаворитом Ивана Грозного, получил обширные поместья в Тверской области. С самого начала, начиная с Махошко Канокова и в последующее времена, в придворной иерархии иноземцев Московского царства выезжие черкесские князья традиционно занимали самое высокое место. Известный в русских источниках как «Иван Магашук-князь Черкасский», Махошко верно служил московскому царю с 1552 г. до самой своей смерти в 1560 г. [Сокуров 2011: 55].

Выезды на царскую службу в Москву, кабардинских князей, – как отмечает В.Х. Сокуров, – происходили в строгом соответствии со специальными правилами. Решение об отправке принимал совет пши-уорков (удельная Хасэ). Отбирали молодых князей подросткового и юношеского возраста. Обычно выезжающего юного князя сопровождал влиятельный родственник: дядя, брат. Вместе с княжичем навсегда покидали родину входящие в его свиту ближние уздени, воспитатели (быфыкъуэадэ, быфыкъуэанэ) [Кушева 1963: 125], «ближние уздени», телохранители (пщыкIэу). Так, например, вместе с Михаилом (Салтануком) Темрюковичем и его двоюродными братьями Семеном (Уардацао) и Федором Жилеготовичем в опричнине служили «ближние уздени» братья Даутоковы (Таутоковы). Их также ставили на казенное содержание, опекали, обращались с ними подчеркнуто строго, вежливо, как с послами. Количество уорков сопровождавших выезжавших на службу князей могло исчисляться несколькими десятками. В 1626 г. князь Каншао Битемрюкович просился в Москву для крещения вместе со своими людьми в 130 человек, в т.ч. 112 уорков, которые «с ним садились на конь». В 1623 г. Урускана (Якова) Куденетовича, выехавшего в Москву для крещения, сопровождало семь человек, позже он вызвал еще 17 уорков, а также свою «няньку» – кормилицу (дэгызэ) вместе с мужем и детьми [Сокуров 1999: 105]. По обычаю кабардинский князь, выезжающий на службу в Россию, отказывался навечно от крестьян и земли в Кабарде. Взамен, с согласия князей своего удела, он брал с собой уорков, добровольно согласившихся переселиться и служить ему [Налоева 2015а: 200–201].

На первой аудиенции у царя рассматривалось прошение приезжего князя, затем определяли в один из монастырей сроком на шесть недель, в течение которого, по обряду русской церкви, его готовили к крещению: обучали языку, знакомили с религией, нравами, обычаями. После церемонии крещения выдавали одежду и полное военное снаряжение, в т.ч. и аргамак с царской

конюшни во всем уборе, давались чины с соответствующими окладами поместными и денежными, строили дом. Достаточно дорого обошелся казне, например, выезд и крещение князя Урускана (Якова) Куденетовича Идарова в 1623 г. На высочайшем уровне принимали в Москве в 1664 г. также другого кабардинского князя, из Идаровых, Алий-мурзу Алигуковича. Ему был установлен такой же высокий поместный и денежный оклад и пожалован высший чин – комнатного стольника, «жеребец со всем нарядом» и пр. [Сокуров 1999: 105]. Кооптация черкесских аристократов в состав российской правящей элиты являлась сложной стратегией, предполагавшей предоставление им экономических и политических преимуществ, а также матримониальную (брачную) стратегию – приезжих княжичей вскоре женили на представительницах знатных русских боярских родов [Дзамихов 2008: 224].

Изначально, приезжавшие служить в Московское царство князья имели право свободного отъезда-приезда, не в смысле возможности расторжения вассально-сюзеренных отношений, а в смысле свободы передвижения. Но при Иване Грозном после перехода ряда Черкасских князей на службу к польскому королю Сигизмунду Августу, расцененного царем как государственная измена, «приезды и отъезды добровольные» были отменены. С этого времени, после выезда и крещения, путь на родину для них был отрезан навсегда [Сокуров 1999: 106].

В выездах ко двору государя в Москву была заинтересована, прежде всего, сформировавшаяся к середине XVI в. русская партия в Кабарде (Идаровы, Жансоховы, Келахстановы, Бекмурзины). Московские цари тоже проявляли заинтересованность в окружении своего престола преданными людьми, находившимися в исключительной зависимости от них. Кроме того, знатные иноземные выходцы, окружавшие государя, повышали престижность династии Рюриковичей, впоследствии – Романовых [Сокуров 1999: 107].

Вплоть до середины XVIII в. Черкасские занимали видные посты в центральном и местном государственном управлении, а также командные должности в русской армии. Одним из притягательных обстоятельств оттока кабардинской знати в Московское царство было правило, установленное русским правительством, приравнивать кабардинских князей к высшей знати русского общества, неукоснительно соблюдавшееся со времени женитьбы Ивана Грозного на Марии (Гушаней) Идаровой [Налоева 2015а: 199]. Их привилегированное положение состояло в том, что в бояре они выходили, минуя чин окольничьего. Черкасские были ближними боярами, в отсутствие царя нередко замещали его в столице, руководили приказами-министерствами. В 1571 г. Михаил Темрюкович Черкасский занимал пост первого воеводы Большого полка, в это же время воеводой в полку Лево́й руки был князь Иван Черкасский [Хотко 2017: 331–332]. В мае 1571 г. во время вторжения крымского хана Девлет-Гирея, Сторожевым полком командовал Андрей Чюмахов-Черкасский, представитель западно-адыгских выдвигенцев на русской службе. Его назначение в этот полк было связано с тем, что он некоторое время служил в гвардии Девлет-Гирея и знал хорошо военную организацию и тактические приемы крымской армии. В 1585 г. Андрей

Чюмахов-Черкасский служил в Серпухове и Туле [Хотко 2017: 337]. В 1589 г. при царе Федоре Ивановиче в походе русских войск против шведов приняло участие пять черкесских князей: Борис Камбулатович, Василий Карданукович, Иван Егупов, Петр Ахамашуков, Андрей Чумахов. В марте 1589 г. царь Борис Годунов для отражения готовящегося наступления на Москву крымского хана Казы-Гирея собирает армию, где воеводой Передового полка назначается Василий Карданукович Черкасский. В 1591 г., при отражении ливонского вторжения в Новгород, Иван Егупов-Черкасский – второй воевода в Передовом полку, Андрей Чумахович Черкасский – второй воевода в Сторожевом полку. В 1617–1618 гг. стольник и воевода, князь Никита Иванович (Ацымгукович) Егупов-Черкасский являлся наместником в Ливнах. В 1630 г. он получил назначение первым воеводой в Передовой полк [Хотко 2017: 337]. В 1585 г. Петр Ахамашуков-Черкасский упоминается как воевода полка Правой руки в походе против шведов, а в 1614 г. как воевода в Галиче и Алатыре. В 1614 г. его сын Василий Петрович Ахамашуков-Черкасский был направлен в Воронеж в качестве первого воеводы [Хотко 2017: 338]. В 1564 г. братья Иван и Владимир (Таутуковичи) Черкасские возглавляли Передовой и Сторожевой полки в Калуге. Третий брат Борис Таутукович Черкасский был опричным воеводой в Калуге в 1570 г. [Хотко 2017: 338–339]. Уордашао (Семен Ардасович Черкасский) и его родной брат Иланд (Федор Жилеготович Черкасский) дети родного младшего брата Темрюка Жилегота Идарова находятся на русской службе с 1570-х гг. В 1573 г. Семен Ардасович Черкасский упоминается в составе русского войска в Ливонии как «голова», первый воевода в Большом полку. В 1577 г., при наступлении русских войск в Ливонии он первый воевода полка «Левой руки». В 1582 г. при отражении шведского наступления на Орешек, Семен Ардасович Черкасский первый воевода Сторожевого полка [Хотко 2017: 339]. Сын младшего брата Темрюка Идарова Камбулата – Карашай сделал успешную военную карьеру при царе Федоре I Ивановиче (1584–1598). В 1583 г. Карашай (в крещении Борис Камбулатович) назначен первым воеводой Большого полка в Новгород, где вместе с ним воеводой в полке Правой руки несет службу Василий Карданукович Черкасский [Хотко 2017: 340]. С 1585 по 1598 г. Борис Камбулатович Черкасский занимает командные должности: воевода Большого полка в Серпухове, первый воевода Большого полка в Новгороде, первый воевода Сторожевого полка при отражении крымского вторжения и др. [Хотко 2017: 341]. Заметной фигурой среди Черкасских на русской службе был Василий (Казый) Карданукович Черкасский приходившийся внучатым племянником Камбулата Идарова, двоюродным племянником Бориса Камбулатовича. В 1592 г. он возглавлял полк Левой руки при отражении крымского вторжения. В 1598 г. прибывает в Москву сын шурина Ивана IV Грозного Мамстрюка Темрюковича – Каншао. Получив в крещении имя Дмитрия, он служит при дворе Бориса Годунова в чине стольника. В 1612 г. вместе с воеводой Д.М. Пожарским освобождает Москву от поляков. Дмитрий Мамстрюкович Черкасский командовал русскими войсками при отбитии у Речи Посполитой Углича, Вязьмы, крепости Белой и др. городов. В 1618 г. при вторжении польских войск во главе с королем

Владиславом Дмитрий Мамстрюкович вновь зарекомендовал себя как успешный полководец в боях за Можайск. В 1633 г. поляки осадили Смоленск и, армию, направленную на помощь Смоленску, возглавил Дмитрий Мамстрюкович Черкасский [Хотко 2017: 345–347].

Черкасские проявили себя не только как полководцы, но и как государственные деятели, занимая важные административные посты в русском государстве. Так, тот же Дмитрий Мамстрюкович Черкасский возглавлял Казанский и Сибирский приказы [Хотко 2017: 346–347]. Племянник Дмитрия Мамстрюковича Черкасского Иван Черкасский, сын его двоюродного брата Бориса Камбулатовича в 1633 г. фактически становится главой правительства при царе Михаиле Федоровиче Романове. Он возглавлял практически все приказы с 1624 г. до своей смерти в 1642 г. [Хотко 2017: 347].

После смерти Дмитрия Мамстрюковича Черкасского в 1651 г. лидерство среди Черкасских перешло к троюродному брату Дмитрия Мамстрюковича, сыну верховного князя Кабарды Куденета Камбулатовича – Якову (Урускану) Кудинетовичу. Сразу по прибытии в Москву в 1625 г. Яков Кудинетович Черкасский получает чин стольника. Занимает различные государственные должности: возглавляет Стрелецкий и Иноземные приказы, а в 1648 г. правительство. Яков Кудинетович проявил себя и на военном поприще как военачальник. Он командовал русской армией в войнах с Речью Посполитой (1654–1667) и Швецией (1656–1658) [Хотко 2017: 348–349]. Другой известный представитель князей Черкасских – первый российский генералиссимус (1695) и сподвижник Петра I Михаил (Алей) Алегукевич Черкасский. Происходивший из рода Идаровых он поступил на службу в 1664 г. при царе Алексее Михайловиче. Быстро и успешно продвигается по службе, становится воеводой в Новгороде, Москве, командует русскими войсками в русско-турецкой войне 1676–1681 гг. Он стоял у истоков создания первых регулярных по европейскому образцу полков русской армии (Семеновского и Преображенского) и других преобразований Петра I [Адыгская... 2006: 1094].

При всех царях – от Ивана IV (Грозного) до Петра I по два представителя рода Черкасских входили в Боярскую Думу: при Иване IV – Михаил Темрюкович и Семен Ардасович; при Федоре Иоановиче и Борисе Годунове – Борис Камбулатович и Василий Карданукович; при Михаиле Федоровиче Романове – Иван Борисович и Дмитрий Мамстрюкович; при Алексее Михайловиче – Яков Куденетович и Григорий Сунчалеевич; при Петре I – Михаил Алегукевич и Михаил Яковлевич [Гогитидзе 2013: 50].

Позиции черкесской партии в лице князей Черкасских при русском дворе к XVIII в. ослабли и со смертью великого канцлера Алексея Михайловича Черкасского в 1742 г. закончилось их влияние на государственную жизнь России. Для российского государства, вступающего на путь европейской и имперской модернизации, черкесские аристократы с их феодальной психологией, традиционным воспитанием и амбициями были уже не так востребованы как раньше. В большом количестве для поступления на российскую государственную службу начинают прибывать немцы, англичане, итальянцы и др. представители европейских государств. Сам будущий

император Франции Наполеон Бонапарт, будучи молодым лейтенантом, первоначально намеревался поступить на русскую военную службу. Кроме реформирования Московского царства из феодального государства в империю с зарождающимися капиталистическими отношениями, изживанию института выезда на службу в Россию черкесских аристократов способствовало и смена формата отношений черкесских феодальных политий и Российской империи. С изменением внешней политики России на Северном Кавказе, начиная со времени правления Екатерины II, черкесские (кабардинские) князья из союзников стали превращаться в противников империи. К середине XVIII в. Российская империя достигла пика своего могущества и с этого времени начала в одностороннем порядке менять сложившуюся практику отношений с феодальными владениями в регионе, переходя от политики поддержания союзнических отношений и протектората к политике жесткого включения их в административно-политическую систему империи, с ликвидацией политического и территориального суверенитета. Первой испытала на себе последствия такой политики Кабарда – феодальное княжество, занимавшее важное стратегическое положение на Центральном Кавказе и контролировавшее транспортные коммуникации с Закавказьем. Кроме того она имела большое политическое влияние на родственные ей черкесы Западного Кавказа, а ряд горских народов (абазины, балкарцы, карачаевцы, осетины, карабулаки) находились в политической и экономической зависимости от кабардинских князей [Кушева 1963: 82, 83, 160, 167, 168, 173]. Поэтому покорение Северного Кавказа Российской империей начала с Кабарды. В российской политической элите возобладала точка зрения сторонников завоевания Северного Кавказа и населяющих его народов, в отличие от тех чиновников, которые предлагали довольствоваться вассальной зависимостью местных князей от российского монарха.

Начало трансформации Московского царства в Российскую империю было заложено Петром I. И при нем, можно сказать имел место один из последних прецедентов выезда на службу на договорных началах на основе феодального права в лице кабардинского князя Эльмурзы Бековича-Черкасского. Основатель княжеской фамилии Бекмурзиных Бекмурза Джембулатов придерживался прорусской политической ориентации и в соответствии с правилами того времени попеременно отправлял аманатами в русскую крепость Терки своих сыновей. В последней четверти XVII в. междоусобицы между князьями Шогенуковыми (прокрымской политической ориентации) и Джембулатовыми закончилась истреблением Шогенуковых. В 1675 г. произошло убийство князя Адильгирея сына Алегуки Шогенукова, организацию которого родственники убитого приписывали Бекмурзе Джембулатову. По их наущению при вторжении крымских войск в 1682 г. в Кабарду крымский хан расправился с Бекмурзой. От Бекмурзы осталось шестеро сыновей: Шолох, Татархан, Девлетгирей, Кайсын, Батоко и Эльмурза. Сыновья Бекмурзы Шолох и Девлетгирей были аманатами в Терках. После убийства Бекмурзы его сын-аманат Девлетгирей в юном возрасте был крещен, наречен Александром, а чтобы его не путали с другими находившимися на

русской службе кабардинскими князьями с фамилией «Черкасские», последнему по его отчеству дали двойную фамилию «Бекович-Черкасский». Ставший ближайшим сподвижником российского императора Петра I, Александр Бекович-Черкасский трагически погиб в Хиве в 1717 г. Вместе с ним погиб и сопровождавший его в этой экспедиции с отрядом своих уорков старший брат Шолох. Их младший брат Эльмурза также изъявил желание вступить «на вечную службу» в русскую армию. В 1719 г. с согласия своих родственников и по договоренности с русским царем Эльмурза Бекмурзович Джембулатов покинул Кабарду. По обычаю, Эльмурза отказался навечно от всех земель и крестьян в Кабарде, а взамен ему разрешили набрать добровольцев из уорков рода Джембулатовых в количестве 40 человек с их семьями и прислугой. В том же году Эльмурза прибыл в Москву, а оттуда в Петербург на аудиенцию с царем. Петр I сохранил за ним звание князя, произвел сразу в капитаны иррегулярных войск, распорядился построить для него дом в Астрахани и назначил годовое жалованье. С 1720 г. Эльмурза со своими уорками проживал в Астрахани. В 1722 г. его отряд участвует в Каспийском походе Петра I, где легкая кавалерия кабардинцев не раз отличилась. За эти заслуги он был назначен императором князем всего нерусского населения в прикаспийских владениях России. В связи с чем, Эльмурза Бекович-Черкасский был переведен на Кавказ в крепость Святого креста, где командовал всеми казаками, новокрещенцами и охоченами¹. Около крепости располагалась слобода Охоченная, населенная черкесами и другими горцами (чеченцами), добровольно несшими военную службу с сохранением исповедания исламской религии. К 1727 г. в этой слободе проживало до 300 черкесских фамилий, состоявших в команде Эльмурзы Бековича-Черкасского. К тому времени он был пожалован царем чином полковника [Налоева 2015а: 199–201]. Е.Д. Налоева, отмечая особую заинтересованность русского правительства в привлечении кабардинцев к военной службе в иррегулярных частях, писала: «служба узденей полковника Э.Б. Черкасского была многообразной и трудной. Как свидетельствуют источники, многие из них в совершенстве владели турецким, татарским и персидским языками. Поэтому их использовали в качестве переводчиков, разведчиков, посыльных. Если к этому прибавить, что они были отличные воины, то будет вполне понятна значимость этого рода войск» [Налоева 2015а: 201]. В чине полковника князь Эльмурза Бекович-Черкасский участвовал в русско-турецкой войне 1735–1739 гг., где командовал не только черкесами, охоченами, но и полковыми и семейными казаками. По окончании русско-турецкой войны был принят в С.-Петербурге императрицей Анной Ивановной, награжден чином генерал-майора иррегулярных войск с повышением годового жалованья, кроме того двадцати его наиболее отличившимся уоркам установлены годовые жалованья. Во время

¹ Охочены или окочены – по своей охоте вышедшие из гор на жительство в российские владения чеченцы; новокрещенцы – представители разных народностей Кавказа, принявшие христианство и подданство России, несшие военную службу в ее пользу в иррегулярных соединениях.

Семилетней войны был призван со своим отрядом в действующую армию, но со смертью императрицы Елизаветы Петровны был отозван на Кавказ. В 1747 г., когда в Кабарде обострилось противостояние двух княжеских коалиций, Эльмурза был командирован туда российским правительством с миротворческой посреднической миссией. В 1758 г. Эльмурза Бекович-Черкасский умер, оставив четверо сыновей, положивших начало русским князьям Бекович-Черкасским. Сам Эльмурза в отличие от предшествующих поколений кабардинских князей, поступивших на русскую службу, вероисповедания не менял и умер, будучи мусульманином [Налоева 2015а: 202].

Поступление на российскую военную службу Эльмурзы Бековича-Черкасского представляло собой уже не классический вариант института выезда на службу а, трансформированный. В то же время его нельзя рассматривать как простой наем на службу. Он получил в Кабарде в соответствии с правилами института выезда на службу, согласие князей своего удела взять с собой служилых дворян и эти уорки служили ему лично как своему князю-сюзерену, а вместе с ним и России. Отмеченная Е.Д. Налоевой формула о назначении его российским правительством «князем» всего нерусского населения в прикаспийских владениях России, сближает его статус со статусом выезжих кабардинских князей служивших при Терском городе в XVI–XVII вв., также имевших при себе свои дружины уорков и обладавших определенными владельческими правами над нерусским населением «охоченной и черкасских слобод» [Кушева 1963: 81].

С его смертью можно констатировать прекращение функционирования традиционного феодального института выезда на русскую службу кабардинских князей. Из их числа и впоследствии вышло немало военачальников, дослужившихся до самых высших военных чинов, но они поступали на службу уже в качестве российских подданных, служба которых была оформлена не в рамках вассально-сюзеренных отношений, как это имело место, начиная с XVI в.

Османская империя

Большую роль сыграли черкесы также в истории становления и развития османского государства. Черкесская община Османской империи сформировалась еще задолго до массовой депортации черкесов в Османскую империю, имевшей место в 1859–1865 гг. и ставшей последствием их военно-политического поражения в Кавказской войне (1763–1864 гг.).

Значительное число черкесов на османской военной и государственной службе и включение их в состав «профессиональных османов» являлось результатом тех же причин, по которым они попадали и в другие страны (работоторговля, наем и выезд на службу). В источниках упоминающих черкесов, чаще всего нет информации об условиях появления их на османской службе, будь это наем, феодальный институт выезда на службу с соответствующим оформлением в рамках вассально-сюзеренных договорных отношений или же в

рамках института военного рабства. Выезды на службу имели место, по всей видимости, в более ранний период (XV–XVI вв.), но и в это время, а тем более в XVIII – первой половине XIX вв. превалировал именно наем на военную службу.

На службу могли наниматься как целыми отрядами, так и в индивидуальном порядке. Большое количество черкесов поступало на службу в турецкую армию на всем протяжении существования Османской империи. Среди известных черкесских наемников XVII в. часто фигурирует в источниках имя бесленеевского аристократа Кутфадж-паши. Э. Челеби описывает его как типичного черкесского рыцаря: «Он происходил из отважного черкесского племени болоткай. Он был прославленным, смелым, храбрым мирливой (военное звание Османской армии и флота, соответствующее генерал-майору в современной турецкой армии – А.М.). Этот паша, истребивший немало арабов... был справедливый, заботящийся о райе (подданных – А.М.) предводитель войска. Но он совершенно не знал турецкого (языка). Он разбирался только в мечях, конях, кирасах, хороших лошадях. Ни один муж не проявил такой смелости, какую он показал во время наших священных походов на Гонию и Мегрелию» [Челеби 1983: 232–233].

Уже к XVIII в. черкесских сановников и военачальников в Османской империи было так много, что их трудно было бы всех перечислить. Известный случай выезда на службу, упомянутый ранее бесленеевский князь Мохопоко Коноков, шурин султана Сулеймана I Великолепного (1520–1566), чьей первой женой была его сестра. При дворе султана Сулеймана был известен дефтер-дар (главный казначей – А.М.) Черкес Касым-паша, бывший бейлербей (наместник) г. Кафы, жанеевец по происхождению. В правление султана Мурада III (1574–1595) прославился своими победами на Кавказе в 1569, 1578–1579 гг. черкес Оздемыр-паша, умерший на посту великого визира в 1585 г. Количество выезжающих из Черкесии на турецкую службу в XVII–XVIII вв. резко возросло, о чем свидетельствуют имена крупных государственных деятелей, полководцев, дипломатов. Во времена правления султанов Ахмеда II (1691–1695), Мустафы II (1695–1703) и Ахмеда III (1703–1730) большим влиянием в государстве пользовался черкес Осман-паша, строитель крепости Ени-Кале и командующий военно-морскими силами (капудан-паша). Его современник, Черкес Мехмед-паша был губернатором Иерусалима. Еще один Черкес Мехмед-паша (Магомед-ага) на рубеже XVII–XVIII вв. был наместником в Алеппо, Иерусалиме, командовал войсками в Море, за успешные военные операции был пожалован в трехбунчужные паши (маршальское звание). В первой трети XVIII в. Черкес Ахмед-паша был наместником в Сирии и на Балканах. В правление Ахмеда III сподвижником и близким другом трехбунчужного паши Абаза Осман-паши был некий Черкес Магомед-паша [Хотко 1999: 60]. Приставка «Абаза» и «Черкес» указывают на абхазо-абазинское происхождение первого и черкесское (адыгское) второго. Зачастую под антропонимом «Черкес» могли фигурировать люди с убыхским и садзским происхождением. Стремительную карьеру при дворе Ахмеда III сделал черкес

Сулейман-паша за 9 лет прошедший путь от оруженосца султана (силяхтар) до поста великого визиря (садрама) в 1712 г. [Хотко 1999: 60].

При султানে Махмуде II (1808–1839) был знаменит черкес Хафиз-паша возвысившийся до звания сераскира (главнокомандующего). В отличие от многих высокопоставленных черкесов, попавших в Стамбул в юном возрасте в качестве невольников, Хафиз-паша был наемником и выехал на службу в зрелом возрасте. Он происходил из знатного натухайского рода. Его брат, Хусейн-бей, был одним из военных предводителей черкесов в Кавказской войне в 1830–1840 гг., о чем упоминает в своем дневнике Мориц Вагнер [Вагнер 1974: 631]. Интересные сведения о черкесах в османской армии имеются в русских источниках. Так, в них упоминается, например, турецкий офицер – хатукаевский дворянин Хуршид-Дахун-оглу, посланный на Кавказ с письмами, адресованными предводителям Северо-Западного Кавказа в 1845 г. [РГВИА. Ф. ВУА. Д. 6592. Л. 2–3]. Присутствие черкесов в турецкой армии во время Крымской войны отмечено в воспоминаниях наемника и ренегата на турецкой службе Садык-паши (Михаила Чайковского). В своих воспоминаниях Садык-паша сообщает, что одним из четырех корпусов европейской турецкой армии в 1854 г. командовал черкес Измаил-паша [Турецкие... 1883: 315]. В Крыму отличился Черкес Фуад-паша [Турецкие... 1883: 314]. 25-тысячный корпус регулярных войск на кавказско-малоазийском фронте возглавлял Черкес Абди-паша [Турецкие... 1883: 265]. В составе среднего командного звена османской армии также упоминаются черкесские наемники: так упоминается некий кабардинский князь Бределлах, получивший военное образование в С.-Петербурге и служивший командиром сформированного в составе османской армии казачьего полка в 1854 г. [Турецкие... 1883: 69].

В русско-турецкой войне 1710–1711 гг. одним из войсковых соединений командовал еще один Черкес Мехмед-паша. В русско-турецкой войне 1768–1774 гг. своими кавалерийскими рейдами по тылам русской армии отличился Черкес-паша, погибший во время поединка с полковником лейб-гвардии казачьего полка [Хотко 1999: 61]. В 1834 г. послом в России был черкес Ахмед Февзи-паша, командующий султанской гвардией, носившего титул мушир-паши (фельдмаршала) [Хотко 1999: 67]. В 1800 г. отмечено присутствие отрядов легкой кавалерии из Черкесии в составе османского экспедиционного корпуса в Египте. Большая часть этих наемников оседала в Османской империи, меньшая возвращалась на Кавказ [Кушхабиев 1997: 24].

Выезду и поступлению на османскую службу способствовали и упомянутые нами ранее матримониальные связи черкесских аристократических домов с султанами, когда их черкесские жены и матери продвигали при дворе и в армии своих братьев и родственников. Сам институт султанского гарема имел огромное влияние на политическую жизнь и кадровую политику османского государства. Роль и влияние в этом гареме уроженок Кавказа всегда была значительной. Особенно значимым при дворе султана было положение матери султана (валиде-султан), обладавшей высоким статусом, властью и влиянием на государственные дела. Мать Селима III, вдова Мустафы III (1754–1774) – Михри-и-Шах была черкешенкой. Именно в это время получили продвижение

по службе черкесские военачальники Хасан-паша Мейит, бывший некоторое время великим визирем и Хусейн-паша Кучук, вошедший в историю как ближайший сподвижник султана-реформатора Селима III. В 1801 г. султан отправил его во главе шеститысячного десанта в Египет для изгнания французского экспедиционного корпуса Наполеона. Любопытно, что в этой экспедиции в составе османских сил, участвовал в молодом возрасте будущий лидер черкесов-натухайцев в Кавказской войне Шамуз Шупако [Хотко 1999: 64].

Наемничество (кондотьерство), как социальное явление, зародившееся в отдаленную эпоху, дожило до нового времени. Даже в наши дни государства Европы, Азии, Африки и Латинской Америки, имеющие собственные армии, тем не менее, пользуются услугами наемников. Они используются в военных конфликтах и операциях, официальное участие в которых для государств нежелательно. Так называемые частные военные компании (ЧВК; англ. Private military company) – коммерческие предприятия, предлагающие специализированные услуги, связанные с охраной, защитой (обороной) кого-либо и чего-либо, нередко с участием в военных конфликтах, а также со сбором разведывательной информации, стратегическим планированием, логистикой и консультированием. Часто их используют для организации государственных переворотов в странах так называемого третьего мира.

Примером черкесского кондотьера и «солдата удачи» нового времени является судьба одного из лидеров белого движения на Кубани натухайского дворянина полковника Кучука Касполетовича Улагая, эмигрировавшего с поражением Врангеля в Константинополь, а оттуда с набранным им отрядом из черкесов и русских белоэмигрантов перебравшегося в Албанию. Он прибыл туда для совершения государственного переворота по приглашению и в пользу изгнанного премьер-министра страны Ахмета Зогу. В мемуарах другого черкесского эмигранта М. Натырбова этот эпизод из жизни Кучука Улагая описывается достаточно подробно: «Один из моих дальних родственников, полковник Кучук Улагай, совершил весьма выдающуюся карьеру и его имя было широко известно в черкесской колонии (Константинополя). Однажды местный албанский племенной вождь, Zog, прибыл в Константинополь и начал спрашивать, кто среди черкесов может помочь ему организовать военный отряд, чтобы свергнуть существующий албанский режим. Эти поиски привели его к полковнику Улагаю, который, после короткого обсуждения, согласился помочь албанскому вождю. Деньги, по всей видимости, не были проблемой для Зога, и в течение нескольких месяцев Кучук Улагай организовал и экипировал значительный черкесский отряд, который был тайно отправлен в горы Албании для тренировки и осуществления спланированной акции. Когда все было готово, Zog подал сигнал начать операцию. Без больших трудностей, полковник Улагай нанес поражение правительственным силам, а Zog был провозглашен королем Албании. В качестве награды, Кучук Улагай стал губернатором Тираны, столицы Албании. Он жил благополучно в Албании до второй мировой войны, когда страна была оккупирована германо-итальянскими войсками» [Хотко 2017: 75]. В 1839 г. К. Улагай выехал в Иран, где с 1941 г.

был начальником военного училища. В 1945 г. переехал в столицу Чили – Сантьяго, где служил в Военно-географическом институте [Казаков 2017: 459–460].

Крымское ханство

Крымское ханство, возникло на развалинах Золотой орды в 40-х гг. XV в. После включения Крымского ханства в государственную систему Османской империи в 1475 г. его военно-политические позиции в Северном Причерноморье неизмеримо возросли [Кожев 2019: 41]. Вступив в вассальные отношения с османскими султанами, крымские ханы получили мощный ресурс, позволявший им добиваться военно-политического лидерства в регионе и проводить экспансионистскую политику в отношении соседних народов. И здесь столкновение Крымского ханства и черкесских политий становилось неизбежным. Их отношения были не простыми, но они не были только враждебными. И конфронтация, и вассалитет, и союзничество – на разных этапах были характерны для них. Многочисленные матримониальные связи и воспитание ханских отпрысков по обычаю аталычества в Черкесии связали узами кровного и искусственного родства правящую крымскую династию с ведущими княжескими домами Бжедугии, Темиргоя, Бесленея и Кабарды. За более чем трехсотлетнее взаимодействие, в результате взаимного влияния и социально-политической интеграции, произошел этно-культурный симбиоз политических элит Крымского ханства и черкесских княжеств [Кожев 2019: 23].

В феодальную эпоху наиболее мобильными социальными слоями населения были аристократические элиты. Обычно военно-служилая аристократия мигрирует в более мощные страны и поступает на службу к правителям, чей сословный статус признается более высоким. В случае с Крымским ханством и Черкесией эти миграции происходили в обоих направлениях. Постоянное или временное проживание в Черкесии большого количества принцев крымского правящего дома Гиреев стало причиной появления специфической социальной страты адыгского феодального общества – *хъаныкъуэ* или в русской терминологии – султанов [Кожев 2019: 35–36].

Выезду значительного количества черкесских аристократов на службу ко двору правящей династии Гиреев способствовало несколько факторов. Среди них можно отметить три основных: 1) включение западно-черкесских княжеств Жане, Темиргоя, Бесленея и Бжедугии в орбиту политического влияния Крымского ханства и установление с их стороны вассальных отношений; 2) матримониальные связи и 3) институт *быфадэ-нлур* (аталычества).

Вхождение этих княжеств в политическое пространство Крымского ханства сопровождалось переселением значительных групп черкесов в Крым. В XVII в. черкесское село в Крыму в районе Карасу-базара зафиксировано Э. Челеби [Челеби 2008: 151]. Другой турецкий автор в 1740 г. отмечает наличие в Крыму крупного черкесского населенного пункта. «Это значительное село, – пишет он, – расположенное на большой реке, которая впадает в Азовское море.

Там находится Ак-Чибукубег, вассальный вождь черкесского хана, который командует войском, составленном из людей 300 черкесских сел» [Губоглу 1964: 150]. Представители черкесских княжеских и дворянских фамилий, поступавшие на службу к крымским ханам, со временем ассимилировались и пополняли ряды крымско-татарской знати. К ним, например, относилась знатная крымско-татарская фамилия Балатуковых. Их предок темиргоевский князь прибыл в Крым в 1709 г. и служил министром финансов во время правления Каплан-Гирея. Его внук – Мемет Бей, был министром финансов Крым-Гирея в период его первого правления (1758–1764гг.). После упразднения Крымского ханства и присоединения его территории к Российской империи сын Мемет Бей князь Кая-Бей Мемет-Беевич (в крещении Кирилл Матвеевич), поступил в 1786 г. на российскую службу и дослужился до чина генерал-майора (07.12.1813) [Гогитидзе 2013: 107]. Жанеевские князья, постоянно проживавшие в Крыму дали начало знатной фамилии Хункаловых, из которых впоследствии вышло большое количество российских военных офицеров (Хункалов Абдул-бей Пирмамет (полковник 1850 г.), Хункалов 1-й Ахмет-бей Пирмамет (генерал-майор 1832 г.), Хункалов Максот-бей (ротмистр 1836 г.), Хункалов Махмут-бей Ахмедбеевич (полковник 1838 г.), Хункалов 2-й Селямет-бей Пирмамет (есаул к 1808 г.). В формулярных списках об их происхождении указано: «Из черкесских князей Таврической губернии» [Казаков 2017: 483–486].

Все подвассальные крымскому хану черкесские княжества обязаны были по его призыву мобилизовать свои отряды для участия в военных походах. В походах крымской армии на Украину, Польшу, Валахию, Россию, Закавказье и др. страны в ее составе часто упоминаются черкесы [Кушева 1963: 152]. В XVII в. большое число черкесов осело в Крыму и оказывало значительное влияние на внутреннюю и внешнюю политику Гиреев. Ногайские мурзы временами открыто выражали Гирееям свое недовольство – «всем у вас ведают черкесы, а нам не с руки» [Максидов 2003: 62].

Второй фактор, способствующий выезду на службу в Крымское ханство черкесских аристократов – обширные матримониальные связи правящей династии Гиреев с аристократическими семьями княжеской Черкесии.

Кровь крымских ханов, как и турецких султанов, по сути, была черкесской: почти все они, начиная с хана Девлет Гирея I (1551–1557), женились на дочерях черкесских князей дома Инала. Две из четырех официальных жен Девлет Гирея I были черкешенками. Членами крымского дивана в правление хана Девлет Гирея I были Татар-мурза и Ахмед-Аспат «Черкасские» – братья первой жены хана Айше Фатьмы [Тазрютовой]. Это женщина, из знатного бесленеевского дворянского рода Тазартоко обладая сильным характером, держала бразды правления в своих руках. Черкесы при этом хане занимали ведущие государственные посты, отчего в 1557 г. последовал античеркесский бунт, который жестоко был подавлен. Зятем кабардинского князя Шолоха Талостанова был крымский хан Казы Гирей II «Бора» (1588–1596, 1596–1608). Мать хана Джанибек Гирея II (1610–1623, 1624, 1628–1635) Дурбика происходила из рода Каноковых, сам он взял женой

княгиню Накуру Ибаковну, племянницу верховного князя Кабарды Шолоха Татлостанова. Дочь князя Казия Пшиапшокова была выдана замуж за хана Ислам Гирея III (1644–1654) [Сокуров 1999: 100–102]. Шагин Гирей крымский нурэддин (1608–1609) и калга (1610, 1623–1628), сын крымского хана Саадета II Герая (1584), младший брат и сподвижник хана Мехмеда III Герая был женат на сестре князя Казыевой Кабарды Алегуки Шогенукова [КРО 1957: 144].

Третий фактор инкорпорации черкесов в военно-административную систему Крымского ханства был связан с тем, что все Гиреи были черкесскими воспитанниками.

В 40–60 гг. XVII в. согласно Э. Челеби каждое черкесское племя имело у себя по гирейскому отпрыску [Челеби 2008: 117]. Хан Бахадур-Гирей I (1638–1642) отдал своего сына на воспитание жанеевскому князю Антонаку [Смирнов 2005: 399]. Другой его сын Мубарак-Гирей, согласно Э. Челеби, воспитывался в черкесском племени Собай, а сын отставного хана Мухамеда VI у темиргоевцев [Челеби 2008: 117; Челеби 1979: 74].

Институт воспитательства (аталычества) служил инструментом закрепления вассальной связи между крымскими правителями и черкесскими княжествами. В этом была обоюдная заинтересованность сторон. Воспитанник черкесов в случае необходимости всегда рассчитывал на военный ресурс и поддержку народа, в котором он воспитывался. В междоусобных войнах в Крымском ханстве часто принимали участие черкесы на стороне своих воспитанников. Если в борьбе за ханский престол тот или иной претендент терпел поражение, он находил убежище в Черкесии у своих приемных родителей (быфадэ). Если же он становился ханом то наоборот, весь клан его воспитателей мог рассчитывать на его военную поддержку в междоусобной борьбе черкесских князей. По обычаю сами дети черкесских князей воспитывались в нижестоящих в сословной иерархии дворянских семьях, но сами черкесские князья брали на воспитание только детей крымских ханов. Связь по аталычеству была настолько священна и крепка, что в конфликтах родителей и аталыков воспитанники часто принимали сторону своих воспитателей. Аталыки были обязаны мстить за убийство или обиду, нанесенную их воспитанникам, как и последние, обязаны были вступаться за своих воспитателей [Кушева 1963: 150–151]. Но так как все воспитатели крымских ханов и их отпрысков были черкесскими князьями, то волей-неволей они оказывались втянутыми во все черкесские междоусобия. Если к этому еще добавить, что редко какой крымский хан не имел мать или жену из знатных черкесских семей, то они зачастую становились заложниками распрей своих родственников. Активное участие крымских Гиреев в черкесских междоусобиях стоило многим из них жизни.

Кроме политических мотивов причиной воспитания всех без исключения отпрысков крымских Гиреев в Черкесии, была высокая военная культура черкесов, к которой сами татары относились с пиететом и старались ей подражать. Через институт аталычества эта культура оказала значительное влияние на элиту Крымского ханства. Д. Кантемир писал в этой связи: «Они всегда изобретают что-нибудь новое в своих манерах или оружии, в которых

татары подражают им так пылко, что черкесы могут быть названы французами в отношении татар. Их страна является школой для татар, из которых каждый мужчина, который не обучался военному делу или хорошим манерам в этой школе, считается «тентеком», то есть нестоящим, ничтожным человеком. Сыновья крымских ханов в тот момент, когда они увидели свет, отсылаются к черкесам на воспитание и обучение. Когда принц подрастет, его заботливо обучают езде верхом, стрельбе из лука, ношению оружия, военной науке, и затем отправляют его домой. Эти люди настолько храбрые, что, по уверению самих татар, насколько 10 крымцев сильнее 15 буджакан (ногайцев – А.М.), настолько 5 черкесов сильнее 10 крымцев» [Кантемир 2006: 100–101].

Если черкесский воспитанник становился ханом, то он, зачастую, забирал к себе своих новых родственников в Бахчи-Сарай, и это было одним из путей появления черкесов на службе в Крымском ханстве и пополнения ими крымской аристократии.

Речь Посполитая (Польша)

В 1561 г. в Краков – столицу Речи Посполитой для поступления на службу к польскому королю прибыла группа черкесских князей. Их сопровождали 300 воинов и их семьи. Король Сигизмунд II Август принял их с подобающими их рангу почестями и подарками. Это были западно-черкесские князья: братья Касим Камбулатович Черкасский и Гаврила Камбулатович Черкасский, Онышко Черкасский – брат жанеевского князя Сибока (в крещении Василия Консауковича Черкасского), Кудадек (в крещении Александр) Черкасский – сын Сибока (Василия Кансауковича), братья Темрюк Жумкович и Солтан Жумкович Черкасские [Крушинский 2002: 149–151]. Ранее жанеевские князья Сибок, его брат Онышко заключили союз с Иваном IV (Грозным), который принял их в свое подданство и «учинил отъезд и приезд добровольный». В знак закрепления этого союза направленного против крымского хана Сибок оставил в Москве своего сына Кудадека, крестившегося и поступившего на службу к русскому царю. Однако этот союз призванный оградить жанеевское княжество от крымской агрессии, не оправдал надежды Сибока. В 1561 г. послы Ивана IV, сватавшие дочь Сибока за царя, получили отказ, и в том же году из Москвы в Польшу отъехал (фактически бежал) его сын Кудадек [История... 2007: 60]. Возможно, этот отъезд втайне готовился при участии другого выезджего служилого князя Дмитрия Вишневецкого. Находившийся на службе у польского короля, он в 1558 г. поссорившись с Сигизмунда II Августом, перешёл на службу к царю Ивану IV Васильевичу. Однако уже в 1561 г. он возвращается (бежит) в Польшу. Бегство служилых князей привели Ивана Грозного в ярость, заочно они были приговорены к смерти. О Вишневецком же царь, говорят, сказал: «Димитро пришел к нам как собака, и ушел так же». Тем не менее, он послал свое доверенное лицо – Алексея Клобукова в Польшу убедить князей вернуться обратно, но князья оказали его посланцу холодный прием. С одной стороны, такой переход был сильным ударом по престижу Московского царства, а с другой, царь понимал,

что он отдал много очень хороших воинов своему геополитическому сопернику – Польше [Крушинский 2002: 149–150]. Воины, прибывшие в Польшу с Кавказа, были известны полякам как «пятигорские черкесы». Под таким именем фигурировали в русских источниках некоторое время кабардинцы. Но, как свидетельствуют источники, в Польшу прибыли не кабардинские, а западно-кавказские князья, хотя они и фигурируют как «пятигорцы» [Кушева 1963: 146]. Как отмечает в своей статье М. Крушинский: «Большинство черкесских переселенцев уже были ортодоксальными христианами, но некоторые еще были язычники. Позже потомки простых воинов стали украинскими православными, тогда как те, кто принадлежал к высшему сословию, приняли польское католичество» [Крушинский 2002: 150]. Братья Солтан и Темрюк Жумковичи стали командирами особых полков в польской армии – «пятигорские хоругви». Особенно известен Темрюк Жумкович, проявивший лучшие качества черкесского полководца и воина. О его героизме говорит множество документов. Например, 13 апреля 1572 года, когда мощная турецкая армия атаковала польские силы в Молдове, все польские части покинули поле боя в сильной панике, и только Темрюк со своим Пятигорским полком остался и дрался до тех пор, пока польские части оправились и вернулись остановить турок. Его самоотверженные подвиги не остались без награды. Польский сейм и король не раз выделяли его среди рядов польской аристократии. Ему были пожалованы большие поместья в различных частях Речи Посполитой. В основном черкесские князья обосновались в подольском регионе Украины. В Речь Посполитую входили в то время территории современных Польши, Литвы, Украины и Белоруссии. Каждый год новые черкесские воины прибывали в Польшу, чтобы вступить в особые полки пятигорских казаков. Со временем эти полки стали основной частью польской армии. «Пятигорские хоругви» состояли на службе в вооруженных силах Речи Посполитой с XVI в. и продолжали существовать вплоть до конца XVIII в., правда состав их был в то время чисто польским, но специфика формирований оставалась прежней – средневековая «панцирная» кавалерия.

После смерти черкесских князей, основателей этих полков, общее количество черкесов в них сокращалось, а взамен пополнялось польскими, украинскими и татарскими воинами. Однако полки сохранили свою черкесскую внешность и характерные черты: обычаи, оружие, тактику боя. Сегодня польские историки признают огромное влияние тех черкесских князей на эволюцию польской армии. Потомки черкесских князей влились в польское общество и ассимилировались [Крушинский 1999: 102].

По мнению польского историка Б. Барановского довольно широкая военная эмиграция из кавказских стран в Польшу имела место и в XVII в. Многочисленные войны, какие вела Речь Посполитая в этом столетии, вызывали постоянную потребность в профессиональных солдатах, а еще более – в офицерских кадрах. В XVII в. на польской военной службе находилось много черкесов и других горцев с Северного Кавказа, которых обычно тоже называли черкесами, пятигорцами, людьми с Бештау и т.д. [Барановский 1979: 258]. Влияние черкесской военной культуры на польскую армию выражалось в

популярности и широком импорте черкесских образцов вооружения, доспехов, конской сбруи и одежды с Кавказа для польских магнатов и шляхты. Торговля этими товарами находилась в руках армянских купцов. Следует особо упомянуть о значительном импорте в Польшу кавказских лошадей. Во второй половине XVII в. распространилась мода на чистокровных лошадей, привозимых с Кавказа. В магнатских табунах можно было в то время увидеть много черкесских лошадей. За них уплачивали огромные деньги. Цены на них были гораздо выше цен на турецких и персидских лошадей. В то время это были самые дорогие лошади, покупаемые польскими магнатами [Барановский 1979: 254]. В XVII в. влияние кавказской моды на польскую было столь значительным, что польский король Ян Собеский (1674–1696), одевавшийся в кавказскую одежду, о том, какой была мода в краю черкесов, узнавал от специальных посланцев. Западноевропейские путешественники, которые в XVII в. бывали в Стамбуле, отмечали в своих описаниях, что одежда польских послов почти ничем не отличалась от черкесской [Барановский 1979: 256].

Грузия

Одной из соседних стран, куда в эпоху средневековья выезжали на службу или нанимались черкесские аристократы, была Грузия. В Грузии у царей Картли, Имеретии и Кахетии воинами и дипломатами служили многие из черкесских князей и дворян (Келахстановы, Талостановы, Анзоровы и др.). В исторических хрониках при дворе Темураза I (1606–1648) упоминаются Георгий (Юрий) Черкас, стольник, а вместе с ним «черкашенин Загар» [Сокуров 1999: 102–103]. Ближайшим советником Кахетинского царя Александра II (1574–1605) являлся черкес Хуршит, занимавший при его дворе высокое положение. В 1594 г. он был одним из послов кахетинского царя в Москву к великому князю Ивану III [Белокуров 1888: 23]. Другой черкес на службе у Александра II царя Кахети – Байграм [Белокуров 1888: 168].

Многие грузинские цари были женаты на черкесских, в основном кабардинских княжнах, благодаря чему на государственную службу попадало большое количество их родственников. При выходе замуж девушек из высших аристократических слоев в Грузию по черкесским обычаям ее сопровождали некоторое число подданных ее родителей и ближайшие родственники. Как правило, они оставались при княжнах, со временем ассимилируясь и пополняя высшие слои грузинского общества. Такое происхождение вероятно имеют грузинские князья Черкезишвили, дворяне Пастамлишвили и др. [Гугов 1999: 658].

Браки грузинских владетелей с дочерьми кабардинских князей определялись их заинтересованностью в союзе с Кабардой, как наиболее крупным политическим образованием на Северном Кавказе, имевшим непосредственную границу с Грузией и обладавшим серьезным военным ресурсом в виде высокопрофессиональной панцирной кавалерии. Кратчайший путь в Астрахань, Москву и Крым пролегал как раз через кабардинские и шамхальские земли [Сокуров 1999: 102–103]. Часто военные ресурсы союзных

кабардинских князей грузинские цари использовали не только против внешних врагов, но и для подавления сепаратизма внутренних областей Грузии. Так в 1605 г. во время правления кахетинского царя Александра II (1574–1601, 1602–1605) брат удельного князя Талостанея Шолоха князь Ибак Талостанов, ходил со своей дружиной наказать непослушные Александру сванов. Русские источники сообщают: «...сего.. лета (1604 г. – А.М.) приходил войною в сонскую землю Солохов брат Ибак мурза с черкасы и воевали Александра царево село Кадо, а взяли в полон жонок и робят 40 человек» [Белокуров 1888: 454].

Наем черкесских дружин грузинскими монархами мог иметь как постоянный, так и разовый характер – на период одной военной компании. Так, грузинские источники сообщают, что в начале 70-х гг. XVI в. владетель Мингрелии Мамия Георгий для войны со своими братьями Мамием Дадиани и Гуриели Георгием «...заполучил наемные войска абхазов, джиков и черкесов...» [Абхазия... 1988: 163]. Картлийский царь Теймураз II и кахетинский царь Ираклий II в 40–50 гг. XVIII в. часто прибегали к найму военных отрядов из Кабарды. В 1750 г. объединенное войско грузин, кабардинцев и осетин разбило наголову персов в Шамшадиле. После этого, отпраздновав победу, царь Картли щедро одарив кабардинцев, отправил их на родину. В 1751 г. Ираклий II при помощи наемного кабардинского войска одержал внушительную победу вблизи Еревана, у Кирх-Булаха, над владетелем Тавриза (Южного Азербайджана) Азат-ханом [Гугов 1999: 647]. Особенно часто грузинские цари обращались за помощью к владельцам Малой Кабарды. Так, в 1752 г. Теймураз II и Ираклий II с помощью 2-х тысячной кабардинской конницы разгромили войска хана Шеки-Ширвана Аджи-Челеби, вторгшегося в Грузию [Гугов 1999: 649–649]. Неоднократно войска кабардинцев привлекались царями Грузии для отражения нападений дагестанских владетелей. В частности, они приняли участие в отражении вторжения в Грузию хунзахского владетеля Нурсал-бека в 1754 и 1755 гг. Как сообщают источники, после разгрома Нурсал-бека грузинские цари щедро одарили своих союзников и отпустили домой [Гугов 1999: 650]. После смерти Теймураза II царем объединенной Картли-Кахети стал его сын Ираклий II. Для того чтобы утвердиться на троне и подчинить царской власти непокорных феодалов он привлек наемные отряды кабардинцев и осетин [Гугов 1999: 652–653]. В борьбе с агрессией Джара, дагестанских владельцев, персов и турок Ираклий II, ставший во главе объединенного Картли-Кахетинского царства, опирался на наемные отряды северо-кавказских горцев, кабардинцев, в частности [Гугов 1999: 653].

Ираклий II – царь Кахети (1744–1762), а затем объединённого восточно-грузинского царства Картли-Кахети (1762–1798), при проведении государственных реформ, большое внимание уделял реорганизации грузинской армии. Зная о высоких боевых качествах кабардинской панцирной кавалерии и чтобы иметь ее в составе своего войска, Ираклий II вел тайные переговоры с кабардинцами об их переселении в Грузию. Однако эти планы были пресечены российской администрацией на Кавказе [Гугов 1999: 656].

Персия

Персия являлась также одной из стран выезда на службу черкесской аристократии. Кабардинская знать была связана родством с иранскими шахами. В частности, шах Аббас I (1587–1629) был зятем кабардинским, при его дворе служил черкес Ферхад-бек, исфаханский воевода. Князю Мудару Алхасовичу, как своему родственнику, шах Аббас I поручил контроль над стратегическим и торговым путем через Дарьяльский проход [Кушева 1963: 82, 305]. Кабардинкой была и мать шаха Сафи I (1629–1642). К нему часто ездили малокабардинские князья Бобарука, Татархан и Тонжехан Асланмурзины, а их старший брат Желегот в крещении Иван служил стольником и воеводой в Москве [Сокуров 1999: 102]. Княгиня Увжюгта, сестра Муцала Сунчалеевича (род Идара), была замужем за шахом Аббасом II (1642–1667) [КРО 1957: 385].

Как выяснил в своем исследовании старший научный сотрудник Института кавказских исследований в Тегеранском университете Хамед Каземзаде, во время правления шаха Тахмаспа I (1514–1576) из династии Сефевидов в армии, государственном аппарате и гареме усилилось влияние кавказцев (грузин, армян, черкесов и дагестанцев). Став преемником Исмаила I, он вступил на престол в 1524 году в возрасте десяти лет и попал под контроль кызылбашей, из чьей среды собственно и вышла правящая династия. Лидеры кызылбашей боролись между собой за право быть регентами над Тахмаспом и, таким образом, обладали большей частью власти в империи. Однако повзрослев, Тахмасп смог укрепить свою власть и контролировать соплеменников, опираясь на кавказцев. Эту политику продолжил шах Аббас I (1588–1629). В период 1603–1605-х годов тысячи жителей Кавказа – грузины, армяне и черкесы, были расселены в районе Исфахана. Позже потомки этих переселенцев стали частью персидского шахского двора и играли значительную роль во внутриполитической жизни Персии.

В середине XVI в. при шахском дворе одной из наиболее влиятельных фигур стала принцесса Парихан Ханум. Она была второй дочерью Тахмаспа от его второй жены черкешенки Султан-Ага Ханум. Вокруг Парихан Ханум, ее брата Сулаймон Мирзо и дяди по матери Шамхал Султана создавалась черкесская партия. После смерти отца Парихан Ханум, опираясь на поддержку своего дяди по матери и черкесской партии дважды фактически играла роль главы государства. Первый раз это случилось, когда после смерти Шаха Тахмаспа в 1576 году она содействовала приходу к власти Исмаила Мирзо, правившего под именем Исмаила II (1576–1578). Любимым сыном Тахмаспа считался Хайдар Мирзо, чья мать была грузинкой, и именно он рассматривался в качестве наследника престола. Однако Парихан Ханум вручила ключи от дворца своему дяде по материнской линии Шамхал Султану. Тот в свою очередь, незамедлительно взял контроль во дворце в свои руки и заполнил его 300 черкесами. Заговор имел успех. Хайдар Мирзо, чья мать была грузинкой, был убит руками нескольких человек, среди которых был и Джамшед Бег, черкесский раб родного брата Парихан Ханум Сулеймана Мирзы. Султан

Мухаммад Худобанда (1578–1587) – следующий правитель, которого она привела к власти. В 1578 г., последний, решив избавиться от влияния Парихан Ханум и ее черкесской группировки, приказал убить Парихан Ханум и ее черкесского дядю. В связи с их смертью, влияние черкесов в политические дела Сефевидов некоторое время было приостановлено, но никогда не прекращалось¹.

Седьмой сефевидский шах Ирана Аббас II (1552–1666) был старшим сыном шаха Сафи I (1638–1629) от черкесской жены Анны Ханум. Пока Аббас был молод, в течение первых трех лет его правления, власть в стране фактически принадлежала его матери, которая правила в союзе с великим визирем Сару Таки. Черкешенка Анна Ханум умерла 9 сентября 1647 г. Одной из жен Аббаса II была черкешенка Накихат Ханум, его сын от этого брака Сулайман I правил с 1666 по 1694 гг. под именем шаха Сафи II².

Заключение

Институты выезда на службу и военного отходничества входили в число основных институтов военной культуры черкесов и функционировали в период Средневековья и до Нового времени. Выезд на службу, в отличие от военного отходничества, был сугубо феодальным институтом, с соответствующим оформлением в рамках вассально-сюзеренных договорных отношений. Выезд на службу был характерен для высших слоев черкесской аристократии, для всех остальных сословий черкесского общества было характерно военное отходничество. Последнее не предполагало заключения договорных отношений, установления вассально-сюзеренных отношений и обязательной инкорпорации в состав правящего класса принимающих стран.

Выезд на службу и военное отходничество черкесов в страны Восточной Европы, Закавказья и Ближнего Востока был обусловлен спросом на профессиональных воинов и налаженной черкесами эффективной системы воинского воспитания в рамках институтов быфадэ-пур (аталычества) и «уркь-хабзэ».

Появлению черкесских аристократов на военной службе, кооптации в правящие элиты России, Польши, Турции, Персии и др. государств, способствовали их религиозная индифферентность, приоритет сословных ценностей, а также широкие матримониальные связи черкесских элит с царствующими домами соседних стран.

¹ Каземзаде, Хамед. Черкесы Ирана: от рабства к персидской короне. 04.02.2018 // Caucasus Times – региональное информационное агентство, специализирующееся на новостях Юга России и Закавказья: сайт. URL: <https://caucasustimes.com/ru/cherkesy-irana-ot-rabstva-k-persidskoj-korone/> (дата обращения: 12.12.2020).

² Каземзаде, Хамед. Черкесы Ирана: от рабства к персидской короне. 04.02.2018 // Caucasus Times – региональное информационное агентство, специализирующееся на новостях Юга России и Закавказья: сайт. URL: <https://caucasustimes.com/ru/cherkesy-irana-ot-rabstva-k-persidskoj-korone/> (дата обращения: 12.12.2020).

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Абхазия... 1988 – *Абхазия* и абхазы средневековых грузинских повествовательных источников. – Тбилиси: «Мецниереба», 1988. – 180 с.

Адыгская... 2006 – *Адыгская* (черкесская) энциклопедия / Глав. ред. М.А. Кумахов. – М.: Фонд им. Б. Х. Акбашева, 2006. – 1247 с.

Адыгэбзэ... 1999 – *Адыгэбзэ* псалгальэ. Словарь кабардино-черкесского языка. Институт гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук. – М.: «Дигора», 1999. – 852 с.

Барановский 1979 – *Барановский Б.* Кавказ и Польша в XVII // Россия, Польша и Причерноморье в XV–XVIII вв. – М.: Наука, 1979. – С. 24–262.

Белокуров 1888 – *Белокуров С.А.* Сношения России с Кавказом. Материалы, извлеченные из Московского Главного архива Министерства иностранных дел. – М.: Тип. Университетская, 1888. – Вып. 1. – Кн. 3. – Отд. 1. – 584 с.

Вагнер 1974 – *Вагнер М.* Кавказ и земля казаков в годы с 1843 до 1846 // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. (АБКНКА) / Сост., ред. переводов, введ. и вступ. ст. к текстам В.К. Гарданова. – Нальчик: Эльбрус, 1974. – С. 629–631.

Гогитидзе 2013 – *Гогитидзе М.Д.* Черкесские военные деятели. – Тбилиси: Издательство «Меридиани», 2013. – 356 с.

Губоглу 1964 – *Губоглу М.* Турецкий источник 1740 г. о Валахии, Молдавии и Украине // Восточные источники по истории народов юго-восточной и центральной Европы. – М.: Институт Востоковедения, 1964. – Т. 1. – С. 131–161.

Гугов 1999 – *Гугов Р.Х.* Кабарда и Балкария в XVIII в. и их взаимоотношения с Россией. – Нальчик: Издательский центр «ЭЛЬ-ФА», 1999. – 685 с.

Дзамихов 2008 – *Дзамихов К.Ф.* Адыги: веги истории. – Нальчик: Эльбрус, 2008. – 811 с.

История... 2007 – *История* многовекового содружества. К 450-летию союза и единения народов Кабардино-Балкарии с Россией. – Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых, 2007. – 719 с.

КРО 1957 – *Кабардино-русские отношения* в XVI–XVIII вв.: Документы и материалы в 2-х томах. – М.: Издательство Академии наук СССР, 1957. – Т. 1. – 478 с.

Казаков 2006 – *Казаков А.В.* Адыги (черкесы) на российской военной службе. Воеводы и офицеры. Середина XVI – начало XX в. Биографический справочник. – Нальчик: ГП КБР «Республиканский полиграфкомбинат им. Революции 1905 г.»; Издательский центр «Эль-Фа», 2006. – 406 с.

Казаков 2017 – *Казаков А.В.* Черкесы на российской государственной и военной службе. – Нальчик.: «Эльбрус», 2017. – 707 с.

Кантемир 2006 – *Кантемир Д.К.* История роста и упадка Оттоманской империи // Северный Кавказ в европейской литературе XIII–XVII веков. Сборник материалов. – Нальчик: ГП «Республиканский полиграфкомбинат им. Революции 1905 г.»; Издательский центр «Эль-Фа», 2006. – С. 98–104.

Кожев 2019 – *Кожев З.А.* Очерки военно-политической истории Черкесии XV–XVI вв. – Нальчик: КБНЦ РАН, 2019. – 142 с.

Крушинский 2002 – *Крушинский М.* Черкесские князья в Польше // Генеалогия Северного Кавказа. – 2002. – № 3. – С. 149–151.

Кушева 1963 – *Кушева Е.Н.* Народы Северного Кавказа и их связи с Россией. Вторая половина XVI – 30-е годы XVII века. – М.: Издательство Академии наук СССР, 1963. – 371 с.

Кушхабиев 1993 – *Кушхабиев А.В.* Черкесы в Сирии. – Нальчик: Издание республиканского фонда «Возрождение», 1993. – 168 с.

- Кушхабиев 1997 – *Кушхабиев А.В.* Черкесская диаспора в арабских странах (XIX–XX вв.). – Нальчик: ИИФЭ КБНЦ РАН, 1997. – 226 с.
- Ливен 2019 – *Ливен А.* Чечня: трагедия российской мощи. Первая чеченская война. – М.: Университет Дмитрия Пожарского; Русский фонд содействия образованию и науке, 2019. – XVI. – 560 с.
- Максидов 2003 – *Максидов А.А.* Адыги и народы Причерноморья. – Нальчик: «Эльбрус», 2003. – 119 с.
- Налоева 2015а – *Налоева Е.Д.* О генерале Эльмурзе Черкасском // *Налоева Е.Д.* Кабарда в первой половине XVIII века: генезис адыгского феодального социума и проблемы социально-политической истории / сост. А.С. Мирзоев. – Нальчик: ООО «Печатный двор», 2015. – С. 199–202.
- Налоева 2015б – *Налоева Е.Д.* Генеалогия кабардинских князей как исторический источник // *Налоева Е.Д.* Кабарда в первой половине XVIII века: генезис адыгского феодального социума и проблемы социально-политической истории / сост. А.С. Мирзоев. – Нальчик: ООО «Печатный двор», 2015. – С. 150–162. (Приложение к книге – альбомом из 14 генеалогических карт)
- Народные... 1986 – *Народные* песни и инструментальные наигрыши адыгов: в 3-х т. Т. 3. Ч. II / Под ред. Е.В. Гиппиуса; Сост. В.Х. Барагунов, З.П. Кардангушев. – М.: Всесоюзное издательство «Советский композитор», 1986. – 487 с.
- Озова 2020 – *Озова Ф.А.* Институт аманатства в черкесско-российских отношениях: 1552–1829 гг. – СПб: Нестор-История, 2020. – 632 с.
- РГВИА – *Российский государственный военно-исторический архив.*
- Сокуров 1999 – *Сокуров В.Н.* Институт выезда на службу у черкесов // *Эльбрус.* – 1999. – № 1. – С. 97–135.
- Сокуров 2011 – *Сокуров В.* Черкесский кондотьер Ивана Грозного. Князь Махошоко Каноков // *Родина.* – 2011. – № 11. – С. 55–58.
- Сокуров 2017 – *Сокуров В.Н.* Феномен политического отчуждения в исторических судьбах черкесского народа / *Çerkes Halkının Tarihinde Politik Yabancılaşma Fenomeni // Kafkasya Çalışmaları – Sosyal Bilimler Dergisi / Journal of Caucasian Studies (JOCAS).* – 2017. – March. – Vol. 2. – № 4. – P. 161–192.
- Смирнов 2005 – *Смирнов В.Д.* Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты: в 2-х т. Т. 1 / отв. ред. С.Ф. Орешкова. – М.: Рубежи XXI, 2005. – 541 с.
- Сукунов, Сукунова 1992 – Черкешенка: сборник / *Сукунов Х.Х., Сукунова И.Х.* – Майкоп: Республиканское издательско-полиграфическое объединение «Адыгея» комитета по печати и информации, 1992. – 305 с.
- Турецкие... 1883 – *Турецкие* анекдоты. Из тридцатилетних воспоминаний Михаила Чайковского (Садык-Паши). – Москва: Университетская типография (М.Катков). 1883. – 420 с.
- Хан Гирей 1974 – *Хан Гирей.* Черкесские предания // *Хан Гирей.* Избранные произведения / Подготовка текста и вступительная статья Р.Х. Хашхожевой. – Нальчик: «Эльбрус», 1974. – С. 55–171.
- Хотко 1999 – *Хотко С.Х.* Генезис черкесских элит в султанате мамлюков и османской империи. – Майкоп: «Меоты», 1999. – 279 с.
- Хотко 2017 – *Хотко С.Х.* Черкесия. Генезис, этнополитические связи со странами Восточной Европы и Ближнего востока (XIII–XVI вв.). – Майкоп: Адыгейское республиканское книжное издательство, 2017. – 543 с.
- Челеби 1979 – *Челеби Э.* Книга путешествия. Вып. 2: Земли Северного Кавказа, Поволжья и Донья / Пред. А.П. Григорьева; Прим. и комм. А.П. Григорьева и А.Д. Желтякова. – М.: Наука, 1979. – 287 с.

Челеби 1983 – *Челеби Э.* Книга путешествия. Вып. 3: Земли Закавказья и сопредельных областей Малой Азии и Ирана / Составитель и ответственный редактор А.Д. Желтяков. – М.: «Наука», 1983. – 376 с.

Челеби 2008 – *Челеби Э.* Книга путешествия. Крым и сопредельные области. Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII в. / Пер. Е.В. Бахревского. – Симферополь: «Доля», 2008. – 272 с.

Лемерсье-Келькеже 2009 – *Лемерсье-Келькеже, Шанталь.* Социальная, политическая и религиозная структура Северного Кавказа в XVI в. // Восточная Европа средневековья и раннего нового времени глазами французских исследователей. – Казань: Институт истории АН РТ, 2009. – С. 272–294.

Шеуджен, Хотко 2019 – *Шеуджен Э., Хотко С.* История адыгов (черкесов): военно-антропологический подход. – Майкоп: ООО «Полиграф-ЮГ», 2019. – 392 с.

REFERENCES

Abkhaziya i abkhazy srednevekovykh gruzinskikh povestvovatel'nykh istochnikov [Abkhazia and Abkhazians of medieval Georgian narrative sources]. – Tbilisi: «Metsniereba», 1988. – 180 p. (In Russian)

Adygebze psal'al'e. Slovar' kabardino-cherkesskogo yazyka [Dictionary of the Kabardino-Circassian language]. – М.: «Digora», 1999. – 852 p. (In Russian; In Kabardian; In Circassian)

Adygskaya (cherkesskaya) entsiklopediya / Glav. red. M.A. Kumakhov [Adyghe (Circassian) encyclopedia. Ed. by M.A. Kumakhov]. – М.: Fond im. B. Kh. Akbasheva, 2006. – 1247 p. (In Russian)

BARANOVSKY B. *Kavkaz i Pol'sha v XVII* [Caucasus and Poland in the XVII]. IN: *Rossiya, Pol'sha i Prichernomor'e v XV–XVIII vv.* [Russia, Poland and the Black Sea region in the XV–XVIII centuries]. – М.: Nauka, 1979. – P. 24–262. (In Russian)

BELOKUROV S.A. Snosheniya Rossii s Kavkazom. Materialy, izvlechenyye iz Moskovskogo Glavnogo arkhiva Ministerstva inostrannykh del [Relations between Russia and the Caucasus. Materials extracted from the Moscow Main Archive of the Ministry of Foreign Affairs]. – М.: Tip. Universitetskaya, 1888. – Iss. 1. – Book 3. – Part 1. – 584 p. (In Russian)

ÇELEBI E. *Kniga puteshestviya. Krym i sopredel'nye oblasti. Izvlecheniya iz sochineniya turetskogo puteshestvennika XVII v. / Per. E.V. Bakhrevskogo* [Travel book. Crimea and adjacent regions. Extracts from the work of a Turkish traveler of the 17th century / Translated by E.V. Bakhrevsky]. – Simferopol': «Dolya», 2008. – 272 p. (In Russian)

ÇELEBI E. *Kniga puteshestviya. Vyp. 2: Zemli Severnogo Kavkaza, Povolzh'ya i Don'ya / Pred. A.P. Grigor'eva; Prim. i komm. A.P. Grigor'eva i A.D. Zheltyakova* [Travel book. Issue 2: Lands of the North Caucasus, the Volga and Don regions / Foreword by A.P. Grigoriev, A.D. Notes and comments by A.P. Grigoriev and A.D. Zheltyakov]. – М.: Nauka, 1979. – 287 p. (In Russian)

ÇELEBI E. *Kniga puteshestviya. Vyp. 3: Zemli Zakavkaz'ya i sopredel'nykh oblastei Maloi Azii i Irana / Sostavitel' i otvetstvennyi redaktor A.D. Zheltyakov* [Travel book. Issue 3: Lands of Transcaucasia and adjacent regions of Asia Minor and Iran / Compiled and edited by A.D. Zheltyakov]. – М.: «Наука», 1983. – 376 p. (In Russian)

Cherkeshenka: sbornik / Eds. Sukunov Kh.Kh., Sukunova I.Kh. [Cherkeshenka: collection]. – Майкоп: Respublikanskoe izdatel'sko-poligraficheskoe ob"edinenie «Adygeya» komiteta po pechati i informatsii, 1992. – 305 p. (In Russian)

DZAMIKHOV K.F. *Adygi: vekhi istorii* [Adyghes: milestones of history]. – Nalchik: El'brus, 2008. – 811 p. (In Russian)

GOGITIDZE M.D. *Cherkesskie voennye deyateli* [Circassian military leaders]. – Tbilisi: Izdatel'stvo «Meridiani», 2013. – 356 p. (In Russian)

GUBOGLU M. *Turetskii istochnik 1740 g. o Valakhii, Moldavii i Ukraine* [Turkish source of 1740 about Wallachia, Moldavia and Ukraine]. IN: *Vostochnye istochniki po istorii narodov*

yugo-vostochnoi i tsentral'noi Evropy [Eastern sources on the history of the peoples of southeastern and central Europe]. – M.: Institut Vostokovedeniya, 1964. – T. 1. – P. 131–161. (In Russian)

GUGOV R.Kh. *Kabarda i Balkariya v XVIII v. i ikh vzaimootnosheniya s Rossiei* [Kabarda and Balkaria in the 18th century and their relationship with Russia]. – Nalchik: Izdatel'skii tsentr «EL'-FA», 1999. – 685 p. (In Russian)

Istoriya mnogovekovogo sodruzhestva. K 450-letiyu soyuza i edineniya narodov Kabardino-Balkarii s Rossiei [The history of the centuries-old unity. To the 450th anniversary of the union and unity of the peoples of Kabardino-Balkaria with Russia]. – Nalchik: Izdatel'stvo M. i V. Kotlyarovykh, 2007. – 719 p. (In Russian)

Kabardino-russkie otnosheniya v XVI–XVIII vv.: Dokumenty i materialy v 2-kh tomakh [Kabardino-Russian relations in the XVI–XVIII centuries: Documents and materials in 2 volumes]. – M.: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1957. – Vol. 1. – 478 p. (In Russian)

KANTEMIR D.K. *Istoriya rosta i upadka Ottomanskoi imperii* [History of the rise and decline of the Ottoman Empire]. IN: *Severnyi Kavkaz v evropeiskoi literature XIII–XVII vekov. Sbornik materialov* [North Caucasus in European literature of the XIII–XVII centuries. Collection of materials]. – Nalchik: GP «Respublikanskii poligrafkombinat im. Revolyutsii 1905 g.»; Izdatel'skii tsentr «El'-Fa», 2006. – P. 98–104. (In Russian)

KAZAKOV A.V. *Adygi (cherkesy) na rossiiskoi voennoi sluzhbe. Voevody i ofitsery. Seredina XVI – nachalo XX v. Biograficheskii spravochnik* [Adygs (Circassians) in the Russian military service. Governors and officers. Mid 16th – early 20th century Biographical reference book]. – Nalchik: GP KBR «Respublikanskii poligrafkombinat im. Revolyutsii 1905 g.»; Izdatel'skii tsentr «El'-Fa», 2006. – 406 p. (In Russian)

KAZAKOV A.V. *Cherkesy na rossiiskoi gosudarstvennoi i voennoi sluzhbe* [Circassians in the Russian state and military service]. – Nalchik.: «El'brus», 2017. – 707 p. (In Russian)

KHAN GIREI. *Cherkesskie predaniya* [Circassian legends]. IN: KHAN GIREI. *Izbrannye proizvedeniya / Podgotovka teksta i vstupitel'naya stat'ya R.Kh. Khashkhozhevoi* [Selected works / Preparation of the text and introductory article by R.Kh. Khashkhozheva]. – Nalchik: «El'brus», 1974. – P. 55–171. (In Russian)

KHOTKO S.Kh. *Cherkesiya. Genezis, etnopoliticheskie svyazi so stranami Vostochnoi Evropy i Blizhnego vostoka (XIII–XVI vv.)* [Circassia. Genesis, ethnopolitical ties with the countries of Eastern Europe and the Middle East (XIII–XVI centuries)]. – Maikop: Adygeiskoe respublikanskoe knizhnoe izdatel'stvo, 2017. – 543 p. (In Russian)

KHOTKO S.Kh. *Genezis cherkesskikh elit v sultanate mamlyukov i osmanskoii imperii* [The genesis of the Circassian elites in the Mamluk sultanate and the Ottoman Empire]. – Maikop: «Meoty», 1999. – 279 p. (In Russian)

KOZHEV Z.A. *Ocherki voenno-politicheskoi istorii Cherkessii XV–XVI vv.* [Essays on the military and political history of Circassia in the 15th – 16th centuries]. – Nalchik: KBNTs RAN, 2019. – 142 p. (In Russian)

KRUSHINSKY M. *Cherkesskie knyaz'ya v Pol'she* [Circassian princes in Poland]. IN: *Genealogiya Severnogo Kavkaza*. – 2002. – No. 3. – P. 149–151. (In Russian)

KUSHEVA E.N. *Narody Severnogo Kavkaza i ikh svyazi s Rossiei. Vtoraya polovina XVI – 30-e gody XVII veka* [The peoples of the North Caucasus and their ties with Russia. Second half of the 16th – 30s of the 17th century]. – M.: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1963. – 371 p. (In Russian)

KUSHKHABIEV A.V. *Cherkesskaya diaspora v arabskikh stranakh (XIX–XX vv.)* [Circassian Diaspora in Arab Countries (XIX–XX centuries)]. – Nalchik: IIFE KBNTs RAN, 1997. – 226 p. (In Russian)

KUSHKHABIEV A.V. *Cherkesy v Sirii* [Circassians in Syria]. – Nalchik: Izdanie respublikanskogo fonda «Vozrozhdenie», 1993. – 168 p. (In Russian)

LEMERCIER-QUELQUEJAY, CHANTAL. *Sotsial'naya, politicheskaya i religioznaya struktura Severnogo Kavkaza v XVI v.* [Social, political and religious structure of the North Caucasus in the 16th century]. IN: *Vostochnaya Evropa srednevekov'ya i rannego novogo vremeni glazami frantsuzskikh issledovatelei* [Eastern Europe of the Middle Ages and the early modern period through the eyes of French researchers]. – Kazan': Institut istorii AN RT, 2009. – P. 272–294. (In Russian)

LIVEN A. *Chechnya: tragediya rossiiskoi moshchi. Pervaya chechenskaya voina* [Chechnya: the tragedy of Russian power. First Chechen war]. – M.: Universitet Dmitriya Pozharskogo; Russkii fond sodeistviya obrazovaniyu i nauke, 2019. – XVI. – 560 p. (In Russian)

MAKSIDOV A.A. *Adygi i narody Prichernomor'ya* [Adygs and the peoples of the Black Sea region]. – Nalchik: «El'brus», 2003. – 119 p. (In Russian)

NA IGI KBNTs RAN – *Nauchnyi arkhiv Instituta gumanitarnykh issledovanii Kabardino-Balkarskogo nauchnogo tsentra RAN* [Scientific archive of the Institute for Humanitarian Research of the Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences]. (In Russian)

NALOEVA E.D. *Genealogiya kabardinskikh knyazei kak istoricheskii istochnik* [Genealogy of Kabardian princes as a historical source]. IN: NALOEVA E.D. *Kabarda v pervoi polovine XVIII veka: genezis adygskogo feodal'nogo sotsiuma i problemy sotsial'no-politicheskoi istorii / sost. A.S. Mirzoev* [Kabarda in the first half of the 18th century: the genesis of the Adyghe feudal society and problems of socio-political history. Compiled by A.S. Mirzoev]. – Nalchik: OOO «Pechatnyi dvor», 2015. – P. 150–162. (An application to the book – An album of 14 genealogical maps is) (In Russian)

NALOEVA E.D. *O generale El'murze Cherkasskom* [About General Elmurz Cherkassky]. IN: NALOEVA E.D. *Kabarda v pervoi polovine XVIII veka: genezis adygskogo feodal'nogo sotsiuma i problemy sotsial'no-politicheskoi istorii / sost. A.S. Mirzoev* [Kabarda in the first half of the 18th century: the genesis of the Adyghe feudal society and problems of socio-political history. Compiled by A.S. Mirzoev]. – Nalchik: OOO «Pechatnyi dvor», 2015. – P. 199–202. (In Russian)

Narodnye pesni i instrumental'nye naigryshi adygov: v 3-kh t. T. 3. Ch. II / Pod red. E.V. Gippiusa; Sost. V.H. Baragunov, Z.P. Kardangushev [Folk songs and instrumental tunes of the Circassians. Ed. by E.V. Gippius; Compiled by V.H. Baragunov, Z.P. Kardangushev]. – M.: Vsesoyuznoe izdatel'stvo «Sovetskii kompozitor», 1986. – 487 s. (In Russian; In Kabardian; In Circassian)

OZOVA F.A. *Institut amanatstva v cherkessko-rossiiskikh otnosheniyakh: 1552–1829 gg.* [Institute of amanity in Circassian-Russian relations: 1552–1829]. – SPb: Nestor-Istoriya, 2020. – 632 p. (In Russian)

RGVIA – *Rossiiskii gosudarstvennyi voenno-istoricheskii arkhiv* [Russian State Military Historical Archive]. (In Russian)

SHEUDZHEN E., KHOTKO S. *Istoriya adygov (cherkesov): voenno-antropologicheskii podkhod* [The history of the Circassians: a military-anthropological approach]. – Maikop: OOO «Poligraf-YuG», 2019. – 392 p. (In Russian)

SMIRNOV V.D. *Krymskoe khanstvo pod verkhovenstvom Otomanskoi Porty: v 2-kh t. T. 1 / otv. red. S.F. Oreshkova* [Crimean Khanate under the rule of the Ottoman Port: in 2 vols. Vol. 1. Ed. by S.F. Oreshkova]. – M.: Rubezhi XXI, 2005. – 541 p. (In Russian)

SOKUROV V. *Cherkesskii kondot'er Ivana Groznogo. Knyaz' Makhoshoko Kanokov* [Circassian Condottier Ivan the Terrible. Prince Mahoshoko Kanokov]. IN: *Rodina*. – 2011. – No. 11. – P. 55–58. (In Russian)

SOKUROV V.N. *Fenomen politicheskogo otchuzhdeniya v istoricheskikh sud'bakh cherkesskogo naroda / Çerkes Halkının Tarihinde Politik Yabancılaşma Fenomeni* [The Phenomenon of Political Alienation in the Historical Fates of the Circassian People]. IN: *Kafkasya Çalışmaları – Sosyal Bilimler Dergisi* [Journal of Caucasian Studies (JOCAS)]. – 2017. – March. – Vol. 2. – No. 4. – P. 161–192. (In Russian)

SOKUROV V.N. *Institut vyezda na sluzhbu u cherkosov* [Institute of departure for the service of the Circassians]. IN: *El'brus*. – 1999. – No. 1. – P. 97–135. (In Russian)

Turetskie anekdoty. Iz tridtsatiletnikh vospominanii Mikhaila Chaikovskogo (Sadyk-Pashi) [Turkish anecdotes. From the thirty-year memories of Mikhail Tchaikovsky (Sadyk-Pasha)]. – M.: Universitetskaya tipografiya (M.Katkov). 1883. – 420 p. (In Russian)

VAGNER M. *Kavkaz i zemlya kazakov v gody s 1843 do 1846* [Caucasus and the land of the Cossacks in the years from 1843 to 1846]. IN: *Adygi, balkartsy i karachaevtsy v izvestiyakh evropeiskikh avtorov XIII–XIX vv. / Sost., red. perevodov, vved. i vstup. st. k tekstam V.K. Gardanova* [Adyghes, Balkars and Karachays in the reports of European authors of the 13th – 19th centuries. Edited by V.K. Gardanov]. – Nalchik: El'brus, 1974. – P. 629–631. (In Russian)

ИСТОРИЯ, ЭТНОЛОГИЯ И АРХЕОЛОГИЯ**Новейшая история**

УДК 94 «1917–1920»

DOI 10.31143/2542-212X-2021-1-67-80

**АДМИНИСТРАТИВНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНОЕ ДЕЛЕНИЕ ТЕРЕКА И
ДАГЕСТАНА В ПЕРИОД РЕВОЛЮЦИИ И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ,
1917–1920 гг.****В.Б. ЛОБАНОВ**

*Военная академия связи имени Маршала Советского Союза С.М. Буденного
194064, г. Санкт-Петербург, Тихорецкий проспект, д. 3
E-mail: lobanov19772009@yandex.ru*

Аннотация. В статье рассматривается тематика, связанная с национально-государственным строительством на Тереке и в Дагестане в 1917–1920 гг. Уделяется внимание проблематике создания региональных правительств различной политической направленности. Поднимается вопрос о противостоянии терского казачества, горских деятелей и исламистов. Особое внимание уделяется внешнеполитическому фактору, влиявшему на ход событий в регионе. Актуальность темы исследования реалий начала XX в. вызвана не только 100-летним юбилеем революционных событий 1917–1922 гг., но и чрезвычайной схожестью событий вековой давности с тем, что в регионе происходит в настоящее время. Отмечено, что горские деятели либерально-демократического толка не смогли создать полноценной государственности, что оттолкнуло основную массу местного населения. Показано, что белогвардейцы в глазах местных жителей ассоциировались со старым режимом и не смогли консолидировать их вокруг себя. Шариатисты отражали точку зрения небольшой части горского населения, были критически зависимы от большевиков и внешнего фактора (Грузия, Азербайджан, турки). Доказано, что только окончательная советизация региона спасла его от самоуничтожения и вернула его на созидательный путь развития.

Ключевые слова: Терек; Дагестан; терские казаки; горцы; исламисты; Горское правительство; Деникин; Гоцинский.

**ADMINISTRATIVE-TERRITORIAL DIVISION OF THE TEREK REGION
AND DAGESTAN DURING THE REVOLUTION AND CIVIL WAR,
1917–1920****V.B. LOBANOV**

*Military Academy of Communications named after Marshal of the Soviet Union S. M. Budyonny
194064, St. Petersburg, Tikhoretsky Prospekt, 3
E-mail: lobanov19772009@yandex.ru*

Abstract. The article deals with the topics related to the national-state construction on the Terek River and in Dagestan in 1917–1920. Attention is paid to the problems of creating regional governments of various political orientations. The question of the confrontation between the Terek Cossacks, mountain leaders and Islamists is raised. Special attention is paid to the foreign policy factor that influenced the course of events in the region. The relevance of the research topic of the realities of the beginning of the XX century. It is caused not only by the 100th anniversary of the revolutionary events of 1917–1922, but also by the extreme similarity of the events of a century ago with what is happening in the region at the present time. It is noted that the mountain leaders of the liberal-democratic sense could not create a full-fledged statehood, which alienated the bulk of the local population. It is shown that the White Guards in the eyes of local residents were associated with the old regime and could not consolidate them around themselves. The Sharia reflected the point of view of a small part of the mountain population, and were critically dependent on the Bolsheviks and the external factor (Georgia, Azerbaijan, and the Turks). It is proved that only the final Sovietization of the region saved it from self-destruction and returned it to the creative path of development.

Keywords: Terek; Dagestan; Terek Cossacks; mountaineers; Islamists; Mountain government; Denikin; Gotsinsky.

Введение

Историография затрагиваемой тематики достаточно обширна. Еще в 1920–1930-е годы были заложены основы советского вектора изучения данной тематики. В настоящее время исследование истории Гражданской войны в России, начавшееся на рубеже 1980–1990-х годов, продолжается до сих пор и характеризуется полным отказом от догматических идеологических установок предыдущего периода.

Особый вклад в изучение проблематики внес московский исследователь В.Ж. Цветков. Плодотворное изучение темы привело его к изданию как обобщающих работ по истории военных и общественно-политических аспектов Белого движения на юге России, так и отдельных публикаций, касающихся Северного Кавказа, Закавказья, британского участия в событиях 1918–1920 гг. в южных регионах бывшей Российской империи [Цветков 1998; Цветков 2003].

Широкий спектр вопросов, связанных с участием отдельных горских народов Северного Кавказа и терского казачества в антибольшевистском движении, в своих работах затрагивает московский исследователь Р.Г. Гагкуев [Гагкуев 2005; Гагкуев 2019].

Значительный вклад в историографию Белого движения в целом и его северокавказского аспекта внес петербургский исследователь А.С. Пученков. Он проанализировал мероприятия руководства, направленные на выстраивание отношений с бывшими регионами и народами Российской империи, которые создали свои государства, так и с теми, кто оказался в сфере непосредственного влияния Вооруженных сил юга России [Пученков 2016].

Ингушский исследователь Т.Х. Матиев в своих работах затрагивает проблематику, связанную с горским движением в дореволюционную эпоху, созданием национально-административных единиц после победы Февральской революции, влиянием религиозного фактора на ход революции в регионе, ролью мировых держав и стран-соседей (Грузия), освещением событий 1917–1920 гг. на страницах горской печати [Матиев 2020а; Матиев 2020б].

Большой вклад внес осетинский автор Ф.С. Киреев, реконструировавший участие терского казачества и осетинского населения в Гражданской войнах в составе белых армий юга России [Киреев 2018].

Вопросы, связанные с вооруженной борьбой в Дагестане в период 1918 – начала 1919 гг., в своих статьях исследует махачкалинский исследователь Р.Т. Джамбулатов. Показаны погромы слободы Хасав-Юрта в 1918 г., сражения между местной контрреволюцией в лице исламистов и Горского правительства и местных и астрахано-бакинских красных сил за господство в северокавказском регионе [Джамбулатов 2007; Джамбулатов 2008].

Постсоветский период характеризуется опровержением советских догматических установок о персоналиях и ведущих силах антибольшевистского лагеря в регионе. В частности, исследование А.Ю. Безугольного касается биографии активного участника антибольшевистского движения в Дагестане генерала Л.Ф. Бичерахова [Безугольный 2011].

Оборонительный автономизм (федерализм). Март – ноябрь 1917 г., Союз объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана, Терское казачье правительство

Падение монархии в России в начале марта 1917 г. всколыхнуло во всех уголках обширного государства доселе невиданную волну общественного движения различного толка. Самой активной силой, воспользовавшейся политическими переменами в стране, были представители северокавказской умеренной либеральной военной и гражданской интеллигенции. Среди них стоит выделить Б.А. Шаханова, А.-М.А. Чермоева, П.Т. Коцева, В.-Г.И. Джабагиева. Они во многом ориентировались на российские либеральные и умеренно-социалистические круги, а после младотурецкой революции и на опыт Османской империи. Именно они начали организовывать на местах новые органы власти, создавать немислимые до того момента национальные советы. Они же выступили инициаторами созыва первоначально общетерского, а затем и северокавказского горского съезда, который должен был подвести первые итоги деятельности региональных органов власти Временного правительства и наметить новые направления их деятельности.

Майский съезд 1917 г. во Владикавказе [Союз... 1994: 26–27] в начале своей работы выразил полную лояльность новой центральной революционной власти в Петрограде и в качестве основной цели провозгласил доведение Терской и Дагестанской областей до Учредительного собрания, которое должно было разрешить все назревшие вопросы. Горские деятели видели единым будущее Терка и Дагестана в качестве штата в составе будущей

свободной демократической федеративной Российской республики. В качестве практических результатов съезда следует указать составление конституции [Материалы... 2014: 79–81] для горских регионов Терека и Дагестана и создание Духовного управления мусульман Северного Кавказа во главе с известным религиозным деятелем Н. Гоцинским.

Не случайным был тот факт, что вокруг последнего и ряда других религиозных деятелей концентрировались те, кого тогда было принято называть «шариатистами». Именно они составляли вторую могущественную силу региона, провозгласившую своей целью создание на территориях Кавказа с преимущественно мусульманским населением шариатской монархии. Их поддерживало значительное число горцев как на Тереке, так и в Дагестане. Основные центры мусульманского движения были расположены именно в Дагестане, где начинали свою деятельность такие значимые фигуры этого движения как Нажмуддин Гоцинский, Узун-Хаджи Салтинский и Али-Хаджи Акушинский.

Вначале шариатисты поддерживали деятельность образованного Центрального Комитета (ЦК) Союза объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана, однако затем их пути разошлись [Объединить... 2016: 148]. В деятельности исламистов, сделавших Дагестан своим форпостом, превалировал религиозный компонент, в то время как на повестке дня после победы Февральской революции было решение социально-экономических вопросов. Этим умело воспользовались немногочисленные социалисты области во главе с Д.А. Коркмасовым, которые в своей деятельности позже успешно противопоставили интересы руководителей «шариатистов» и простых горцев, перетянув симпатии последних на свою сторону.

Еще одной силой, которая в силу ряда объективных исторических особенностей была наиболее могущественной в военном и экономическом отношении на Тереке, было терское казачество. В краткий период деятельности Временного правительства именно казачество выступало как революционная сила, призванная кардинально изменить ситуацию в регионе. Во многом это произошло благодаря той роли, которую играл М.А. Караулов [Лобанов 2013b: 66] сначала как депутат Государственной Думы II и IV созывов, затем как член Временного комитета Государственной Думы, и, наконец, как первый после долгого периода избранный, а не назначенный из центра атаман терского казачества. Авторитет этого человека привел к относительному сближению горских и казачьих интересов на почве реализации местными органами власти мероприятий Временного правительства. Получилось так, что именно благодаря его усилиям терское казачество выступило в качестве революционной силы на защиту достижений революционного правительства против чеченцев и ингушей. Последние, не дождавшись земельного передела в свою пользу, летом 1917 г. фактически начали активные боевые действия против казаков и их союзников осетин, за что были объявлены контрреволюционной силой. Обстановку дополнительно дестабилизировали местные и возвращавшиеся с Кавказского фронта воинские части, которые казачество пыталось не без успеха привлечь в конфликте на свою сторону.

Горские и казачьи деятели пытались общими усилиями решить начинавшийся конфликт.

Симптоматично, что им не удалось этого сделать. У сторон не было реальных рычагов давления на противоборствующие стороны. Горцы обвиняли свое руководство в потворстве казакам. Те, в свою очередь, считали, что атаман М.А. Караулов недостаточно твердо отстаивает их интересы. Понимая, что новое революционное правительство не было в состоянии навести на территории страны элементарный порядок, местные горские и казачьи круги стали приходить к мысли об организации собственных региональных политических структур. Первоначально речь шла о создании Юго-Восточного союза, в который планировалось включить территории казачьих войск юга России.

Незадолго до Октябрьского переворота в Петрограде горские деятели договорились о создании на базе ЦК Союза объединенных горцев собственного правительства, в ведение которого перешли бы горские территории Терека и Дагестана. В свою очередь терское казачье руководство решило создать свое правительство. Чтобы стабилизировать ситуации на Тереке, областное руководство приняло решение подчинить вооруженные силы, базировавшиеся в области, местному руководству. Их возглавил командующий Кавказским туземным конным корпусом генерал П.А. Половцов, возвратившийся на Кавказ в сентябре 1917 г. после участия в Корниловском выступлении.

Оборонительный антибольшевистский сепаратизм общерусской ориентации. Декабрь 1917 – март 1918, Временное Терско-Дагестанское правительство

Создание объединенного антибольшевистского казачье-горского правительства удалось осуществить только после свержения Временного правительства. Наиболее дальновидным местным политическим деятелям стало очевидно, что выжить поодиночке, попытавшись отгородить свой регион от большевизма, не удастся. 1 (14) декабря 1917 г. на объединенном собрании во Владикавказе было принято решение создать Временное Терско-Дагестанское правительство [Пученков 2016: 182], куда вошли представители Горского и Терского войскового правительств и представители земств и городов терско-дагестанского региона. Во главе нового правительства, которое должно было организовать сопротивление новой власти в Петрограде и остановить большевизацию двух северокавказских областей, стал наиболее авторитетный региональный лидер, активный деятель Февральской революции, терский атаман М.А. Караулов.

Следует отметить, что почти сразу же после образования этого правительства стало ясно, что оно не пользовалось достаточным авторитетом среди всех социальных и этнических групп местного населения. Начавшееся на Тереке на рубеже 1917–1918 гг. этническое противостояние [Джамбулатов 2007: 143], в котором на одной стороне были ингуши и чеченцы, а с другой – терские казаки и осетины, показало, что новосозданное региональное

руководство не было в состоянии его остановить и решить все назревшие земельные и национальные противоречия [Киреев 2018: 79]. В этой ситуации убийство М.А. Караулова 13(26) декабря 1917 г. на станции в Пятигорске была ярким тому подтверждением. Назначенный после его гибели новым главой правительства Р.-Х.З. Капланов обладал куда меньшими возможностями влиять на местную ситуацию, чем погибший терский атаман.

Социалистическая группа Терека, находившаяся под сильным влиянием большевиков во главе с С.М. Кировым, созвала в январе 1918 г. в Моздоке I-й Терский народный съезд. Было принято решение легально переломить ситуацию в свою пользу. Место съезда было выбрано не случайно, так как местный казачий совдеп под руководством полковника Т.Р. Рымаря не решался начать широкомасштабные военные действия против чеченцев без одобрения большевиков.

Большевистские руководители в союзе с другими социалистами проявили себя как посредники в разгоревшемся военно-политическом противостоянии, фактически блокировав начало широкомасштабных боевых действий против горцев. Казаки в одночасье были объявлены контрреволюционерами, выступавшими против мероприятий центральной Советской власти. Было создано общесоциалистическое руководство Терека – Терский народный совет во главе с левым эсером Ю.Г. Пашковским, которое намеревалось на следующей сессии съезда пригласить чеченцев и ингушей для решения общеобластных задач.

Первая советизация региона. Март 1918 – февраль 1919 гг., Терская советская республика. Апрель – август 1918 г., Советский Дагестан

Решения II-го Терского народного съезда, проходившего в феврале – марте 1918 г. сначала в Пятигорске, а затем во Владикавказе, фактически приостановили межэтническую войну на Тереке за счет обещаний о частичной передаче земель терского казачества нуждавшимся горцам. Одновременно съезд провозгласил создание Терской советской республики и признание 4(17) марта 1918 г. центральной Советской власти [Вайнахи... 2011: 264–265]. Большевики смогли победить на областном уровне, перетянув на свою сторону горские народы, одновременно настроив против себя широкие массы терских казаков.

Параллельно с захватом большевиками власти на Тереке те же процессы происходили в Дагестане. Однако здесь ситуация с пролетариатом, т.е. с большевистской опорой, была еще более плачевной, чем в соседней области. Главным пролетарским центром был приморский Порт-Петровск, где большевики в конце 1917 г. безболезненно получили власть. В столице же области Темир-Хан-Шуре местным социалистам пришлось довольно упорно бороться против исламистов во главе с Н. Гоцинским. Одним из центральных моментов в этом противостоянии был III-й Дагестанский съезд, проходивший в январе 1918 г.

Социалисты воспользовались сложившейся ситуацией, когда напуганное население столицы и ближайших округов области отшатнулось от пришедших в Темир-Хан-Шуру вооруженных отрядов Н. Гоцинского и фактически объединилось вокруг деятелей Дагестанского облисполкома. Последние, умело используя религиозное чувство местных жителей, назначили в пику Н. Гоцинскому, намеревавшемуся насадить в Дагестане шариатское правление, нового шейх-уль-ислама – Али-Хаджи Акушинского, тем самым расколов единый лагерь шариатистов. Начавшееся вооруженное противостояние шариатистов и большевиков привело к тому, что в мае 1918 г. силы большевиков захватили дагестанскую столицу. Область была провозглашена частью РСФСР, началось проведение социально-экономических преобразований Советской власти. Ситуация осложнялась тем, что силы исламистов не были окончательно уничтожены, противостояние осложнялось примерным равенством сил противоборствующих сторон и сложным географическим театром боевых действий.

К середине 1918 г. на Тереке сложилось положение, при котором вчерашние угнетатели превратились в угнетенных, что отрицательно сказалось на положении региональной Советской власти. Терские большевики под нажимом чеченцев и ингушей на III-м Терском народном съезде, проходившем в мае 1918 г., приняли решение провести передел казачьих земель в пользу горцев. Хрупкий межнациональный мир был нарушен радикальным проектом передела земельной собственности.

Восстание, начавшееся в июне 1918 г., было подавлено в ноябре [Гагкуев 2005: 102]. Антибольшевистские силы, формально многочисленные, не смогли разгромить силы Терской советской республики. Выступление было внутренне ослаблено различными политическими ориентациями его руководства. Одна часть ориентировалась на Добровольческую армию генерала А.И. Деникина, другая фактически поддерживала Уфимскую директорию. Восстание было разгромлено именно в тот момент, когда к западным границам Терской области с боями пробивались добровольческие силы [Лобанов 2013а: 64].

Вооруженная борьба большевиков и шариатистов в Дагестанской области была прервана в августе 1918 г., когда с южных границ Дагестана вдоль каспийского побережья стали наступать вооруженные силы под командованием полковника Л.Ф. Бичерахова [Гагкуев 2019: 201]. Последний, выбив большевиков из основных центров Дагестана, фактически стал его диктатором. Пополнив свои силы и заручившись поддержкой Временного Всероссийского правительства, Л.Ф. Бичерахов попытался создать местное антибольшевистское Каспийско-Кавказское правительство.

Планы Л.Ф. Бичерахова были нарушены вторжением в октябре 1918 г. в Дагестан турецко-горских сил. Формально турки были приглашены деятелями новой Горской республики, которая претендовала на наследие своих предшественников рубежа 1917–1918 гг.

Оборонительный антибольшевистский сепаратизм с внешней ориентацией (Османская империя). Май 1918 – май 1919 гг., Горская республика

Вынужденно покинув свою столицу – Владикавказ в марте 1918 г., горские деятели 28 апреля (11 мая) 1918 г. в Батуме провозгласили при поддержке Османской империи создание Горской республики [Матиев 2020а: 78]. Военно-политическая ситуация в Закавказье весной – летом 1918 г. складывалась таким образом, что регион был захвачен немцами и турками, причем последние в сентябре 1918 г. захватили Азербайджан, после чего двинулись на север, в сторону Дагестана.

Объединенные турецко-горские силы встретили ожесточенное сопротивление со стороны войск Л.Ф. Бичерахова [Бичерахов 2011: 217]. Последние фактически выступали как единственная русская сила, продолжавшейся на Кавказе Первой мировой войны. 26 октября (8 ноября) 1918 г. бичераховцы потерпели поражение и покинули Порт-Петровск. Турки недолго хозяйничали в Дагестане, так как должны были по договору с британцами покинуть территорию области в конце 1918 г. в качестве проигравшей стороны в Первой мировой войне. На смену туркам на Кавказ пришли британцы.

Возвращение «старого режима»: «все, как было, но похуже». Январь 1919 – март 1920 гг., Терско-Дагестанский край ВСЮР

В начале 1919 гг. войска Добровольческой армии, а затем Вооруженных сил Юга России под командованием генерала А.И. Деникина разгромили войска Южного и Каспийско-Кавказского фронтов большевиков и заняли основные центры Терской области [Джамбулатов 2008: 78]. Горское правительство, обосновавшееся в Дагестане в конце 1918 г., также претендовало на территорию Терека [Матиев 2020b: 110]. Неминуемый конфликт первоначально принял формы взаимного дипломатического давления и попыток апелляции к новым хозяевам Кавказа – британцам. Формально последние явились в регион для помощи всем силам России, боровшимся с большевизмом.

Было очевидно, что присутствие сил Британской индийской армии в Азербайджане и Дагестане являлось слабо прикрытой вооруженной интервенцией [Цветков 2003: 100]. Она обеспечивала бесперебойную экономическую эксплуатацию региона, прежде всего нефтяных промыслов Бакинского района. Не случайно, что первым мероприятием британцев было взятие под свой контроль железной дороги Баку-Батум для перевозки нефти с Каспийского моря [Громадное... 2015: 232; Пученков 2020: 34] на Черное. Британцы планировали занятие грозненского и майкопского нефтяных районов, однако они были вовремя заняты войсками генерала А.И. Деникина. Формально, будучи союзником как горских, так и белогвардейских деятелей, британцы фактически осуществляли в регионе свою собственную политику.

Осуществляя центральный тезис своей политической программы о воссоздании Единой, Неделимой России и используя двойственную политику британцев, добровольческому командованию удалось провести молниеносную наступательную операцию по захвату Дагестана в мае 1919 г. Следует особо отметить, что реальных военно-политических механизмов обеспечения собственной независимости у горских деятелей не было. Некоторые горские деятели покинули Темир-Хан-Шуру и обосновались в Тифлисе. Часть осталась на месте, став в ряды добровольческого истеблишмента в регионе. В частности, генерал А.И. Деникин назначил одного из ведущих руководителей Горской республики генерала М.М. Халилова правителем Дагестана, подчинив его главе Терско-Дагестанского края ВСЮР генералу И.Г. Эрдели.

Итак, в мае 1919 г. белогвардейские войска занимали основные центры Терско-Дагестанского края. Резиденцией главы нового белого региона был выбран Пятигорск. Белогвардейцы, став основной антибольшевистской силой региона, потенциально имели возможность предложить народам Терека и Дагестана возможность новой инкорпорации в государственный организм возрождавшейся России. По крайней мере первые шаги в этом направлении говорили о таком намерении со стороны белого командования.

Разгромив региональную Советскую власть, главнокомандующий ВСЮР через руководителя Терско-Дагестанского края, тогда еще генерала В.П. Ляхова, назначил правителей в каждый национальный округ Терека [Цветков 1998: 88]. Получалось, что власть над шестью национальными округами области изымалась из компетенции терского атамана и передавалась непосредственно руководителю края. При каждом правителе округа образовывались советы по решению местных вопросов. Это был значительный шаг вперед по сравнению с дореволюционным администрированием. Во главе каждого округа были поставлены кадровые военные, отличившиеся в ходе Терского восстания, в боевых действиях Добровольческой армии или просто занимавшие ярко выраженную антибольшевистскую позицию [Лобанов, Михайлов 2016: 34].

Региональная терско-дагестанская власть приняла своеобразную форму военной диктатуры, что было вполне оправдано в военное время и в значительной степени отвечало ментальным запросам местного населения. Одновременно с этим терское казачье руководство при молчаливом одобрении верховного белогвардейского командования приняло решение о пересмотре передачи терской казачьей земли ингушам, намеченной решениями большевистского III-го Терского народного съезда в мае 1918 г. Помимо этого, каждый горский народ края должен был сформировать воинские части для белогвардейской армии, что воспринималось многими горцами в качестве нарушения давней традиции, при которой мусульмане Кавказа не подлежали призыву в Русскую императорскую армию. Исключение составляли добровольцы, поступавшие в армию на время войны.

Теократическая терско-дагестанская государственность при поддержке Азербайджана, Грузии и кемалистской Турции в союзе с большевиками. Сентябрь 1919 – март 1920 гг., Северо-Кавказский эмират, Совет обороны Северного Кавказа и Дагестана

Необходимо отметить, что во многом противоречивая позиция, занятая в целом белогвардейским командованием, осложненная большевистской агитацией, осуществлявшейся Кавказским краевым комитетом, привела к горскому повстанческому движению. Оно началось летом 1919 г. и продолжалось с небольшими перерывами до прихода большевиков в регион в марте – апреле 1920 г. Непродуманная политика борцов за Единую, Неделимую Россию привела к тому, что против их власти на Тереке и в Дагестане объединились совершенно различные по направленности политические силы. Среди них можно назвать шариатистов Узун-Хаджи Салтинского в Чечне, исламистов Али-Хаджи Акушинского в Дагестане, большевиков, действовавших через своих представителей в Кавказском краевом комитете, турецких, грузинских и азербайджанских [Пученков 2020: 53] военных представителей, посланных помогать горским повстанцам против деникинской власти на Северном Кавказе.

Совет обороны Северного Кавказа и Дагестана стал осенью 1919 г. тем военно-политическим центром, вокруг которого объединились все противники белогвардейской власти в регионе. Первоначально власть в нем попала в руки шариатистов. Затем она не без борьбы была перехвачена большевиками. В своих призывах это новое подпольное правительство, ориентировавшееся на Советскую Россию и претендовавшее на захват власти в регионе, рисовало новые перспективы для местных народов. Разочаровавшись поочередно в политике всех правительств региона на протяжении 1917–1920 гг., жители охотно реагировали на обещания, сочетавшие в себе решение главных социально-экономических и национально-политических проблем края.

Выводы

Следует констатировать, что ни Терско-Дагестанское правительство на рубеже 1917–1918 гг., ни Горское правительство конца 1918 – начала 1919 гг., ни руководство Терско-Дагестанского края ВСЮР начала 1919 – начала 1920 гг. не смогли в полной мере реализовать все основные чаяния большей части населения Терека и Дагестана. Удачная большевистская пропаганда на протяжении всего 1919 г. и в начале 1920 г. принесла свои плоды, когда войска XI армии Кавказского фронта при поддержке сил, подчиненных Совету обороны Северного Кавказа и Дагестана, относительно безболезненно на протяжении марта – апреля 1920 г. захватили власть в основных центрах терско-дагестанского региона.

Терско-дагестанскому региону бывшей Российской империи, где происходили события 1917-1920 гг., пришлось пережить поочередно все стадии бурного революционного процесса. После свержения монархии общественно-

политические силы Терка и Дагестана намечали относительно приемлемые пути разрешения всех прежних противоречий. Однако Северный Кавказ не смог избежать общей участи регионов бывшей империи, погрузившись в братоубийственную войну. Особенности социального, политического и экономического развития придали Гражданской войне в терско-дагестанском регионе неслыханную степень ожесточения. Остановить самоистребление местного населения смогла только Советская власть, восстановив традиционный российский суверенитет на всей территории Кавказа.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Безугольный 2011 – *Безугольный А.Ю.* Генерал Бичерахов и его Кавказская армия. Неизвестные страницы истории Гражданской войны и интервенции на Кавказе. 1917–1919. – М.: Центрполиграф, 2011. – 348 с.

Вайнахи... 2011 – *Вайнахи* и имперская власть: проблема Чечни и Ингушетии во внутренней политике России и СССР (начало XIX – середина XX в). – М.: РОССПЭН; Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2011. – 1094 с.

Гагкуев 2005 – *Гагкуев Р.Г.* Антибольшевистское движение в Терском казачьем войске: Краткий исторический очерк // Белая гвардия: альманах. № 8: Казачество России в Белом движении. – М.: «Посев», 2005. – С. 102–106.

Гагкуев 2019 – *Гагкуев Р.Г.* Особенности Великой российской революции и Гражданской войны на Северном Кавказе. 1917–1920 гг. // Россия в эпоху революций и реформ. Проблемы истории и историографии. – 2019. – № 7. – С. 196–210.

Громадное... 2015 – «*Громадное* государственное значение флота на Каспии, к сожалению, плохо учитывается на берегу». Памятка А.И. Сергеева о возрождении Каспийской военной флотилии в составе ВСЮР и ее действиях в 1919 г. / Подготовка к публикации, введение и примечания В.Б. Лобанова // Новейшая история России. – 2015. – № 2. – С. 232–245.

Джамбулатов 2008 – *Джамбулатов Р.Т.* Гражданская война в Терской области в 1918 – начале 1919 г. // Вопросы истории. – 2008. – № 12. – С. 78–91.

Джамбулатов 2007 – *Джамбулатов Р.Т.* Погромы 1918 года в Хасав-Юрте // Вопросы истории. – 2007. – № 6. – С. 143–147.

Киреев 2018 – *Киреев Ф.С.* Из истории гражданского противостояния на Терке в 1918 году / Ф.С. Киреев // Известия СОИГСИ. Школа молодых ученых. – 2018. – № 20. – С. 53–67.

Лобанов 2013 – *Лобанов В.Б.* К истории Гражданской войны на Северном Кавказе: Терское восстание 1918 года // Новейшая история России. – 2013. – № 1(6). – С. 56–65.

Лобанов, Михайлов 2016 – *Лобанов В.Б., Михайлов В.В.* Периодизация борьбы за власть на Северном Кавказе в 1917–1920 гг. // Военно-исторический журнал. – 2016. – № 9. – С. 32–37.

Лобанов, Пученков 2013 – *Лобанов В.Б., Пученков А.С.* Атаман Терского казачьего войска М.А. Караулов в 1917 г. // Вестник Орловского государственного университета. Серия: Новые гуманитарные исследования. – 2013. – № 1(30). – С. 66–68.

Материалы... 2014 – *Материалы* съездов горских народов Северного Кавказа и Дагестана 1917 года / сост., автор вступительной статьи А.Х. Кармов. – Нальчик: Издательский отдел КБИГИ, 2014. – 168 с.

Матиев 2020а – *Матиев Т.Х.* Ведущие державы во внешнеполитических планах Горского правительства весной – осенью 1918 г. // Современная научная мысль. – 2020. – № 2. – С. 77–80.

Матиев 2020б – *Матиев Т.Х.* Гражданская война на Северном Кавказе в отражении горской буржуазно-демократической печати (на материалах газеты «Вольный горец») //

Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. – 2020. – Т. 25. – № 1. – С. 109–119.

Объединить... 2011 – «Объединить весь Северный Кавказ в союз на основе идей единства России»: Доклад генерал-майора Б.П.Лазарева Главнокомандующему Добровольческой армии генерал-лейтенанту А.И.Деникину. 1918 г. / Подготовлено к публикации Лобановым В.Б., Михайловым В.В. // Исторический архив. – 2011. – № 2. – С. 148–166.

Пученков 2016 – Пученков А.С. Национальная политика генерала Деникина (весна 1918 – весна 1920). – М.: Научно-популярная книга, 2016. – 399 с.

Пученков 2020а – Пученков А.С. Размышляя о Гражданской войне // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2020. – № 4. – С. 33–37.

Пученков 2020б – Пученков А.С. Южнорусское белое движение и Польша в годы Гражданской войны (1919–1920 гг.) // Вопросы истории. – 2020. – № 3. – С. 53–66.

Союз... 1994 – Союз объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана (1917–1918 гг.), Горская республика (1918–1920 гг.): Документы и материалы. – Махачкала: ДНЦ РАН, 1994. – 440 с.

Цветков 1998 – Цветков В.Ж. Гражданская война на Северном Кавказе (национальная политика белого движения на юге России) // Научные труды Московского Педагогического Государственного университета. Серия: Социально-исторические науки. – 1998. – С. 88–93

Цветков 2003 – Цветков В.Ж. Мундир английский, погон российский. Британия и «русская Смута» // Родина. – 2003. – № 5–6. – С. 99–104.

REFERENCES

BEZUGOLNYJ S.A. *General Bicherahov i ego Kavkazskaya armiya. Neizvestnye stranicy istorii Grazhdanskoj vojny i intervencii na Kavkaze. 1917–1919* [General Bicherahov and his Caucasian army. Unknown pages of the history of the Civil War and intervention in the Caucasus. 1917–1919]. – М.: Tsentrpoligraf, 2011. – 348 p. (In Russian)

DZHAMBULATOV R.T. *Pogromy 1918 goda v Hasav-Yurte* [Pogroms of 1918 in Khasav-Yurt]. IN: *Voprosy istorii* [Voprosy istorii]. – 2007. No. 6. – P. 143–147. (In Russian)

DZHAMBULATOV R.T. *Grazhdanskaya vojna v Terskoj oblasti v 1918 – nachale 1919 g.* [Civil War in the Terek region in 1918 – early 1919]. IN: *Voprosy istorii* [Voprosy istorii]. – 2008. – No. 12. – P. 78–91. (In Russian)

GAGKUEV R.G. *Antibol'shevistskoe dvizhenie v Terskom kazach'em vojske: Kratkij istoricheskij ocherk* [Anti-Bolshevik movement in the Terek Cossack Army: A brief historical sketch]. IN: *Belaya gvardiya: al'manakh. № 8: Kazachestvo Rossii v Belom dvizhenii* [Belaya gvardiya: almanac. No. 8: The Cossacks of Russia in the White Movement]. – М.: «Posev», 2005. – P. 102–106. (In Russian)

GAGKUEV R.G. *Osobennosti Velikoj rossijskoj revolyucii i Grazhdanskoj vojny na Severnom Kavkaze. 1917–1920 gg.* [Features of the Great Russian Revolution and the Civil War in the North Caucasus. 1917–1920]. IN: *Rossiya v epohu revolyucij i reform. Problemy istorii i istoriografii* [Russia in the era of revolutions and reforms. Problems of history and historiography]. – 2019. – No. 7. – P. 196–210. (In Russian)

«Gromadnoe gosudarstvennoe znachenie flota na Kasp'ii, k sozhaleniyu, ploho uchityvaetsya na beregu». *Pamyatka A. I. Sergeeva o vozrozhdenii Kaspijskoj voennoj flotilii v sostave VSYUR i ee dejstviyah v 1919 g.* / *Podgotovka k publikacii, vedenie i primechaniya V.B. Lobanova* [«The huge state significance of the fleet in the Caspian Sea, unfortunately, is poorly taken into account on the shore». A. I. Sergeev's Memo on the revival of the Caspian Military Flotilla as part of the VSSYUR and its actions in 1919 / Preparing for publication, conducting and notes by V. B. Lobanov]. IN: *Novejshaya istoriya Rossii* [Modern History of Russia]. – 2015. – No. 2. – P. 232–245. (In Russian)

KIREEV F.S. *Iz istorii grazhdanskogo protivostoyaniya na Tereke v 1918 godu* [From the History of Civil Confrontation on the Terek River in 1918]. IN: *Izvestiya SOIGSI. Shkola molodyh uchenyh* [Izvestiya SOIGSI. School of Young Scientists]. – 2018. – No. 20. – P. 53–67. (In Russian)

LOBANOV V.B. *K istorii Grazhdanskoj vojny na Severnom Kavkaze: Terskoe vosstanie 1918 goda* [To the History of the Civil War in the North Caucasus: The Terek Uprising of 1918]. IN: *Novejshaya istoriya Rossii* [Modern history of Russia] – 2013. – No. 1(6). – P. 56–65. (In Russian)

LOBANOV V.B., MIKHAILOV V.V. *Periodizaciya bor'by za vlast' na Severnom Kavkaze v 1917–1920 gg.* [Periodization of the struggle for power in the North Caucasus in 1917–1920]. IN: *Voенно-istoricheskij zhurnal* [Military-historical Journal]. – 2016. – No. 9. – P. 32–37. (In Russian)

LOBANOV V.B., PUCHENKOV A.S. *Ataman Terskogo kazach'ego vojska M.A. Karaulov v 1917 g.* [Ataman of the Tersk Cossack army M. A. Karaulov in 1917]. IN: *Vestnik Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Novye gumanitarnye issledovaniya* [Vestnik Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Series: New Humanitarian Studies]. – 2013. – No. 1(30). – P. 66–68. (In Russian)

Materialy s'ezdov gorskih narodov Severnogo Kavkaza i Dagestana 1917 goda / sost., avtor vstupitel'noj stat'i A.H. Karmov [Materials of the congresses of the mountain peoples of the North Caucasus and Dagestan in 1917 / comp., author of the introductory article A.Kh. Karmov]. – Nalchik: Izdatel'skii otdel KBIGI, 2014. – 168 p. (In Russian)

MATIEV T.H. *Grazhdanskaya vojna na Severnom Kavkaze v otrazhenii gorskoj burzhuazno-demokraticeskoy pechati (na materialah gazety «Vol'nyj gorec»)* [Civil war in the North Caucasus in the reflection of the Mountain bourgeois-democratic press (on the materials of the newspaper «Free Mountaineer»)]. IN: *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Series 4. History. Regional studies. International relations]. – 2020. – Vol. 25. – No. 1. – P. 109–119. (In Russian)

MATIEV T.H. *Vedushchie derzhavy vo vneshnepoliticheskikh planah Gorskogo pravitel'stva vesnoj-osen'yu 1918 g.* [The leading powers in the foreign policy plans of the Mountain government in the spring-autumn of 1918]. IN: *Sovremennaya nauchnaya mysl'* [Modern scientific thought]. – 2020. – No. 2. – P. 77–80. (In Russian)

«Ob'edinit' ves' Severnyj Kavkaz v soyuz na osnove idej edinstva Rossii»: Doklad general-majora B.P.Lazareva Glavnokomanduyushchemu Dobrovol'cheskoj armii general-lejtenantu A.I.Denikinu. 1918 g. / Podgotovleno k publikacii Lobanovym V.B., Mihajlovym V.V. [«Unite the entire North Caucasus into a union based on the ideas of the unity of Russia»: Report of Major-General B.P. Lazarev to the Commander-in-Chief of the Volunteer Army, Lieutenant-General A.I. Denikin. 1918 / Prepared for publication by Lobanov V.B., Mikhailov V.V.]. IN: *Istoricheskij arhiv* [Historical Archive]. – 2011. – No. 2. – P. 148–166. (In Russian)

PUCHENKOV A.S. *Razmyshlyaya o Grazhdanskoj vojne* [Pondering on the Civil War]. IN: *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i social'nye nauki* [Bulletin of the Northern (Arctic) Federal University. Series: Humanities and Social Sciences]. – 2020. – No. 4. – P. 33–37. (In Russian)

PUCHENKOV A.S. *Nacional'naya politika generala Denikina (vesna 1918 – vesna 1920)* [The national policy of General Denikin (spring 1918 – spring 1920)]. – M.: Nauchno-populyarnaya kniga, 2016. – 399 p. (In Russian)

PUCHENKOV A.S. *Yuzhnorusskoe beloe dvizhenie i Pol'sha v gody Grazhdanskoj vojny (1919–1920 gg.)* [The South Russian White Movement and Poland in the years of the Civil War (1919–1920)]. IN: *Voprosy istorii* [Questions of history]. – 2020. – No. 3. – P. 53–66. (In Russian)

Soyuz ob'edinennyh gorcev Severnogo Kavkaza i Dagestana (1917–1918 gg.), Gorskaya respublika (1918–1920 gg.): Dokumenty i materialy [Union of United Mountaineers of the North Caucasus and Dagestan (1917–1918), Mountain Republic (1918–1920): Documents and materials]. – Makhachkala: Dagestan scientific center of RAS, 1994. – 440 p. (In Russian)

TSVETKOV V.Zh. *Grazhdanskaya vojna na Severnom Kavkaze (nacional'naya politika belogo dvizheniya na yuge Rossii)* [Civil War in the North Caucasus (national policy of the white movement in the South of Russia)]. IN: *Nauchnye trudy Moskovskogo Pedagogicheskogo Gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Social'no-istoricheskie nauki* [Scientific Works of the Moscow Pedagogical State University. Series: Socio-historical sciences]. – 1998. – P. 88–93. (In Russian)

TSVETKOV V.Zh. *Mundir anglijskij, pogon rossijskij. Britaniya i «russkaya Smuta»* [English uniform, Russian shoulder strap. Britain and the «Russian time of Troubles»]. IN: *Rodina*. – 2003. – No. 5–6. – P. 99–104. (In Russian)

Vainakhi i imperskaya vlast': problema Chechni i Ingushetii vo vnutrennei politike Rossii i SSSR (nachalo XIX – seredina XX v) [Vainakhi and imperial power: the problem of Chechnya and Ingushetia in the internal politics of Russia and the USSR (early XIX – mid XX centuries)]. – M.: ROSSPEN; Fond «Prezidentskij centr B.N. El'cina», 2011. – 1094 p. (In Russian)

ИСТОРИЯ, ЭТНОЛОГИЯ И АРХЕОЛОГИЯ**Новейшая история**

УДК: 93/94(470.64)

DOI 10.31143/2542-212X-2021-1-81-95

**«...В ТОМ, ЧТО БУДЕТ КАБАРДИНСКАЯ АО, Я УБЕЖДЕН И БУДУ
ПОДДЕРЖИВАТЬ ВОЛЮ ТРУДЯЩИХСЯ».
ДОКУМЕНТЫ И МАТЕРИАЛЫ О ВЫХОДЕ КАБАРДИНСКОГО
ОКРУГА ИЗ ГОРСКОЙ АССР В 1921 г.****А.Г. КАЖАРОВ**

*Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного
бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский
научный центр Российской академии наук»
360000, КБР, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18
E-mail: artur-kazharov@yandex.ru*

М.С. ТАМАЗОВ

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего
образования «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова»
360004, КБР, г. Нальчик, ул. Чернышевского, 173
E-mail: muslimt@mail.ru*

Аннотация. Публикуемые документы были выявлены в архивах Республики Северная Осетия-Алания. Это материалы заседаний советских и партийных органов власти Горской Республики, которые были посвящены обсуждению проблемы выхода Кабарды из состава полиэтничной горской автономии. Кабардинская проблема обсуждалась несколько раз руководством Горской Республики в июне 1921 г., до и после состоявшегося в этом месяце съезда народов Кабарды. Протоколы заседаний до сего времени не были опубликованы в изданных тематических сборниках документов, посвященных истории национально-государственного строительства народов Северного Кавказа. Документы способствуют пониманию позиции государственных деятелей Горской Республики по вопросу формирования новых автономных единиц и выявлению конкретно-исторического содержания этих процессов. Протоколы позволяют реконструировать процесс не только распада коллективной горской государственности, но и уточнить важные моменты в истории ее создания. Партийные и советские деятели часто возвращались к проблемам начального этапа становления Горской Республики. Дальнейшее изучение проблем формирования системы национальных автономий на Северном Кавказе в новейшее время во многом будет зависеть, в том числе от ввода новых документов в научный оборот и их интерпретации широким кругом исследователей. В связи с этим публикуемые документы и материалы представляют большой научный интерес.

Ключевые слова: Горская республика; Кабардинский округ; автономия; протоколы; документы.

**“...I AM CONVINCED THAT THERE WILL BE A KABARDIAN
AUTONOMOUS OKRUG AND I WILL SUPPORT THE WILL OF THE
WORKERS”.**

**DOCUMENTS AND MATERIALS ON THE WITHDRAWAL OF THE
KABARDINSKY DISTRICT FROM THE MOUNTAIN ASSR IN 1921**

A.G. KAZHAROV

*Institute for Humanitarian studies – branch of the FSBSE «Federal Scientific Center ‘Kabardin-
Balkar Scientific Center of the Russian Academy of Sciences’»
360000, KBR, Nalchik, Pushkin st., 18
E-mail: artur-kazharov@yandex.ru*

M.S. TAMAZOV

*Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov
360004, Kabardino-Balkarian Republic, Nalchik, Chernyshevsky st., 173
E-mail: muslimt@mail.ru*

Abstract. The published documents were found in the archives of the Republic of North Ossetia-Alania. These are the materials of the meetings of the Soviet and party authorities of the Mountain Republic, which were devoted to the discussion of the problem of Kabarda's secession from the polyethnic mountain autonomy. The Kabardian problem was discussed several times by the leadership of the Mountain Republic in June 1921 before and after the congress of the peoples of Kabarda that took place this month. The minutes of the meetings have not yet been published in the published thematic collections of documents dedicated to the history of the nation-building of the peoples of the North Caucasus. The documents contribute to the understanding of the position of the statesmen of the Mountain Republic on the formation of new autonomous units and the identification of the concrete historical content of these processes. The protocols make it possible to reconstruct the process of not only the disintegration of the collective mountain statehood, but also make it possible to clarify important points in the history of its creation. Party and Soviet leaders often returned to the problems of the initial stage of the formation of the Mountain Republic. Further study of the problems of the formation of a system of national autonomies in the North Caucasus in recent times will largely depend, including on the introduction of new documents into scientific circulation and their interpretation by a wide range of researchers. In this regard, the published documents and materials are of great scientific interest.

Keywords: Mountain republic; Kabardinsky district; autonomy; protocols; documents.

В истории советского национально-государственного строительства на Северном Кавказе в 1920-е гг. определяющее значение имеет выход Кабардинского округа из состава Горской АССР и образование Кабардинской автономной области. Выход Кабарды из состава Горской Республики привел к началу распада горской полиэтничной государственности, существенному изменению государственной национальной политики и формированию системы национальных автономий в регионе в первой половине 1920-х гг.

На оформление жесткой национально-государственной позиции кабардинского народа повлияли исторические и политические процессы, развернувшиеся в регионе в условиях революций 1917 г. и Гражданской войны 1918–1920 гг. Колоссальное «территориальное давление» со стороны безземельных и малоземельных народов на Кабарду, угрожавшее ее территориальной целостности, а также актуализация на этой основе политического и национального самосознания кабардинского народа способствовали пониманию необходимости административной формы автономии.

Провозглашение И.В. Сталиным Горской АССР в ноябре 1920 г. привело к определенности в государственной политике советской власти в национальном вопросе на Северном Кавказе, но она не предусматривала постановку вопроса об образовании этнонациональной автономии. Однако именно провозглашение горской коллективной автономии спровоцировало активизацию политики руководства Кабарды, ибо данное обстоятельство фактически воспроизводило отдельные элементы исторического контекста 1917–1919 гг. с разными формами коллективных государственных образований и неблагоприятными историческими условиями социально-политического развития кабардинского народа.

21 мая 1921 г. на совместном заседании Кабардинского окружного исполнительного комитета Советов и окружного партийного комитета РКП(б) было принято постановление инициировать перед Горской АССР вопрос о выходе Кабарды из состава Горской АССР [Дзамихов, Кажаров 2019: 56–57]. То обстоятельство, что такое решение было принято спустя лишь месяц после завершения работы Учредительного съезда Советов Горской АССР, свидетельствует о глубине лежащих в его основе исторических и политических факторов. Еще до указанного съезда, 31 марта 1921 г., Г.К. Орджоникидзе в разговоре с С.М. Кировым, отмечал, что руководители Кабарды поставили «ребром ... вопрос о выделении из республики» [Бугай, Гонов 1997: 6].

В процессе реализации проекта национальной административно-политической автономии Кабарда столкнулась с непримиримой позицией руководящей верхушки Горской Республики. На заседаниях Горского областного комитета РКП(б), Центрального исполнительного комитета Горской АССР и Совета народных комиссаров Горской АССР обсуждались механизмы блокировки выхода Кабарды из состава горской коллективной автономии.

Горский областной комитет РКП(б) неоднократно рассматривал вопросы выхода Кабарды из состава Горской АССР. Об этом свидетельствуют протоколы заседаний от 2 июня 1921 г. «О выделении Кабарды в самостоятельный округ» [ГАНИ РСО-А. Ф. 204. Оп. 1. Д. 4. Л. 23, 24], от 16 июня 1921 года «Доклад о поездке членов Президиума Комитета в Нальчик в связи с запросом о выделении Кабарды» [ГАНИ РСО-А. Ф. 204. Оп. 1. Д. 4. Л. 32, 33]. Проблему выхода Кабардинского округа рассматривали на пленуме Горского областного комитета РКП(б), состоявшегося 19–20 июня 1921 г. [ГАНИ РСО-А. Ф. 204. Оп. 1. Д. 2. Л. 1–5], а также на совместном заседании

ЦИК Горской АССР и СНК Горской АССР, состоявшегося 22 июня 1921 г. [ЦГА РСО-А. Ф. Р-41. Оп. 1. Д. 66. Л. 16–16 об.].

На указанных заседаниях органов власти Горской Республики было более 20 выступлений по кабардинскому вопросу. Активное неприятие кабардинской политики демонстрировали партийные и советские работники Г.З. Иоанисиани, Н.И. Дзедзиев, К.С. Бутаев, И.М. Датиев, чьи выступления занимают значительное место в текстах соответствующих протоколов. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что при обсуждении вопросов, связанных с учреждением кабардинской автономии, представители Кабарды присутствовали только на совместном заседании ГорЦИК и СНК Горской АССР.

Несмотря на то, что на всех заседаниях, как видно из анализа документов, были приняты жесткие решения, оформленные как постановления органов власти Горской АССР, против кабардинской автономии не было «широкого» фронта представителей остальных входивших в нее народов, что было не случайно. Горская Республика не стала результатом осознанного политического выбора, актом выражения фундаментальной общности, а, значит, не могла быть административно-политическим механизмом трансляции и обеспечения национальных интересов горских народов.

Горская АССР была создана без широкого обсуждения вопроса представителями входивших в нее народов, поэтому она и распадалась без действенного сопротивления с их стороны. Более того, есть основание полагать, что в процессе обсуждения вопроса о кабардинской автономии на заседаниях органов власти Горской Республики практически не принимали участия представители Карачая, Кабарды и Балкарии, а представитель Чечни Т.Э. Эльдарханов последовательно занимал взвешенную позицию по рассматриваемому вопросу и учитывал объективность национально-государственных процессов в Кабардинском округе [Кажаров 2019: 211].

Трудно не проследить в этом определенной закономерности. Народы Карачая, Кабарды и Балкарии также фактически оказались в стороне от процессов создания коллективной горской автономии на этапе принятия соответствующего принципиального решения на совещании коммунистических организаций Дона и Северного Кавказа, которое состоялось под руководством И.В. Сталина 27–29 октября 1920 г. во Владикавказе. На совещании не было также представителей Чечни [Краевое... 1921].

Проблемы, которые сопровождали процесс создания Горской республики и формирования ее органов власти, впоследствии стали благоприятными факторами выхода Кабарды из Горской Республики. В данном случае, в первую очередь, речь идет об отсутствии коллективной воли, которая могла быть основой не только для создания прочной административно-политической структуры, но и защиты самой идеи общегорской государственности.

Противники выхода Кабарды из Горской АССР на заседаниях органов власти в основном концентрировали свое внимание на деятельности Б.Э. Калмыкова, которого называли «вдохновителем выделения Кабарды», считая, что тот несет ответственность за развал горской государственности. По их мнению, руководитель Кабардинского округа не считался с мнением

«высших партийных и советских органов» [ГАНИ РСО-А. Ф. 204. Оп. 1. Д. 4. Л. 23–24], а «кулацкий элемент, безусловно, стоял за выделение в надежде сохранить за собой побольше земли» [ГАНИ РСО-А. Ф. 204. Оп. 1. Д. 4. Л. 32–33].

Такой подход свидетельствует о непонимании глубинных причин постановки вопроса о национальной автономии руководством Кабарды, вступлении Советской России после окончания гражданской войны в период относительной демократизации, в том числе и в решении национального вопроса. Но самое главное, представители органов власти Горской АССР не учитывали консолидацию кабардинского народа и его элиты. Символично, что Б.Э. Калмыков говорил о «воле трудящихся» [ЦГА РСО-А. Ф. Р-41. Оп. 1. Д. 66. Л. 16–16 об.], которую он поддерживал, а также подчинялся. Представители национальной элиты Кабарды, принадлежавшие к разным политико-идеологическим лагерям, по вопросам сохранения территории Кабарды, что в тех конкретно-исторических условиях невозможно было без определенной формы автономии, придерживались общей платформы. Действия и Т. Шакманова, под руководством которого IV съезд народов Кабарды в августе 1918 г. выступил в защиту своей территориальной целостности [Документы... 1983: 208–214], и З. Даутокова-Серебрякова, протестовавшего против попыток казачьих верхов отторгнуть часть территории Кабарды [Жанситов 2005: 280], и Б. Калмыкова, требовавшего признания советским государством «границ Кабарды 1917 г.» [Кажаров 2019: 201–202], были продиктованы единой национально-государственной волей кабардинского народа. Их объединяла и двигала «воля трудящихся». Данное обстоятельство, имевшее общенациональное измерение, давало Б.Э. Калмыкову уверенность и обеспечивало твердость при отстаивании им позиции Кабарды в отношениях с Горской АССР.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Бугай 1997 – *Бугай Н.Ф., Гонов А.М.* Северный Кавказ: границы, конфликты, беженцы. – Ростов н/Д.: Ростовская высшая школа, 1997. – 204 с.

Дзамихов, Кажаров 2019 – *Дзамихов К.Ф., Кажаров А.Г.* О национальной государственности народов КБР: история становления и конституирования (начало 1920-х гг.) // Вестник Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований. – 2019. – № 3(42). – С. 39–58.

Документы... 1983 – *Документы по истории борьбы за Советскую власть и образования автономии Кабардино-Балкарии (1917–1922 гг.) / Сост. Р.Х. Гугов и др.* – Нальчик: Эльбрус, 1983. – 800 с.

Жанситов 2005 – *Жанситов О.А.* Антибольшевистское движение в Кабарде и Балкарии под руководством З. Даутокова-Серебрякова // Исторический вестник Института гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН. – Нальчик, 2005. – Вып. I. – С. 275–284.

Кажаров 2019 – *Кажаров А.Г.* Становление национальной автономии Кабардино-Балкарии: предпосылки, альтернативы, итоги (1917–1920-е гг.). – Нальчик: Каб.-Балк. ун-т, 2019. – 408 с.

Краевое... 1921 – Краевое совещание коммунистических организаций Дона и Кавказа. – Ростов н/Д.: Издание Донского отделения Государственного издательства, 1921. – 65 с.

ГАНИ РСО-А – Государственный архив новейшей истории Республики Северная Осетия-Алания.

ЦГА РСО-А – Центральный государственный архив Республики Северная Осетия-Алания.

REFERENCES

BUGAY N.F., GONOV A.M. *Severnyi Kavkaz: granitsy, konflikty, bezhentsy* [North Caucasus: borders, conflicts, refugees]. – Rostov n/D.: Rostovskaya vysshaya shkola, 1997. – 204 p. (In Russian)

Dokumenty po istorii bor'by za Sovetskuyu vlast' i obrazovaniya avtonomii Kabardino-Balkarii (1917–1922 gg.) / Sost. R.Kh. Gugov i dr. [Documents on the history of the struggle for Soviet power and the formation of the autonomy of Kabardino-Balkaria (1917–1922). Compiled by R.Kh. Gugov and others]. – Nalchik: El'brus, 1983. – 800 p. (In Russian)

DZAMIKHOV K.F., KAZHAROV A.G. *O natsional'noi gosudarstvennosti narodov KBR: istoriya stanovleniya i konstituirovaniya (nachalo 1920-kh gg.)* [On the national statehood of the peoples of the KBR: the history of formation and constitution (early 1920s)]. IN: *Vestnik Kabardino-Balkarskogo instituta gumanitarnykh issledovaniy*. – 2019. – No. 3(42). – P. 39–58. (In Russian)

KAZHAROV A.G. *Stanovlenie natsional'noi avtonomii Kabardino-Balkarii: predposylki, al'ternativy, itogi (1917–1920-e gg.)* [Formation of the national autonomy of Kabardino-Balkaria: preconditions, alternatives, results (1917-1920s)]. – Nalchik: Kab.-Balk. un-t, 2019. – 408 p. (In Russian)

Kraevoe soveshchanie kommunisticheskikh organizatsii Dona i Kavkaza [Regional meeting of the communist organizations of the Don and the Caucasus]. – Rostov n/D.: Izdanie Donskogo otdeleniya Gosudarstvennogo izdatel'stva, 1921. – 65 p. (In Russian)

ZHANSITOV O.A. *Antibol'shevistskoe dvizhenie v Kabarde i Balkarii pod rukovodstvom Z. Dautokova-Serebryakova* [Anti-Bolshevik movement in Kabarda and Balkaria under the leadership of Z. Dautokov-Serebryakov]. IN: *Istoricheskii vestnik Instituta gumanitarnykh issledovaniy Pravitel'stva KBR i KBNTs RAN*. – Nalchik, 2005. – Iss. I. – P. 275–284. (In Russian)

GANI RSO-A – *Gosudarstvennyi arkhiv noveishei istorii Respubliki Severnaya Osetiya-Alaniya* [State Archive of Contemporary History of the Republic of North Ossetia-Alania]. (In Russian)

TsGA RSO-A – *Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Severnaya Osetiya-Alaniya* [Central State Archives of the Republic of North Ossetia-Alania]. (In Russian)

ДОКУМЕНТЫ

Из протокола № 14
заседания Горского областного партийного комитета РКП (б)

2 июня 1921 г.

1. О выделении Кабарды в самостоятельный округ.

Тов. Иоанисиани информирует о том, что на основании телеграммы из Налчика им был вчера поднят вопрос в Совнаркоме, который передал рассмотрение этого вопроса в Горском ЦИК. Указывает, что Предисполкома Кабарды тов. Калмыков, не считаясь с мнением высших партийных и советских органов созывает съезд Советов по вопросу о выделении Кабарды из Горской республики, что тов. Калмыков, по всей вероятности пользуется авторитетом тов. Сталина – Наркомнаца, находящегося сейчас в Кабарде, который находит, что если кабардинский народ желает выделения, то пусть выделяется.

Тов. Дзедзиев на заданный вопрос поясняет, что вопрос о выделении Кабарды был поставлен на прошлом заседании комитета, где предполагалось заслушать доклад тов. Калмыкова по этому вопросу, но, т.к., тов. Калмыков уехал до заседания, пришлось обсуждение этого вопроса отложить до получения подробной информации.

Тов. Эльдарханов находит, что раз кабардинский народ желает выделиться, товарища Калмыкова призывать к партийной дисциплине нельзя, так как по имеющимся сведениям есть расхождение в мнениях среди населения, нужно бросить туда несколько товарищей с агитационной целью и постараться решить вопрос в пользу Горской республики.

Тов. Дзедзиев, указывая, что та вражда, которая существовала прежде среди 9 народностей, населяющих Терскую область, с созданием Горской республики, казалось, не должно было иметь больше места. Но есть отдельные личности, которые из-за боязни потерять авторитет проводят политику, идущую вразрез интересам мирного строительства Горской, а также всей Советской республики, указывает, что на недавнем Учредительном съезде народов Горской республики почти все были сторонниками объединения всех народов Терской области за исключением небольших групп и отдельных личностей, как например, Такоев и Калмыков, которые были с самого начала противниками объединения.

Анализируя причины и обстоятельства выделения т. Дзедзиев указывает, что существуют трения по вопросу о границах между Кабардой, Карачаем и Балкарией; доказывает несостоятельность доводов Калмыкова об экономическом тяготении Кабарды к Терской области, что не есть мнение всего кабардинского народа, как это выяснилось из бесед с другими представителями. Тактическая линия, взятая и зафиксированная Учредительным съездом почти единогласно, проводилась парткомом правильно.

Тов. Бутаев говорит, что т. Калмыков в массе Кабарды за собой полного авторитета не имеет. Кабарда не желала земельного раздела и вдохновителем выделения Кабарды является Калмыков, желающий удержать авторитет, кабардинский народ подтвердил желание войти и быть в Горской республике. Выделение идет вразрез с общеполитической линией партии и в национальном вопросе.

Тов. Эльдарханов указывает, что в смысле разрешения земельного и политического вопросов пока еще ничего не сделали. Военские части на Сунженской линии под контрреволюционную провокацию в ущерб интересам Горской республики и заселение чеченцами выселенных станиц при таких условиях безуспешно. Политическая линия партии не должна искажаться исполнительной на местах властью. За тов. Калмыковым все же масса тянется и ограничиться посылкой одного парттоварища не следует, а нужно бросить в Кабарду лучше не коммунистов, а ближе стоящих к кабардинской массе авторитетных и честных ингушей и других понимающих кабардинский язык.

Тов. Зязиков, возражая тов. Дзедзиеву, указывает, что раз нет никаких оснований к выделению, то этого допускать не следует. Спровоцировать можно любую народность на почве самоопределения, а потому нужно вынести определенное постановление о недопустимости выделения.

Тов. Датиев предлагает парткому дать разъяснение Кабардинскому народу, что в смысле землепользования они не обижены.

Председательствующий Бутаев суммирует вытекшие из прений предложения, главным образом, т. Дзедзиева, в результате обсуждения таковых по пунктам постановили:

Обсудив вопрос о выделении Кабарды из состава Горской республики, постановили признать:

1. Что выделение Кабардинского округа из состава Горской республики не имеет ни экономических, ни политических оснований.

2. Что это выделение резко противоречит и расходится с единодушным желанием и волей народов ГССР, высказанных на Учредительном съезде народов в апреле с.г. в числе их и представителями кабардинского народа.

3. Что это выделение, идущее вразрез с желанием центральной советской власти, внесет раскол в среду народов ГССР и окончательно подорвет существование Автономной Горской республики, так как вслед за Кабардой выделятся балкарцы, карачаевцы, дигорцы и др. народы. Исходя из этого, Горский комитет посылает в Кабарду товарищей Иоанисиани, которому поручается детально выяснить все обстоятельства отношений окружной парторганизации, отдельных ответственных товарищей, а также кабардинского народа, информировать их о взглядах по этому вопросу Горского комитета и провести соответствующую кампанию.

ГАНИ РСО-А. Ф. 204. Оп. 1. Д. 4. Л. 23–24.

Подлинник. Машинопись.

Из протокола № 17
заседания Президиума Горского областного партийного комитета РКП (б)
16 июня 1921 года

1. Доклад о поездке членов Президиума Комитета в Нальчик в связи с запросом о выделении Кабарды.

Докладчик о поездке членов комитета в Нальчик тов. Иоанисиани информирует о том настроении среди населения и отдельных группировок, которое чувствовалось еще до съезда, останавливается подробно на отдельных случаях некоторых недоразумениях. О том, что Наркомнац тов. Сталин того мнения, что после образования Грузинской Советской республики вопрос о существовании цельной, автономной Горской республики не имеет особого значения и раз население желает выделения, то пусть выделяются. На фракционном совещании съезда было сказано, что тов. Калмыков имеет большое влияние над сельскими исполкомами и отдельными представителями, что и подтвердилось на самом съезде, получилось так, что будто говорили по тезисам т. Калмыкова. Тов. Сталин на съезде не присутствовал по некоторым соображениям. Тов. Катханов шел дальше Калмыкова, требуя отдельной Кабардинской республики. Тов. Носов, дополняя сказанное тов. Иоанисиани, указывает на те мотивы, которые выдвигались для выделения и что, по словам т. Калмыкова состав Совнаркома и ЦИКа ГССР также, что не может удовлетворить все чаяния горских народностей, но это было опровергнуто на съезде. Вопросы задают т.т. Датиев и Мартиросов. В ответах т. Иоанисиани отвечает, что причины выделения не были основательными, что и было зафиксировано Горским комитетом еще раньше при обсуждении вопроса о выделении. Если судить по настроению съезда, что видно было, что желают выделения почти все, но это вследствие того, что съезд заранее был обработан. Побывать членам Комитета самим на местах – по аулам не представилось возможным. Кулацкий элемент, безусловно, стоял за выделение в надежде сохранить за собой побольше земли и получит из Центра разные для новой автономной республики материальные выгоды.

Далее тов. Иоанисиани оглашает резолюцию, принятую на заседании членов комитета, которая утверждается 4 голосами, против 1 – тов. Бутаева.

Слово тов. Такоева: Многие мотивы т. Калмыкова к выделению Кабарды из Горреспублики не выдерживают критики: заявляю, что ни одна народность Горреспублики не обделялась Совнаркомом; в земельном отношении соприкасающиеся с Кабардой народности чувствуют обиду со стороны Кабарды. В споре сел. Лескен с Кабардой обиженными осталось Дигорское село Лескен, у которого кабардинцы захватили участок, находившийся в пользовании лескенцев несколько десятков лет, сел. Лескен осталось без пахотной земли и теперь Дигорский окружной исполком озабочен обеспечением лескенцев продовольствием на год. Обвинять меня, следовательно, в этом вопросе в национализме не приходится.

О грабежах в Кабарде со стороны Дигорского округа говорить не приходится, т.к. в самом Дигорском округе уже пять месяцев нет даже простой

кражи и там создались в массах даже такая поговорка: т. Ленин охраняет наш скот». И действительно, там скот пасется и днем и ночью без присмотра в поле, чего раньше никогда не было, напротив, в пограничных с Дигорским округом кабардинских селах заметно присутствие банд, совершающих нападение на жителей Дигорского округа. Дигорцы относятся к кабардинцам весьма хорошо: они помогали кабардинцам бороться с их контрреволюцией в 1918, 19 и 20 г.г. Установлено документально, что Земодел, ныне Наркомзем, не обделил Кабарду сельскохозяйственными орудиями. Посевной материал Кабарда получила, согласно первоначальной заявке завземоделом Нальчикского Исполкома, если его оказалось мало, то нужно пенять на себя.

Проднаряд единовременный Нальчикским округом пока не выполнен. Все несчастье Горреспублики заключается в том, что входящее в нее народности не привыкли сознавать необходимость выполнения обязательств перед государством: они думают, что от государства можно только требовать всяческих благ. Ввиду этого, если откажешь какой-либо народности в ее самых неосновательных ходатайствах, то она уже считает себя обиженной. Этим общим несчастьем Горреспублики я объясняю мнение кабардинцев, что они кем-либо обижены.

Всем известно, что я до последнего момента открыто выступал против Горреспублики, но под конец, подчиняясь, перестал это делать.

Сейчас в должности Председателя совнаркома я не желаю ничего, что из Горреспублики создать сильный оплот Советской власти.

Хотя убеждения там легко и скоро не меняются, но партийная и политические виды Центральной Советской Власти заставляют поступиться и подчинить свои убеждения коллективной воле РКП. Двух мнений не может быть о том, что трудящиеся Кабарды имеют право на определение своей судьбы; но при данной обстановке выделение Кабарды из Горской республики с моей точки зрения является экспериментом нежелательным, а может быть и началом конца Горреспублики.

Тов. Дати́ев: Наркомзем отмечает, что кабардинцы, возглавляемые тов. Калмыковым, и раньше нарушали распоряжения Центра и выделением Кабарды усилится угнетение кабардинской бедноты. Подтверждает, что во всех вопросах земельных, снабжения и пр. Кабарда не была обижена и выделение проведено лишь с целью сохранения и присвоения земли, как можно больше; что в Кабарде живут не тронутыми в своих усадьбах элементы, которым не должны бы быть даже места в Советской республике, что выделение Кабарды означает полный раскол Горреспублики; что поведение тов. Калмыкова свидетельствует о том, что он не коммунист, несмотря, что таковым числится.

Тов. Смирнов указывает, что бывшие в Кабарде 4 члена определили, что вместо настроения массы Кабарды на съезде был поднесен спектакль со стороны представителей кабардинских исполкомов, руководимых Калмыковым. Доказывая необходимость принятия срочных мер, выдвигает ряд предложений. Далее оратор находит, что окружной партийный комитет Кабарды состоит из пенсионеров Калмыкова, обеспеченных им материально и

находящихся под его влиянием и парторганизаций по существу там нет и надо эту организацию распустить, назначив оргбюро.

Тов. Бутаев находит, что не только один Калмыков виновен в происшедшем выделении, но в большей мере виновен тов. Сталин. Несмотря на выделение земли, каковой в Кабарде много, необходимо отбирать у кабардинцев, которые в своем большинстве кулаки наравне со всеми другими округами, для удовлетворения горской бедноты. Выделение пагубно не только для Горреспублики, но для всех трудящихся РСФСР и не в интересах революции.

Тов. Энеев характеризует все группировки населения Кабарды с начала революции, при чем выясняется, что кулаки имели власть в своих руках и напротив беднота была всегда в загоне, а с выделением Кабарды это обстоятельство углубится. Кулаки всевозможными способами, не исключая и взяток все больше присваивали и присваивают себе землю. Среди интеллигенции Кабарды националистов есть тенденция восстановления древней великой Кабарды, последние имеют связи с Константинополем и начали уже действовать. Беднота относится по своей темноте всегда ко всему пассивно. Возражая тов. Бутаеву доказывает, что кто бы не пошел в Кабарду с противоположной агитацией против кабардинских кулаков, успеха иметь не может при настоящем положении вещей.

Тов. Дзедзиев возражает тов. Бутаеву в том, что члены Горского комитета, бывшие на съезде в Кабарде не повинны в происшедшем выделении. Доказывает это рядом фактов, приводит доводы, поставленные перед т. Сталиным о недопустимости выделения, но т. Сталин, как представитель Центральной Власти брал на себя ответственность и одобрял стремление выделиться.

Тов. Смирнов оглашает резолюцию, после обсуждения отдельных пунктов с поправкой пункта о недопустимости посылки делегации от Кабарды непосредственно обойдя Горский ЦИК.

Заслушав информационный доклад о постановлении съезда Советов Кабарды относительно выделения в автономную область, Горский партком постановил:

1. Перенести этот вопрос на заседание Пленума комитета и Горского ЦИКа, после чего

2. Дать законный ход постановлению съезда Советов Кабарды.

3. Указать Кабардинскому исполкому на желательность и необходимость побыть отправляемой делегации предварительно в Совнарком и в Горском ЦИКе.

4. Обязать присутствовать на заседании Пленума партийного комитета ЦИКа всех членов Парткома и делегатов от Кабарды и тех округов, коих ближе всего касается выделение Кабарды.

5. Ставя вопрос о выделении Кабарды перед ЦК РКП и ВЦИК доставить туда весь материал и характеристику существующего экономического состояния Кабарды и состояние разрешения в действительности вопроса о

Кабарде и отношение по этим вопросам Кабарды к остальной части Горской республики.

ГАНИ РСО-А. Ф. 204. Оп. 1. Д. 4. Л. 32–33.
Подлинник. Машинопись.

Из протокола № 3
заседания Пленума Горского областного партийного комитета РКП (б)
19–20 июня 1921 г.

Заседание 20 июня в 11 часов утра.

Докладчик т. Носов информирует пленум о ходе этого вопроса... узнав о намерении выделиться, Горский партком вопрос обсудил и вынес резолюцию... Нальчикская организация с этим мнением не согласилась и выступила со своим мнением на фракционном заседании съезда. Съезд и отдельные группировки не сумели возражать авторитетным личностям, как например Калмыков и получилась поддельная картина, а не мнение кабардинского народа, т.к. мнение съезда было сорганизовано отдельными лицами. В итоге было постановлено съездом выделиться, каковой факт после возвращения членов Гороблпарткома из Кабарды снова обсудил и вынес опять свое мнение.

Т. Такоев оглашает телеграмму, полученную из Кабарды, в которой говорится о постановлении съезда выделиться.

Т. Дзедзиев подчеркнул, что для Горского парткома весть о желании выделиться было неожиданностью, т.к. до этого говорили лишь об экономическом тяготении Кабарды к терской области. Очевидно, что на изложение первоначального мнения сыграл роль т. Сталин, прибывший в Нальчик и который принципиально не возражал против выделения. Когда тов. Дзедзиевым было указано Сталину, что ответственность за последствия выделения падает на него, то Сталин пояснил, что он не будет вмешиваться и не будет участвовать на съезде и что он вовсе не приветствовал этого выделения, хотя в принципе не возражал.

Дальше указывает, что митингов в самой массе на местах не было и что мнения, как такого, самих масс также не было на съезде. Тов. Калмыковым был выдвинут ряд положений, на основании которых был поднят вопрос о выделении. Очевидно, что все расчеты руководителей политики в Кабарде сводятся к тому, чтобы получить из Центра и соседних богатых губерний всевозможные экономические, материальные и земельные выгоды.

Наркомзем т. Датиев вкратце информирует о том, по сравнению с другими округами, Кабарда находится в исключительных условиях. Большинство населения Кабарды обеспечено землей и вследствие этого из-за боязни лишиться часть земли Кабардой, наверное, поднят был вопрос о выделении. ... Удержать же за собой землю и если можно еще больше захватить – стремление было и раньше, при чем со слов Калмыкова, они готовы на войну и ни коим образом не допустят отчуждения в пользу других округов... во всех отношениях Кабардинский округ при распределении инвентаря, мануфактуры, семян и пр. ни в чем не был обижен. Подчеркивает, что

Кабардинский округ не выполняет распоряжений и указаний Наркомзема и что т. Калмыков поступал не коммунистически, дав понять, что только вооруженной силой можно от кабардинца что-либо получить и добиться исполнения. Датиев обещает до приезда делегации из Кабарды заручиться цифровыми данными для доказательства.

Бутаев подчеркивает, что выделение Кабарды вызвано исключительно экономическими соображениями.

Рогачев горит, что выделение произошло на экономической и националистической почве и вина президиума Гороблпарткома, что он не принял соответствующие меры борьбы против такой тенденции, в особенности против коммунистов националистов.

Предлагает собрать весь материал, выслушать внимательно делегацию Кабарды и информировать центр. По отношению парторганизации Кабарды назначить оргбюро и произвести переброску партработников.

Тов. Смирнов возражает против обвинения по адресу президиума.

Тов. Иоанисиани разъясняет детали, благодаря которым нельзя было применить репрессивных мер по отношению к Калмыкову и другим и какие бы получились от этого последствия и, главным образом, была бы дискредитирована компартия, тем более, что Сталин поддерживал выделение.

Тов. Дзедзиев подчеркивает, что поскольку выделение Кабарды не есть мнение всего кабардинского народа, санкционировать постановление съезда нельзя и что нельзя было дискредитировать компартию в глазах кабардинского народа, применяя репрессивные меры, доказывает, что предложение Рогачева не выдерживает критику, т.к. большую роль играло мнение Сталина и нельзя было скомпрометировать себя перед центром.

Тов. Эльдарханов предлагает признать тактику и поведение по данному вопросу Президиума парткома правильным.

Пленум постановил:

1. Признать действия и тактику Президиума правильными.
2. Настаивать перед СНК о проведении в жизнь постановления Президиума Гороблпарткома.
3. Послать в Москву представителей от СНК и парткома для точной информации о выделении Кабарды.
4. Выработать и произвести реорганизацию парторганизаций в Нальчике и Балкарии в смысле объединения их. Поручить президиуму на их усмотрение.

ГАНИ РСО-А. Ф. 204. Оп. 1. Д.2. Л. 1–5.

Подлинник. Машинопись.

Из протокола № 4.
совместного заседания ГорЦИКа и СНК ГССР

22 июня 1921 г.

Слушали: 1. О выделении Кабардинского округа из Горской республики.

Калмыков, председатель исполкома Кабардинского округа, говорит, что народ Кабардинского округа имел желание выделиться несколько лет тому назад, но по тем или другим причинам этого осуществить было невозможно. В 1918–1919–1920 гг. имели тяготение выделиться в автономную республику, но стоящим во главе округа приходилось сдерживать напор народа ввиду того, что существовали фронты. При образовании Горской республики кабардинцы тоже желали образования автономной области, но опять-таки мешали некоторые причины, как еще существование меньшевистской Грузии и Врангелевского фронта с Крымом. Наши представители на Учредительном съезде Советов Терской области не высказывались против Горской республики, зная, что это образование происходит по предложению Центра, а не есть самоопределение народа. Кабарда все время имела и имеет экономическое тяготение к РСФСР, ибо с национальностями Горской республики Кабарда в экономическом отношении совсем не связана. Выделение Кабарды в АО есть желание самих трудовых масс, волю которых мы выполняем. Кроме всего этого побочной причиной к выделению также послужили мелочи, как-то обделение Кабардинского округа в отношении снабжению вообще и в частности денежными знаками и пр. Ввиду перехода от военного положения к хозяйственному строительству кабардинский народ считает выделение своевременным.

Перед съездом, мы ответственные работники, решили на совещании обменяться мыслями с высшей властью Горской республики по поводу выделения, но нам этой возможности не представилось. Перед приездом Наркомнаца т. Сталина был собран съезд, ... где и был поставлен вопрос о предоставлении кабардинскому народу автономности.

Т. Сталин говорил, что если этого хотят трудящиеся, то так и должно быть.

О съезде было послано извещение высшим властям Горской республики. Съезд был созван из трудящихся Кабарды, которым и было предоставлено право высказывать свою волю и съезд как один человек высказался за выделение. Перед съездом этот вопрос обсуждался в каждом селении..., где выносились постановления, что если не дадут автономности местные власти будут посылать непосредственно с ходатайством делегации в Москву... Сталин говорил, что он за волю трудящихся, и мы этой воли подчиняемся.

Энеев говорит, что выделение он приветствует и надо поддерживать волю трудящихся. Т. Алиев передал т. Сталину проект о выделении Карачая и говорил, что даже если бы и не выделилась Кабарда, то Карачай все равно выделился бы. Дальше т. Калмыков говорил, что в будущем будет поддерживать начинания масс Кабарды и будет проводить в жизнь... В Кабарде кулаков не более 5–7%... Вопрос о земле обсуждался и лишняя земля 13 000 десятин заселена русскими крестьянами и немцами. ... Около 12 000 десятин земли от Кабарды должно отойти. Об этом они знают и ничего не имеют.

В том, что будет Кабардинская АО, я убежден и буду поддерживать волю трудящихся. До тех пор, пока Центр не утвердит наше выделение, мы будем выполнять все распоряжения Горской республики мы ваши члены.

Постановили: Выслушав заявление секретаря Горского партийного комитета т. Дзедзиева, председатель исполкома Кабардинского округа тов. Калмыкова и ряд наркомов постановляет:

1. Считать выделение Кабардинского округа из Горской республики нежелательным по политическим и экономическим соображениям

2. Создать комиссию в составе трех членов: т. Эльдарханова, Датиева, Носова, для разработки мотивированного доклада ВЦИК по вопросу о выделении Кабарды.

3. До разрешения вопроса в центре о выделении Кабарды предлагается всем наркоматам, учреждениям и организациям Горской республики, по-прежнему, считать Кабардинский округ составной частью Горской республики, на каковой распространяются все действия, как в отношении снабжения, так и распоряжений и контроля. (При голосовании резолюции т. Калмыков голосовал против).

ЦГА РСО-А. Ф. Р-41. Оп. 1. Д. 66. Л. 16–16 об.

Подлинник. Машинопись.

ИСТОРИЯ, ЭТНОЛОГИЯ И АРХЕОЛОГИЯ**Новейшая история**

УДК 94(470.64)

DOI 10.31143/2542-212X-2021-1-96-129

**ОСОБЕННОСТИ «КОРЕНИЗАЦИИ» ГОСУДАРСТВЕННЫХ И
КУЛЬТУРНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ КАБАРДИНО-БАЛКАРИИ В СВЕТЕ
НОВЫХ АРХИВНЫХ ДОКУМЕНТОВ****Х.Б. МАМСИРОВ**

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Кабардино-Балкарский государственный университет им Х.М. Бербекова»
360004, КБР, г. Нальчик, ул. Чернышевского, 173
E-mail: mamsirhb@mail.ru*

А.А. ЛООВ

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Кабардино-Балкарский государственный аграрный университет им. В.М. Кокова»
360030, КБР, г. Нальчик, пр. Ленина, 1в
E-mail: anzor-44@yandex.ru*

Аннотация. Проблемы коренизации на Северном Кавказе в отечественной историографии рассматриваются в хронологических рамках 1920-1930 х гг., хотя эти процессы реально начались еще в имперский период. После окончания Кавказской войны царское правительство ищет способы адаптации горских народов в российское социокультурное пространство, превращения региона, поглотившего огромные материальные и людские ресурсы, в регион обогащающий страну. Имперский опыт управления регионом в итоге привел к осознанию необходимости привлечения в органы самоуправления представителей элиты из числа коренных жителей. Большевики учли ошибки своих предшественников и смогли придать ускорение темпам интеграции горцев в советское социокультурное пространство. Они не преминули воспользоваться опытом имперской администрации в части привлечения в органы местного самоуправления представителей автохтонного населения. При этом, не поступаясь своим классовым подходом, большевики открыли доступ к социальным лифтам большинству горцев, отсекая представителей дореволюционной элиты. В современной России на фоне усиления вызовов глобализации, нивелирующей этнические культуры, отдельные мероприятия советской национальной политики вызывают интерес до сих пор, например, практика коренизации. Кабардино-Балкария не раз оказывалась в авангарде форсированной советизации Северного Кавказа. Часть мероприятий, безусловно, находили поддержку основной части населения. Но в большинстве из них население участвовало добровольно-принудительно, так как прямой отказ был бы себе дороже. Статья базируется на новых архивных источниках, выявленных в фондах Государственного архива

Российской Федерации (которые представляются ниже в настоящем номере), документах из других архивохранилищ и новейших исследованиях по вопросу. В целом это позволило понять истоки процесса в имперский период, ее логическое продолжение и национально-региональные особенности реализации политики коренизации в советской Кабардино-Балкарии. Неоднозначная по целям и задачам, методам реализации и конкретным результатам, эта политика характеризуется невиданными усилиями по укреплению государственных и культурных учреждений национальными кадрами. Но гораздо меньше исследователи говорят о теневой стороне проблемы, которую в современных условиях надо знать для учета в практической деятельности как позитивных, так и негативных уроков решения советской властью задач, связанных с национальным вопросом.

Ключевые слова: Советская Россия; Кабардино-Балкария; 1920-1930-е гг.; коллективизация; национальная политика; коренизация; национальные кадры; советские учреждения; культурно-просветительные учреждения.

PECULIARITIES OF INDIGENIZATION OF ADMINISTRATIVE AND CULTURAL INSTITUTIONS OF KABARDINO-BALKARIA IN THE LIGHT OF NEWLY FOUND ARCHIVAL DOCUMENTS

H.B. MAMSIROV

*Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov
360004, Kabardino-Balkarian Republic, Nalchik, Chernyshevsky st., 173
E-mail: mamsirhb@mail.ru*

A.A. LOOV

*Kabardino-Balkarian State Agricultural University named after V.M. Kokov
360030, KBR, Nalchik, Lenin Ave., 1v
E-mail: anzor-44@yandex.ru*

Abstract. The problems of indigenization in the North Caucasus in domestic historiography are considered in the chronological framework of 1920-1930., although these processes really began in the imperial period. After the end of the Caucasian war, the royal government is looking for ways to adapt the mountain peoples into the Russian socio-cultural space, turning the region that absorbing huge material and human resources to the region enriching the country. The imperial experience of managing the region in the end led to awareness of the need to attract the authorities of representatives of the elite from the number of indigenous people. The Bolsheviks took into account the mistakes of their predecessors, and were able to give acceleration to the pace of integration of the Highlanders to the Soviet social and cultural space. They did not fail to take advantage of the experience of the imperial administration in terms of attracting representatives of the autochthonous population into local governments. At the same time, without becoming his class approach, the Bolsheviks opened access to the social elevators to most Highlanders, which cut off representatives of the pre-revolutionary elite. In modern Russia, against the background of strengthening the challenges of globalization, leveling ethnic cultures, individual events of the Soviet nationality are of interest so far, for example, the practice of indigenization. Kabardino-Balkaria more than once turned out to be in the forefront of the Sovietization of the North Caucasus. Part of the events, of course, found the support of the main part of the population. But, in most of them, the population participated voluntarily forcibly, as a direct refusal would be more expensive. The article is based on new archival sources identified in the Funds of the State Archives of the Russian Federation (which are submitted below in this issue), documents from other archives and the latest research on

the issue. In general, this made it possible to understand the origins of the process in the imperial period, its logical continuation and national-regional features of the implementation of the indigenization policy in the Soviet Kabardino-Balkaria. Multi-valued for the purposes and objectives, methods of implementation and specific results, this policy is characterized by unprecedented efforts to strengthen state and cultural institutions by national personnel. But much less researchers talk about the shadow side of the problem, which in modern conditions it is necessary to know for accounting in practical activities both positive and negative lessons to solve the Soviet rule of tasks associated with the national issue.

Keywords: Soviet Russia; Kabardin-Balkaria; 1920-1930s; collectivization; national policies; indigenization; national cadres; Soviet institutions; cultural-educational institutions.

Истоки политики коренизации

К концу XIX века Российская империя достигла территориального максимума, инкорпорировав многочисленные этносы с различным уровнем экономики и культуры. «Новое пополнение» славянского ядра империи, еще не интегрированного в социальную структуру российского общества, обозначали обобщенным термином «иностранцы». По отношению к ним действовали различные ограничительные нормы, включая запрет на доступ к государственным должностям и др. Но это обостряло проблему эффективности управления новыми регионами ввиду дефицита чиновников, знающих местные особенности. Наиболее прогрессивная часть российского общества выступала за адаптацию северокавказских горцев в политико-экономическом и социокультурном пространстве империи путем «мягкой ассимиляции» и формирования нового мировоззрения у горской молодежи [Бакланов 2014].

На Северном Кавказе эти процессы, отягощенные последствиями Кавказской войны и противоречивой национальной политикой, протекали весьма неоднозначно. Сначала в отношении северокавказских народов культивировали относительно мягкую политику «обрусения» на основе плана министра народного просвещения Российской империи Д.А. Толстого 1870 г. «О мерах к образованию населяющих Россию иностранцев» [Северный... 2007: 272] посредством развертывания сети начальных школ в национальных регионах. Но ее первые позитивные результаты на Северном Кавказе, затронувшие только детей местной элиты, быстро нивелировались контрреформами и переходом в начале 1880-х годов к жестким методам русификации.

Попытки создания однородного общества путем ассимиляции горских народов, находившихся веками под влиянием восточной культуры опирались на русских переселенцев, привносивших в регион элементы иной, более развитой культуры. Но практика показала низкую эффективность методов русификации, и в начале XX века высшие чиновники, увидев в обострении национального вопроса угрозу для целостности России, срочно сворачивают ее.

Наглядно это проявилось в деятельности нового Наместника Кавказа И.И. Воронцов-Дашков, который сразу отверг политику русификации в пользу «обрусения», поощряя расширение сети светских школ для приобщения горцев

к русской культуре с обучением на родном языке как «первейшим средством» воздействия русского мировоззрения на мусульман [Национальная... 1997: 106–107].

П.А. Столыпин в целях снижения накала национальных противоречий планировал создать Министерство национальностей, открыть 5 000 средних специальных и 1500 высших учебных заведений с тем, чтобы превратить «инородцев» из врагов России в ее верноподданных [Столыпин 1997: 417]. Такая политика укрепляла доверие между славянскими и северокавказскими народами. Но плодами этой политики могла воспользоваться только национальная элита, которая овладев русским языком и образованием, легче адаптировалась в социокультурном пространстве России.

Более привлекательным для северокавказского дворянства было военное образование, позволявшее заниматься близкой им по духу воинской службой. На этой стезе из национальной среды выдвинулся целая группа старших офицеров и генералов российской армии [Казаков 2006: 39, 42, 83, 121, 162, 263, 301], ставших образцом для подражания и демонстрации мужской успешности, престижности русских учебных заведений для всех соплеменников [Нефляшева 2009: 81].

К концу XIX века русская культура проникла в северокавказское общество, приобщая горцев к российской цивилизации, укрепляя их доверие к Российскому государству, формируя российскую идентичность с сохранением своей культуры, языка и религии [Кавказ... 2005: 543]. Кавказская администрация стало увереннее привлекать коренное население к местному управлению, преимущественно из числа национальной аристократии.

На рубеже XIX–XX веков в Нальчикском округе заметно выросли ряды местной национальной интеллигенции, получившей светское образование в лучших вузах России. Многие из них впоследствии сыграли активную роль в социально-экономических, политических и культурных процессах в регионе. Так, Д.С. Кодзоков, председатель Терско-Кубанской сословно-поземельной комиссии, возглавил ход буржуазных реформ на Северном Кавказе. С.К. Клишбиев стал первым представителем автохтонного населения начальником Нальчикского округа. М. Абаев проявил себя успешным чиновником-управленцем в Терской и Кубанской области, опубликовал исторический очерк «Балкария», П.Т. Коцев стал Председателем правительства Северо-Кавказской (Горской) республики (1917–1919 гг.), Б.А. Шаханов, балкарский просветитель, стал одним из лидеров Союза объединенных горцев Северного Кавказа и т.д.

В период Первой мировой войны, несмотря на усиленную пропаганду турецких адептов пантюркизма и панисламизма, народы Кавказа на фронте (кавалеристы Кавказской конной дивизии) и в тылу остались преданы России [Зубов 2000: 150]. Чтобы укрепить эти тенденции и в дальнейшем, новый Наместник Кавказа великий князь Н.Н. Романов предложил в 1916 г. Николаю II реформировать систему просвещения мусульманских народов [Кавказ... 2005: 543, 549, 550] для углубления взаимопонимания и сотрудничества между славянским и автохтонным населением.

Но история не предоставила прежнему режиму шанса на 20 лет мирной и спокойной жизни, подвергнув народы России неслыханным испытаниям чередой войн (Первой мировой и Гражданской) и Русской революцией 1917 г.

Поворот советской власти к национальным проблемам

Эти поворотные события придали мощный импульс центробежным тенденциям в бывшей империи, разрушая уверенность мусульман в силе Российского государства, которое неуклонно шло по пути саморазрушения, хаоса, анархии, разрыва со своими традициями. Совершенно неприемлемым для горцев был антирелигиозный экстремизм большевиков, который они расценивали как преступление и самоуничтожение [Ланда 1995: 198].

В 1917 г. известный русский социолог П.А. Сорокин считал неперменным условием формирования гражданского общества в полиэтничной стране обеспечение национального равноправия и национальной автономии, обусловленное интересами каждой национальности и государственного единства. В перспективе он предвидел расширение их автономных прав и превращение России «в свободную федерацию народов, спаянную сознанием общности интересов, глубокой привязанности к общему отечеству» [Сорокин 1917: 16].

Но в тот момент лидеры большевиков проигнорировали его прогнозы, хотя скоро им самим пришлось плотно заняться этими вопросами. В ходе гражданской войны Северный Кавказ оказался в эпицентре сшибки белых и красных. Белые ретрограды, не понявшие невозможность возврата к «единой и неделимой» империи и исключавшие возможность предоставления самоуправления «инородцам», упустили свой исторический шанс. Большевики же искусно воспользовались их просчетом, на словах поддержали идеи национального самоопределения, равноправия, уважения национальной и религиозно-культурной самобытности горских народов. Однако на деле они, в равной мере, как и «белые» жестко боролись с национальным движением на Северном Кавказе. Поэтому, северокавказские народы при небогатом выборе альтернатив предпочли большевистские лозунги «автономии» и «федерации», а не имперские порядки, которые пытались реставрировать вожди белого движения [Ланда 1995: 199–200].

Черета революций и войн стимулировала рост национального самосознания северокавказских народов и их отношение к новым советским чиновникам формировалось через призму негативного опыта имперского управления. Поэтому, изгнав «белых», и чтобы окончательно развеять синдром недоверия горцев, проявившийся и по отношению к советской власти, большевикам пришлось переходить от обещаний, провозглашённых 15 ноября 1917 г. в «Декларации прав народов Востока», к реальному формированию национальных автономий.

Для укрепления советской власти на местах, повышения ее авторитета в глазах горского населения, большевики, в отличие от прежнего режима, сделали ставку не на элиту, а на социальные низы, коренное изменение их

образа жизни и хозяйственной деятельности, повышение социальной мобильности, на увеличение доли представителей местных народов в партийных и советских учреждениях.

VIII и X съезды партии в соответствии с большевистской доктриной принимают неординарные меры, чтобы «помочь трудящимся массам невеликорусских народов догнать ушедшую вперед центральную Россию ... развить и укрепить у себя ... на родном языке суд, администрацию, органы хозяйства, органы власти, ... прессу, школу, театр, клубное дело и вообще культурно-просветительные учреждения; ... широкую сеть курсов и школ как общеобразовательного, так и профессионально-технического характера на родном языке» [Коммунистическая... 1983: 82, 366].

Эти вопросы особенно актуализировались, когда окончательно рухнули надежды на скорую мировую революцию, а курс на построение социализма в одной отдельно взятой стране потребовал укрепления вертикали власти государства, единства и взаимодействия всех народов СССР, хозяйственных связей между регионами, что предполагало повсеместное функционирование единого общегосударственного языка. Таковым в то время объективно мог быть только русский [Алпатов 1993: 238–239].

В 1920-1930-х годах для СССР, стремящегося к технико-экономической независимости, геополитическое значение Кавказа, как важнейшего источника сырья для экономики, индустрии и военно-стратегической и продовольственной базы страны, резко возросло [Бабаев 2008: 92–93]. Поэтому молодому государству была крайне важна поддержка каждого кавказского народа, уверенность в том, что он понимает основную суть советской политики.

Чтобы не повторять ошибок имперского управления национальными регионами, председатель СНК РСФСР В.И. Ленин стремился минимизировать деструктивный потенциал местного национализма, приспособив его к запросам советского строительства. Его известное письмо «Коммунистам Кавказа...» красноречиво характеризует интерес лидера страны к решению национального вопроса на всем Востоке путем создания привлекательного образа советской власти, как антипода самодержавию.

Примечательно, что большевики, особо не афишируя, взяли на вооружение методы «обрусения» кавказской администрации И.И. Воронцова-Дашкова путем расширения сети светских школ с обучением на родном языке и приобщения горцев к русской культуре. Идею облекли в идеологическую оболочку под названием «коренизация», предусматривавшую приоритетное, по сравнению со славянскими народами, развитие экономики и национальных культур. Эти мероприятия подрывали основы национализма, содействовали консолидации всех народов на принципах интернационализма, стимулируя процессы их интеграции в советскую социокультурную среду¹.

¹ Простаков С. О советской коренизации народов. Цели и ошибки. 28 октября 2013 // Публикация от 30.10.2014 MAMLAS в «Живой Журнал» (LiveJournal, LJ) – блог-платформа. URL: <https://mamlas.livejournal.com/2930841.html> (дата обращения: 18.01.2021)

Большевики создают целый ряд новых организационных структур для всестороннего стимулирования национально-культурного строительства. В первом Советском правительстве таковым стал Народный комиссариат по делам национальностей. 23 января 1918 г. на его базе был создан Центральный мусульманский комиссариат [Собрание... 1917: Ст. 243], а позже и Отдел горцев Кавказа [ГАРФ. Ф. 1318. Оп. 21. Д. 381. Л. 517]. Аналогичный подотдел в 1919 г. был организован в Наркомпросе РСФСР при Отделе просвещения национальных меньшинств. Эти органы стали активно продвигать в национальные регионы решение вопросов народного образования [ГАРФ. Ф. 296. Оп. 2. Д. 12. Л. 23 об. – 24].

Создание в конце 1920 г. национальных автономий на Северном Кавказе практически совпало с реорганизацией Наркомнаца, что обусловило преобразование его национальных отделов и комиссариатов в национальные представительства Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета (ВЦИК). Сначала было организовано Горское представительство северокавказских народов, а после распада Горской АССР все национальные автономии получили свои представительства при ВЦИК. Их роль в деле «безболезненного приобщения этих народностей к советскому строительству» особенно усилилась после того как 10 мая 1921 г. СНК РСФСР обязал наркоматы вносить проекты декретов по национальным автономиям в СНК и СТО только после предварительной экспертизы в Наркомнаце [Ленин 1979: 402]. Сначала представительство КБАО при ВЦИК возглавляли русские коммунисты С.И. Назаров, Петров, а с конца 1923 г. на эту должность выдвигается кабардинец, герой гражданской войны Н.А.-Г. Катханов [ГАРФ. Ф. 1318. Оп. 21. Д. 390. Л. 386].

13 сентября 1925 г. Н.А.-Г. Катханова утвердили Уполномоченным Национального отдела Главного экономического управления ВСНХ СССР по Северному Кавказу. В условиях начавшейся индустриализации страны и разработки природных богатств Кавказа он активно занимался вопросами финансирования промышленности национальных областей Северного Кавказа.

В 1921 г. Отдел просвещения национальных меньшинств был реорганизован в Совет по просвещению национальных меньшинств (Совнацмен) при коллегии Наркомпроса РСФСР. В 1925 г. при Северо-Кавказском крайисполкоме создается Краевой национальный совет (Крайнацсовет) по вопросам развития культуры, сформированный на паритетных началах из числа представителей всех северокавказских автономий [Положение... 1926: 13]. В целом эту многогранную работу курировали Национальные комиссии при партийных комитетах, начиная с ЦК сверху, и заканчивая обкомами партии снизу.

В вопросах коренизации Кабардино-Балкария стала известна своими уникальными инициативами. Так, в 1923 г. в КБАО впервые на Северном Кавказе были организованы учебные заведения нового типа: Ленинский учебный городок (ЛУГ) и Мало-Кабардинская окружная сельскохозяйственная школа. Здесь учащиеся ускоренно проходили программу школы I ступени, а затем на краткосрочных курсах осваивали навыки рабочих профессий,

руководителей среднего звена, аппаратных работников советских, партийных и хозяйственных учреждений [ГАРФ. Ф. 1565. Оп. 2. Д. 45. Л. 5; Оп. 11. Д. 168. Л. 3].

Уже в 1924 г. аналогичные сельскохозяйственные школы открылись в Урванском, Нальчикском и Баксанском округах [Калмыков 1983: 108]. Затем учреждения, подобные кабардино-балкарским Ленинскому учебному городку и сельскохозяйственным школам культивируются и в других северокавказских автономиях. Широкую известность получила деятельность заведующего Мало-Кабардинской окружной сельскохозяйственной школой У.А. Блаева, дворянина по социальному происхождению, которую высоко оценили секретарь Северо-Кавказского крайкома партии А.И. Микоян¹.

Тем не менее, в период НЭП, когда в КБАО только открывались первые средние специальные учебные заведения, основным каналом подготовки национальных кадров средней и высшей квалификации стало целевое обучение в центре России. Посланцам Кабардино-Балкарии выделяли льготные квоты на обучение в университете им. Я.М. Свердлова, Коммунистическом университете трудящихся Востока, горских институтах в Ростове, в вузах Ленинграда и других городов страны [Кабардино-Балкарскому...1982: 10].

В 1921-1922 гг. только на горском отделении КУТВ по подготовке руководителей советских учреждений обучались 52 представителя Кабардино-Балкарии. По мере роста грамотности населения области, контингент кабардинцев и балкарцев в вузах и техникумах центра страны неуклонно расширялся: в 1924-25 гг. он составлял 318 чел., в 1925-26 гг. – 685 чел. и в 1927 г. – 1 200 чел. [Хутуев 1984: 51, 53–54.].

Таким образом, в течение 1920-х гг. в Кабардино-Балкарии, как и в остальных северокавказских автономиях, шла спешная подготовка базы для массовой смены дореволюционных специалистов в советском государственном аппарате управления и хозяйственных предприятиях на национальные кадры, имевшие классово-выдержанное рабоче-крестьянское происхождение. Условия для тектонических сдвигов в социально-экономической и идеологической сфере созрели в конце 1920-х гг., которые получили в советской литературе название «великого перелома».

Переход к политике массовой коренизации

Хлебозаготовительный кризис конца 1920-х гг. дал мощный импульс «великому перелому», ознаменовавшийся на Северном Кавказе усилением советизации края, когда во главу угла выдвинулись задачи повышения темпов индустриализации и коллективизации, секуляризации горского общества, массовой ликвидации неграмотности населения, коренизации аппарата советских и культурно-просветительных учреждений.

¹ Увжуко Алимурзович Блаев // Интернет-версия книги Шоры Ногмова «История адыгейского народа»: сайт. URL: <http://nogmov.narod.ru/nogma/uvzhuko.htm> (дата обращения: 08.10.2020).

Старт массовой коренизации, направленной на кадровое и идеологическое обеспечение всех остальных хозяйственно-политических кампаний, официально был объявлен Северо-Кавказским крайисполкомом в 1929 г. Однако сигналом к развертыванию этой кампании во всесоюзном масштабе послужило «Шахтинское дело» по факту экономической диверсии в Донбассе. Оно стало удобным поводом для начала массовой «зачистки» советских учреждений и хозяйственных предприятий страны от старых специалистов. Все местные партийные и советские органы были брошены на реализацию этой задачи.

С этой точки зрения представляют интерес новые архивные источники, выявленные в фонде Р-1235 – Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Государственного Архива Российской Федерации (ГАРФ). Ранее, нами совместно с Н.С. Лавровой был опубликован доклад Северо-Кавказского крайисполкома «О ходе коренизации национальных областей Северо-Кавказского края», представленный 1 ноября 1930 г. ВЦИК и статья с комментариями к нему [Мамсиров, Лаврова 2018: 92–130].

В данной публикации представлены другие документы из этой тематической серии: «О ходе работ по коренизации Кабардино-Балкарской Области к переводу делопроизводства на языки коренного населения» от 10.08.1928 г. [ГАРФ. Ф. Р-1235. Оп. 124. Д. 93. Л. 48–51 об.], «О ходе работ по коренизации аппаратов Кабардино-Балкарской Автономной Области от 25.11.1929 г. [ГАРФ. Ф. Р-1235. Оп. 124. Д. 93. Л. 44–45] и решение Президиума Областного Совета КБАО от 9 июня 1932 г. по вопросу «О коренизации» [ГАРФ. Ф. Р-1235. Оп. 124. Д. 93. Л. 5–6.].

Вместе эти документы дают общее представление о функционировании советской вертикали власти на всероссийском, краевом и областном (кабардино-балкарском) уровнях в части реализации политики коренизации. Орфография и пунктуация архивных документов сохранены в неизменном виде.

Начало массовой коренизации аппарата советских и культурно-просветительных учреждений синхронизировалось с усилением темпов индустриализации, сплошной коллективизацией, секуляризацией горского общества, массовой ликвидацией неграмотности населения, эмансипацией женщин-горянок не случайно. Без усиления эффективности деятельности советских и культурных учреждений, являвшихся «приводными ремнями партии», решать одновременно задачи комплекса сложнейших хозяйственно-политических кампаний было сложно, учитывая, что реальная ситуация на местах еще совсем не благоприятствовала для наступления социализма по всему фронту.

В информационной справке Кабардино-Балкарского обкома ВКП (б), представленной в ЦК партии в мае 1924 года, т.е. спустя 7 лет после Русской революции 1917 года, видно, что 50% депутатов окружного и сельских исполкомов Балкарского округа по социальному происхождению были бывшими узденями и нынешними кулаками. Они не участвовали в гражданской войне в Белой армии, но к Советской власти относились пассивно или

поддерживали зажиточные элементы [РГАСПИ. Ф. 65. Оп. 1. Д. 154. Л. 27, 31, 34–43]. Принципиально ситуация в канун «великого перелома» не изменилась, что вызывало обеспокоенность партийных органов за успешность проведения предстоящих хозяйственно-политических кампаний в горной полосе.

Основной социальной базой правящей партии, способной обезопасить влияние бывших дворян, духовенства и кулаков на трудовое национальное население, являлись коммунисты бедняцко-средняцкого происхождения. Но в период «великого перелома» (1929) в КБАО их численность составляла всего 2 тыс. [Очерки истории... 1971: 131]. При этом от 70 до 80% из них были политически и азбучно неграмотны и не пользовались должным авторитетом среди населения [РГАСПИ Ф. 17. Оп. 60. Д. 680. Л. 85; Ф. 65. Оп. 1. Д. 130. Л. 32].

С таким ненадежными «тылами» (советами, заполненными антисоветскими элементами, и коммунистами, с низким влиянием среди населения) начинать фронтальное наступление социализма областное партийное руководство считало рискованным. Но «коренизация» советского аппарата управления была связана с завышенными ожиданиями о превращении его в эффективного «посредника между пролетариатом и основными массами национального крестьянства» [Ваннэ 1929: 38].

Один из ведущих идеологов правящей партии, известный знаток национального вопроса в СССР, редактор журнала «Революция и национальности» в 1930-х годах С.М. Диманштейн уверял, что в период сплошного наступления социализма по всему фронту все старые «уклады» неминуемо «идут ко дну», а новый, социалистический, развивается стремительно [Диманштейн 1930: 8].

В связи с этим национальным автономиям в ближайшей перспективе предстояла нелегкая задача «окончательного выкорчевывания корней капитализма» и религиозно-бытовых пережитков, являющиеся источником «рецидива буржуазного национализма, смазывания ... классовый борьбы в национальной деревне, подмены классового принципа национальным» [ГАРФ. Ф. 296. Оп. 1. Д. 451. Л. 31–31 об.], для скорейшего приобщения национальных трудовых масс к идеалам социализма.

Весной 1929 г. Президиум Северо-Кавказского крайисполкома принял 5-летний план коренизации национальных областей. Он предусматривал в 3 года укоренить советский аппарат, и в 5 летний срок – культурно-просветительные учреждения [ГАРФ. Ф. Р-1235. Оп. 125. Д. 118. Л. 1]. Спустя 2 месяца Кабардино-Балкарский облисполком создал областную комиссию по коренизации, которую возглавил заместитель председателя облисполкома А. Гемуев. На своем первом заседании 2-го августа 1928 г. комиссия наметила план работ, мероприятия по организации аналогичных комиссий и программу их деятельности во всех округах [ГАРФ. Ф. Р-1235. Оп. 124. Д. 93. Л. 49 об.].

Для определения тактики реализации плана коренизации Северо-Кавказское краевое партийно-советское руководство предлагало начать с выявления стартовых условий каждой автономии на основании вопросника, составленного ВЦИК. Более всего центральные учреждения интересовали

ответы на такие вопросы, как: «На каком языке ведется делопроизводство?», «Какие препятствия встречаются в процессе перевода делопроизводства?», «Какие затруднения вызывает перевод делопроизводства во взаимоотношениях с соседними административными единицами?», «Какая практика делопроизводства установилась в административных единицах со смешанным составом населения?» и др. [ГАРФ. Ф. Р-1235. Оп. 124. Д. 93. Л. 48–51 об.].

В конце 1928 г. областная комиссия под руководством А. Гемуева провела анализ на предмет готовности коренизации области. На тот период в области насчитывался 261 населенный пункт, находившиеся в ведении 99 сельских советов. Комиссия подчеркнула многонациональный состав населения КБАО, в которой проживали более 50 национальностей. Кабардинцы, балкарцы, русские и украинцы преобладали (92,9%), а на остальные национальности приходилось 7,1%. Это обстоятельство, а также низкий уровень грамотности и культуры населения области затрудняли решение вопросов коренизации аппарата и перевода делопроизводства на язык коренного населения. Частично проблему смягчил ЛУГ, который за первые 5 лет своей работы подготовил 641 работника начальной и средней квалификации из представителей коренного населения [ГАРФ. Ф. Р-1235. Оп. 124. Д. 93. Л. 48об. – 49].

В конце 1928 г. штат всех советских учреждений КБАО насчитывал 3 555 служащих. Это было намного больше, чем при старом режиме. Выборочные данные на 1 437 чел. показали доминирование русских в областном аппарате (61,3%) ввиду низкого уровня грамотности кабардинцев и балкарцев. Тем не менее, доля кабардинцев среди советских служащих составляла 22%, а балкарцев 7,1%, что было удовлетворительно с учетом соотношения их численности.

Красноречивы и данные по округам и сельсоветам. Если среди руководителей окружных исполкомов преобладали кабардинцы и балкарцы (73,3%), то среди технических работников русские (70%). Идентичная картина наблюдалась и на уровне сельсоветов, по той же причине – невысоким уровнем грамотности коренных жителей. Если партийность руководителей окружных исполкомов составляла 80%, председателей сельсоветов – 52,8%, то технические работники были преимущественно беспартийными. Тщательно отслеживался социальный состав руководителей окрисполкомов. В большинстве он состоял из партийцев и более ¼ из крестьян бедняков. Председатели сельсоветов в большинстве составляли середняки – 49,1% и бедняки – 39,6% [ГАРФ. Ф. Р-1235. Оп. 124. Д. 93. Л. 50].

Делопроизводство всех учреждений области в их взаимоотношениях с вышестоящими органами велось на русском языке. Но пестрый состав населения (более 50 национальностей) с множеством национальных меньшинств и доминированием 7 национальностей стал основным препятствием к переводу делопроизводства на целый ряд родных языков населения. Другим тормозом являлся высокий уровень неграмотности коренного населения. Большинство работников областных организаций не могли ни читать, ни писать на родном языке. Руководители сельсоветов не

знали своего чтения и письменности и за редким исключением умели только подписываться на русском языке [ГАРФ. Ф. Р-1235. Оп. 124. Д. 93. Л. 50 об.].

Делопроизводство на родных языках создавало затруднения в отношениях с соседними округами и областями. Так, кабардинский язык, на котором говорили большинство населения области (60,1%), был непонятен в соседних округах и областях, за исключением Адыгеи и Черкесии. Балкарский же язык был более распространен, так как находился в одной языковой группе с татарами, киргизами, карачаевцами, крымскими татарами и т.д. Таким образом, естественно, русский язык претендовал на роль языка межнационального общения и государственных учреждений. Поэтому в мононациональных сельсоветах предполагалось вести делопроизводство на родном языке. Национальным меньшинствам (немцы, осетины, кумыки, поляки и т.д.) предложили общаться с вышестоящими органами на русском языке. Большинство руководителей советских учреждений являлись представителями основных коренных национальностей, что позволяло местному населению обращаться в учреждения на родном языке [ГАРФ. Ф. Р-1235. Оп. 124. Д. 93. Л. 51].

Учитывая все объективные причины, областная комиссия А. Гемуева предположила, что проведение коренизации займет длительный период, и предложила провести ее в 2 этапа:

- в I-ю очередь, введение делопроизводства на языках преобладающего населения (кабардинский и балкарский);

- во II-ю очередь, введение делопроизводства в отдельных сельсоветах и округах на языке национальных меньшинств [ГАРФ. Ф. Р-1235. Оп. 124. Д. 93. Л. 51 об.].

25 ноября 1929 г. Кабардино-Балкарский облисполком в отчете ВЦИКу «О ходе работ по коренизации аппаратов Кабардино-Балкарской Автономной Области» отметил, что директивы Центра и Края обсуждены на массовых собраниях, областных и окружных совещаниях, в местной печати, составлен областной план работы, выявлены потребности хозяйственных, государственных и кооперативных организаций в национальных кадрах. Сроки кампании для учреждений культуры сдвинули до 5 лет. Сначала к концу 1930 г. решили перевести на национальное делопроизводство сельские советские учреждения, к концу 1931 г. – окружные и промышленные предприятия, и к концу 1932 г. – аппараты областного уровня. Мероприятия по коренизации сводились к «подготовке работников некоренного населения к языку, чтению и письму коренного населения и подготовка работников коренного населения к письму и чтению родного языка». Специалисты начального и среднего звена частично готовились в самой области, а высшей квалификации – в центральных ВУЗах и других учебных заведениях страны [ГАРФ. Ф. Р-1235. Оп. 124. Д. 93. Л. 44].

Пристальное внимание уделялось коренизации национальных учреждений политпросвета Северного Кавказа. Только в первые два года (1928/29 и 1929/30 г.) планировалось переподготовить 460 ликвидаторов неграмотности и малограмотности, 280 избачей, 45 работников клубов горянок,

50 окружных библиотекарей. На коренизацию культурно-просветительных учреждений национальных областей было ассигновано более 2 847 тыс. руб. [ГАРФ. Ф. Р-1235. Оп. 125. Д. 118. Л. 2].

В Кабардино-Балкарии за 5 лет намечалось организовать 22 курсовых мероприятия различного профиля на 1 501 чел. Кроме того по линии народного образования за 5 лет предполагалось подготовить и переподготовить 1 749 чел. (в том числе 283 политпросветработников). Финансирование на организацию курсов составило 1 154 860 руб. [ГАРФ. Ф. Р-1235. Оп. 124. Д. 93. Л. 44 об.].

Такова была перспектива. Однако в текущей повседневности делопроизводство во всех учреждениях КБАО еще велось на русском языке. Заседания в судебных органах при необходимости велись на кабардинском и балкарском языках. Но судебная документация, директивы и распоряжения из центра и области на места составлялись на русском языке. Так как все председатели сельсоветов и окружных исполкомов были националами, то все указания и материалы вышестоящих органов доводились до населения на сходах и заседаниях устно на родном языке. Доклады и отчеты областных и окружных работников делались на родных языках области. Общим препятствием делу коренизации были низкий уровень грамотности населения, дефицит узких специалистов, включая канцелярских работников из числа националов. Большие трудности возникали в 14 сельсоветах со смешанным национальным составом населения. Самыми полиэтничными являлись Мало-Кабардинский и Прималкинский округа. Для обращения в областные учреждения крестьян различных национальностей предполагалось иметь переводчиков [ГАРФ. Ф. Р-1235. Оп. 124. Д. 93. Л. 45].

Президиум областного Совета КБАО при рассмотрении 9 июня 1932 г. вопроса «О коренизации» отметил, что кампания по коренизации вышла за пределы перевода делопроизводства советских и культурно-просветительских учреждений на родные языки. С начала кампании 901 представителя коренных национальностей вовлекли в государственные, хозяйственные, кооперативные и общественные организации, 4 772 чел. было охвачено курсовыми мероприятиями внутри области. Годовые тиражи газеты «Ленингок» на кабардинском языке достигли 1 440 000 экз., и на балкарском языке «Ленинчжол» – 422 000 экз. Важнейшие партийные и советские постановления публиковались на кабардинском и балкарском языках. Только за 1931 г. было издано литературы на национальных языках тиражом 301 700 экз. [ГАРФ. Ф. Р-1235. Оп. 124. Д. 93. Л. 5].

Центр и краевые партийно-советские организации уделяли Кабардино-Балкарии особое внимание, пропагандируя ее достижения: «коренизация» управленческого аппарата сельских советов на 95,5%, районных организаций – на 40%, областных учреждений – на 17%. Это был самый высокий показатель по краю, достигнутый «при полном понимании населением важности дела коренизации». В области работали кружки по изучению «кабардинского языка русскими товарищами. Огромные успехи были достигнуты в деле вовлечения женщин в органы управления потребительской кооперации. 780 горянок выдвинуты на различные ответственные должности». Автономную область

краевые организации рассматривали в качестве образца «положительной деятельности в этом направлении» [Хлынина 2014: 110].

Кампания коренизации известна не только победными реляциями, но и критическим отношением к положению дел. Так, облисполком обязал все учреждения использовать квалифицированные кадры строго по назначению. Для пополнения кадров областных, районных и сельских организаций и учреждений предложили выдвигать из коренных националов рабочих, колхозников (ударников, бывших красных партизан) на ответственную руководящую работу [ГАРФ. Ф. Р-1235. Оп. 124. Д. 93. Л. 5].

Облисполком призвал органы Прокуратуры и ОБЛРКИ усилить борьбу с игнорированием областными, районными и сельскими учреждениями переписки на национальных языках, бюрократизма и волокиты по заявлениям на национальных языках. Руководителям ОБЛОНО и Отдела Труда поставили на вид за отсутствие точного учета националов, посланных на учебу за пределы области и вовлеченных в местную промышленность. Им предложили в декадный срок составить единый план подготовки кадров высшей и средней квалификации (инженеров, техников, врачей, агрономов, зоотехников). Кроме того, задачи ВЦИК, Крайисполкома и Крайнацсовета в части завершения коренизации КБАО требовали огромных средств. Но выделенных на эти цели из местного бюджета 60 000 руб. и 103 620 руб. хозяйственных организаций было явно недостаточно. Во избежание срыва мероприятий облисполком решил обратиться в Президиум ВЦИК и Крайисполкомом с просьбой об ассигновании недостающих средств для завершения коренизации в Кабардино-Балкарии [ГАРФ. Ф. Р-1235. Оп. 124. Д. 93. Л. 6].

Таким образом, политика коренизации в Кабардино-Балкарии ускорила процессы ликвидации неграмотности населения и социальной мобильности национального населения, стимулировала тенденции его урбанизации. «Но попытка сочетания идей коммунизма с национальными традициями диссонировала с политикой правящей партии по интернационализации всех сторон жизни трудового населения [Хун, Чувывров 2004].

Социалистическая модернизация экономики с перегибами и методами принуждения спровоцировала массу вооруженных восстаний в национальных автономиях Северного Кавказа [Трахо 1992: 88], вызвавших серьезную тревогу политического руководства страны. Его надежды на национально-ориентированные кадры, на коренизацию местных органов советской власти не оправдывались. Свое влияние оказал и внешнеполитический фактор, и в частности, приход к власти в Италии и Германии фашистских партий на волне национализма.

Видимо, это стало одним из факторов, повлиявших в начале 1930-х гг. на свертывание политики коренизации на Северном Кавказе, усиление тенденций централизации и унификации советского аппарата управления. Под флагом интернационализма нивелируются достижения национальной политики [Очерки истории... 2014: 161]. В короткий срок национальные кадры, выпестованные в течение десятилетия, стали неуютны советской власти и

подверглись гонениям и преследованиям по обвинению в буржуазном национализме.

Начало политическим репрессиям в Кабардино-Балкарии положила критическая заметка газеты «Правда» в начале 1937 г. по факту бытового конфликта между представителями разных национальностей, который был квалифицирован как вызывающее проявление буржуазного национализма. В отношении обвиняемых был устроен показательный судебный процесс, который стал грозным уроком для всех потенциальных «врагов народа» [Догуж 1937: 24–25].

Политические репрессии середины 1930-х гг. нанесли ощутимый урон национальным кадрам, сформировавшимся в ходе реализации советской политики коренизации в 1920-1930-е гг. В «жернова» репрессий 1937 г. попали более 100 партийных и советских руководителей различного ранга из числа кабардинцев и балкарцев, которые получив путевку в жизнь по программе коренизации, возглавляли важные участки экономики, культурной сферы и СМИ республики [Сарахов 2004: 336–344]. Трагической участи не избежали практически все довоенные руководители Кабардино-Балкарского областного отдела народного образования по обвинению в буржуазном национализме, хотя они были преданы делу социализма, национально ориентированы, но вовсе не были буржуазными националистами [Шхагапсоев, Тохова 2012: 163].

Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «Об обязательном изучении русского языка в школах национальных республик и областей», принятое в 1938 г. способствовало существенному сокращению объемов часов по родным языкам в школе и увеличению часов по русскому языку в интересах межнационального общения в обществе, профессиональной подготовки рабочих, для подготовки к учебе в вузе¹.

Таким образом, реализации политики коренизации в Кабардино-Балкарии сыграла важную роль в подготовке национальных кадров, преданных советской власти, в повышении социальной мобильности горского трудового населения, в ускорении процессов его интеграции в российское социокультурное пространство. Процесс, истоки которого уходят в имперский период, получил логическое развитие в советский период, а его темпы, охват оказались масштабнее и эффективнее, чем при прежнем режиме. Население потянулось к знаниям, престиж образования неизмеримо вырос.

Однако смена курса в середине 1930-х гг. тенденции унификации, идеологизации и интернационализации жизни, политические репрессии стимулировали процессы нивелирования достижений традиционной культуры коренного населения Кабардино-Балкарии, разрушала связь времен и поколений, наносила непоправимый урон национальным кадрам, возвращенным в довоенную советскую эпоху.

¹ Зачем Сталин заставил всех русский учить? 28 ноября 2018 // Яндекс.Дзен (Yandex Zen) – интернет-сервис, рекомендательная лента контента и платформа для блогеров. URL: https://zen.yandex.ru/media/russian_for_dummies/zachem-stalin-zastavil-vseh-russkii-uchit-5bfe723405d8bd00aa6a50b0 (дата обращения: 18.01.2021).

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Алпатов 1993 – *Алпатов В.М.* Русский язык, языковая политика и общественное сознание в республиках советского Востока // Россия и Восток: проблемы взаимодействия. Часть II. – М.: Институт востоковедения РАН, Научно-информационная фирма «Туран», 1993. – С. 230–246.

Бабаев 2008 – *Бабаев А.-М.Б.* Кавказ в геополитике мировых держав в первой половине XX века. – Махачкала: Дагестанское книжное издательство, 2008. – 328 с.

Бакланов 2014 – *Бакланов В.И.* О «недоевропейскости» и о цивилизаторской миссии Российской империи. 19.02.2014 // «Территория историка»: сайт. URL: http://historick.ru/view_post.php?cat=1&id=50 (дата обращения: 16.02.2021)

Ваннэ 1929 – *Ваннэ М.* Русский язык в строительстве национальных культур // Просвещение национальностей. – 1929. – № 2. – С. 32–39.

Диманштейн 1930 – *Диманштейн С.* О борьбе с уклонами в национальном вопросе // Просвещение национальностей. – 1930. – № 6. – С. 3–9.

Догуж 1937 – *Догуж.* Распоясавшиеся буржуазные националисты // Вперед. – 1937. – № 1. – С. 24–25.

Зубов 2000 – *Зубов А.* Политическое будущее Кавказа: опыт ретроспективно-сравнительного анализа // Знамя. – 2000. – №4. – С. 141–162.

Кабардино-Балкарскому... 1982 – *Кабардино-Балкарскому* государственному университету – 50 лет / сост. Г.Х. Мамбетов. – Нальчик: Эльбрус, 1982. – 196 с.

Кавказ... 2005 – *Кавказ* и Российская империя: проекты, идеи, иллюзии и реальность. Начало XIX – начало XX вв. / Сост. Я.А. Гордин, В.В. Лапин, Г.Г. Лисицын, Б.П. Миловидов. – СПб.: Изд-во журнала «Звезда», 2005. – 720 с.

Казаков 2006 – *Казаков А.В.* Адыги (черкесы) на российской военной службе. Воеводы и офицеры. Биографический справочник. Середина XVI – начало XX в. – Нальчик: Эль-Фа, 2006. – 244 с.

Калмыков 1983 – *Калмыков Б.Э.* Статьи и речи. Издание 2. – Нальчик: Эльбрус, 1983. – 239 с.

Коммунистическая... 1983 – *Коммунистическая* партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986) / Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. – М.: Политиздат, 1983. – Т. 2: 1917–1922. – 606 с.

Ланда 1995 – *Ланда Р.Г.* Ислам в истории России. – М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1995 – 312 с.

Ленин 1979 – *Владимир Ильич Ленин.* Биографическая хроника: в 12-и т. – М.: Политиздат, 1979. – Т. 10. – 482 с.

Мамсиоров, Лаврова 2018 – *Мамсиоров Х.Б., Лаврова Н.С.* Политика коренизации на Северном Кавказе в 1920-1930-х годах в зеркале архивных документов: цели и результаты // Электронный журнал «Кавказология». – 2018. – №4. – С. 92–130. DOI: <https://doi.org/10.31143/2542-212X-2018-4-92-130>.

Национальная... 1997 – *Национальная* политика России: история и современность. – М.: Русский мир, 1997. – 680 с.

Нефляшева – *Нефляшева Н.А.* Мусульманское образование на Северо-Западном Кавказе (вторая половина XIX – начало XX в.) // Вестник Московского университета. Серия 13. Востоковедение. – 2009. – №4. – С. 72–92. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/musulmansкое-obrazovanie-na-severo-zapadnom-kavkaze-vtoraya-polovina-xix-nachalo-hh-v> (дата обращения: 18.01.2021).

Очерки истории... 1971 – *Очерки истории* Кабардино-Балкарской организации КПСС. – Нальчик: Эльбрус, 1971. – 394 с.

Очерки истории... 2014 – *Очерки истории* Северного Кавказа: XX век / Т.А. Невская и др.; науч. ред. Т.А. Булыгина. – Пятигорск; Ставрополь: ПГЛУ, 2014. – 354 с.

Положение... 1926 – *Положение* о Северо-Кавказском Краевом национальном совете по вопросам культуры и просвещения горских народностей // Ежедневник Севкавказия. – 1926. – № 2. – С. 13-16.

Сарахов 2004 – *Сарахов А.* Остров ГУЛАГ: Документальная повесть. – Майкоп: Адыгея, 2004. – 356 с.

Северный... 2007 – *Северный Кавказ* в составе Российской империи. – М.: Новое литературное обозрение, 2007. – 460 с.

Собрание... 1917 – *Собрание* узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства РСФСР. – 1917. – № 17. – Ст. 243.

Сорокин 1917 – *Сорокин П.А.* Проблемы социального равенства. – Пг.: Революционная Мысль, 1917. – 66 с.

Столыпин 1997 – *Столыпин.* Жизнь и смерть (1862–1911): сборник / Сост. Г. Сидоровнин. – Саратов: Соотечественник, 1997. – 472 с.

Трахо 1992 – *Трахо Р.* Черкесы (Черкесы Северного Кавказа). – Нальчик: Полиграфкомбинат им. Революции 1905 г., 1992. – 88 с.

Хлынина 2014 – *Хлынина Т.П.* Коренизация и решение национального вопроса на Северном Кавказе в 1920-е – 1930-е гг. // Вестник Южного Научного Центра. – 2014. – Том 10. – № 3. – С. 106–111.

Хун, Чувывров 2004 – *Хун Х., Чувывров А.Н.* Формирование научных и образовательных учреждений регионами России в период смены социального устройства государства (на примере Республики Башкортостан). Уфа, 2004 // [books.originweb.info](http://books.originweb.info/huan_hun_2/chapter_1_4.html) – Книги онлайн: сайт. http://books.originweb.info/huan_hun_2/chapter_1_4.html (дата обращения: 18.01.2021).

Хутуев 1984 – *Хутуев Х.И.* Становление и развитие социалистической культуры советской Кабардино-Балкарии. – Нальчик: Эльбрус, 1984. – 452 с.

Шхагапсоев, Тохова 2012 – *Шхагапсоев С.Х., Тохова С.М.* Из истории просвещения Кабардино-Балкарской Республики (1918–2012). – Нальчик: Тетраграф, 2012. – 164 с.

ГА РФ – *Государственный архив Российской Федерации.*

РГАСПИ – *Российский государственный архив социально-политической истории.*

REFERENCES

ALPATOV V.M. *Russkii yazyk, yazykovaya politika i obshchestvennoe soznanie v respublikakh sovetskogo Vostoka* [Russian language, language policy and public consciousness in the republics of the Soviet East]. IN: *Rossiya i Vostok: problemy vzaimodeistviya. Chast' II* [Russia and the East: problems of interaction. Part II]. – М.: Institut vostokovedeniya RAN, Nauchno-informatsionnaya firma «Turan», 1993. – P. 230–246. (In Russian)

БАБАЕВ А-М.В. *Kavkaz v geopolitike mirovykh derzhav v pervoi polovine XX veka* [Caucasus in the geopolitics of world powers in the first half of the 20th century]. – Makhachkala: Dagestanskoe knizhnoe izdatel'stvo, 2008. – 328 p. (In Russian)

БАКЛАНОВ В.И. *О «nedoevropеiskosti» i o tsvilizatorskoi missii Rossiiskoi imperii.* 19.02.2014 [About “non-Europeaness” and about the civilizing mission of the Russian Empire]. IN: «Territoriya istorika»: website. URL: http://historick.ru/view_post.php?cat=1&id=50 (access date: 16.02.2021). (In Russian)

ДИМАНШТЕИН С. *О бор'бе s ukлонami v natsional'nom voprose* [On the fight against deviations in the national question]. IN: *Prosveshchenie natsional'nostei.* – 1930. – No. 6. – P. 3–9. (In Russian)

ДОГУЗН. *Raspoyasavshiesya burzhuaznye natsionalisty* [Unbridled bourgeois nationalists]. IN: *Vpered.* – 1937. – No. 1. – P. 24–25. (In Russian)

Kabardino-Balkarskomu gosudarstvennomu universitetu – 50 let / sost. G.Kh. Mambetov [Kabardino-Balkarian State University is 50 years old. Compiled by G.Kh. Mambetov]. – Nalchik: El'brus, 1982. – 196 p. (In Russian)

КАЛМЫКОВ В.Е. *Stat'i i rechi* [Articles and speeches]. – Nalchik: El'brus, 1983. – 239 p. (In Russian)

Kavkaz i Rossiiskaya imperiya: proekty, idei, illyuzii i real'nost'. Nachalo XIX – nachalo XX vv. / Sost. Ya.A. Gordin, V.V. Lapin, G.G. Lisitsyn, B.P. Milovidov [Caucasus and the Russian Empire: projects, ideas, illusions and reality. Early 19th - early 20th centuries. Compiled by Ya.A. Gordin, V.V. Lapin, G.G. Lisitsyn, B.P. Milovidov]. – SPb.: Izd-vo zhurnala «Zvezda», 2005. – 720 p. (In Russian)

KAZAKOV A.V. *Adygi (cherkesy) na rossiiskoi voennoi sluzhbe. Voevody i ofitsery. Biograficheskii spravochnik. Seredina XVI – nachalo XX v.* [Adygs (Circassians) in the Russian military service. Governors and officers. Biographical reference book. Mid-16th - early 20th century]. – Nalchik: El'-Fa, 2006. – 244 p. (In Russian)

KHLYNINA T.P. *Korenizatsiya i reshenie natsional'nogo voprosa na Severnom Kavkaze v 1920-e – 1930-e gg.* [Indigenization and solving the national question in the North Caucasus in the 1920s - 1930s.]. IN: *Vestnik Yuzhnogo Nauchnogo Tsentra.* – 2014. – Vol. 10. – No. 3. – P. 106–111. (In Russian)

KHUN Kh., CHUVYROV A.N. *Formirovanie nauchnykh i obrazovatel'nykh uchrezhdenii regionami Rossii v period smeny sotsial'nogo ustroistva gosudarstva (na primere Respubliki Bashkortostan).* Ufa, 2004 [Formation of scientific and educational institutions by the regions of Russia during the period of change in the social structure of the state (on the example of the Republic of Bashkortostan)]. IN: [books.originweb.info – Knigi onlain: sait. http://books.originweb.info/huan_hun_2/chapter_1_4.html](http://books.originweb.info/huan_hun_2/chapter_1_4.html) (access date: 18.01.2021). (In Russian)

KHUTUEV Kh.I. *Stanovlenie i razvitie sotsialisticheskoi kul'tury sovetskoi Kabardino-Balkarii* [Formation and development of socialist culture in Soviet Kabardino-Balkaria]. – Nalchik: El'brus, 1984. – 452 p. (In Russian)

Kommunisticheskaya partiya Sovetskogo Soyuza v rezolyutsiyakh i resheniyakh s"ezdov, konferentsii i plenumov TsK (1898–1986) [Communist Party of the Soviet Union in resolutions and decisions of congresses, conferences and plenums of the Central Committee (1898–1986)]. – M.: Politizdat, 1983. – Vol. 2: 1917–1922. – 606 p. (In Russian)

LANDA R.G. *Islam v istorii Rossii* [Islam in the history of Russia]. – M.: Izdatel'skaya firma «Vostochnaya literatura» RAN, 1995 – 312 p. (In Russian)

MAMSIROV Kh.B., LAVROVA N.S. *Politika korenizatsii na Severnom Kavkaze v 1920-1930-kh godakh v zerkale arkhivnykh dokumentov: tseli i rezul'taty* [Indigenization policy in the North Caucasus in the 1920s-1930s in the mirror of archival documents: goals and results]. IN: *Elektronnyi zhurnal «Kavkazologiya».* – 2018. – No. 4. – P. 92–130. DOI: <https://doi.org/10.31143/2542-212X-2018-4-92-130>. (In Russian)

Natsional'naya politika Rossii: istoriya i sovremennost' [National policy of Russia: history and modernity]. – M.: Russkii mir, 1997. – 680 p. (In Russian)

NEFLYASHEVA N.A. *Musul'manskoe obrazovanie na Severo-Zapadnom Kavkaze (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.)* [Muslim education in the Northwestern Caucasus (second half of the 19th – early 20th century)]. IN: *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 13. Vostokovedenie.* – 2009. – No.4. – S. 72–92. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/musulmanskoe-obrazovanie-na-severo-zapadnom-kavkaze-vtoraya-polovina-xix-nachalo-hh-v> (access date: 18.01.2021). (In Russian)

Ocherki istorii Kabardino-Balkarskoi organizatsii KPSS [Essays on the history of the Kabardino-Balkarian organization of the CPSU]. – Nalchik: El'brus, 1971. – 394 p. (In Russian)

Ocherki istorii Severnogo Kavkaza: XX vek / T.A. Nevskaya i dr.; nauch. Red. T.A. Bulygina [Essays on the history of the North Caucasus: XX century / T.A. Nevskaya and others; scientific editor T.A. Bulygina]. – Pyatigorsk; Stavropol': PGLU, 2014. – 354 p. (In Russian)

Polozhenie o Severo-Kavkazskom Kraevom natsional'nom sovete po voprosam kul'tury i prosveshcheniya gorskikh narodnostei [Provision on the North Caucasian Regional National Council for Culture and Education of Mountain Peoples]. IN: *Ezhenedel'nik Sevkvakraiono.* – 1926. – No. 2. – P. 13-16. (In Russian)

SARAKHOV A. *Ostrov GULAG: Dokumental'naya povest'* [GULAG Island: A Documentary Tale]. – Maikop: Adygeya, 2004. – 356 p. (In Russian)

Severnyi Kavkaz v sostave Rossiiskoi imperii [North Caucasus as part of the Russian Empire]. – М.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2007. – 460 p. (In Russian)

SHKHAGAPSOEV S.Kh., TOKHOVA S.M. *Iz istorii prosveshcheniya Kabardino-Balkarskoi Respubliki (1918–2012)* [From the history of enlightenment of the Kabardino-Balkarian Republic (1918–2012)]. – Nalchik: Tetragraf, 2012. – 164 p. (In Russian)

Sobranie zakonov i rasporyazhenii Rabochego i Krest'yanskogo pravitel'stva RSFSR [Collection of laws and orders of the Workers 'and Peasants' Government of the RSFSR]. – 1917. – No. 17. – Item 243. (In Russian)

SOROKIN P.A. *Problemy sotsial'nogo ravenstva* [Social equality problems]. – Pg.: Revolyutsionnaya Mysl', 1917. – 66 p. (In Russian)

Stolypin. Zhizn' i smert' (1862–1911): sbornik / Sost. G. Sidorovnin [Stolypin. Life and death (1862–1911): collection / Compiled by G. Sidorovnin]. – Saratov: Sootechestvennik, 1997. – 472 p. (In Russian)

TRAKHO R. *Cherkesy (Cherkesy Severnogo Kavkaza)* [Circassians (Circassians of the North Caucasus)]. – Nalchik: Poligrafkombinat im. Revolyutsii 1905 g., 1992. – 88 p. (In Russian)

VANNE M. *Russkii yazyk v stroitel'stve natsional'nykh kul'tur* [Russian language in the construction of national cultures]. IN: *Prosveshchenie natsional'nostei*. – 1929. – No. 2. – P. 32–39. (In Russian)

Vladimir Ilyich Lenin. Biograficheskaya khronika: v 12-i t. [Vladimir Ilyich Lenin. Biographical Chronicle: in 12 volumes]. – М.: Politizdat, 1979. – Vol. 10. – 482 p. (In Russian)

ZUBOV A. *Politicheskoe budushchee Kavkaza: opyt retrospektivno-sravnitel'nogo analiza* [The Political Future of the Caucasus: The Experience of Retrospective Comparative Analysis]. IN: *Znamya*. – 2000. – No. 4. – P. 141–162. (In Russian)

GA RF – *Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii* [State Archives of the Russian Federation]. (In Russian)

RGASPI – *Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv sotsial'no-politicheskoi istorii* [Russian State Archive of Social and Political History]. (In Russian)

Приложение 1.

10.08.1928 г.

**ДОКЛАД
О ХОДЕ РАБОТ ПО КОРЕНИЗАЦИИ КАБАРДИНО-БАЛКАРСКОЙ
ОБЛАСТИ К ПЕРЕВОДУ ДЕЛОПРОИЗВОДСТВА НА ЯЗЫКИ
КОРЕННОГО НАСЕЛЕНИЯ**

(Означенный доклад построен согласно предложенной схемы ВЦИК)

1. Общее количество населения

Если произведенная перепись населения в 1926 году установила (см. приложение-население области по национальностям) всего жителей 204.0067 человек, то на 1 октября 1928 года оно увеличивается до 231.229 человек, или рост составляет 4,5%. Население области на 1 октября 1928 г. распределяется следующим образом:

	Большая и Малая Кабарда	%	Балкария	%	г. Нальчик	%	Всего	%
Мужчин	83298	50,4	17056	51,5	6601	50,2	107775	50,5
Женщин	81909	49,6	16065	48,5	6556	49,8	105454	49,5
итого	165207	100,0	33121	100,0	33121	100,0	213229	100,0

Общее распределение населения по полу почти равномерное – мужчин 50.5%, женщин 49.5 %, т.е. мужчин больше женщин на 1%, Что же касается Балкарии, то здесь мужчин больше, чем женщин на 3 %.

2. Численный состав населения по отдельным национальностям

Согласно переписи населения, произведенной в декабре 1926 года, мы имеем распределение населения по национальностям следующее: (см. приложение № 2 и 3).

Таким образом, население области, увеличившееся за 2 года на 4,9 % не отразилось на процентном соотношении мужчин и женщин, которое осталось в этой пропорции, а именно: 50,5: 49,5

ГАРФ. Ф. Р-1235. Оп. 124. Д. 93. Л. 48.

Из этих данных можно сделать следующие выводы:

1. Преобладающее количество населения проживает в сельских местностях и занимается своим крестьянским хозяйством, а именно деревенского населения 93,7%.

2. Из имеющихся более чем 50 национальностей в области кабардинцы, балкарцы, русские и украинцы составляют 92,9%, на долю остальных национальностей приходится 7,1%. Если из этих остальных национальностей

взять более крупные группы: кумыков, осетин и немцев, удельный вес которых составляет 4,9% ко всему населению, то на долю остальных национальностей падает 2,2 %. Из этого видно, что доминирующими национальностями являются кабардинцы (60,1 %), балкарцы (16,3%), русские (11,5%), украинцы (5 %), а затем кумыки (1,7 %), осетины (1,9 %), немцы (1,3 %).

3. В то время когда в сельской местности преобладают кабардинцы (63,8 %), в г. Нальчике – русские (62,3 %), т.е. главным языком в сельской местности должны явиться кабардинский, а затем балкарский, в г. Нальчике – русский. Балкарцы занимают в сельских местностях 17,2 %, русские 8,1 % и украинцы 5.3%. В г. Нальчике эти национальности имеют такое соотношение: русские 62,3 %, кабардинцы – 6,6 %, балкарцы – 2,8 % и украинцы – 0,7 %. Если эти национальности преобладают в сельской местности, то группы украинцев в г. Нальчике сходят почти на нет и на ее место выплывают осетины (4,2 %) и грузины (3,8 %).

Основываясь на основном выводе, что в нашей области подавляющее большинство крестьянского населения, мы должны посмотреть, что представляет из себя деревня.

На 1 декабря 1928 г. мы имеем 99 с/советов с 261 населенными пунктами. Эти сельсоветы и населенные пункты по основному населению в них распределяются следующим образом: (см. приложение № 5 и 6).

ГАРФ. Ф. Р-1235. Оп. 124. Д. 93. Л. 48 об.

Таким образом, мы из всех этих данных имеем такое соотношение:

% соотношение	Каба рд.	Балкарцы	Русские и укр.	Немцы	Кумыки	Евреи	Осетины	Полыки	Прочие
сельсоветов	54,6	21,2	18,2	3,0	1,0	1,0	1,0	-	-
Насел. пункт	30,2	39,5	23,0	2,3	0,4	0,4	3,8	0,4	
население	60,1	16,3	16,5	1,3	1,7	-	1,9	-	2,2

Отсюда видно, что кабардинцы, составляющие 60,1 % от всего населения, живут в 30.2 % населенных пунктах от всех имеющихся, т.к. плотность кабардинского населения вдвое больше чем в поселениях других национальностей; что касается балкарцев, то здесь как раз обратная картина. Население этой национальности составляет 16.3 % от всего населения, а населенные пункты 39,5 %, т.е. в 2,5 раза население живет реже, русские и украинцы в 1,5 раза.

Если разбить область на 3 района, то по национальностям эти районы распределяются так: в Балкарии преобладают балкарцы, в Прималкинском округе – русские и украинцы, в остальных пяти округах – кабардинцы. В общем по области более 50 национальностей.

Исходя из такого значительного количества национальностей, населяющих область, а также недостаточной грамотности и культурности коренного населения, вопросы коренизации аппарата и перевода

делопроизводства на язык коренного населения встречает ряд трудностей чисто объективных, и могут быть реализованы только в последовательно плановом порядке.

3. Какие меры приняты и принимаются для проведения коренизации аппаратов

В целях как коренизации аппарата вообще, так и перевода делопроизводства на язык коренного населения, до сих пор основные мероприятия сводились к подготовке

ГАРФ. Ф. Р-1235. Оп. 124. Д. 93. Л. 49.

работников из коренного населения через Ленинский Учебный Городок, рассчитанный на одну тысячу человек с 3-х летним сроком обучения. К настоящему времени уже выпущено из него 641 чел. по разным специальностям (см. Приложение № 8) и предполагается к выпуску в 1929 г. – 72 человека.

Для дальнейшей работы по этому вопросу считаем необходимым:

1. Усилить подготовку советских и кооперативных работников;
2. Укрепить сеть ликпунктов и максимально расширить сеть школ малограмотных, для подготовки к курсам;
3. Расширить сеть кружков и обществ по изучению местных языков;
4. Форсировать национализацию школ 1-й ступени, организацию школ повышенного типа и придание определенных уклонов школам повышенного типа русских населенных пунктов.

4. Какие существовали и существуют органы по проведению работы в области коренизации. Какие директивные указания давались на места

Согласно постановления Презид. Облесполкома при нем создана специальная комиссия по коренизации аппарата и переводу делопроизводства на национальные языки. Означенная комиссия провела заседание 2-го августа 1928 года, на котором рассмотрела следующие вопросы:

1. Утвержден план работ.
2. распределены обязанности между членами комиссии
3. утверждены программы работ по коренизации в округах
4. намечены кандидатуры для организации аналогичных комиссий
5. намечены пути популяризации идеи коренизации среди населения области.

Для организации аналогичных комиссий по округам были выделены члены областной комиссии, а также от имени секретаря Обкома ВКП (б) и председателя фракции Облесполкома был отправлен циркуляр во фракции Окрисполкома и Окрккомы, в которых указаны цели и задачи коренизации. А также

ГАРФ. Ф. Р-1235. Оп. 124. Д. 93. Л. 49 об.

об организации соответствующих окружных комиссий и о их работе. А также проработаны и отправлена программа перевода делопроизводства на национальный язык.

В целях популяризации этого мероприятия отпечатано обращение ко всем трудящимся области и ставились соответствующие доклады на собраниях граждан.

5.Общее количество работников в аппаратах учреждений и предприятий

На 1-е декабря 1928 г. по области имеется служащих во всех учреждениях без промышленных предприятий – 3555 человек. Полученные анкетные данные (Статбюро) на 1437 человек рисуют следующую картину: (см. приложение № 7)

По национальности	кабардинцев	325 чел.	или 22,6 %
	балкарцев	102 чел.	или 7,1 %
	русских	856 чел.	или 59,6%
	прочих	154 чел.	или 10,7 %
Из этого количества	ответработников	115 чел.	или 8,6 %
	технич. служащих	1322 чел.	или 92,5 %
По партийности имеем соотношение			
	Чл. ВКП (б) и канд.	325 чел.	или 22,6 %
	Чл. ВЛКСМ	141 чел.	или 9,8 %
	беспартийных	971 чел.	или 67,6 %

Полученные данные с мест непосредственно по запросу областной комиссии дают такие результаты: (см. приложение № 9).

Большинство работников в аппарате, а именно 61,3 % падает на русских, что является следствием их культурной отсталости коренного населения из основных националов: кабардинцев и балкарцев. Несмотря на это в отмеченных неполных сведениях, мы имеем кабардинцев 22% и балкарцев 7,1%, соотношение вполне нормальное по количеству населения этих национальностей.

Рассмотрим работников аппарата с точки зрения их ответственности, то по округам и сельсоветам имеющиеся данные говорят: (см. приложение №10), что в это время, когда среди руководящих работников ОКРИК-ов мы имеем подавляющее большинство кабардинцев и балкарцев (73,3 %), технических работников – в них наоборот – 70 % русских.

ГАРФ. Ф. Р-1235. Оп. 124. Д. 93. Л. 50.

Та же самая картина наблюдается и по с/советам, Это объясняется той же причиной – недостаточной грамотностью местных коренных жителей из националов.

Что касается партийности, то руководящих работников ОКРИКов партийцев 80%, председельсоветов – 52,8%, технические работники в

подавляющем большинстве беспартийные. Комсомол вообще в аппарате отражен слабо.

По социальному положению мы имеем очень сильную группу служащих среди руководящих работников ОКРИКов, состоящую в большинстве из партийцев и более ¼ крестьян бедняков. Предсельсоветы в большинстве середняки – 49,1 % и бедняки – 39,6 %.

6. На каком языке ведется делопроизводство

Делопроизводство всех учреждений области ведется на русском языке. На этом языке ведутся сношения нижестоящих с вышестоящими органами.

7. Какие препятствия встречаются в процессе перевода делопроизводства

Как уже указывалось, наша область, имеющая более 50 национальностей – является поэтому весьма пестрой по населяющим национальным меньшинствам, что, конечно, является основным тормозом к широкому разворачиванию мероприятий по переводу делопроизводства на язык коренного населения. Если посмотреть на таблицы, указанные в п.2 (сельсоветы и населенные пункты), то видим, что у нас имеется с/советы с преобладающими национальными группами в количестве 7 категорий и 8 категорий населенных пунктов, т.е. перевод делопроизводства нужно производить по ряду мест на самые разнообразные языки. Другим тормозом является значительная неграмотность большинства коренного населения из националов. Подавляющее большинство националов, даже работающих в областных организациях, не знают ни чтения, ни письменности на родном языке. Руководящие работники сельсоветов не знают не только своего чтения и письменности, но в подавляющем большинстве у(м)еют только подписываться на русском языке. Только выпуск курсантов из Ленинского Учебного Городка и местных школ с национальным языком создадут реальную почву перевода делопроизводства на языки коренного населения.

ГАРФ. Ф. Р-1235. Оп. 124. Д. 93. Л. 50 об.

8. Какие затруднения вызывает перевод делопроизводства в сношениях с соседними административными единицами

Большинство населения Области составляют кабардинцы 60,1% от всего населения. В тоже время исключительно местный и встречается вне пределов Области только в Адыгейской области, с некоторой разницей. Сами кабардинцы характеризуют свой язык, что он действует только до ст. Прохладной. Отсюда ясно, что делопроизводство, переведенной на кабардинский язык, будет встречать большие трудности в сношениях с другими округами. Балкарский язык является более распространенным. Т.к. на этом языке говорят: татары, киргизы, карачаевцы, персы, крымские татары и др. Но в тоже время балкарцы нашей области по числу населения составляют 16,3 %, в отношении населенных пунктов 39,6% и по количеству сельсоветов – 18,9 %.

Таким образом, в сношениях с соседними административными единицами должен явиться основным – русский язык, как и в сношениях с вышестоящими советским органами.

9. Какая практика делопроизводства установилась в адм. единицах со смешанным национальным составом населения

Об этом вопросе, как о реализованном, говорить не приходится, т.к. делопроизводство везде в области ведется на русском языке. Имеющийся проект по этому вопросу рисует такое положение: с/советы с одной национальностью ведут делопроизводство на родном языке, если же эта национальность относится к нацменам, как то: немцы, осетины, кумыки, поляки и т.д., то уже сношения с вышестоящими органами должен быть установлен – русский язык. Сельсоветы, имеющие ряд национальностей должны будут по этому проекту вести делопроизводство на том языке, национальность которой является преобладающей. Сношения же – на русском языке.

10. Если дел-во не переведено на язык коренного населения, то насколько обеспечено обращение населения на родном языке в учреждениях

Большинство руководящих работников учреждений являются представителями основных национальностей коренного населения. Таким образом, этот состав вполне обеспечивает сношения местного населения по своим делам с учреждениями на родном языке.

ГАРФ. Ф. Р-1235. Оп.124. Д. 93. Л. 51.

11. Ассигнования по коренизации аппарата

Этот вопрос будет разрешен только после принятия перспективного и календарного планов работ

12. Общие выводы

Исходя из вышеизложенного, можем сделать следующие выводы:

Благодаря большому количеству национальностей в области вообще, и весьма слабой грамотности населения, в частности, реализация решений по вопросу о коренизации вызывает ряд объективных трудностей, как то: подготовка руководящих и технических работников аппарата различных учреждений, взаимоотношение вышестоящих учреждений и организациями (при разнообразии национальностей; изучение не одного, а нескольких языков работниками вышестоящих учреждений; изучение чтения и письменности население, т.е. общий подъем грамотности всего населения).

Благодаря чисто объективным причинам, проведение вопросов коренизации должно принять некоторую затяжную форму и разбиться на 2 этапа:

1) внедрение делопроизводства в аппараты на языках преобладающего населения (кабардинский и балкарский) и

2) установление делопроизводства в отдельных сельсоветах и округах на языке нацменов.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ОБЛАСТНОЙ КОМИССИИ
ПО КОРЕНИЗАЦИИ

(Гемуев)

СТ. ИНФОРМАТОР

(Каменцев)

ГАРФ. Ф. Р-1235. Оп. 124. Д. 93. Л. 51 об.

Приложение 2.

Исх. № 1. От 25/XI-29 года

Копия

**ДОКЛАД
О ХОДЕ РАБОТ ПО КОРЕНИЗАЦИИ АППАРАТОВ
КАБАРДИНО-БАЛКАРСКОЙ АВТОНОМНОЙ ОБЛАСТИ**

Общее количество населения КБАО по переписи 1926 года выражается в 204.006 человек.

Численный состав населения Области по отдельным национальностям по переписи того же года, следующий:

КАБАРДИНЦЕВ – 1221672 чел.; БАЛКАРЦЕВ – 33.205; РУССКИХ – 23.673 ч.; УКРАИНЦЕВ – 10.242 чел.; КУМЫКОВ – 3438; НЕМЦЕВ – 2632 ч.; ГРУЗИН – 563 ч; ОСЕТИН- 3855 ч.; и прочих национальностей – 3 824 ч., а всего: 204.006 человек.

Меры к проведению коренизации аппаратов Области были приняты по получении соответствующих директив Центра и Края, работа протекала нижеследующим порядком и состояние ее в данный момент следующее:

Вопрос – коренизации был подвергнут широкому обсуждению в Области на местах в соответствующих директивных органах, сельсоветах, на массовых собраниях, Областных и Окр. совещаниях, в местной печати, где неотложность этой задачи была признана.

Организовавшийся при Президиуме Облисполкома Областной Комиссии по коренизации было приступлено к работе. Были затребованы от всех хоз., гос., кооперативных и других органов сведения о работниках в этих учреждениях, были учтены и разрешены ряд моментов, связанных с коренизацией, после чего был составлен областной план этой работы.

Срок по коренизации по плану был предусмотрен в три года, при чем этот срок для культросвет-органов продлен до 5 лет. В эти три года, все областные. Окружные и сельские аппараты должны полностью перейти на национальное делопроизводство и получить для области, ее же силами часть специалистов средней квалификации.

Что же касается специалистов высшей квалификации, то такие будут получаться постепенно, путем посылки националов в ВУЗы, ВТУЗ ы и другие учебные заведения.

Часть таких специалистов будет получена в течение 3-х лет из уже в таких заведениях националов. План предусматривал коренизование с низов, т.е. с сельских аппаратов с таким расчетом, что в последние к концу 30-го года перешли на нац-делопроизводство. Затем к концу 31-го года предполагается коренизовать аппараты окружного значения и промышленные предприятия, и, к концу 32-го года коренизируются аппараты Областного значения. В общем, подготовка к переходу на нац-делопроизводства для всех трех видов аппарата начинается одновременно.

Методы коренизации – это подготовка работников некоренного населения к языку, чтению и письму коренного населения и подготовка работников коренного населения к письму и чтению родного языка.

ГАРФ. Ф. Р-1235. Оп. 124. Д. 93. Л. 44.

Подготовка и переподготовка будет производиться через специальные курсы, которые предусмотрены к организации в следующей последовательности: на осень 1929 года намечено 8 курсов для адмсовработников с пропускной способностью 571 чел. — стоимость курсов — 432.924 руб., на 1930/31 год — 11 — курсов для работников окружного масштаба и счетно-бухгалтерских работников, с пропускной способностью 756 человек, — стоимость курсов — 749.270 руб. и на 31/32г. предусмотрено организовать 3 курса для работников областного масштаба с пропускной способностью — 174 чел. — стоимость курсов — 114.250р.50к.

Кроме этого на 1929/30 год намечено: пропустить через курсы работников СОЦВОСа — 120 чел. и работников Политпросвета — 283 чел., а всего 403 чел. Всего по линии народного образования, за 5 лет предусмотрено подготовить и переподготовить 1749 чел. Общая стоимость курсов за 5 лет — 1.154.860 руб.

Одновременно указывается, что уже весной этого года в Области были организованы курсы секретарей Сельсоветов, через них пропущено 78 чел. Курсы эти в декабре сего года заканчивают свою работу.

Расходы по содержанию курсов распределяются: на работников советских, просвещения, и судебно-следственных из средств, отпускаемых на эту цель Облсполкомом, Крайсполкомом и Центром. Прочие группы хозрасчетные, кооперативные, профессиональные, партийные и прочие, — за счет этих же учреждений.

Относительно: издания учебников, литературы и проч. руководящих печатных материалов на языках коренного населения, Областной комиссией составлен трехлетний план издательства такой литературы по линии Отдела Народного Образования и советско-административных аппаратов. По последнему предусмотрено издание материалов: отдельно для каждой группы однородных ведомств последовательно в 3 года, начиная с 1929/30г., а также предусмотрено издание потребного количества различных бланков статотчетов, форм, делопроизводства и др. План послан на: утверждение в Краевую комиссию по коренизации, откуда еще результатов не поступало.

Помимо Областной Комиссии по коренизации, при каждом Окрисполкоме (7) организованы также окружные комиссии, работа которых протекает под руководством областной комиссии. Последним со стороны: Обл. комиссии были даны ряд указаний и разъяснений по этому вопросу. Окркомиссиями проделан ряд работ по заданию Облкомиссии, касающихся учета работников, представления различных данных; с расширением штата Орготдела на работу Окркомиссии будет обращено большое внимание. В общем же Облкомиссия, помимо руководства над окружными комиссиями, проводит большую общую, работу над всеми ведомствами, давая им различные указания в части проведения коренизации, составлении планов работ и т.к.

Общее количество работников в упреждениях и Области равняется (см. прилагаемую таблицу.)

Цифры изложенные в таблице корректируются.

Точных сведений о партийности Облкомиссия не имеет, хотя такие сведения и запрашивались от учреждений, но последние полностью этих сведений не представили. В будущем такие сведения будут собраны самые точные.

Делопроизводство во всех без исключения органах КБАО – пока

ГАРФ. Ф. Р-1235. Оп. 124. Д. 93. Л. 44 об.

что ведется на русском языке. Каких-либо учреждений и аппаратов полностью или частично перешедших на нацделопроизводство – нет.

Отмечается почти полное производство судоговорения в суд-органах на заседаниях – на языках коренного населения – кабардинском и балкарском там, где это бывает нужным, однако делопроизводство в судах ведется на русском языке. Даваемые Областью различные директивные распоряжения и проч. также исходят на русском языке. В виду того, что все руководители национальных сельсоветов и окрисполкомов являются националами, все материалы, касающиеся непосредственно широких масс населения этими руководителями и другими сельскими и окружными: работниками устно передаются населению на сходах и различных заседаниях в переводе на родном языке. Затем все доклады, отчеты и проч. со стороны областных и окружных работников проводятся на родных языках соответствующих коренных национальностей Области.

Общее препятствие делу коренизации – это малокультурность населения, его отсталость, почти полное отсутствие специалистов отдельных отраслей работ, а главное, для перехода на нац-делопроизводство это отсутствие канцелярских работников из националов.

Злостных сопротивлений делу коренизации со стороны отдельных органов и лиц – не наблюдается.

Точно сказать о том, какие будут встречаться затруднения с переходом на нац-делопроизводство в общении с соседними адм-единицами пока что сказать нельзя. В процессе перехода, безусловно, будут учтены все моменты этого.

Проведенное районирование области в 1926 г. по национальному признаку, в основном с точки зрения национальной политики, разрешило эту проблему. В настоящее время имеется 14 Сельсоветов со смешанными национальностями. Почти все округа объединяют Сельсоветы с разными национальностями, при чем более пестрыми округами являются Мало-Кабардинский и Прималкинский.

Делопроизводство сельсоветов прочих национальностей будет вестись на их родных языках после коренизации кабардинских и балкарских, сельсоветов.

Ведомственная и живая связь областного аппарата с округами и сельсоветами некоренной национальности будет производиться на их родных языках и письме после коренизации кабардинских и балкарских сельсоветов.

Для обращения же в областные учреждения крестьян различных национальностей предположено иметь переводчиков. Вопрос об основном

областном языке-кабардинском или кабардинск. и балкарском еще не разрешен.

Точный размер специальных ассигнований на расходы по переходу на нац-делопроизводство со стороны Крайисполкома еще не предусмотрен. По местному же бюджету Области намечено на 1929/30 год – 40.000 руб. У Крайисполкома областью сделан запрос об ассигновании на 1929/30 год 503.810 рублей; из каковой суммы предположены к израсходованию: на издательские расходы по сов-админлинии и отделу народного образования 16.752 рубля и на содержание курсов по линии ОНО и адм-соваппарата – 487.066р.

Зав Орготделом:	Протогенов
Секретарь:	Гуриев
Копия верна:	Подпись

ГАРФ. Ф. Р-1235. Оп. 124. Д. 93. Л. 45.

Приложение 3.**ВЫПИСКА
ИЗ ПРОТОКОЛА ЗАСЕДАНИЯ ПРЕЗИДИУМА ОБЛАСТНОГО СОВЕТА
КБАО 8-ГО СОЗЫВА, ОТ 9 ИЮНЯ 1932 ГОДА**

Слушали: 1257. О коренизации (Докл. Т. Аланская)

Постановили: 1257.

1. Констатировать, что конкретными задачами коренизации, за осуществление которых боролась Область являются:

а) полная коренизация школ первой ступени;

б) вовлечение коренных националов в государственные, хозяйственные, кооперативные и общественные организации (вовлечено 901 чел.);

в) внедрение националов в местную и краевую промышленность (вовлечено 9900 чел.);

г) подготовка кадров через курсовые мероприятия внутри области (подготовлено 4772 чел.);

д) развертывание мероприятий по национальному издательству (издаются газеты: на кабардинском языке «Ленингок» с годовым тиражом 1.440.000, на балкарском языке «Ленинчжол») – 422.000 экземпляров. Все важнейшие постановления партийных и советских организаций печатаются на языках родных национальностей – кабардинском и балкарском. (Издано литературы за 1931 на национальных языках 301.700 экз.).

2. Отмечая наряду с имеющимися достижениями значительную недооценку вопросов коренизации, проявленную со стороны отдельных советских, кооперативных, административных, ведомственных и общественных организаций – состояние коренизации области считать в общем удовлетворительным.

3. Исходя из постановлений ВЦИКа, КИКа и Крайнацсовета по вопросам коренизации, установленный план перевода делопроизводства всех учреждений области на языки коренных национальностей – кабардинский и балкарский и языки национальных меньшинств к 1 января 1933 года, а также протокол совещания заведующих областными отделами и руководителей учреждений по вопросу коренизации, – утвердить. Предложить всем руководителям областных, районных, советских, судебных, кооперативных, хозяйственных организаций и учреждений пересмотреть и уточнить планы коренизации и перевода делопроизводства на родной язык, согласно установленного плана, а предложения совещания по вопросу коренизации и перевода делопроизводства на родной язык, с условием окончания этой работы к 1/VII-сего года.

4. Установить в пределах КБАО основные языки, на которых должны вестись делопроизводство: кабардинский и балкарский. Делопроизводство в пределах села вести на языках соответствующей национальности. В областных органах делопроизводство вести на 3 языках: кабардинском, балкарском и русском.

5. Областной сектор кадров ОБЛИКа, Каббалксоюза, Колхозсоюз, Облоно к 1-му июля провести полный учет имеющихся кадров националов, прошедших ранее соответствующие курсы в целях использования их по назначению.

6. Отмечая имеющие место случаи незакрепления подготовленных национальных кадров по линии советского строительства, обязать сектор кадров Облисполкома в срочном порядке отозвать лиц, окончивших курсы секретарей сельсоветов, работающих в данный момент не по линии советского строительства, на какой бы они работе не находились, и в дальнейшем твердо закрепить их по линии советского строительства. Обязать все организации беспрепятственно освобождать кадры, получившие специальную подготовку, для использования их по назначению.

7. В целях пополнения кадров областных, районных и сельских организаций и ведомственных учреждений, предложить всем областным организациям: КБ Союзу, Колхозсоюзу, Промсоюзу, РИКа, руководителям предприятий, Отделу Труда немедленно развернуть практическую работу по выдвижению из коренных националов и нацменов рабочих, колхозников (ударников, бывш. красных партизан) на ответственную руководящую работу, реализуя план по выдвижению, утвержденный Президиумом Облисполкома.

8. План коренизации перевода делопроизводства на родной язык, план выдвижения по национальным меньшинствам, предложенный Орготделом Облика – утвердить

ГАРФ. Ф. Р-1235. Оп. 124. Д. 93. Л. 5.

9. Обязать руководителей областных организаций, промышленных предприятий, ведомств, РИКа, сельсовета, Горсовет к 20 июня развернуть сеть кружков по изучению родного языка и родной письменности, обеспечив окончательно ликвидацию неграмотности на кабардинском и балкарском языках к концу 2-го квартала 1932 года.

10. Отмечая факты игнорирования отдельными областными, районными и сельскими учреждениями переписки на национальном языке и проявление бюрократизма и волокиты по заявлениям и ходатайствам, написанным на национальных языках, предложить органам Прокуратуры и ОБЛРКИ принять меры борьбы с этими явлениями.

11. В целях практической реализации мероприятий по переводу делопроизводства на национальные языки по советскому строительству на 1932 г. развернуть курсовые мероприятия в соответствии с бюджетными ассигнованиями. Планы подготовки и переподготовки кадров по советскому строительству, представленный орготделом ОБЛИКа – утвердить.

12. В виду отсутствия помещений в области и дефицитности местного бюджета, лишаящих возможности развернуть курсовые мероприятия в соответствии с бюджетными ассигнованиями, направленные к скорейшей коренизации аппарата в объеме, обеспечивающем потребность в нацкадрах на

1932 г. план организации курсовых мероприятий, намеченный орготделом ОБЛИКа – утвердить.

13. Предложить Облоно форсировать вопрос организации мастерской по реконструкции пишущих машинок.

14. Поставить на вид руководителям ОБЛОНО за отсутствие точного учета националов. Посланных на учебу за пределы области и Отделу Труда за отсутствие точного учета националов, вовлеченных в местную промышленность, обязав их к 1/VII-32 г. провести точный учет посланных на учебу в промышленность националов.

15. Предложить ОБЛОНО, Облплану, Отделу труда к 1/VII-составить единый план подготовки кадров высшей и средней квалификации (инженеров, техников, врачей, агрономов, зоотехников) и план вовлечения националов в промышленные предприятия.

16. За недооценку вопросов коренизации аппарата Нач. Управления легкой промышленности Гурскому – поставить на вид

17. Предложить всем областным организациям, РИКа и с/советам развернуть массово-разъяснительную работу вокруг вопросов коренизации за политику партии в национальном вопросе, за интернациональное воспитание трудящихся масс, используя для этой цели все виды массовой политико-просветительной работы и борясь с проявлениями великодержавного шовинизма и местного национализма, как наиболее опасных на данном этапе.

18. Учитывая с одной стороны, что выдвинутые ВЦИКом, КИКом, Крайнацсоветом задачи по вопросу полной коренизации КБАО, в частности перевода делопроизводства на родные языки (кабардинский и балкарский) к концу 1932 года сопряжены с большими финансовыми ассигнованиями и с другой стороны. Принимая во внимание, что по местному бюджету, в силу его дефицитности, на коренизацию выделено лишь 60.000 рублей и по остальным хозяйственным организациям предусмотрено 103620 руб., вследствие чего создается громадный разрыв финансировании мероприятий по коренизации, чем ставится под угрозу проведения в сроки мероприятий намеченные ВЦИКом и Крайнацсоветом (конец 1932 года) завершения коренизации области, – возбудить ходатайство перед Президиумом ВЦИКа и Крайисполкомом об ассигновании недостающих средств на мероприятия по коренизации Кабардино-Балкарской области.

Докладную записку составить Орготделу.

19. Предложить редакции «Ленингок», Радиоцентру систематически освещать вопросы хода коренизации, решительно борясь с великодержавным шовинизмом и местным национализмом, разоблачая факты проявления их в вопросах коренизации.

20. Контроль за исполнением данного постановления возложить на Орготдел ОБЛИКа, Повседневное руководство в вопросах коренизации возложить на тов. Кажаяева.

21. С докладом в Крайнацсовет по вопросу коренизации командировать т. Водахова.

Верно: зам. Ответ. Секретаря ОБЛИК а

ДЕНИСОВ

Верно: Секретарь Орготдела

(Мелибеев)

ГАРФ. Ф. Р-1235. Оп. 124. Д. 93. Л. 6

ИСТОРИЯ, ЭТНОЛОГИЯ И АРХЕОЛОГИЯ**Новейшая история**

УДК 93/94

DOI 10.31143/2542-212X-2021-1-130-140

**СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА В ОТНОШЕНИИ СЕМЕЙ
ВОЕННОСЛУЖАЩИХ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ВОЙНЫ (НА МАТЕРИАЛАХ СЕВЕРНОЙ ОСЕТИИ)****С.А. ХУБУЛОВА**

*ФГБОУ ВО «Северо-Осетинский государственный университет
имени Коста Левановича Хетагурова»
362025, РФ, РСО-А, г. Владикавказ, ул. Ватутина, 44-46
E-mail: hubul@yandex.ru*

Аннотация. В статье рассматриваются направления социальной работы с семьями военнослужащих в период Великой Отечественной войны. Вводимые в научный оборот архивные источники, эго-документы позволяют эту проблему проанализировать с разных сторон. Отмечается, что помощь этой категории населения оказывалась несколькими путями. Прежде всего, это государственная поддержка, патронат, что позволяло осуществлять адресную помощь в виде продовольственных и промтоварных посылок, льгот при получении жилья, устройства детей в детские сады и школы, преимущественное право на трудоустройство. Наряду с государством семьи комбатантов поддерживались общественными организациями, профсоюзами и др. Тимуровское движение также стало одной из форм социальной помощи этой категории населения. В региональной историографии мало внимания уделяется проблеме адаптации инвалидов войны в условиях тылового региона, которые также оказались еще одним слабо защищенным слоем советского общества. Государственная помощь состояла не только в назначении пенсий по инвалидности, но также в организации переквалификации с дальнейшим трудоустройством, решении жилищной проблемы. В статье впервые поднимается тема оказания помощи детям военнослужащих, в том числе сиротам. Анализируются масштабы тех мер, которые государство оказывало для поддержки детей. Большой научный интерес представляет анализ эго-документов – жалоб, заявлений, писем, которые дают представление о тех проблемах, с которыми сталкивались семьи военнослужащих в повседневной жизни. Делается вывод о том, что патерналистская социальная политика тесно переплеталась с общественной помощью добровольных организаций, молодежных союзов и рядовых граждан республики.

Ключевые слова: война; социальная политика; семьи фронтовиков; льготы; помощь.

**SOCIAL POLICY IN RELATION TO MILITARY SERVICEMEN'S
FAMILIES DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR (BASED ON THE
MATERIALS OF NORTH OSSETIA)**

S.A. KHUBULOVA

*FSBEI HE "North Ossetian State University named after Kosta Levanovich Khetagurov"
362025, RF, RSO-A, Vladikavkaz, st. Vatutina, 44-46
E-mail: hubul@yandex.ru*

Abstract. The article considers the directions of social work with military families during the great Patriotic war. Archived sources and ego-documents introduced into scientific circulation allow us to analyze this problem from different sides. It is noted that assistance to this category of population was provided in several ways. First of all, this is state support and patronage, which allowed us to provide targeted assistance in the form of food and manufactured goods parcels, housing benefits, placement of children in kindergartens and schools, and preferential employment rights. Along with the state, the families of combatants were supported by public organizations, trade unions, etc. The Timur movement has also become a form of social assistance for this category of population. In regional historiography, little attention is paid to the problem of adaptation of war invalids in the conditions of the rear region, which also turned out to be another poorly protected layer of Soviet society. State assistance consisted not only in awarding disability pensions, but also in organizing retraining with further employment, and solving the housing problem. For the first time, the article raises the issue of providing assistance to children of military personnel, including orphans. The scope of the measures that the state has provided to support children is analyzed. Of great scientific interest is the analysis of ego documents-complaints, statements, letters, which give an idea of the problems faced by military families in everyday life. It is concluded that paternalistic social policy was closely intertwined with public assistance from voluntary organizations, youth unions and ordinary citizens of the Republic.

Keywords: war; social policy; families of veterans; benefits; assistance.

Введение. История Великой Отечественной войны вызывает неослабевающий интерес исследователей, о чем говорят десятки тысяч работ как отечественных, так и зарубежных ученых. Вызовы времени диктуют расширение тематики, часто предлагая все новые аспекты, которые ранее не получали развернутого анализа [Стариков 2015; Хабибулин 2010]. Так, хорошо известный посыл об исключительной роли партии в годы войны в современных условиях подвергается пересмотру и переосмыслению, объективному анализу не только благодаря снятию жестких методологических канонов, но и введению в научный оборот большого вида разнообразных источников, позволяющих расширить научные горизонты исследования большой и очень значимой для России истории Великой Отечественной войны.

Великая Отечественная война стала испытанием, в том числе, для партийно-советских органов власти, которым предстояло перестраивать работу в тяжелейших условиях.

Одним из ведущих направлений работы местных властей стала материально-бытовая помощь семьям мобилизованных в РККА.

Цель статьи – изучить основные направления социальной работы с семьями комбатантов в Северо-Осетинской АССР в годы Великой Отечественной войны.

Литература и методы. Принципы историзма и объективности позволили изучить поставленную проблему всесторонне и в русле современной

историографии. Кроме этого, в статье использован статистический метод, что дало возможность уточнить некоторые количественные показатели в демографической структуре; сравнительный принцип дает возможность проследить за качественными изменениями в социальной политике государства, многофакторный характер социальной политики менялся в зависимости от ситуации на фронтах, когда Северная Осетия из региона глубоко тылового летом 1942 г. становится военным рубежом с резким сокращением, но не сворачиванием всех социальных программ.

В отечественной историографии отдельные аспекты этой проблемы рассматриваются постоянно [Кожурин 1990; Семёнова 2010]. На современном этапе развития науки все большее значение приобретают региональные исследования [Магомедов 2017; Осмачкин 2015; Хаблиева, Сосранова 2018; Чернышева 2012]. Для историков открылись ранее недоступные архивы, что позволяет объективно и всесторонне изучить многие «белые пятна» этого героического этапа, источники победы советского народа в войне, роль в организации помощи фронту, что представляет научный интерес. В этой связи отметим широкое использование в современных исследованиях теории советского менталитета (понимание специфику советского менталитета дало возможность ответить на ряд вопросов, связанных с адекватным восприятием советскими гражданами трудностей быта в годы войны), положений «новой локальной истории», что позволила рассмотреть направления социальной политики в разных микроячейках региона; наконец, междисциплинарные методы дали возможность показать социальную политику в тесной связи с экономическими, политическими и военными процессами, что также расширило горизонты исследования.

В качестве основных источников нами использован корпус документов центральных (Постановления ЦК ВКП (б), СНК СССР), а также местных органов власти (отчеты, докладные, стенограммы заседаний). Большой пласт информации был извлечен из Государственного архива новейшей истории РСО-А и ЦГА РСО-А. Представляет большой интерес и такой вид источников, как эго-документы (письма, заявления, жалобы).

Вводимые в научный оборот новые источники позволяют уточнить, дополнить либо по-новому взглянуть на уже известные факты.

К сожалению, вопросы социальной работы с семьями военнослужащих до сего времени остаются недостаточно изученными.

Результаты и дискуссия. По переписи населения 1939 г. в Северо-Осетинской АССР проживало 328885 человек, за годы Великой Отечественной войны в РККА было мобилизовано более 85 тыс. человек. Появилась специфическая категория населения – семьи фронтовиков, которых в республике было 49180, они подпадали под патронат государства. Практически на всех заседаниях бюро горкома ВКП (б) вопрос о работе с семьями военнослужащих стоял на первом месте: «Обязать секретарей райкомов ВКП(б) систематически заслушивать на бюро РК ВКП(б) райисполкомы, райсобесы и партийно-хозяйственные организации по вопросам состояния обслуживания и помощи семьям военнослужащих и инвалидам Отечественной войны, принимая

конкретные меры по трудоустройству и улучшению бытовых условий их, привлекая к серьезной ответственности лиц, бюрократически относящихся к жалобам и запросам семей военнослужащих» [ГАНИ РСО-А. Ф. 53. Оп. 1. Д. 143. Л. 4]. Для фронтовиков, защищавших Родину, конечно же, было важно, как заботятся об их родных и близких в тылу.

Отметим, что власть оперативно подошла к вопросу оказания помощи семьям комбатантов, и вскоре в структуре управления созданы специальные отделы – Народный комиссариат социального обеспечения СО АССР, деятельность которого находилась под контролем военного отдела Северо-Осетинского обкома ВКП (б). Эта структура сохранялась для городских и районных уровней [Высшие органы... 1971].

В 1943 г. она претерпела значительные изменения, позволившие оформить самостоятельное Управление по государственному обеспечению и бытовому устройству семей военнослужащих, в руководящий состав которого вошли представители СНК республики, один из заместителей председателя городского исполкома, начальник отдела трудоустройства, а также военного отдела при Северо-Осетинском обкоме ВКП (б). Управление должно было следить за предоставлением положенных льгот семьям военнослужащих, их первоочередным трудоустройством, патронатом над особо нуждающимися и детьми фронтовиков [ЦГА РСО-А. ФР. 56. Оп. 2. Д. 46. Л. 63].

Механизмы социальной помощи семьям военнослужащих проявлялись в различных формах: материальное содействие, пенсии, компенсации, продуктовая и промтоварная помощь, льготы и патронат [Новикова, Даровских 2015], и координировались партийно-советскими органами и специально созданными структурами. На территории республики функционировало более 10 отделов по государственному обеспечению и бытовому устройству семей военнослужащих.

Несмотря на крайнюю нехватку финансов, властные органы находили возможности для выплаты пособий семьям военнослужащих. Например, по г. Орджоникидзе только в 1941 г. было выплачено государственных пособий для этой категории населения на сумму 260 млн. руб. [ГАНИ РСО-А. Ф. 53. Оп. 1. Д. 168. Л. 12]. Наряду с пособиями каждая семья военнослужащего получала определенные льготы по налогам, квартплате, дети рядового и младшего начальствующего состава не платили за обучение.

Еще 26-го июня 1941 г. было принято специальное постановление Политбюро ЦК ВКП (б) «О порядке назначения и выплаты пособий семьям военнослужащих рядового и младшего начальствующего состава в военное время» [РГАНИ. Ф. 3. Оп. 28. Д. 10. Л. 76]. В тот же день оно получило свое развитие в Указе Президиума Верховного Совета СССР: «Семьи военнослужащих рядового и младшего начальствующего состава, призванные в Красную армию, Военно-Морской флот, пограничные и внутренние войска НКВД по мобилизации, получают в военное время пособия от государства в следующем порядке: 1. Если в семье нет трудоспособных, пособие ежемесячно выплачивается в следующих размерах: а) при наличии одного нетрудоспособного – 100 рублей, б) двух нетрудоспособных – 150 рублей,

в) трех и более нетрудоспособных – 200 рублей в месяц в городе и 50 % этой суммы в сельской местности. 2. Если в семье имеется три и более нетрудоспособных при одном трудоспособном, пособие выдается в размере 150 рублей в месяц в городе и 50 % этой суммы в сельской местности. 3. Если в семье имеется двое детей, не достигших 16-летнего возраста, при одном трудоспособном, пособие выдается в размере 100 рублей в месяц в городе и 50 % этой суммы в сельской местности. Семьи убитых, умерших или пропавших без вести военнослужащих продолжают получать установленное им пособие впредь до назначения им пенсии» [РГАНИ. Ф. 3. Оп. 28. Д. 12. Л. 78].

Уже в сентябре 1941 г. на очередном заседании бюро Орджоникидзевского горкома ВКП (б) был заслушан отчет о работе с семьями военнослужащих по г. Орджоникидзе: «а) назначено пособий – 2786 семьям; б) устроено на работу – 1301 чел.; в) устроено детей в детские сады и ясли – 361 ребенка» [ГАНИ РСО-А. Ф. 53. Оп. 1. Д. 155. Л. 117]. Райисполкомы г. Орджоникидзе занимались вопросом обеспечения семей военнослужащих топливом и ремонтом квартир. По Ленинскому и Промышленному районам за короткое время было отремонтировано 12 квартир семьям военнослужащих; по Затеречному району отремонтировано 10 квартир. После освобождения республики в столице СО АССР состоялся смотр готовности имеющихся жилых помещений к зимнему периоду. Первое место присудили Затеречному району, где было отремонтировано более 100 квартир семей военнослужащих и инвалидов [Панарина 2018: 109].

В годы войны в социальной структуре страны появилась еще одна категория – инвалиды. К концу 1945 года по Северо-Осетинской АССР состоит на учете инвалидов Отечественной войны 3988 чел., в том числе 1-й группы – 52; 2-й группы – 1268 чел.; 3-й группы – 2668. Трудоустроено и работает в народном хозяйстве и промышленности республики инвалидов: 3-й группы – 2562 чел., 2-й гр. – 721 чел. Часть инвалидов не имела возможности самостоятельно зарабатывать на жизнь, и также ожидала помощи от властей.

Регулярно сотрудники райсобесов проводили обходы семей военнослужащих и инвалидов, знакомились с бытовыми проблемами. Учитывая тяжелое материальное положение населения, правительство решало вопросы бытового обустройства. В постановлении СНК СО АССР определялись размеры квартплаты, которая исчислялась из материального достатка семьи военнослужащего: если никто из домочадцев не имел самостоятельного заработка, плата за жилье не взималась; льготная же ставка составила 65 коп. за квадратный метр [ЦГА РСО-А. ФР. 56. Оп. 2. Д. 43. Л. 25].

В секретных отчетах представителей собесов указывалось на крайне тяжелое положение семей; примерно 45% их находились в бедственном положении. Многие семьи не имели собственного жилья и снимали углы, сараи, чердаки. Так, например, не представлены квартиры семье Потоцкого из 6 чел., Макеева – из 4-х чел., семье Бобылева, проживающей в сыром подвальном помещении [ЦГА РСО-А. ФР. 56. Оп. 2. Д. 43. Л. 28].

Большой проблемой оставалась топливная. Военные зимы были суровыми, и большое значение имело обеспечение жителей углем и дровами.

Много делалось для обеспечения топливом семей, так, 9731 кубометров дров и 8710 тон угля получили семьи военнослужащих из Орджоникидзе и Моздока. Заготовка и подвоз топлива были организованы колхозами, промышленными предприятиями: «На вагоноремонтный завод пришло 20 человек из семей военнослужащих, из них 18 человек выдано угля по 300 кг каждому и одному 2 кубометра дров, выдано талонов на разные промтовары 8 человекам. Поданы заявления на ремонт квартир от 6 человек, отремонтирована одна квартира тов. Лошманову, который очень доволен за чуткое отношение» [ГАНИ РСО-А. Ф. 1. Оп. 4. Д. 169. Л. 3].

К работе активно привлекались комсомольцы, женские советы, пионеры. В г. Орджоникидзе функционировало 53 тимуровских команды. Пионеры школ принимали активное участие в помощи семьям фронтовиков. Например, тимуровская команда Горелова, состоявшая из 8 человек, собрала 2,5 т металлолома, на вырученные деньги купили подарки для детей фронтовиков. Тимуровцы школы №3 собрали для своей одноклассницы Н. Сергиенко, у которой родители были на фронте, белье, верхнюю одежду, 300 руб. и «выхлопотали ордер на туфли» [ГАНИ РСО-А. Ф. 53. Оп. 1. Д. 215. Л. 14]. Тимуровцы школы №30 взяли под свою опеку две семьи фронтовиков: они регулярно убрали в домах, приносили воду, кололи дрова [ГАНИ РСО-А. Ф. 53. Оп. 1. Д. 196. Л. 18]. Так, пионеры-тимуровцы занимались организацией помощи семьям фронтовиков, проводя воскресники, оказывая помощь одеждой, продуктами.

В г. Орджоникидзе была организована следующая работа: «оказывается единовременная денежная помощь инвалидам Отечественной войны; открыта специальная столовая; открыт магазин, где инвалиды Отечественной войны обеспечиваются продуктами питания и промтоварами» [ЦГА РСО-А. ФР. 56. Оп. 2. Д. 46. Л. 34]. Некоторые инвалиды войны получали финансовую поддержку на восстановление жилья, которое пострадало во время авианалетов немецких самолетов на город. Так, инвалид Купеев обратился в горисполком с просьбой о выделении ему 500 руб. на ремонт квартиры, разрушенной при бомбардировке

В 1944 г. в республике был проведен по инициативе сельхозартели «Южный красный партизан» сел. Ногир месячник по усилению помощи остро нуждающимся семьям фронтовиков, который прошел при активном участии широких масс сельского и городского населения республики. Во время месячника создан фонд и оказана семьям фронтовиков следующая материальная помощь: собрано денежных средств 281,2 тыс. руб., 1989 семьям выдано предметов одежды и обуви отремонтировано 379 пар обуви, 325 семьям выдано 20 коров, 127 голов мелкого рогатого скота, 170 голов свиней, отремонтировано 1479 квартир и 108 помещений для скота, построено 6 новых домов. Завезено топлива 5362 куб.м дров и 103 тонны угля, собрано кукурузы и картофеля 110,3 тонны и разных овощей 39,8 тонны, завезено 1112,9 тонн грубых и мягких кормов для скота» [ЦГА РСО-А. ФР. 56. Оп. 2. Д. 46. Л. 2-4].

Материально-бытовое обслуживание инвалидов Отечественной войны проходило в соответствии с приказом Наркомторга СССР. В городе

Орджоникидзе-Дзауджикау они снабжались продуктами питания и промтоварами через магазины и столовые закрытого типа, промтовары распределялись комиссиями, созданными при райсобесах из инвалидов Отечественной войны. Только в течение 1943 г. выдано 5302 талона на верхнюю одежду, белье и мануфактуру. На дополнительное питание остро нуждающихся инвалидам и поддержании здоровья было отпущено 10 тонн молока.

В сельских районах инвалидов снабжали через районные потребительские общества, за 1944 г. выдано 1297 единиц промтоваров верхней и нижней одежды, 4036 м мануфактуры, 1160 пар носков и других товаров на сумму 258898 рублей. Большую помощь в районах республики оказывали остро нуждающимся инвалидам войны колхозные кассы взаимопомощи [ГАНИ РСО-А. Ф. 1. Оп. 4. Д. 837. Т. 1. Л. 154].

В течение 1944 г. через интернат инвалидов Отечественной войны обучено, выпущено квалифицированных мастеров указанных квалификаций и трудоустроено 67 человек [ГАНИ РСО-А. Ф. 53. Оп. 1. Д. 279. Л. 23]. Так, например, в промышленных организациях работало 146 чел., в кооперации инвалидов 117 чел., надомниками – 314 чел., в сельском хозяйстве – 28 чел., в советских организациях – 51 чел. Большинство путевок по трудоустройству выдано райсобесами в Коопсоюз, где каждый направленный инвалид в зависимости от его состояния здоровья, находил свое применение то той или иной профессии, в тех же случаях, «когда физический недостаток не позволяет инвалиду применить свой труд по прежней профессии, даже и при наличии протеза были организованы разные краткосрочные курсы, где инвалид получает новую профессию» [ЦГА РСО-А. ФР. 629. Оп. 5. Д. 945. Л. 16].

Ощущался недостаток продуктов питания, овощей. Чтобы решить данную проблему, Северо-Осетинский обком ВКП (б) принял решение оказать семьям военнослужащих помощь в развитии огородничества. Весной 1944 г. многие семьи комбатантов получили земельные участки («корчевки») и семена картофеля, капусты, фасоли. Свыше 600 га земли было отведено под индивидуальные огороды, из них 67 га получили семьи военнослужащих, предполагалось выделить еще не менее 15 га [ГАНИ РСО-А. Ф. 53. Оп. 1. Д. 189. Л. 124]. Руководство колхозов в меру возможностей решало проблему с продовольственным обеспечением остро нуждающимся сельчанам. Например, вдове фронтовика Мусатовой Таисии и четверым ее детям была оказана помощь в размере 50 кг зерна, «конечно этого не достаточно, – отмечал председатель колхоза, – т.к. не хватает одежды, обуви, продуктов, и в хозяйстве много чего требуется»; Марковой Зинаиде ввиду тяжелого материального положения (2-е детей школьного возраста, но в школу не ходят, потому что не имеют одежды и обуви) выдано зерна 117 кг. [ЦГА РСО-А. ФР. 639. Оп. 1. Д. 271. Л. 2].

Партийно-советские органы власти старались всеми доступными средствами оказывать помощь семьям фронтовиков, но ввиду тяжелого положения в экономике эта помощь не была стопроцентной. Поступавшие в разные государственные структуры жалобы, заявления и прошения давали возможность выявлять те болевые точки, которые продолжали сохраняться в

отношении обеспечения этой категории населения. Как правило, в этих письмах-заявлениях речь не шла о большой политике, люди обращались по вопросам несвоевременного назначения пособий, получения жилья, оказания материальной помощи.

На имя Председателя Президиума Верховного Совета республики в письменном виде поступило 390 жалоб и заявлений, в том числе из особого сектора ЦК ВКП (б) – 23, из приемной Председателя Верховного Совета СССР – 4, из 390 жалоб и заявлений от Героев Советского Союза и членов их семей – 11, военнослужащих и членов их семей 125, инвалидов Отечественной войны – 95, демобилизованных из Советской армии – 85, от трудящихся – 74. Характер как устных, так и письменных жалоб и заявлений – об оказании материальной помощи (денежная, верхняя одежда, продукты питания) – 250, о предоставлении жилплощади – 45, производство ремонта квартир – 25, выдаче земли под индивидуальные огороды – 13, трудоустройстве – 11 и 46 – по различным вопросам [ЦГА РСО-А. ФР. 639. Оп. 1. Д. 132. Л. 52].

Так, секретарь Затеречного райсовета депутатов трудящихся выдала семье военнослужащего Щиткина В.П справку: «Выдана гр. Щиткину в том, что его семья состоит из следующих лиц: дочь Сталина – 1936 г.р., дочь Слава – 1925 г.р., сын Герман – 1920 г.р., дочь Вилена – 1924 г.р. В материальном отношении его семья переживает тяжелые материальные условия» [ЦГА РСО-А. ФР. 639. Оп. 1. Д. 271. Л. 27]. Эта справка была послана в воинскую часть. Председатель Архонского стансовета сообщил командиру части следующее: «Архонский сельсовет просит Вас отпустить Ерещенко Н.Д. или Даниила Ивановича на время в ст. Архонскую, т.к. их мать-жена тяжело больна, на выздоровление нет надежды. После ее смерти хозяйство останется без надзора, т.к. в семье нет никого, кроме сына и мужа» [ЦГА РСО-А. ФР. 629. Оп. 2. Д. 241. Л. 2-3].

Волновал фронтовиков вопрос с налогами. Молодой офицер Дж. Коков в своем письме родителям переживал за семейные проблемы: «Папа, как дела в колхозе, вас освободили от налога или платите? Если так, то я могу прислать документы» [Хубулова, Хубулова 2012: 97]. М. Цагараев сообщал сестре, что выслал родителям 1000 руб. и интересовался, « что у родителей в хозяйстве осталось из домашнего скота и как они вообще обеспечиваются хлебом. Дают ли хлебные и продовольственные карточки?» [Хубулова, Хубулова 2012: 102].

«Красноармеец нашей части Исаов М.М., – писал в обращении на имя Председателя СНК СО АССР, – в своем рапорте сообщает, что его семья: мать Халим Алуйкочевна (68 лет лет) и сестра (18 лет), проживающие в Вашем районе (с. Кизляр), обложены всеми видами налогов и не в состоянии выплатить их. Прошу Вас проверить, не искажен ли здесь закон правительства об обязательных поставках, и действительные возможности уплаты этим хозяйством и оказание практической помощи семье воина-фронтовика [Хубулова, Хубулова 2012: 104]. При проверке оказалось, что семья Исаова налоги не платит, получает пособие.

Вместе с тем, надо отметить, что несмотря на различные причины возмущения нерасторопностью, бездушием ряда чиновников, адресанты не

высказывали потребительских настроений, более того, внушали уверенность окружающим в заботе государства, как никто другой понимая трудности со снабжением, материальной помощью и прочим.

Таким образом, социальная политика в Северо-Осетинской АССР в годы Великой Отечественной войны в своем развитии прошла несколько этапов, напрямую связанных с ситуацией на фронте. В первый период (июнь 1941 – июль 1942 гг.) тыловой регион был сосредоточен на обеспечении семей военнослужащих социальными льготами; принимал и размещал эвакуированных из европейской части страны жителей. К концу периода определилось еще одно важное направление – забота об инвалидах войны и их семьях, которых следовало направить на работу, обеспечить бытовыми услугами и т.д. С приближением врага к границам республики встал вопрос об эвакуации некоторых категорий населения, в том числе и многие семьи военнослужащих, в Закавказье. Те же семьи, которые по разным причинам не попали в списки эвакуируемых, не остались без поддержки государства, но угрожаемое положение не позволяло удовлетворять возникающие потребности в полном объеме. Социальная работа с семьями фронтовиков, инвалидами началась с первых месяцев войны и со временем совершенствовалась и становилась более организованной. Как особая категория населения, семьи военнослужащих и инвалиды имели ряд преференций, которые государство предоставляло по возможности с учетом тяжелой экономической ситуации.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Высшие органы... 1971 – *Высшие органы* государственной власти и органы центрального управления РСФСР (1917–1967): справочник (по материалам государственных архивов). – М.: Центральный государственный архив РСФСР, 1971. – 624 с.

Кожурин 1990 – *Кожурин В.С.* Неизвестная война: деятельность Советского государства по обеспечению условий жизни и труда рабочих в годы Великой Отечественной войны. – М.: АОН, 1990. – 288 с.

Магометов 2017 – *Магометов А.А.* Вклад отрядов народного ополчения, истребительных батальонов, милиции, партизан в дело разгрома немецко-фашистских войск под Владикавказом в 1942 году // Вестник Северо-Осетинского государственного университета имени К.Л. Хетагурова. – 2017. – № 1. – С. 35–43.

Новикова, Даровских 2015 – *Новикова Е.Ю., Даровских О.В.* Военнослужащие и члены их семей как особая категория социальной помощи в годы Великой Отечественной войны // Новая наука: стратегии и векторы развития. – 2015. – № 6-3. – С. 79–83.

Осмачкин 2015 – *Осмачкин А.В.* Положение инвалидов Отечественной войны в СССР (на материалах Краснодарского и Ставропольского краёв в 1945 – середина 1950-х гг.) // Вопросы исторической науки: материалы III Международной научной конференции (г. Москва, январь 2015 г.). – М.: Буки-Веди, 2015. – С. 109–111. – URL: <https://moluch.ru/conf/hist/archive/128/6696/> (дата обращения: 27.06.2020).

Панарина 2018 – *Панарина Е.В.* Организация помощи семьям военнослужащих на Северном Кавказе в годы Великой Отечественной войны // Гуманитарные и юридические исследования. – 2018. – № 3. – С. 109–115.

Семёнова 2010 – *Семёнова Е.Н.* Трудоустройство членов семей военнослужащих в Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2010. – № 9 (99). – С. 58–63.

Стариков 2015 – *Стариков С.В.* Актуальные проблемы изучения истории Великой Отечественной войны // Вестник Марийского государственного университета. Серия: Исторические науки. Юридические науки. – 2015. – Т. 1. – № 1. – С. 5–15.

Хабибулин 2010 – *Хабибулин А.Г.* Актуальные проблемы научного исследования Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) // Вестник Академии экономической безопасности МВД России. – 2010. – № 5. – С. 5–8.

Хаблиева, Сосранова 2018 – *Хаблиева Л.Ч., Сосранова З.В.* Государственная политика в области социального обеспечения инвалидов войны в годы Великой Отечественной войны (на примере Владикавказа) // Научный диалог. – 2018. – № 3. – С. 221–232. DOI: <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2018-3-221-232>

Хубулова, Хубулова 2012 – *Хубулова С.А., Хубулова Э.В.* Письма Великой Отечественной войны. – Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2012. – 210 с.

Чернышева 2012 – *Чернышева Н.В.* Социальная политика государства в отношении семей военнослужащих в 1941–1945 гг. (На материалах Кировской области) // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. – 2012. – № 2 (1). – С. 54–59.

ГАНИ РСО-А – *Государственный архив новейшей истории РСО-Алания.*

РГАНИ – *Российский государственный архив новейшей истории.*

ЦГА РСО-А – *Центральный государственный архив РСО-Алания.*

REFERENCES

CHERNYSHEVA N.V. *Sotsial'naya politika gosudarstva v otnoshenii semei voennosluzhashchikh v 1941–1945 gg. (Na materialakh Kirovskoi oblasti)* [Social policy of the state in relation to military families in 1941–1945 (based on the materials of the Kirov region)]. IN: *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta* [Bulletin of the Vyatka state University for the Humanities]. – 2012. – No. 2 (1). – P. 54–59. (In Russian)

KHABIBULIN A.G. *Aktual'nye problemy nauchnogo issledovaniya Velikoi Otechestvennoi voiny (1941–1945 gg.)* [Actual problems of scientific research of the great Patriotic war (1941–1945)]. IN: *Vestnik Akademii ekonomicheskoi bezopasnosti MVD Rossii* [Bulletin of the Academy of economic security of the Ministry of internal Affairs of Russia]. – 2010. – No. 5. – P. 5–8. (In Russian)

KHABLIEVA L.Ch., SOSRANOVA Z.V. *Gosudarstvennaya politika v oblasti sotsial'nogo obespecheniya invalidov voiny v gody Velikoi Otechestvennoi voiny (na primere Vladikavkaza)* [State policy in the field of social security of war invalids during the great Patriotic war (on the example of Vladikavkaz)]. IN: *Nauchnyi dialog* [Scientific dialogue]. – 2018. – No. 3. – P. 221–232. DOI: <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2018-3-221-232> (In Russian)

KHUBULOVA S.A., KHUBULOVA E.V. *Pis'ma Velikoi Otechestvennoi voiny* [Letters of the great Patriotic war]. – Vladikavkaz: IPO SOIGSI, 2012. – 210 p. (In Russian)

KOZHURIN V.S. *Neizvestnaya voina: deyatelnost' Sovetskogo gosudarstva po obespecheniyu uslovii zhizni i truda rabochikh v gody Velikoi Otechestvennoi voiny* [Unknown war: the activity of the Soviet state to ensure the living and working conditions of workers during the great Patriotic war]. – M.: AON, 1990. – 288 p. (In Russian)

MAGOMETOV A.A. *Vklad otryadov narodnogo opolcheniya, istrebitel'nykh batal'onov, militsii, partizan v delo razgroma nemetsko-fashistskikh voisk pod Vladikavkazom v 1942 godu* [Contribution of the people's militia units, fighter battalions, militia, partisans to the defeat of the German-fascist troops near Vladikavkaz in 1942]. IN: *Vestnik Severo-Osetinskogo gosudarstvennogo universiteta imeni K.L. Khetagurova* [Bulletin of the North Ossetian state University named after K. L. Khetagurov]. – 2017. – No. 1. – P. 35–43. (In Russian)

NOVIKOVA E.Yu., DAROVSKIKH O.V. *Voennosluzhashchie i chleny ikh semei kak osobaya kategoriya sotsial'noi pomoshchi v gody Velikoi Otechestvennoi voiny* [Military Personnel and members of their families as a special category of social assistance during the great Patriotic war]. IN: *Novaya nauka: strategii i vektory razvitiya* [New science: strategies and vectors of development]. – 2015. – No. 6-3. – P. 79–83. (In Russian)

OSMACHKIN A.V. *Polozhenie invalidov Otechestvennoi voiny v SSSR (na materialakh Krasnodarskogo i Stavropol'skogo kraev v 1945 – seredina 1950-kh gg.)* [The Situation of invalids of the Patriotic war in the USSR (based on the materials of the Krasnodar and Stavropol territories in 1945-the middle of the 1950s)]. IN: *Voprosy istoricheskoi nauki: materialy III Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (g. Moskva, yanvar' 2015 g.)* [Questions of historical science: materials of the III International scientific conference (Moscow, January 2015)]. – M.: Buki-Vedi, 2015. – P. 109–111. – URL: <https://moluch.ru/conf/hist/archive/128/6696/> (date of access: 27.06.2020). (In Russian)

PANARINA E.V. *Organizatsiya pomoshchi sem'yam voennosluzhashchikh na Severnom Kavkaze v gody Velikoi Otechestvennoi voiny* [Organization of assistance to military families in the North Caucasus during the great Patriotic war]. IN: *Gumanitarnye i yuridicheskie issledovaniya* [Humanitarian and legal research]. – 2018. – No. 3. – P. 109–115. (In Russian)

SEMENOVA E.N. *Trudoustroistvo chlenov semei voennosluzhashchikh v Zapadnoi Sibiri v gody Velikoi Otechestvennoi voiny (1941–1945 gg.)* [Employment of family members of military personnel in Western Siberia during the great Patriotic war (1941–1945)]. IN: *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Bulletin of the Tomsk state pedagogical University]. – 2010. – No. 9 (99). – P. 58–63. (In Russian)

STARIKOV S.V. *Aktual'nye problemy izucheniya istorii Velikoi Otechestvennoi voiny* [Actual problems of studying the history of the great Patriotic war]. IN: *Vestnik Mariiskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoricheskie nauki. Yuridicheskie nauki* [Bulletin of the Mari state University. Series: history of science. Legal sciences]. – 2015. – Vol. 1. – No. 1. – P. 5–15. (In Russian)

Vysshie organy gosudarstvennoi vlasti i organy tsentral'nogo upravleniya RSFSR (1917–1967): spravochnik (po materialam gosudarstvennykh arkhivov) [Higher state authorities and Central government bodies of the RSFSR (1917–1967): Handbook (based on the materials of the state archives)]. – M.: Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv RSFSR, 1971. – 624 p. (In Russian)

GANI RSO-A – Gosudarstvennyi arkhiv noveishei istorii RSO-Alaniya [State Archive of Modern History of the Russian Federation-Alania]. (In Russian)

RGANI – Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv noveishei istorii [Russian state archive of modern history]. (In Russian)

TsGA RSO-A – Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv RSO-Alaniya [Central State Archive of RSO-Alania]. (In Russian)

ИСТОРИЯ, ЭТНОЛОГИЯ И АРХЕОЛОГИЯ**Новейшая история**

УДК 93/94(470.64)

DOI 10.31143/2542-212X-2021-1-141-157

**ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА ПО ФОРМИРОВАНИЮ
ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ
1941–1945 гг.: РЕГИОНАЛЬНЫЙ ОПЫТ****А.И. ТЕТУЕВ**

*Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного
бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский
научный центр Российской академии наук»
360000, КБР, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18
E-mail: alim-tetuev@mail.ru*

Аннотация. В статье исследуется нормативно-правовая база патриотического воспитания граждан РФ и опыт формирования исторической памяти о Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. на примере Кабардино-Балкарии. Анализируется государственная политика патриотического воспитания граждан в условиях изменений внешнеполитической и общественно-политической жизни в современной России. Рассматривается процесс развития регионального законодательства по управлению сферой патриотического воспитания граждан. Обобщен опыт работы государственных органов власти, образовательных организаций и институтов гражданского общества Кабардино-Балкарии по организации военно-патриотического воспитания молодежи. Раскрывается деятельность поисковых отрядов по увековечению памяти погибших в годы Великой отечественной войны, а также общеобразовательных школ, музеев и библиотек по формированию гражданских ценностей молодежи. Выявлены проблемы в системе организации патриотического воспитания.

Ключевые слова: государственная политика; нормативно-правовая база; формирование; патриотизм; память; Великая Отечественная война.

**STATE POLICY FOR THE FORMATION OF HISTORICAL MEMORY OF
THE GREAT PATRIOTIC WAR 1941–1945: REGIONAL EXPERIENCE****A.I. TETUEV**

*Institute for Humanitarian studies – branch of the FSBSE «Federal Scientific Center 'Kabardin-
Balkar Scientific Center of the Russian Academy of Sciences' »
360000, KBR, Nalchik, Pushkin st., 18
E-mail: alim-tetuev@mail.ru*

Abstract. The article examines the legal framework of patriotic education of citizens of the Russian Federation and the experience of forming historical memory of the Great Patriotic War of 1941–1945 on the example of Kabardino-Balkaria. The state policy of patriotic education of citizens is analyzed in the context of changes in foreign policy and socio-political life in modern Russia. The process of development of regional legislation on the management of the sphere of patriotic education of citizens is considered. The experience of the work of state authorities, educational organizations and institutions of civil society in Kabardino-Balkaria in organizing the military-patriotic education of youth is summarized. The article reveals the activities of search teams to perpetuate the memory of those who died during the Great Patriotic War, as well as secondary schools, museums and libraries to form civic values of youth. The problems in the system of organization of patriotic education are revealed.

Keywords: state policy; regulatory and legal framework; formation; patriotism; memory; the Great Patriotic War.

После распада СССР в декабре 1991 года в Российской Федерации, наряду с позитивными переменами, произошли события и негативного порядка. Основные из них – социально-экономический кризис, безработица, высокий уровень социального неравенства, размывание традиционных нравственных ценностей народов страны.

Изменения общественно-политической жизни в России оказали влияние на коллективную память о Великой Отечественной войне. Некоторые либеральные российские историки, прикрываясь плюрализмом мнений при изложении «белых пятен» истории страны, фальсифицируют память о Великой Отечественной войне, считая, что разрушение исторической памяти является необходимым условием разрушения «тоталитарного режима» и его идеологии.

Историческая память о войне подверглась атакам не только внутри страны, но и извне. Страны США и Евросоюза, руководствуясь геополитическими интересами, начали проведение информационных кампаний по фальсификации истории Второй мировой войны. Так, в книге латышских историков И. Бутулиса, А. Зунды используется тезис об оккупации их территории Советским Союзом во время Второй мировой войны [Бутулис, Зунда 2010: 160–163]. В сентябре 2019 года Европейский парламент принял резолюцию «О важности сохранения исторической памяти для будущего Европы», в которой ответственность за развязывание Второй мировой войны возлагается на тоталитарные режимы Германии и СССР¹.

Все это негативно влияет на формирование гражданских ценностей молодежи. Поэтому в Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года большая роль отводится патриотическому воспитанию граждан.

¹ Резолюция Европейского парламента «О важности сохранения исторической памяти для будущего Европы» от 19.09.2019. URL: [http:// ru-polit.livejournal.com/19280948.html](http://ru-polit.livejournal.com/19280948.html) (дата обращения: 12.11.2020).

В этой связи изучение государственной политики по формированию исторической памяти о Великой Отечественной войне является актуальной проблемой и имеет научно-практическое значение.

Различные аспекты изучаемой проблемы нашли отражение в научных работах историков, правоведов и политологов. Так, в исследованиях И.С. Попп, К.А. Шахнович, М.М. Симоновой, Д.Э. Удалова, Е.Е. Андреевой рассматриваются проблемы правового регулирования патриотического воспитания. Анализируя нормативно-правовые акты, Е.Е. Андреева справедливо отмечает, что в них отсутствуют нормы, устанавливающие определения понятий «гражданское воспитание» и «гражданско-патриотическое воспитание» [Попп, Шахнович 2018; Симонова, Удалова 2017; Андреева 2017: 72].

Нормативная правовая основа в сфере патриотического воспитания содержится в законах и нормативно-правовых актах Российской Федерации¹.

В статье Е.М. Михайлова рассматриваются вопросы патриотического воспитания и формирования национального самосознания молодежи на примерах героизма советского народа в годы Великой Отечественной войны [Михайлова 2015].

Формы и методы патриотического воспитания студенческой молодежи на материалах Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) исследованы в работах В.А. Зиминой, Т.С. Сергеева, А.И. Павлий, И.В. Зотова, Б.М. Шаваринского [Зимин 2020; Сергеев 2019; Павлий и др. 2019].

В статье А.С. Архиповой, Д.Ю. Доронина, А.А. Кирзюк, Д.А. Радченко, А.Д. Соколовой, А.С. Титкова, Е.Ф. Югай рассматриваются внеинституциональные практики празднования 9 мая [Архипова и др. 2017].

Авторы отмечают, что новые формы празднования Дня Победы («Бессмертный полк», «Георгиевская ленточка» и др.), продемонстрировали не только интегрирующий, но и дезинтегрирующий потенциал этого праздника. Координаты, в которых потомки победителей определяют свое отношение к нему (память о жертвах или память о триумфе, использование или неиспользование официальной символики Победы), рассматриваются как основа для сплочения и взаимного размежевания двух соперничающих «моральных сообществ» [Архипова и др. 2017: 93–95, 101, 107]. Эти выводы, по нашему мнению, субъективны, так как опираются на отдельные праздничные практики (наклейки на машинах): «На Берлин», «Русские идут», «Шествие пленных немцев» и др., якобы вызывающие символическую агрессию.

Исследователи В.С. Бешкинская, А.И. Миллер анализируют особенности празднования 75-летия Великой Победы [Бешкинская, Миллер 2020]. Авторы отмечают, что в период эпидемии коронавируса акции «Бессмертный полк», «Георгиевская ленточка» и др. проводились в онлайн-формате. Вместе с тем

¹ Законы и нормативно-правовые акты Российской Федерации по патриотическому воспитанию на сайте «Большеболдинского Дома детского творчества». URL: <https://boldino-ddt.ucoz.ru/YUNARMIA/pravovaja> (дата обращения: 12.11.2020).

«Бессмертный полк» стал и площадкой борьбы с «врагами памяти», так как проводились хакерские атаки и провокации против виртуального шествия.

Актуальной и малоизученной проблеме формирования исторической памяти посредством компьютерных игр статья посвящена О.В. Грибан. Автор отмечает, что разработчики компьютерных игр дают пользователям свою, далеко не всегда реалистичную и правдивую, версию событий, предоставляя возможность в процессе игры не только стать участником Второй мировой войны, но и изменить ход истории, повлиять на итоги сражений. Учитывая, что большинство компьютерных игр о Второй мировой войне, представленных на российском рынке, созданы зарубежными разработчиками (преимущественно американскими), они пропагандируют американский взгляд на историю Второй мировой войны и зачастую создают негативный образ СССР [Грибан 2017: 34–38].

Отдельные аспекты исследуемой темы нашли отражение и в наших предыдущих статьях [Тетуев 2010; Тетуев 2014; Тетуев 2016; Тетуев 2019].

Анализ литературы, посвященный патриотическому воспитанию граждан, позволяет утверждать, что в изучении данной темы имеются определенные успехи. Однако до сих пор малоизучен региональный опыт по исследуемой теме.

В данной статье исследуется государственная политика по формированию исторической памяти о Великой отечественной войне на примере Кабардино-Балкарии.

Научная новизна работы заключается в следующем:

– впервые проведено комплексное исследование по формированию нормативно-правовых актов РФ и регионального законодательства по управлению сферой патриотического воспитания граждан;

– обобщен региональный опыт формирования исторической памяти о Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.

Методологическую основу исследования составил комплекс общенаучных и исторических методов, в том числе историко-сравнительный метод, позволивший выявить общее и особенное в формировании памяти о Великой Отечественной войне.

Правовой основой патриотического воспитания в Российской Федерации на современном этапе являются Конституция РФ (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года; с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года) [Конституция РФ... 2020], а также ряд федеральных законов РФ (ФЗ) «О Государственном флаге Российской Федерации», «О Государственном гербе Российской Федерации», «О Государственном гимне Российской Федерации», «Об образовании в Российской Федерации», «О воинской обязанности и военной службе», «О почетном звании Российской Федерации «Город воинской славы», «О почетном звании Российской Федерации «Город трудовой доблести», «О днях воинской славы и памятных датах России», «Об увековечении Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов», «Об увековечении памяти погибших при защите Отечества», «О ветеранах», Указ Президента РФ «О

мерах государственной поддержки общественных объединений, ведущих работу по военно-патриотическому воспитанию молодежи» и др.¹.

Сама преамбула Конституции РФ наполнена патриотическим звучанием: «Мы, многонациональный народ Российской Федерации, <...> чтя память предков, передавших нам любовь и уважение к Отечеству, <...> стремясь обеспечить благополучие и процветание России, исходя из ответственности за свою Родину перед нынешним и будущими поколениями, <...> принимаем Конституцию Российской Федерации» [Конституция РФ... 2020]. В п. 1 ст. 59 закреплена норма о том, что «защита Отечества является долгом и обязанностью гражданина Российской Федерации» В ст. 67.1 Конституции РФ говорится как «о тысячелетней истории» и сохранении «памяти предков», так и о детях в роли «важнейшего приоритета» государственной политики РФ и создании для них условий по «воспитанию патриотизма, гражданственности и уважения к старшим» [Конституция РФ... 2020].

В связи с указанной поправкой принят закон РФ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» по вопросам воспитания обучающихся» от 31.07.2020. В закон введена статья 12.1. «Общие требования к организации воспитания обучающихся», согласно которому «воспитание обучающихся при освоении ими основных образовательных программ в организациях, осуществляющих образовательную деятельность, осуществляется на основе включаемых в образовательную программу рабочей программы воспитания и календарного плана воспитательной работы, разрабатываемых и утверждаемых такими организациями самостоятельно, если иное не установлено настоящим Федеральным законом»². Тем самым образование должно включает не только знания и навыки, но и духовные, моральные ценности, которые формируют личность, гражданина, объединяют общество.

На современном этапе приоритетность воспитания патриотизма определена рядом нормативных правовых документов, в частности таких, как:

Государственная программа РФ «Развитие образования на 2013-2020 гг.»; Стратегия развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 г.; Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 г.; Основы государственной молодежной политики РФ на период до 2025 г. и др.³.

В исполнение Постановления Правительства Российской Федерации от 16 февраля 2002 г. № 122 «О государственной программе «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2001–2005 годы» в мае 2003

¹ Нормативно-правовые акты Российской Федерации на сайте «Официальный интернет-портал правовой информации». URL: <http://pravo.gov.ru/ips/> (дата обращения: 12.11.2020).

² Закон РФ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» по вопросам воспитания обучающихся» от 31.07.2020 г. // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&firstDoc=1&lastDoc=1&nd=102801634> (дата обращения: 25.03.2021).

³ Нормативно-правовые акты Российской Федерации на сайте «Официальный интернет-портал правовой информации». URL: <http://pravo.gov.ru/ips/> (дата обращения: 12.11.2020).

года была разработана «Концепции патриотического воспитания граждан Российской Федерации» [Концепция... 2003].

В ходе осуществления Концепции с 2006 года реализуется государственная программа «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2016–2020 гг.». Она направлена на обеспечение преемственности поколений россиян, воспитания гражданина, любящего свою Родину и семью, имеющего активную жизненную позицию. Эта программа, как и предыдущие, ориентирована на все социальные слои и возрастные группы граждан, в том числе на детей и молодежь [Патриотическое воспитание... 2015].

В целях сопровождения всех видов деятельности по патриотическому воспитанию и популяризации волонтерства в России было создано Федеральное государственное бюджетное учреждение «Российский центр гражданского и патриотического воспитания детей и молодежи» (ФГБУ «Роспатриотцентр»), который является подведомственным учреждением Федерального агентства по делам молодежи¹.

В субъектах Российской Федерации осуществляется работа по формированию нормативно-правовых актов по организации и управлению сферой патриотического воспитания граждан. В некоторых субъектах России приняты региональные законы «О патриотическом воспитании граждан».

В Кабардино-Балкарии были приняты Конституция Кабардино-Балкарской Республики (с изменения на 19.10.2015 г.) [Конституция КБР... 2015], законы КБР «Об Образовании» (с изменениями на 12 октября 2020 г.), «О молодежной политике в Кабардино-Балкарской Республике» (с изменениями от 31.12.2013 г.), «О государственной поддержке социально ориентированных некоммерческих организаций в Кабардино-Балкарской Республике» от 16 декабря 2011 г.² и др. нормативные документы:

– «О государственной программе Кабардино-Балкарской Республики «Взаимодействие с общественными организациями и институтами гражданского общества в Кабардино-Балкарской Республике на 2016–2020 годы»;

– постановление Правительства Кабардино-Балкарской Республики от 23 июля 2014 г. № 159–ПП «О создании Республиканского центра патриотического воспитания и подготовки граждан (молодежи) к военной службе»;

– распоряжение Правительства Кабардино-Балкарской Республики 1 октября 2018 г. № 589–РП «Об организации обучения граждан в Кабардино-Балкарской Республике начальным знаниям в области обороны и их подготовке по основам военной службы в образовательных организациях среднего общего

¹ Российский центр гражданского и патриотического воспитания детей и молодежи: сайт. URL: <http://rospatriotcentr.ru/about/> (дата обращения: 13.09.2020).

² Закон Кабардино-Балкарской Республики от 16 декабря 2011 г. N 109-РЗ «О государственной поддержке социально ориентированных некоммерческих организаций в Кабардино-Балкарской Республике» // Гарант.Ру – Информационно-правовой портал: сайт. URL: <https://base.garant.ru/30515574/> (дата обращения: 27.02.2021).

образования, профессиональных образовательных организациях и учебных пунктах» и др.¹.

В республике проводятся мероприятия по реализации вышеуказанных республиканских целевых программ. В ходе выполнения программ были подготовлены и приняты министерствами ведомствами КБР положения о проведении военно-спортивных игр, смотров-конкурсов, слетов, спартакиад республиканского уровня и школьных музеев². Анализ нормативно-правых документов показал, что, в отличие от КБР, во многих регионах РФ региональные целевые программы утверждают и осуществляют контроль над их исполнением законодательные органы власти [Патриотическое воспитание... 2015: 183].

Особое внимание в процессе реализации указанных программ в КБР уделялось развитию инфраструктуры патриотического воспитания граждан. Создана сеть кадетских общеобразовательных учреждений и профильных классов, в которых обучаются и воспитываются более 580 кадет. На базе государственного казенного профессионального образовательного учреждения «Кабардино-Балкарский гуманитарно-технический колледж» открыто 3 кадетских класса, в которых обучаются 102 учащихся. В 52 общеобразовательных организациях имеются тиры или места для стрельбы, спортивные городки оборудованы в 124 школах, а полосы препятствий – в 64 учреждениях.

В общеобразовательных организациях республики открыто 252 предметных класса, организована работа 23 профильных классов и 17 кружков «Юный спасатель», в которых занимаются 720 человек, функционируют 86 патриотических объединений и клубов с общей численностью 2530 человек, а также 68 музеев и 60 уголков боевой славы³.

Для дальнейшего развития школьных музеев, расширения их возможностей в учебно-воспитательном процессе, обмена опытом работы, внедрения новых форм в организации их деятельности создана ассоциация школьных музеев Кабардино-Балкарской Республики.

В структуре государственного бюджетного учреждения «Многофункциональный молодежный центр» создан республиканский центр патриотического воспитания и подготовки граждан (молодежи) к военной

¹ Постановления Правительства Кабардино-Балкарской Республики // Официальный портал Правительства КБР. Нормативные акты Правительства КБР. URL: http://pravitelstvo.kbr.ru/pravitelstvo/normativnye_aktu.php (дата обращения: 12.10.2020).

² Отчет Министерства просвещения, науки и по делам молодежи Кабардино-Балкарской Республики о ходе реализации и оценке эффективности подпрограммы «Патриотическое воспитание граждан в Кабардино-Балкарской Республике» государственной программы Кабардино-Балкарской Республики «Развитие образования в Кабардино-Балкарской Республике» за 2018 год // Министерство просвещения, науки и по делам молодежи: сайт. URL: https://pravitelstvo.kbr.ru/oigv/minobr/proekty_i_programmy/godovoy_otchet_o_realizatsii_programm.php (дата обращения: 22.10.2019).

³ Там же.

службе. В муниципальных образованиях создано 2 зональных центра патриотического воспитания и подготовки молодежи к воинской службе.

Заслуживает внимания опыт работы государственных и муниципальных органов власти по укреплению престижа службы в Вооруженных Силах Российской Федерации, совершенствованию практики шефства воинских частей над образовательными организациями. В рамках Всероссийской военно-патриотической акции «Есть такая профессия – Родину защищать!» проведены профориентационные занятия с учащимися общеобразовательных организаций республики, уроки мужества, тематические встречи, дни открытых дверей, в которых приняли участие более 8 тысяч школьников, студентов, родителей, представителей общественных организаций, отобрано более 400 граждан для продолжения обучения в высших учебных заведениях Министерства обороны Российской Федерации, из которых поступили 126 человек.

Весной и осенью 2018 года на базе войсковой части № 31681 проведена военно-патриотическая акция «День призывника», в которой приняли участие более 1600 призывников, родителей и представителей общественных объединений. Организован региональный этап Всероссийских соревнований среди военно-патриотических клубов по многоборью на Кубок главы Кабардино-Балкарской Республики, в которых приняли участие 156 военно-патриотических клубов и других объединений патриотической направленности с охватом 3 862 учащихся¹.

Минобрнауки КБР совместно с военным комиссариатом и региональным отделением Общероссийской общественно-государственной организации «Добровольное общество содействия армии, авиации и флоту России» Кабардино-Балкарской Республики (далее – ДОСААФ России по КБР), в 2017–2018 учебном году проведен ряд мероприятий, направленных на военно-патриотическое воспитание. Так, было совершено массовое восхождение на Курпские высоты, организован военно-патриотический автопробег по городам и районам республики, в школах состоялись уроки мужества, посвящённые 75-летию битвы за Кавказ и дням воинской славы.

Большая работа проводится по вовлечению учащихся в юнармейское движение, которое объединяет более 1 тыс. учащихся.

В 84 общеобразовательных учреждениях сформировано 112 юнармейских отрядов, количество членов организации составляет 2 400 человек. В образовательных организациях республики открыты 16 юнармейских комнат (штабов), приобретено более 750 комплектов парадной юнармейской экипировки.

¹ Отчет Министерства просвещения, науки и по делам молодёжи Кабардино-Балкарской Республики о ходе реализации и оценке эффективности подпрограммы «Патриотическое воспитание граждан в Кабардино-Балкарской Республике» государственной программы Кабардино-Балкарской Республики «Развитие образования в Кабардино-Балкарской Республике» за 2018 год // Министерство просвещения, науки и по делам молодёжи: сайт. URL: https://pravitelstvo.kbr.ru/oigv/minobr/proekty_i_programmy/godovoy_otchet_o_realizatsii_programm.php (дата обращения: 22.10.2019).

На базе воинской части № 31681, дислоцированной в городском округе Прохладный, ежегодно проводится военно-патриотическая акция «Есть такая профессия – Родину защищать!», а также региональный этап Всероссийской военно-патриотической игры «Зарница». Организуются профориентационные экскурсии для юнармейских отрядов, практические занятия с учащимися 10-х классов в рамках пятидневных учебных сборов, региональный этап Всероссийской военно-патриотической игры «Зарница». Офицеры воинских частей и подразделений, размещенных в Кабардино-Балкарской Республике, регулярно посещают общеобразовательные организации с целью проведения уроков мужества, проводят экскурсии для учащихся по местам боевой славы, оказывают помощь в организации военно-патриотических мероприятий.

В целях воспитания патриотизма, гражданской ответственности и формирования интереса к воинской профессии проведена военно-спортивная игра «Победа», в которой приняли участие более 200 учащихся. Организованы весенняя и осенняя спартакиады молодежи Кабардино-Балкарской Республики допризывного возраста. К участию в соревнованиях привлечено более 1 560 учащихся образовательных организаций.

В Кабардино-Балкарской Республике организована реализация Всероссийского проекта «Юнармия. Наставничество», направленного на социализацию воспитанников интернатных учреждений через военно-патриотическое воспитание, содействие поиску нравственных ориентиров и выбору ими правильного пути в жизни.

Большое внимание в республике уделяется развитию военно-шефской работы. Под патронажем пограничного управления ФСБ России по Кабардино-Балкарской Республике в образовательных организациях созданы отряды юных друзей пограничников. В течение учебного года на базе учебного центра пограничного управления проходят патриотические игры «Юные друзья пограничников», «Зарница», учебные стрельбы¹.

Органы государственной власти, местного самоуправления, образовательных организаций и институтов гражданского общества особое внимание уделяют развитию различных форм и методов работы по патриотическому воспитанию граждан. Значительное место в нем занимают всероссийские и республиканские мероприятия и акции.

Минобрнауки КБР в 2017–2018 гг. организованы и проведены мероприятия: военно-спортивные игры молодежи допризывного возраста; конкурс по военно-прикладным дисциплинам, участие в акциях «Бессмертный полк», «Георгиевская лента», «Свеча памяти».

¹ Отчет Министерства просвещения, науки и по делам молодежи Кабардино-Балкарской Республики о ходе реализации и оценке эффективности подпрограммы «Патриотическое воспитание граждан в Кабардино-Балкарской Республике» государственной программы Кабардино-Балкарской Республики «Развитие образования в Кабардино-Балкарской Республике» за 2018 год // Министерство просвещения, науки и по делам молодежи: сайт. URL: https://pravitelstvo.kbr.ru/oigv/minobr/proekty_i_programmy/godovoy_otchet_o_realizatsii_programm.php (дата обращения: 22.10.2019).

Минобрнауки КБР совместно с военкоматом КБР и ДОСААФ России по КБР организовали 5-дневные учебные сборы с учащимися десятых классов общеобразовательных школ и студентами выпускных курсов профессиональных учебных заведений, к которым привлечены 2 915 учащихся.

Большой воспитательный потенциал имеет издание материалов, в которых воскрешается память о каждом участнике Великой Отечественной войны, уроженце Кабардино-Балкарии. В этом плане ученые института гуманитарных исследований КБНЦ РАН подготовили и переиздали четыре тома «Книги Памяти» Кабардино-Балкарской Республики [Тетуев 2016: 37; Книга Памяти... 2014–2016].

В 2017 году учащиеся и волонтеры приняли участие в благоустройстве 238 памятных мест и 107 воинских захоронений [Тетуев 2016: 35–40].

Организована работа школьных поисковых групп на интернет-порталах «Бессмертный полк», «Обобщенный банк данных воинских захоронений «Мемориал», «Саксонский мемориал», «Австрийская книга памяти» и др. Ведется совместная работа с военным комиссариатом Кабардино-Балкарской Республики, Центральным архивом Министерства обороны Российской Федерации.

Поисковое движение России в Кабардино-Балкарской Республике объединяет более 40 молодых волонтеров-поисковиков. В текущем году организация провела 50 мероприятий патриотической направленности. В ходе архивной работы выявлено 155 имен погибших. В результате 20 полевых поисковых выходов обнаружены останки 12 солдат [Тетуев 2019: 167–168].

Поисковиками отряда «Мемориал-Эльбрус» с.п. Эльбрус Эльбрусского района Кабардино-Балкарской Республики (руководитель – Ф.Ч. Тилова) совместно с военнослужащими Южного военного округа Министерства обороны РФ в тяжелых природно-климатических условиях в течение 2012–2016 гг. были проведены 94 поисковые экспедиции. В результате обнаружены, подняты и захоронены останки 211 красноармейцев, в том числе установлены персональные данные 11 воинов. В Центральном военном архиве Министерства обороны Российской Федерации удалось выявить поименный список безвозвратных потерь начальствующего и рядового состава частей Красной армии, участников боевых действий в Приэльбрусье в 1942–1943 гг. В нем числятся 366 человек, все они увековечены на мемориальной стеле в поселке Терскол [Тетуев 2019: 167–168; Тилова 2015: 21].

В целях патриотического воспитания граждан используются фонды музеев. Специальные экспозиции и документальные фонды по истории Великой Отечественной войны традиционно существуют во всех республиканских музеях – Национальном музее Кабардино-Балкарской Республики, Музее обороны Приэльбрусья в поселке Терскол¹ [К 75-летию... 2020].

¹ К 75-летию Великой Победы // Национальный музей Кабардино-Балкарской республики: сайт. URL: <http://museum-kbrglav.ru/publications/k-75-letiju-pobedy-23> (дата обращения: 12.10.2020).

Поисковики Мартыновского района Ростовской области под руководством Александра Мартынова сумели восстановить имена 522 погибших воинов 115-й Кабардино-Балкарской кавалерийской дивизии. Их имена занесены в памятники, установленные в хуторах Ново-Николаевка, Московский Мартыновского района [Тетуев 2019: 167–168].

Заслуживает внимания опыт работы по сохранению памяти имен погибших при защите Отечества, накоплен в региональной общественной организации «Союз ветеранов Группы войск в Германии» по КБР (ответственный секретарь – Беслан Гуляжинов). По инициативе Б. Гуляжинова в 2010, 2013 гг. были организованы автопробеги по местам боевых действий 115-й кавдивизии. Делегация из Кабардино-Балкарии посадила на территории мемориального комплекса Большой Мартыновки туи, голубые ели, розы, привезенные с собой. В знак дружбы между жителями КБР и Мартыновского района флаги Ростовской области и Кабардино-Балкарской Республики в июле 2012 года были водружены на вершину горы Эльбрус [По долинам... 2013].

Работа по патриотическому воспитанию детей и молодежи в Кабардино-Балкарской Республике осуществляется через системные мероприятия, которые реализуются исполнительными органами государственной власти, органами местного самоуправления, учреждениями системы образования, здравоохранения, культуры, спорта, молодежной политики, социально ориентированными некоммерческими организациями, добровольческими объединениями, образующими общественно-государственное партнерство.

В целях оказания методической и практической помощи специалистам по работе с детьми и молодежью, специалистам в области патриотического воспитания, а также участникам и руководителям патриотических общественных объединений, организованы выездные региональные семинары-совещания на тему «Изучение, обобщение и распространение опыта работы муниципальных образований КБР по патриотическому воспитанию детей и молодежи» в городском округе Баксан и Майском муниципальном районе¹.

Большое значение в патриотическом воспитании молодежи имеет популяризация государственных символов России. В этих целях было принято распоряжение Президента Российской Федерации от 7 декабря 2004 года «О реализации Программы мероприятий по популяризации государственных символов России до 2010 г.». Во исполнение данного документа правительство КБР было принято распоряжение от 20.01.2005 года «О мерах по выполнению распоряжения Президента Российской Федерации». Как известно, использование государственных символов России в Кабардино-Балкарской Республике, в том числе и в муниципальных образованиях, осуществляется в

¹ Отчет Министерства просвещения, науки и по делам молодежи Кабардино-Балкарской Республики о ходе реализации и оценке эффективности подпрограммы «Патриотическое воспитание граждан в Кабардино-Балкарской Республике» государственной программы Кабардино-Балкарской Республики «Развитие образования в Кабардино-Балкарской Республике» за 2018 год // Министерство просвещения, науки и по делам молодежи: сайт. URL: https://pravitelstvo.kbr.ru/oigv/minobr/proekty_i_programmy/godovoy_otchet_o_realizatsii_programm.php (дата обращения: 22.10.2019).

соответствии с Федеральным конституционным законодательством. В целях координации работы по созданию официальной местной символики, содействию проведения единой государственной политики в области геральдики на территории КБР распоряжением Президента КБР от 18.09.1994 года была образована геральдическая комиссия при Президенте Кабардино-Балкарской Республики. Для пропаганды среди населения республики государственной символики России специально издан красочный буклет с изображением флагов и гербов России и Кабардино-Балкарской Республики в цвете, где помещены также тексты гимнов России и Кабардино-Балкарской Республики. В последние годы в школах республики ведется целенаправленная работа по популяризации государственных символов России и КБР, ежегодно проходят торжественные мероприятия, приуроченные ко Дню Государственного флага Российской Федерации [Тетуев 2010: 35, 36]. В образовательных учреждениях проходят «Уроки гражданина России», «Уроки Конституции Российской Федерации». Значительная работа по патриотическому воспитанию граждан проводится библиотеками республики, которые координируют свою работу с деятельностью образовательных и культурных учреждений, Советами ветеранов войны и труда. В Государственной национальной библиотеке им. Т.К. Мальбахова был проведен историко-познавательный турнир «Символы России и КБР»¹.

Оснащение всех общеобразовательных школ компьютерной техникой создало условия для использования новых информационных технологий в процессе изучения региональной истории и контроля знаний учащихся. Практикуется проведение кино-теле-видеоуроков. Так, в МОУ «СОШ № 6 г.о. Нальчик» практикуется проведение компьютерных уроков по темам: «Никто не забыт, ничто не забыто», «Награды Великой Отечественной войны». Важно, что эта работа ведется совместно с ветеранскими организациями республики. Вместе с ветеранами (пенсионерами) войны, труда, Вооруженных Сил и правоохранительных органов ученики проводят дни воинской славы и памятных дат России.

В практику военно-патриотической работы МОУ «СОШ № 6 г.о. Нальчик» вошли смотр-конкурс чтецов на военную тематику, интеллектуальная игра – брейн-ринг учащихся 8–11-х классов по знанию истории вооруженных сил России и основных судьбоносных событий Великой Отечественной войны. Более 15 лет школа является постоянным участником вахты Памяти на «Посту № 1» у мемориала «Вечный огонь славы». В организации и проведении краеведческой работы заслуживает внимания опыт работы учителей истории МОУ «СОШ № 6 г.о. Нальчик» по изучению темы «Великая Отечественная Война 1941–1945 гг.» [Тетуев 2010: 35, 36, 37].

В целях оценки уровня знания граждан, привлечения внимания к отечественной истории в республике проведены международные акции «Тест

¹ Историко-познавательный турнир «Символы России и КБР» (Отчет ГНБ за 2018 г.) // Государственная национальная библиотека им. Т.К. Мальбахова: сайт. URL: https://xn--90aae3anv.xn--p1ai/?page_id=181 (дата обращения: 12.10.2020).

по истории Великой Отечественной войны» и «Тест по истории Отечества». Всего в тестировании по истории Великой Отечественной войны в 2017 г. приняли участие 3108 человек республики. Средний возраст тех, кто прошел тест, – 16–18 лет. Результаты теста показали, что участники акции довольно хорошо знают историю Великой Отечественной войны¹. В 2018 году участниками акции по истории Отечества стали 3793 человек в возрасте от 13 до 68 лет. Большинство участников (85,9%) – учащиеся образовательных организаций. Средний балл за тест в КБР составил 25,5 баллов. Максимальное количество баллов (40 баллов) набрали 4,3% участников².

Анализ изучаемой проблемы показал, что в Кабардино-Балкарии создана система патриотического воспитания граждан, включающая региональный координационный совет по патриотическому воспитанию граждан, нормативную правовую базу и комплекс мероприятий, проводимых в сфере патриотического воспитания граждан. Вместе с тем в связи дефицитом регионального бюджета финансирование республиканских целевых программ осуществляется не в полном объеме. Так, в 2017 г. на реализацию подпрограммы «Патриотическое воспитание граждан в Кабардино-Балкарской Республике» государственной программы Кабардино-Балкарской Республики «Развитие образования в Кабардино-Балкарской Республике» было выделено 1 189 900 руб. (29,9% от плановых показателей), в 2018 г. – 3.874 748 руб. (61,9% от плановых показателей)³.

Кроме того, сказывается отсутствие независимых от исполнителей формы мониторинга и анализа результатов реализации государственных программ. Имеются проблемы и в подготовке специалистов по вопросам работы с молодежью и патриотического воспитания.

¹ Проведена международная акция «Тест по истории Великой Отечественной войны» // Министерство просвещения, науки и по делам молодежи Кабардино-Балкарской Республики: сайт. URL: https://pravitelstvo.kbr.ru/oigv/minobr/index.php?ELEMENT_ID=14899 (дата обращения: 12.10.2020).

² Итоги участия КБР в Международной акции «Тест по истории Отечества» // ГБУ «Центр оценки качества образования, профессионального мастерства и квалификации педагогов» Министерства просвещения, науки и по делам молодежи КБР: сайт URL: http://kbrcmiso.ru/attachments/article/120/itogi_test2018.docx (дата обращения: 12.09.2020).

³ Отчет Министерства просвещения, науки и по делам молодежи Кабардино-Балкарской Республики о ходе реализации и оценке эффективности подпрограммы «Патриотическое воспитание граждан в Кабардино-Балкарской Республике» государственной программы Кабардино-Балкарской Республики «Развитие образования в Кабардино-Балкарской Республике» за 2018 год // Министерство просвещения, науки и по делам молодежи: сайт. URL: https://pravitelstvo.kbr.ru/oigv/minobr/proekty_i_programmy/godovoy_otchet_o_realizatsii_programm.php (дата обращения: 22.10.2019).

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Андреева 2008 – *Андреева Е.Е.* Нормативно-правовые основы гражданско-патриотического воспитания в России // Педагогическое образование в России. – 2008. – № 2. – С. 69–74.

Архипова и др. 2017 – *Архипова А.С., Доронин Д.Ю., Кирзюк А.А., Радченко Д.А., Соколова А.Д., Титков А.С., Югай Е.Ф.* Война как праздник, праздник как война: перформативная коммеморация Дня Победы // Антропологический форум. – 2017. – № 33. – С. 84–22.

Бешкинская, Миллер 2020 – *Бешкинская В.С., Миллер А.И.* Страдания, подвиг тыла и общая ответственность за войну // Россия в глобальной политике. – 2020. – Т. 18. – № 5 (105). – С. 60–88.

Бутулис, Зунда 2010 – *Бутулис И., Зунда А.* История Латвии. – Рига: Юмава, 2010. – С. 160–163.

Грибан 217 – *Грибан О.Н.* Трансформируя память: отражение Второй мировой войны в компьютерных играх // Педагогическое образование в России. – 2017. – № 2. – С. 32–38.

Гуртуев 2015 – *Гуртуев Р.С.* Память и слава // Кабардино-Балкарская правда (учредитель: Правительство и Парламент КБР). – Нальчик, 2015. – 6 мая – № 79 (24121). – С. 3.

Зимин 2020 – *Зимин В.А.* О патриотическом воспитании молодежи на территории Самарского региона Память о прошлом // Сборник докладов и сообщений IX историко-архивного форума / Составители О.Н. Солдатова, Г.С. Пашковская. – Самара: ФКУ «Российский государственный архив в г. Самаре, 2020. – С. 334–343.

Книга Памяти... 2014-2016 – *Книга Памяти:* Российская Федерация. Кабардино-Балкарская Республика: в 4-х т / Ред. коллегия: К.Ф. Дзамихов (председатель) и др.; Сост. О.Л. Опрышко, А.И. Тегуев, Х.А. Атабиев. – Нальчик: Эльбрус, 2014. – Том I. – 448 с.; 2015. – Том II. – 408 с.; 2015. – Том III. – 424 с.; 2016. – Том IV. – 424 с.

Конституция РФ... 2020 – *Конституция Российской Федерации* (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ, от 05.02.2014 N 2-ФКЗ, от 01.07.2020 N 11-ФКЗ). – М.: Эксмо, 2020. – 64 с.

Конституция КБР... 2015 – *Конституция Кабардино-Балкарской Республики* (в редакции от 19 октября 2015 г.). – Нальчик, 2015. – 47 с.

Концепция... 2003 – *Концепция патриотического воспитания граждан Российской Федерации от 21 мая 2003 г.* (одобрена на заседании правительственной комиссии по социальным вопросам военнослужащих, граждан, уволенных с военной службы и членов их семей). Протокол № 2(12) от 21 мая 2003 г. // Концепция патриотического воспитания граждан Российской Федерации. – М.: Рос. гос. воен. ист.-культур. центр при Правительстве Рос. Федерации. – 2003. – 23 с.

Михайлова 2015 – *Михайлова Е.М.* Историческая память о героике в Великой Отечественной войне как фактор воспитания патриотизма и национального самосознания молодежи // Вестник Российского университета кооперации. – 2015. – № 2 (20). – С. 138–143.

Павлий и др. 2019 – *Павлий А.И., Зотов И.В., Шаваринский Б.М.* Патриотическое воспитание студентов высших учебных заведений // Воспитание в современной образовательной среде. Материалы межрегиональной научно-практической конференции. – Санкт-Петербург: Ленинградский областной институт развития образования, 2019. – С. 82–88.

Патриотическое воспитание... 2015 – *Патриотическое воспитание молодежи в Российской Федерации: состояние, актуальные проблемы и направления развития.* Сборник материалов "круглого стола" на тему «Опыт субъектов Российской Федерации по военно-патриотическому воспитанию молодежи». – М.: Издание Совета Федерации, 2015. – 207 с.

По долинам... 2013 – *По долинам и по взгорьям шла дивизия вперед* // Военные знания. – 2013. – № 8. – С. 10.

Попп, Шахнович 2018 – *Попп И.А., Шахнович И.С.* Государственная политика по сохранению исторической памяти граждан Российской Федерации: нормативно-правовой аспект // Педагогическое образование в России. – 2018. – № 12. – С. 42–49.

Сергеев 2019 – *Сергеев Т.С.* Военно-патриотическое воспитание студенческой молодежи Чувашии на материалах истории Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. // Актуальные проблемы социогуманитарных дисциплин. Материалы LVIV конференции преподавателей и студентов ЧГПУ им. И.Я. Яковлева по итогам научно-исследовательской работы за 2018. – Чебоксары: Чувашский государственный педагогический университет им. И.Я. Яковлева, 2019. – С. 158–166.

Симонова, Удалов 2017 – *Симонова М.М., Удалов Д.Э.* Правовые основы патриотического воспитания в Российской Федерации // Наука и школа. – 2017. – № 2. – С. 32–36.

Тетуев 2019 – *Тетуев А.И.* Историческая память о Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. (на примере Кабардино-Балкарии) // Вопросы истории. – 2019. – № 7. – С. 158–171.

Тетуев 2016 – *Тетуев А.И.* Книга памяти как фактор патриотического воспитания молодежи // Преподавание истории в школе. – 2016. – № 8. – С. 35–40.

Тетуев 2014 – *Тетуев А.И.* Патриотическое воспитание учащихся на материалах истории Великой Отечественной войны // Преподавание истории в школе. – 2014. – № 10. – С. 32–37.

Тетуев 2010 – *Тетуев А.И.* Патриотическое воспитание молодежи как основа консолидации общества // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. – 2010. – № 2. – С. 34–38.

Тилова 2015 – *Тилова Ф.Ч.* Мемориал Эльбрус 1945–2015. – Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых, 2015. – 33 с.

REFERENCES

ANDREEVA E.E. *Normativno-pravovye osnovy grazhdansko-patrioticheskogo vospitaniya v Rossii* [Legal and regulatory frameworks for civil-patriotic education]. IN: *Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii*. – 2008. – No. 2. – P. 69–74. (In Russian)

ARKHIPOVA A.S., DORONIN D.Yu., KIRZYUK A.A., RADCHENKO D.A., SOKOLOVA A.D., TITKOV A.S., YUGAI E.F. *Voina kak prazdnik, prazdnik kak voina: performativnaya kommemoratsiya Dnya Pobedy* [War as a holiday, holiday as war: a performative commemoration of Victory Day]. IN: *Antropologicheskii forum*. – 2017. – No. 33. – P. 84–22. (In Russian)

BESHKINSKAYA V.S., MILLER A.I. *Stradaniya, podvig tyla i obshchaya otvetstvennost' za voynu* [Suffering, the feat of the rear and the general responsibility for the war]. IN: *Rossiya v global'noi politike*. – 2020. – Vol. 18. – No. 5 (105). – P. 60–88. (In Russian)

BUTULIS I., ZUNDA A. *Istoriya Latvii* [History of Latvia]. – Riga: Yumava, 2010. – P. 160–163. (In Russian)

GRIBAN O.N. *Transformiruya pamyat': otrazhenie Vtoroi mirovoi voiny v komp'yuternykh igrakh* [Transforming memory: reflection of the Second World War in computer games]. IN: *Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii*. – 2017. – No. 2. – P. 32–38. (In Russian)

GURTUEV R.S. *Pamyat' i slava* [Memory and glory]. IN: *Kabardino-Balkarskaya pravda*. – Nalchik, 2015. – 6 may – No. 79 (24121). – P. 3. (In Russian)

Kniga Pamyati: Rossiiskaya Federatsiya. Kabardino-Balkarskaya Respublika: v 4-kh t / Red. kollegiya: K.F. Dzamikhov i dr.; Sost. O.L. Opryshko, A.I. Tetuev, Kh.A. Atabiev [Memory Book: Russian Federation. Kabardino-Balkar Republic: in 4 volumes / Editorial board: K.F. Dzamikhov and others; Compiled by O.L. Opryshko, A.I. Tetuev, Kh.A. Atabiev]. – Nalchik: El'brus, 2014. – Vol. I. – 448 p.; 2015. – Vol. II. – 408 p.; 2015. – Vol. III. – 424 p.; 2016. – Vol. IV. – 424 p. (In Russian)

Konstitutsiya Kabardino-Balkarskoi Respubliki (v redaktsii ot 19 oktyabrya 2015 g.) [Constitution of the Kabardino-Balkarian Republic (as amended on October 19, 2015)]. – Nalchik, 2015. – 47 p. (In Russian)

Konstitutsiya Rossiiskoi Federatsii (prinyata vsenarodnym golosovaniem 12.12.1993) (s uchetom popravok, vnesennykh Zakonami RF o popravkakh k Konstitutsii RF ot 30.12.2008 N 6-FKZ, ot 30.12.2008 N 7-FKZ, ot 05.02.2014 N 2-FKZ, ot 01.07.2020 N 11-FKZ) [The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993) (taking into account the amendments introduced by the Laws of the Russian Federation on amendments to the Constitution of the Russian Federation of 30.12.2008 N 6-FKL, of 30.12.2008 N 7-FKL, of 05.02.2014 N 2-FKL, from 01.07.2020 N 11-FKL)]. – M.: Eksmo, 2020. – 64 p. (In Russian)

Kontseptsiya patrioticheskogo vospitaniya grazhdan Rossiiskoi Federatsii ot 21 maya 2003 g. (odobrena na zasedanii pravitel'stvennoi komissii po sotsial'nym voprosam voennosluzhashchikh, grazhdan, uvolennykh s voennoi sluzhby i chlenov ikh semei). Protokol No. 2(12) ot 21 maya 2003 g. [The concept of patriotic education of citizens of the Russian Federation dated May 21, 2003 (approved at a meeting of the government commission on social issues of military personnel, citizens dismissed from military service and their family members). Protocol No. 2 (12) dated May 21, 2003]. IN: *Kontseptsiya patrioticheskogo vospitaniya grazhdan Rossiiskoi Federatsii* [The concept of patriotic education of citizens of the Russian Federation]. – M.: Ros. gos. voen. ist.-kul'tur. tsentr pri Pravitel'stve Ros. Federatsii. – 2003. – 23 p. (In Russian)

MIKHAILOVA E.M. *Istoricheskaya pamyat' o geroike v Velikoi Otechestvennoi voine kak faktor vospitaniya patriotizma i natsional'nogo samosoznaniya molodezhi* [Historical memory of heroism in the Great Patriotic War as a factor in the education of patriotism and national self-awareness of youth]. IN: *Vestnik Rossiiskogo universiteta kooperatsii*. – 2015. – No. 2 (20). – P. 138–143. (In Russian)

Patrioticheskoe vospitanie molodezhi v Rossiiskoi Federatsii: sostoyanie, aktual'nye problemy i napravleniya razvitiya. Sbornik materialov "kruglogo stola" na temu «Opyt sub"ektov Rossiiskoi Federatsii po voenno-patrioticheskomu vospitaniyu molodezhi» [Patriotic education of youth in the Russian Federation: state of affairs, topical problems and directions of development. Collection of materials of the "round table" on the topic "The experience of the constituent entities of the Russian Federation in the military-patriotic education of youth"]. – M.: Izdanie Soveta Federatsii, 2015. – 207 p. (In Russian)

PAVLII A.I., ZOTOV I.V., SHAVARINSKII B.M. *Patrioticheskoe vospitanie studentov vysshikh uchebnykh zavedenii* [Patriotic education of students of higher educational institutions]. IN: *Vospitanie v sovremennoi obrazovatel'noi srede. Materialy mezhhregional'noi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Education in a modern educational environment. Materials of the interregional scientific and practical conference]. – Sankt-Petersburg: Leningradskii oblastnoi institut razvitiya obrazovaniya, 2019. – P. 82–88. (In Russian)

Po dolinam i po vzgor'yam shla diviziya vpered [In the valleys and in the hills, the division marched forward]. IN: *Voennye znaniya*. – 2013. – No. 8. – P. 10. (In Russian)

POPP I.A., SHAKHNOVICH I.S. *Gosudarstvennaya politika po sokhraneniyu istoricheskoi pamyati grazhdan Rossiiskoi Federatsii: normativno-pravovoi aspekt* [State policy for preserving the historical memory of citizens of the Russian Federation: regulatory aspect]. IN: *Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii*. – 2018. – No. 12. – P. 42–49. (In Russian)

SERGEEV T.S. *Voенно-patrioticheskoe vospitanie studencheskoi molodezhi Chuvashii na materialakh istorii Velikoi Otechestvennoi voiny 1941–1945 gg.* [Military-patriotic education of student youth of Chuvashia on the materials of the history of the Great Patriotic War of 1941–1945]. IN: *Aktual'nye problemy sotsiogumanitarnykh distsiplin. Materialy LVIV konferentsii prepodavatelei i studentov ChGPU im. I.Ya. Yakovleva po itogam nauchno-issledovatel'skoi raboty za 2018* [Actual problems of socio-humanitarian disciplines. Materials of the LVIV conference of teachers and students of CSPU named after I.Ya. Yakovlev based on the results of research work for 2018]. – Cheboksary: Chuvashskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet im. I.Ya. Yakovleva, 2019. – P. 158–166. (In Russian)

SIMONOVA M.M., UDALOV D.E. *Pravovye osnovy patrioticheskogo vospitaniya v Rossiiskoi Federatsii* [Legal bases of patriotic education in the Russian Federation]. IN: *Nauka i shkola*. – 2017. – No. 2. – S. 32–36. (In Russian)

TETUEV A.I. *Istoricheskaya pamyat' o Velikoi Otechestvennoi voine 1941-1945 gg. (na primere Kabardino-Balkarii)* [Historical memory of the Great Patriotic War of 1941-1945 (on the example of Kabardino-Balkaria)]. IN: *Voprosy istorii*. – 2019. – No. 7. – P. 158–171. (In Russian)

TETUEV A.I. *Kniga pamyati kak faktor patrioticheskogo vospitaniya molodezhi* [The book of memory as a factor in the patriotic education of young people]. IN: *Prepodavanie istorii v shkole*. – 2016. – No. 8. – P. 35–40. (In Russian)

TETUEV A.I. *Patrioticheskoe vospitanie molodezhi kak osnova konsolidatsii obshchestva* [Patriotic education of young people as the basis for the consolidation of society]. IN: *Vestnik Kalmytskogo instituta gumanitarnykh issledovaniy RAN*. – 2010. – No. 2. – P. 34–38. (In Russian)

TETUEV A.I. *Patrioticheskoe vospitanie uchashchikhsya na materialakh istorii Velikoi Otechestvennoi voiny* [Patriotic education of students on the materials of the history of the Great Patriotic War]. IN: *Prepodavanie istorii v shkole*. – 2014. – No. 10. – P. 32–37. (In Russian)

TILOVA F.Ch. *Memorial El'brus 1945–2015* [Memorial Elbrus 1945–2015]. – Nalchik: Izdatel'stvo M. i V. Kotlyarovykh, 2015. – 33 p. (In Russian)

ZIMIN V.A. *O patrioticheskom vospitanii molodezhi na territorii Samarskogo regiona Pamyat' o proshlom* [On patriotic education of youth on the territory of the Samara region Memory of the past]. IN: *Sbornik докладов i soobshchenii IX istoriko-arkhivnogo foruma / Sostaviteli O.N. Soldatova, G.S. Pashkovskaya* [Collection of reports and messages of the IX Historical and Archival Forum / Compiled by O. N. Soldatova, G.S. Pashkovskaya]. – Samara: FKU «Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv v g. Samare, 2020. – P. 334–343. (In Russian)

ФОЛЬКЛОР И ЛИТЕРАТУРА НАРОДОВ КAVKAZA

УДК 811.512.14+398.91+82

DOI 10.31143/2542-212X-2021-1-158-170

**КОНЦЕПТ КЁЗ / ГЁЗ («ГЛАЗ») В КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОЙ И
КУМЫКСКОЙ НАЦИОНАЛЬНЫХ КАРТИНАХ МИРА****М.Б. КЕТЕНЧИЕВ**

*Кабардино-Балкарский государственный университет имени Х.М. Бербекова
360004, КБР, г. Нальчик, ул. Чернышевского 173
E-mail: ketchiev@mail.ru*

А.Т. АКАМОВ

*Институт языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы
367000, Республика Дагестан г. Махачкала, ул. М. Гаджиева 45
E-mail: iyalidnc@mail.ru*

Аннотация. Статья посвящена концепту кёз / гёз («глаз»), представляющему собой один из важных сегментов национальной картины мира, что детерминируется релевантностью зрительной перцепции для познания окружающей действительности, представления социума о которой аккумулированы в специальных пластах лексики и в закодированном виде наличествуют в карачаево-балкарском и кумыкском паремических фондах, а также в авторских художественных текстах. Поливекторному анализу подвергнуты лингвокультурологические характеристики лексических и фразеологических единиц языка, связанных с репрезентацией этнокультурно маркированных значений вышеозначенного соматизма. Кроме того, выявлена и описана специфика мировосприятия носителей карачаево-балкарского и кумыкского языков, непосредственно связанная с системой стереотипов и представлений, отражающих антропоморфный код культуры, представленный в паремических высказываниях. Определен функционально-семантический и этнокультурный потенциал рассматриваемой концептуальной лексемы в художественных произведениях карачаево-балкарских и кумыкских авторов.

Ключевые слова: карачаево-балкарский язык; кумыкский язык; соматизм кёз/гёз; паремия; художественный текст; картина мира.

**THE CONCEPT OF KÖZ / GÖZ ("EYE") IN KARACHAY-BALKARIAN AND
KUMYK NATIONAL PICTURES OF THE WORLD****M.B. KETCHIEV**

Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov
360004, KBR, Nalchik, Chernyshevsky str., 173
E-mail: ketchiev@mail.ru

A.T. AKAMOV

Institute of Language, Literature and Art named after G. Tsadasa
367000, Republic of Dagestan, Makhachkala, M. Gadzhiev str., 45
E-mail: iyalidnc@mail.ru

Abstract. This article focuses on the concept of *köz / göz* ("eye"), which is one of the important segments of the national picture of the world, that is determined by the relevance of visual perception for the knowledge of reality and accumulated in a special vocabulary and presented in Karachay-Balkarian and Kumyk paremic funds in encrypted form and in the author's fiction. The linguoculturological characteristics of lexical and phraseological units of the language associated with the representation of ethno-culturally marked meanings of the above-mentioned somatism are subjected to polyvector analysis. In addition, the author identifies and describes the specifics of the world perception of native speakers of the Karachay-Balkarian and Kumyk languages, directly related to the system of stereotypes and representations that reflect the anthropomorphic cultural code, presented in paremic utterances. The functional-semantic and ethno-cultural potential of the considered conceptual lexeme in the artistic works of Karachay-Balkarian and Kumyk authors is determined.

Keywords: Karachay-Balkarian language; Kumyk language; somatism *köz / göz*; paremia; literary text; picture of the world.

В последние годы в филологической науке соматической лексике уделяется значительное внимание, особенно в связи с современными тенденциями развития гуманитарного знания, что сопряжено как с интерпретацией причин появления того или иного языкового феномена, так и закономерностями его функционирования в текстах различной жанровой отнесенности. Систематизация и поливекторный анализ данного пласта лексики дает возможность выявить и описать то, как носитель определенного языка и культуры осмысливает «окружающую действительность, проецируя на мироздание и социум структуру своего тела и функции его частей» [Букулова 2006: 5].

Соматизмы активно используются в карачаево-балкарской и кумыкской литературах с целью актуализации эстетической функции художественного, особенно поэтического, текста, а также репрезентации национальной картины мира, на что указывается в специальных литературоведческих исследованиях [Ханмурзаева 1994; Бауаев 2016].

Следует отметить и тот факт, что соматизмы являются облигаторными элементами значительного количества паремий, функционирующих в любом этносе. В этом отношении в составе карачаево-балкарских и кумыкских пословиц и поговорок наибольшими функционально-семантическими возможностями отличается лексема *кѣз / гѣз* («глаз»), что вполне объяснимо, поскольку зрение представляет собой весьма релевантную перцепцию человека, благодаря которой он познает окружающую действительность,

которая в аккумулятивном виде закодирована в паремическом фонде карачаевцев, балкарцев и кумыков.

Рассматриваемые народные выражения давно привлекают внимание исследователей. В первую очередь они собраны, систематизированы и представлены фольклористами в различных сборниках [Балкарские пословицы и поговорки 1982; Карачаевские пословицы и поговорки 1963; Карачаево-балкарский фольклор 1996; Гаджихмедов 2017]. Кроме того, актуализируется их жанровая интерпретация [Гулиева (Занукоева) 2020] и тематическое многообразие [Алимурадова 2010; Ортабаева 1991]. Следует отметить и вклад языковедов в раскрытие собственно лингвистических характеристик паремий, которые традиционно освещали проблемы разграничения фразеологических единиц от пословиц и поговорок [Даибова 1973; Отаров 1996: 134–138], а также их грамматических особенностей [Абдурахманова, Идрисова 2016; Аппоев Ас.К., Аппоев Ал.К. 2012].

Однако современная гуманитарная наука антропоцентрической направленности предполагает выявление и системное описание этнокультурных составляющих устойчивых выражений языка, что отмечается в трудах, посвященных различным аспектам карачаево-балкарских и кумыкских паремий. В такого рода исследованиях значимые концептуальные понятия рассматриваются как манифестанты картины мира [Ахматова, Кетенчиев 2018; Гаджихмедов, Султанов 2019; Гелястанова 2015]. К ним можно отнести слово-концепт, представляющее собой особое ментальное образование, отражающее один из значимых сегментов национальной картины мира. С ней тесно сопряжена и так называемая паремиологическая картина мира, формирующаяся в результате когниции социумом окружающей действительности и закрепления накопленного при этом опыта в национальном сознании посредством паремических единиц речи.

Исходя из вышеизложенного, в данной работе мы ставим перед собой цель рассмотреть концепт *кѣз / гѣз* («глаз») с опорой на карачаево-балкарский и кумыкский лексические и пословичные фонды, а также с учетом материала, представленного в художественных произведениях, выявить и описать его этнокультурно маркированные составляющие.

На сегодняшний день в гуманитарной науке на первый план вышли проблемы взаимоотношения языка, мышления и культуры, а также процессы, сопряженные с межкультурным общением. Дело в том, что трансформация векторов научного анализа языковых единиц привела к необходимости выявления и описания их этнокультурных составляющих. В этом отношении несомненный интерес вызывает соматическая лексика тюркских языков, в том числе карачаево-балкарского и кумыкского. В данной работе мы обратимся к соматизму *кѣз / гѣз* («глаз»), который в значительной степени связан с антропоморфным кодом культуры, позволяющим определить «систему символов и эталонов, стереотипов национальной культуры, находящих отражение в языковом фонде языка, выявляет специфику мировосприятия носителей языка и культуры» [Гукетлова 2009: 108].

Для носителей карачаево-балкарского и кумыкского языков релевантны определенные стереотипы, связанные с восприятием глаз. Говоря о красоте глаз, карачаевцы, балкарцы и кумыки большое внимание уделяют их цвету, при этом предпочтение отдается светлым и черным глазам, для обозначения которых употребительны адъективные сложные лексемы *алакёз/алагёз* «светлоглазый», *кёккёз / гёкгёз* «голубоглазый, синеглазый, сероглазый», *къаракёз / къарагёз* «черноглазый», функционирующие и в качестве личных имен, а также прозвищ животных. Для характеристики красоты глаз носители карачаево-балкарского и кумыкского языков часто используют прилагательные типа *маралкёз / маралгёз* «с большими красивыми глазами (о женщине)», *танакёз / танагёз* «с большими красивыми глазами», среди которых встречаются и специфичные для карачаево-балкарской лингвокультуры номинации глаз: *дугъумкёз* «имеющий черные-пречерные глаза», *налмаскёз* «с блестящими красивыми глазами». Ср. также их трансформы, представляющие собой устойчивые дескрипции: *марал кёзле / марал гёзлер* – досл. «маральи глаза»; *тана кёзле / тана гёзлер* – досл. «телячьи глаза»; *дугъум кёзле* – досл. смородиновые глаза; *налмас кёзле* – досл. «алмазные глаза». Подобные языковые единицы появляются в результате сравнения человеческих глаз с глазами животных, с растениями и драгоценными камнями. В таких сочетаниях имеет место языковая метафора, в основе которой «лежат объективированные ассоциативные связи, отражаемые в коннотативных признаках, несущих сведения либо об обиходно-практическом опыте данного языкового коллектива, либо о его культурно-историческом знании» [Телия 1996: 192].

Особого внимания в контексте нашей работы заслуживает адъектив *чолпанкёз* «имеющий большие красивые глаза», в котором глаза, особенно женские, уподобляются планете «Венера». Она для тюрков «представляет собой обобщенный образ прекрасного: кум. *çolpanlardaj gözleri* ‘Ее глаза как Венера’ – утренняя звезда; кирг. *balanyn çolponu* ‘прекрасный ребенок’» [Сравнительно-историческая грамматика... 2006: 335]. В этом случае имеет место актуальная метафоризация в тюркской лингвокультуре такой существенной характеристики глаз, как сверкание: «именно яркость звезды лежит в основе метафоры *Чолпан деген – алтын жулдуз* ‘Чолпан – золотая звезда’, поскольку Венера имеет ярко-белый или золотисто-желтый блеск» [Башиева, Кетенчиев 2017: 189].

В ряде адъективов заложена характеристика собственно физических характеристик глаз, их прищур, раскосистость, острота зрения и т.п.: *жумукъкёз / сюзмекгёз* «с прищуренными глазами», *къыйшыкъгёз / къыйшыкъгёз* «косоглазый», *жютюкёз / иттигёз* «остроглазый», *къыраукёз / къыравгёз* «подслеповатый».

Такие лексемы, как *укукёз / кикимавгёз* «имеющий совиные (большие круглые) глаза», *макъакёз / бакъагёз* «имеющий лягушачьи (большие выпученные) глаза» имеют сниженную коннотацию. Подобные глаза не соответствуют принятой в этносе общей норме, иначе говоря, их обладатели не воспринимаются красивыми.

Глаза могут характеризовать человека по признаку добродетели, например, доброты: *къой кёзлю / къой гёзлю* «имеющий овечьи (добрые) глаза». Такая дескрипция достаточно архетипична, она встречается, например, в текстах карачаево-балкарского нартского эпоса: *Къонгур мыйыкълы, къой кёзлю, ётюрюксюз, кеси тамам бир сёзлю* «С бурыми усами, овечьими глазами, без вранья, человек слова». Такая характеристика дается одному из главных положительных героев эпоса Ёрюзмеку.

В паремиологическом фонде карачаевцев, балкарцев и кумыков наличествует значительный пласт пословиц и поговорок с соматизмом *кёз / гёз* «глаз». По нашим подсчетам, их среди кумыкских паремий насчитывается свыше семисот, среди карачаево-балкарских – более пятисот. Такое обилие паремий с указанным компонентом обуславливается функциональными особенностями перцепции «зрение». Как отмечается в специальной научной литературе, содержание человеческого мышления, базирующееся на зрительном восприятии, организуется посредством определенной модели окружающей нас действительности, зрение же есть «основной поставщик информации для многих представителей животного мира. Считается, что 90 % информации о внешнем мире поступает к нам через глаза» [Глезер 1985: 3].

Ядро их составляют паремии типа *Кёз – кёрюр ючюн / Гёз – гёрмек учун* «Глаза – чтобы видеть»; *Кёз кёрюр ючюн – акъыл билир ючюн / Гёз гёрмек учун – гъакъыл билмек учун* «Глаза для того, чтобы видеть – ум для того, чтобы знать»; *Кёз бла кёр – тил бла бил / Гёз булан гёр – тил булан бил* «Глазами увидь – языком познай»; *Кёз кёргенни баш ангыласын / Гёз гёргенни баш ангыласын* «Увиденное глазами голова пусть поймет»; *Кёзю жокъну кеси жокъ / Гёзю ёкъну оъзю ёкъ* «У кого нет глаз, того самого нет»; *Кёзню ачылгъаны иги, ауузну жабылгъаны иги / Гёзню ачыгъы яхшы, авузну ябугъу яхшы* «Глаза хороши открытые, рот хорош закрытый»; *Кёзю жанмагъан да бир, уянмагъан да бир* «У кого глаза не горят и не проснувшийся – одно и то же». В них закодирована информация, связанная с основной функцией глаз, заключающейся в познании мира.

Некоторые паремии носят дидактический характер – советуют не становиться на пути слепого человека, т.к. такой человек может доставить неприятности в силу своего физического недостатка: *Сокъурну аллына тюшме, сангырауну къолуна тюшме* «Не окажись на пути слепого, не окажись в руках глухого» / *Сокъурну къолуна тюшме – сангыравну тюбюне тюшме* «Не попадайся в руки слепого, не окажись под глухим».

Однако согласно мировосприятию этноса, опасен не слепой по природе человек, а тот, кто слеп в душе: *Кёзю сокъурдан къоркъма, кёлю сокъурдан къоркъ / Гёзю сокъурдан къоркъма – гёнгю сокъурдан къоркъ / Гёзю сокъурдан къоркъма – юреги сокъурдан къоркъ* «Не бойся человека со слепыми глазами, а бойся человека со слепой душой».

Представители карачаево-балкарского и кумыкского этносов считают, что глаза дают знать о том, что творится в душе у человека: *Кёлюндегин кёз билдирир* «Что в душе дают знать глаза»; *Гёз – гёнгюлюню гюзгюсюдюр* «Глаза – зеркало души». Поэтому как глаза, так и сказанные слова в функциональном

отношении признаются равноценными и взаимосвязанными: *Кёзюнгю ангыламагъан сёзюнгю ангыламаз* «Не понимающий [твоих] глаз слов [твоих] не поймет»; *Гёз де сёйлей сёзлени: сёзню тилмачы гёздюр* «Глаза тоже говорят: глаза переводчики души».

Носители языка в большей степени доверяют глазам, чем ушам, поскольку они дают более правдивую информацию. В пользу данного утверждения говорит тот факт, что карачаевцы, балкарцы и кумыки часто предваряют свой рассказ о чем-либо следующей устойчивой традиционной лингвокультурной формулой: *Кесим кёзюм бла кёргенни айтайым / Озьюм гёз булан гёргенни айтаман* «Расскажу то, что увидел собственными глазами». Перед повествованием употребительна и вопросительная конструкция: *Кёзюм бла кёргенними айтайым, кьулагъым бла эшитгенними айтайым?* «Мне рассказать увиденное или услышанное?». Такая конструкция хорошо представлена в фольклорном дискурсе. Здесь уместно отметить и поговорку *Меккадан келген – мен, хапар айтхан а – сен / Меккадан гелемен мен, хабар айтасан сен* «Из Мекки я пришел, а рассказываешь ты», употребляемую по отношению к несведущему человеку. Ср. также: *Кёз кёргенни кётлек женгер / Гёз гёргенин гётлек енге* «Того, кто видел, упрямец переспорит». Здесь речь идет о том, что очевидец при отсутствии напористости не сможет доказать свою правоту.

Глазам приписывается и такая черта, как пугливость: *Кёз кьоркьякъ да, кьол батыр / Гёз – кьоркьяч, кьол – батыр* «Глаза пугливы, а руки отважны». В данной поговорке актуализируется недостаточно адекватное восприятие глаз, т.е. первичное восприятие обманчиво и устраняется благодаря деятельности.

Рассматриваемые фонды поговорок отражают различные стороны жизнедеятельности этноса. Так, например, значимые этические и эстетические чувства человека (красота, любовь и т.п.) детерминируются его зрительной перцепцией: *Ариулукъ – кёзден, суймеклик – сёзден / Аривлюк – гёзден, суймеклик – сёзден* «Красота – от глаз, любовь – от слов»; *Кёз кёзню кёрсе, суймеклик тууар / Гёз гёзге тийсе, суюв хозгъалар* «Когда глаза встречаются друг с другом, любовь рождается»; *Кёз кёрдю – кёл суйдю / Гёзю гёрдю – гёнгюл суйдю* «Глаза увидели – душа полюбила»; *Кёзлеринги ачып аякъ бас / Гёзлерингни ачып бас аякъларынгни* «Наступай, глаза раскрыв».

Глаза релевантны и для интерперсональных отношений в сфере семейной жизни: *Бала – кёзню нюрю / Бала – гёзюнгни нюрю* «Дитя – зеница ока»; *Ана – баланы кёз жарыгъы / Ана – баланы гёзьярыгъы* «Мать – светоч глаз ребенка»; *Аналы баланы жюреги – токъ, балалы ананы кёзю – токъ / Аналы баланы юреги – токъ, балалы ананы гёзю – токъ* «У имеющего мать дитя сердце сытое, у матери, имеющей дитя, глаза сытые»; *Анасы барны кёлю ойнар – атасы барны кёзю ойнар / Анасы барны гёнгю ойнар – атасы барны гёзю ойнар* «У имеющего мать душа играет, у имеющего отца глаза играют».

Глаза, как правило, не находят покоя и ориентированы на вечный поиск, причем данное перцептивное действие сопряжено, с одной стороны, с ситуацией, с другой – предпочтениями и запросами того или иного представителя этноса: *Чабакъчыны кёзю – кьармакъда / Балыкъчыны гёзю –*

къармакъда «Глаза рыбака на удочке»; *Ачны кёзю – аида / Ачны гёзю – аида* «У голодного глаза на еде»; *Ачны кёзю – ётмекде / Ачны гёзю – экмекде* «У голодного глаза на хлебе»; *Байны кёзю – малда / Байны гёзю – малда* «У богатого глаза на скоте»; *Къатынны (къызыны) кёзю – алтында / Къатынны (къызыны) гёзю – алтында* «У женщины (девушки) глаза на золоте»; *Къачар къызыны кёзю – эшикде / Къачар къызыны гёзю – эшикде* «У девушки на выданье глаза на улице»; *Къызыны кёзю – къызылда / Къызыны гёзю – къызилда* «У девушки глаза на красном»; *Къызыны бир кёзю – аида, бир кёзю – жашда / Къызыны бир гёзю – аида, бир гёзю – яида* «У девушки один глаз на еде, другой – на парне».

Интересный материал дают карачаево-балкарские и кумыкские фразеологизмы с соматическим компонентом «глаза». Ряд из них репрезентирует ценностное отношение к кому-, чему-либо: *кёзю къарайды / гёзю къарай* «ему нравится» (досл. «его глаз смотрит»); *кёзюне-бурунуна сугъады / гёзюне-бурунуна сугъув* «ласкает кого» (досл. «сует в глаза и нос»); *кёз гинжича сакъла / гёзню бебейи йимик сакълав* «беречь (хранить) как зеницу ока» (досл. «беречь как зрачок») и др. Относительно любимого, ценимого человека употребительны: *кёз жарыгъы / гёз ярыгъы, кёз гинжиси / гёз бебейи* «свет очей».

Глазам приписываются магические свойства, т.е. носитель языка верит в отрицательное воздействие глаз человека на кого-, что-либо: *кёз тийди (жетди) / гёзю тиймек* «подвергнуться сглазу (дурному глазу)». О человеке с дурным глазом говорят, что у него плохие глаза (*аны кёзю аманды / гёзю яман*). Причем эта характеристика приписывается людям, относящимся к определенному роду, фамилии. Таких людей остерегаются и по сей день. Неслучайно значительным функциональным потенциалом отмечено пожелание *Кёзю амандан Аллах сакъласын / Гёзю ямандан Аллагъ сакъласын* «Да спасет Аллах от человека с дурным глазом». В свое время в качестве оберега от таких людей в обиходе применялась специальная черная бусинка с белыми крапинками, надеваемая от дурного глаза – *кёз мынчакъ / гёз минчагъы* «бусинка от глаза» (досл. «глазная бусинка»). Такую функцию выполнял и лоскут материи (обычно красной), который привязывался, например, к хвосту коровы (если эта корова была на сносях или только что отелилась) или на ветку плодового дерева с чрезмерным цветением.

Глаза являются индикатором состояния человека, что подтверждается материалом карачаево-балкарской и кумыкской фразеологии. Так, целый ряд фразеологизмов, доминантой которых является компонент *кёз / гёз*, репрезентируют состояние человека и «отражают образность мышления нации, которая является составной частью национального менталитета» [Гаджихмедов 2012: 59]: *кёз акълары айланды* «глаза закатились; прийти в ярость; умереть, перестать жить», *кёзден тохта / гёзден токътамакъ* «не видеть», *кёз жаш тёк / гёз яш тёкмек* «лить слезы», *кёзлери жандыла / гёзю яна* «глаза на лоб полезли», *кёзлери къарангы этдиле / гёзю къарангы этмек* «в глазах потемнело», *кёзюне жукъу кирмейди / гёзюне юху гелмей* «не смыкает глаз» и др.

Повеселевшие или поднятые глаза свидетельствуют о хорошем расположении духа: *кёзю жарыды / кёзю кётюрюлдю* «он повеселел». Играющие же глаза – показатель флирта: *кёзлерин сюзюлтеди / кёзлери кёзюр ойнайдыла* «строит глазки».

Фразеологизмы рассматриваемого плана ориентированы и на характеристику состояния окружающей среды, что вполне понятно, поскольку оно также воспринимается глазами. Примеры: *кёзню кёзге урсанг да, жукъ кёрюнмейди* «ни зги не видно» (досл. «ничего не видно, если даже одним глазом ударить второй глаз»), *кёз байланды* «стемнело» (досл. «глаза завязались») и др.

Глазам приписывается жадность и ненасытность как в прямом, так и в переносном смысле: *Кёз гёргенден тоймаз – кьулакъ эшитгенден тоймаз / Гёз гёргенден тоймас – кьулакъ эшитгенден тоймас* «Глаза увиденным, а уши услышанным не насытятся»; *Кёз ырысхыдан тоймаз / Гёз рызкыдан тоймас* «Глаза богатством не насытятся»; *Кёз жерден тоймаз / Гёз топуракъдан тоймас* «Глаза землей не насытятся»; *Къарын тойса да, кёз тоймаз* «Живот насытится, а глаза не насытятся».

Концепт *кёз / гёз* «глаз» находит свое отражение и в авторских художественных текстах. Важным представляется тот факт, что он активно участвует в репрезентации лексических образных средств, причем базирующихся на традиционной народной лирике, отражающей мировосприятие этноса:

*Къашым-гёзюм терген сен
Гёрдюнгмю боюм-союм?* [Османов 1995: 132]
Глаза и брови мои проверив,
Оценил ли стан мой?

В кумыкской поэзии часто употребляются сравнительные конструкции, в которых за эталон красоты глаз берется их схожесть с голубыми цветами:

*Яякълары къардан акъ,
Гёзлери гёк гюлледей* [Османов 1995: 157]
Ланиты белее снега белого,
Глаза словно синие цветы.

В балкарской поэзии колоратив *кёк* «синий, голубой» ассоциативно соотносится с чистотой, ясностью неба: *сени кёзлеринг сейир кём-кёкдюле...* «твои глаза удивительно небесно-голубые...» [Зумакулова 2011: 12].

Подобные сравнения касательно тех или иных цветообозначений характерны для творчества практически каждого автора. К примеру, у К. Мечиева обыгрывается лексема *къара* «черный» в описании внешности:

*Кёзю – къара, бою – субай,
Тангны Чолпан жулдузунлай!* [Мечиев 2009: 19]
Очи черные, строен стан,
Словно рассвета звезда Чулпан!

В различных его произведениях, особенно в восточных поэмах (например, в «Бузжигите») актуализируются ценностный для этноса цвет глаз, их схожесть с драгоценными камнями, с глазами птиц, виноградом и т.п. (*ала кёзлю кьыз* «светлоокая девушка», *къара кёзлю кьыз* «черноокая девушка», *кьушбалакёз Бузжигит* «Бузжигит с глазами орленка», *жаухар кибик кёз гинжиси* «словно жемчуг его глаза», *кёзлеринг – къара жюзюм* «твой глаза – черный виноград» и др.).

К. Кулиев, воспевая красоту девушки, в том числе ее глаза, наряду с традиционными народными образными выражениями использует собственно авторские дескрипции, которые данный концепт вербализуют эксплицитно и имплицитно, и тесно вплетаются в ткань его произведений, обогащая их язык, что видно, например, из поэмы «Говорю Лейле в Чегеме» [Кулиев 1982: 544–552]: *Бетинги, кёзюнгю жарыгъы* «Свет лица и глаз твоих»; *Лейла, жулдуз маталлы бетинг, кёзлеринг* «Лейла, на звезду похожие твои лицо, глаза» и т.п.

В рассказе М. Шаваевой «Сокьурну кёз жашы» («Слеза слепого») [Шаваева 1969: 79–96] ряд семантических конструкций с лексемой «кёз» употреблен в метафорическом значении: *Неапольдан къарап, кёзюнг тоймайды* «От Неаполя глаза твой не насытятся»; *Арлакьда чалбаи киши жилийды. Ол экисинден да кёзюн алмайды* «Поодаль плачет седовласый мужчина. Он не может оторвать глаз от обоих». «Слезы слепого» – это трогательный послевоенный рассказ. Слезы слепого музыканта и его безногого друга – свидетели жестокости фашизма, а музыка, которую они дарят прохожим, – неугасимая надежда и их душевная чистота. В подобной концептуальной связке и *жерни кёзлери* «глаза земли» в одноименной повести Х. Шаваева [Шаваев 1976].

Исходя из проанализированного фактологического материала, можно констатировать, что рассмотренный концепт обладает в карачаево-балкарской и кумыкской лингвокультурах значительным функционально-семантическим потенциалом, репрезентирующим антропоморфный код культуры. Карачаевцы, балкарцы и кумыки актуализируют в своих языках значимые стереотипы, связанные с восприятием глаз, уделяя при этом большое внимание их цветовым и иным характеристикам, обнаруживающим себя и в антропонимике. В этом отношении важными представляются данные фразеологического и паремического корпусов, а также авторских произведений, в которых находят свое отражение различные составляющие окружающей действительности, сигнализирующие о специфике мировосприятия носителей языка. Этнокультурно маркированные манифестанты концепта «глаз» являются ключом для описания значимых сегментов национальной картины мира тюркских народов, проживающих на Северном Кавказе и в Дагестане.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Абдурахманова, Идрисова 2016 – *Абдурахманова П.Д., Идрисова П.Г.* Синтаксический строй кумыкских пословиц и поговорок. – М.: Московский институт государственного управления и права, 2016. – 165 с.

Алимурадова 2010 – *Алимурадова Д.Ю.* Пословицы и поговорки алхаджикентского говора кумыкского языка // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2010. – № 124. – С. 167–170.

Аппоев Ас.К., Аппоев Ал.К. 2012 – *Аппоев Ас.К., Аппоев Ал.К.* Карачаево-балкарские паремии: структура и семантика. – Нальчик: Изд. отдел КБИГИ, 2012. – 130 с.

Ахматова, Кетенчиев 2018 – *Ахматова М.А., Кетенчиев М.Б.* Репрезентация концепта "ум" в карачаево-балкарском языке // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2018. – № 2 (30). – С. 57–64. DOI: [https://doi.org/10.29025/2079-6021-2018-2\(30\)-57-64](https://doi.org/10.29025/2079-6021-2018-2(30)-57-64)

Балкарские пословицы и поговорки 1982 – Балкарские пословицы и поговорки / сост. А.З. Холаев. – Нальчик: Эльбрус, 1982. – 188 с.

Бауаев 2016 – *Бауаев К.К.* Апперцептивная специфика балкарской поэзии и ее истоки. – Нальчик: Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, 2016. – 177 с.

Башиева, Кетенчиев 2017 – *Башиева С.К., Кетенчиев М.Б.* Особенности вербальной репрезентации обыденных знаний о небесных телах // Cuadernos de Rusística Española. – 2017. – Т. 13. – С. 181–194.

Букулова 2006 – *Букулова М.Г.* Соматическая фразеология тюркских языков: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2006. – 21 с.

Гаджихамедов 2012 – *Гаджихамедов Н.Э.* Язык как индикатор этнического менталитета (на материалах русского и кумыкского языков) // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 2: Гуманитарные науки. – 2012. – № 3. – С. 57–61.

Гаджихамедов 2017 – *Гаджихамедов Н.Э.* Кумыкские пословицы и поговорки. На кумык. яз. – Махачкала: Издательство ИП Хайбуллина Ф.Ф. Типография Вега, 2017. – 544 с.

Гаджихамедов, Султанов 2019 – *Гаджихамедов Н.Э., Султанов К.Г.* Паремии с зоолексемой "собака" как репрезентанты языковой картины мира (на материале кумыкского языка) // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 2: Гуманитарные науки. – 2019. – Т. 34. – № 2. – С. 56–62.

Гелястанова 2015 – *Гелястанова Т.С.* Лингвокультурологический анализ карачаево-балкарских паремий: учебное пособие. – Нальчик: Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, 2015. – 55 с.

Глезер 1985 – *Глезер В.Д.* Зрение и мышление. – Л.: Наука, 1985. – 246 с.

Гукетлова 2009 – *Гукетлова Ф.Н.* Зооморфный код культуры в языковой картине мира (на материале кабардино-черкесского, русского и французского языков). – М.: ТЕЗАУРУС, 2009. – 228 с.

Гулиева (Занукоева) 2020 – *Гулиева (Занукоева) Ф.Х.* Карачаево-балкарские пословицы и поговорки: к проблеме жанрового разграничения // Электронный журнал «Кавказология». – 2020. – № 4. – С. 259–270. DOI: <https://doi.org/10.31143/2542-212X-2020-4-259-270>

Даибова 1973 – *Даибова К.Х.* Фразеология кумыкского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1973. – 23 с.

Зумакулова 2011 – *Зумакулова Т.М.* Сени кёзлеринг (Твои глаза) // Минги Тау (Эльбрус). – 2011. – № 5 (159). – С. 12.

Карачаево-балкарский фольклор... 1996 – Карачаево-балкарский фольклор. Хрестоматия / сост. Т.М. Хаджиева. На балк. яз. – Нальчик: Эль-Фа, 1996. – 592 с.

Карачаевские пословицы и поговорки 1963 – Карачаевские пословицы и поговорки / сост. С.Ч. Алиев. – Черкесск: Карач.-Черкес. кн. изд-во, 1963. – 484 с.

Кулиев 1982 – *Кулиев К.Ш.* Собрание сочинений в 3-х томах. Т. 3. Стихи и поэмы. 1970–1980. На балк. яз. – Нальчик: Эльбрус, 1982. – 560 с.

Мечиев 2009 – *Мечиев К.Б.* Избранные произведения: Стихи. Поэмы. Зикры / сост. А.М. Бегиев. – Нальчик: Эльбрус, 2009. – 576 с.

Ортабаева 1991 – *Ортабаева Р.А.-К.* Карачаево-балкарские поговорки (тематика и некоторые особенности народного исполнительства) // *Фольклор народов Карачаево-Черкесии*. – Черкесск, 1991. – С. 48–65.

Османов 1995 – *Османов Магомед-эфенди*. Мир поклонится вам. На кумык. яз. – Махачкала: Даг. кн. изд-во, 1995. – 272 с.

Отаров 1996 – *Отаров И.М.* Лексикология карачаево-балкарского языка. – Нальчик: Эльбрус, 1996. – 222 с.

Сравнительно-историческая грамматика... 2006 – Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Пратюркский язык-основа: Картина мира пратюркского этноса по данным языка / отв. ред. Э.Р. Тенишев, А.В. Дыбо. – М.: Наука, 2006. – 912 с.

Телия 1996 – *Телия В.Н.* Русская фразеология: Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – 288 с.

Ханмурзаева 1994 – *Ханмурзаева Н.К.* Традиции Ирчи Казака и современная кумыкская поэзия: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1994. – 16 с.

Шаваев 1976 – *Шаваев Х.И.* Жерни кёзлери (Глаза земли). На балк. яз. – Нальчик: Эльбрус, 1976. – 232 с.

Шаваева 1969 – *Шаваева М.Ч.* Сокъурну кёз жашы (Слеза слепого) // Шаваева М.Ч. Кечерлеми? (Простят ли?) На балк. яз. – Нальчик: Эльбрус, 1969. – С. 79–96.

REFERENCES

ABDURAKHMANOVA P.D., IDRISOVA P.G. *Sintaksicheskij stroj kumyjskich poslovic i pogovorok* [The syntax structure of Kumyk proverbs and sayings]. – М.: Moscow Institute of Public Administration and Law, 2016. – 165 p. (In Russian)

АКХМАТОВА М.А., КЕТЕНЧИЕВ М.В. *Reprezentatsiya kontsepta "um" v karachaevobalkarskom yazyke* [Representation of the concept «mind» in the karachay-balkarian language]. IN: *Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoi lingvistiki*. – 2018. – No. 2 (30). – P. 57–64. DOI: [https://doi.org/10.29025/2079-6021-2018-2\(30\)-57-64](https://doi.org/10.29025/2079-6021-2018-2(30)-57-64) (In Russian)

ALIMURADOVA D.Yu. *Poslovitsy i pogovorki alkhadzhikentskogo govora kumyjskogo yazyka* [Proverbs and sayings of the Alkhadzhikent dialect of the Kumyk language]. IN: *Izvestiya Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena*. – 2010. – No. 124. – P. 167–170. (In Russian)

АПОЕВ А.С., АПОЕВ А.К. *Karachaevobalkarskie paremii: struktura i semantika* [Karachay-Balkarian proverbs: structure and semantics]. – Nalchik: KBIGI Publishing, 2012. – 130 p. (In Russian)

Balkarskie poslovicy i pogovorki / sost. A.Z. Holaev [Balkarian proverbs and sayings. A Reader. Compiled by. A.S. Kholaeв]. – Nalchik: Elbrus, 1982. – 188 p. (In Balkar)

BASHIEVA S.K., KETENCHIEV M.B. *Osobennosti verbal'noi reprezentatsii obydennykh znanii o nebesnykh telakh* [Features of verbal representation of everyday knowledge about celestial bodies]. IN: *Cuadernos de Rusística Española*. – 2017. – Vol. 13. – P. 181–194. (In Russian)

БАУАЕВ К.К. *Appertseptivnaya spetsifika balkarskoi poezii i ee istoki* [Apperceptive specificity of Balkar poetry and its origins]. – Nalchik: KBSU by Kh.M. Berbekov, 2016. – 177 p. (In Russian)

БУКУЛОВА М.Г. *Somaticheskaya frazeologiya tyurkskikh yazykov: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Somatic phraseology of the Turkic languages: dissertation abstract for the candidate of philological sciences]. – М., 2006. – 21 p. (In Russian)

ДАЙБОВА К.К. *Frazeologiya kumyjskogo yazyka: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Phraseology of the Kumyk language: dissertation abstract for the candidate of philological sciences]. – М., 1973. – 23 p. (In Russian)

GADZHIAKHMEDOV N.E. *Kumyckie poslovitsy i pogovorki* [Kumyk proverbs and sayings]. – Makhachkala: Izdatel'stvo IP Khaibullina F.F. «Tipografiya Vega», 2017. – 544 p. (In Kumyk)

GADZHIAKHMEDOV N.E. *Yazyk kak indikator etnicheskogo mentaliteta (na materialakh russkogo i kumyckogo yazykov)* [Language as an Indicator of Ethnic Mentality (based on the materials of the Russian and Kumyk languages)]. IN: *Vestnik Dagestanskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki.* – 2012. – No. 3. – P. 57–61. (In Russian)

GADZHIAKHMEDOV N.E., SULTANOV K.G. *Premii s zooleksemoi "sobaka" kak reprezentanty yazykovoï kartiny mira (na materiale kumyckogo yazyka)* [Paremia with the zoolexeme "dog" as representatives of the linguistic picture of the world (based on the material of the Kumyk language)]. IN: *Vestnik Dagestanskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki.* – 2019. – Vol. 34. – No. 2. – P. 56–62. (In Russian)

GELYASTANOVA T.S. *Lingvokul'turologicheskij analiz karachaevo-balkarskih paremij: uchebnoe posobie* [Lingvoculture analysis of Karachay-Balkarian paremias: a textbook]. – Nalchik: KBSU by Kh.M. Berbekov, 2015. – 55 p. (In Balkar)

GLEZER V.D. *Zrenie i myshlenie* [Vision and thinking]. – Leningrad: Nauka, 1985. – 246 p. (In Russian)

GUKETLOVA F.N. *Zoomorfnyi kod kul'tury v yazykovoï kartine mira (na materiale kabardino-cherkesskogo, russkogo i frantsuzskogo yazykov)* [Zoomorphic code of Culture in the linguistic picture of the world (based on the material of Kabardino-Circassian, Russian and French languages)]. – M.: TEZAURUS, 2009. – 228 p. (In Russian)

GULIEVA (ZANUKOEVA) F.Kh. *Karachaevo-balkarskie poslovitsy i pogovorki: k probleme zhanrovogo razgranicheniya* [Karachay-Balkar proverbs and sayings: on the problem of genre differentiation]. IN: *Elektronnyi zhurnal "Kavkazologiya"*. – 2020. – No. 4. – P. 259–270. DOI: <https://doi.org/10.31143/2542-212X-2020-4-259-270> (In Russian)

Karachaevo-balkarskii fol'klor. Khrestomatiya / sost. T.M. Khadzhiyeva [Karachay-Balkar folklore. A Reader. Compiled by T.M. Khadzhiyeva]. – Nalchik: El-Fa, 1996. – 592 p. (In Balkar)

Karachaevskie posloviy i pogovorki / sost. S.Ch. Aliev [Karachay proverbs and sayings. A Reader. Compiled by S.Ch. Aliev]. – Cherkessk: Karachay-Chirkassian Book Publishing House, 1963. – 484 p. (In Karachay)

KHANMURZAEVA N.K. *Traditsii Irchi Kazaka i sovremennaya kumyckaya poeziya: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [The tradition of Irchi Kazak and contemporary Kumyk poetry: dissertation abstract for the candidate of philological sciences]. – M., 1994. – 16 p. (In Russian)

KULIEV K.Sh. *Sobranie sochinenii v 3-kh tomakh. Vol. 3: Stikhi i poemy. 1970-1980* [Collected works in 3 volumes. Vol. 3. Poems and poems. 1970-1980]. – Nalchik: Elbrus, 1982. – 560 p. (In Balkar)

MECHIEV K.B. *Izbrannye proizvedeniya: Stikhi. Poemy. Zikry / sost. A.M. Begiev* [Selected works: Poems. Poems. Zikra. Compiled by A.M. Begiev]. – Nalchik: Elbrus, 2009. – 576 p. (In Balkar)

ORTABAEVA R.A.-K. *Karachaevo-balkarskie premii (tematika i nekotorye osobennosti narodnogo ispolnitel'stva)* [Karachay-Balkarian paremias (themes and some features of people's performance)] IN: *Fol'klor narodov Karachaevo-Cherkessii.* – Cherkessk, 1991. – P. 48–65. (In Russian)

OSMANOV MAGOMED-EFENDI. *Mir poklonitsya vam* [The world will bow to you]. – Makhachkala: Dag. kn. izd-vo, 1995. – 272 p. (In Kumyk)

OTAROV I.M. *Leksikologiya karachaevo-balkarskogo yazyka* [The lexicology of the Karachay-Balkarian language]. – Nalchik: Elbrus, 1996. – 222 p. (In Russian)

SHAVAEV Kh.I. *Zherni kezleri (Glaza zemli)* [Eyes of the earth]. – Nalchik: Elbrus, 1976. – 232 p. (In Balkar)

SHAVAEVA M.Ch. *Sok"urnu kez zhashy (Sleza slepogo)* [Tear of the Blind]. IN: SHAVAEVA M.Ch. *Kecherlemi? (Prostyat li?)* [Will they forgive?]. – Nalchik: Elbrus, 1969. – P. 79–96. (In Balkar)

Sravnitel'no-istoricheskaya grammatika tyurkskikh yazykov. Pratyurkskii yazyk-osnova: Kartina mira pratyurkskogo etnosa po dannym yazyka / otv. red. E.R. Tenishev, A.V. Dybo [Comparative-historical grammar of the Turkic languages. Pra-Türkic language-base: Picture of the world of the Pra-Türkic ethnos according to the Comparative-Historical Grammar of The Turkic Languages language. Ed. by E.R. Tenishev, A.V. Dybo]. – M.: Nauka, 2006. – 912 p. (In Russian)

TELIYA V.N. *Russkaya frazeologiya: Semanticheskii, pragmaticheskii i lingvokul'turologicheskii aspekty* [Russian Phraseology: Semantic, Pragmatic and Linguoculturological aspects]. – M.: Shkola «Yazyki russkoi kul'tury», 1996. – 288 p. (In Russian)

ZUMAKULOVA T.M. *Seni kezlering (Tvoi glaza)* [Your eyes]. IN: *Mingi Tau*. – 2011. – No. 5 (159). – P. 12. (In Balkar)

ФОЛЬКЛОР И ЛИТЕРАТУРА НАРОДОВ КАВКАЗА

УДК 82/821.35.0

DOI 10.31143/2542-212X-2021-1-171-180

**КЕНОТИПЫ БАЛКАРСКОЙ ПОЭЗИИ И МЕХАНИЗМЫ ИХ
ФОРМИРОВАНИЯ****К.К. БАУАЕВ**

*Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова
360004, КБР, г. Нальчик, ул. Чернышевского, № 173
E-mail: kazim_bauaev@mail.ru*

Аннотация. Статья освещает важный эволюционный период национальной литературы – вторую половину 60-х – 70-е годы прошлого столетия. Автор затрагивает проблему поиска перспективных путей развития эстетического сознания народа на стадии перехода от традиционных рефлексивных моделей, основанных на фольклорных представлениях и архетипах этнического мышления, к структурам новой формации. Высказывается мнение, что появление особого вида образов и переход их в сквозные символы, а, затем – в кенотипы, в указанные годы является результатом целенаправленного поиска устойчивых стилиобразующих конструктов в процессе преодоления границ устоявшихся апперцептивных моделей. В статье выделяется два основных вида кенотипов балкарской поэзии – реформационные, созданные на основе этнических архетипов, и автономные, выстроенные в рамках «межтекстового рефрена». Механизм образования кенотипов автор статьи считает одинаковым для обоих видов, что убедительно обосновывается им на примерах произведений известных балкарских поэтов – К.Ш. Кулиева и Т.М. Зумакуловой.

Ключевые слова: формирование; кенотип; механизм; творчество; модель; стиль; поэзия.

**KENOTYPES OF BALKAR POETRY AND MECHANISMS OF THEIR
FORMATION****K.K. BAUAEV**

*Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov
360004, KBR, Nalchik, Chernyshevsky str., 173
E-mail: kazim_bauaev@mail.ru*

Abstract. The article highlights an important evolutionary period of national literature – the second half of the 60s – 70s of the last century. The author touches upon the problem of finding promising ways to develop the aesthetic consciousness of the people at the stage of transition from traditional reflective models based on folklore ideas and archetypes of ethnic thinking to the structures of a new formation. It is suggested that the appearance of a special type of images and their transition into cross-cutting symbols, and then into kenotypes, in these years is the result of a purposeful

search for stable style-forming constructs in the process of overcoming the boundaries of established apperceptive models. The article identifies two main types of Balkar poetry kenotypes – reformatory ones, created on the basis of ethnic archetypes, and autonomous ones, built within the framework of an "intertextual refrain". The author of the article considers the mechanism of formation of kenotypes to be the same for both types, which is convincingly justified by him on the examples of the works of famous Balkar poets -K. Sh. Kuliyeв and T. M. Zumakulova.

Keywords: formation; kenotype; mechanism; creation; model; style; poetry.

Во второй половине 60-х – середине 70-х годов прошлого века поэзия народов Северного Кавказа оказалась в особом положении – положении выбора дальнейших направлений своего развития. Имена крупнейших стихотворцев народов региона – К. Кулиева, Р. Гамзатова – находились в фокусе интереса читателей всего Советского Союза. Их произведения были узнаваемы и любимы, устойчивые образные единицы стилеобразующего значения не только на равных вошли в фонд реперных представлений советской литературы [Гринберг 1982: 322], но и, в значительной мере, определяли её концептуальное содержание, задавали уровень и нормы эстетического восприятия текстов в целом.

Тем не менее, с точки зрения внутреннего состояния национальных поэтических систем, эти года были, в определённом смысле, рубежными. Сегодня, находясь на достаточной временной дистанции от времени создания наиболее зрелых и художественно совершенных произведений К. Кулиева, Р. Гамзатова, А. Кешокова, Т. Зумакуловой, мы понимаем, что некоторые, даже несомненно прогрессивные в эволюционном плане эстетические феномены, сформировавшиеся в этнокультурах Северного Кавказа чуть позже – уже в 80-х и 90-х годах, в некотором смысле, являются прямым результатом кризиса эстетического сознания, латентно проявившегося в годы видимого расцвета национальных поэтических практик. Достаточно упомянуть, что именно эту точку можно принять начальной в появлении и развитии творчества местных поэтов-билингвов. Рассматривая последнее, как тенденциальное явление, мы должны будем признать, что, с одной стороны, поэзия двуязычных авторов, сам факт её существования в этнической среде, говорит о стремлении писателей к освоению новых концептуальных, тематических и объектных областей [Битов, Пулатов 1986: 3]. С другой – свидетельствует о кризисном состоянии национального сознания, испытывающего выраженный дефицит в понятийном и образном инструментарии мирозерцания и миропостижения. Эпоха НТР и информационного взрыва, ставшая началом крупнейших прорывов человечества в области освоения космоса и микромира, требовала от авторов региона художественного освоения объектов, явлений и процессов, не подлежащих описанию в границах традиционных рефлексивных моделей и апперцептивных матриц.

Национальные механизмы эстетического отражения подошли к верхнему пределу своего развития в прежних, традиционно-этнических формах. Речь шла даже о буквальном несоответствии глоссариальных запасов языков объектному

и понятийному окружению, и это чётко проявлялось в стихах, написанных авторами-националами, пестрящих заимствованиями из русской лексики.

Но главной проблемой была исчерпанность вариантов художественных интерпретаций традиционных архетипов и устойчивых символов национального сознания. Узнаваемость текстов авторов Северного Кавказа, несмотря на всю новизну и необычность для массового читателя страны в целом, имела и оборотную сторону – навязчивую повторяемость культурных мемов и этнических символов, часть из которых была наследием русской классики – «кинжалы», «вершины», «бурки», «утёсы» и прочее подобное, что использовалось в качестве экзотизмов ещё во времена Жуковского. Другая часть культурных маркеров, сформированная за относительно короткий период «форсированного развития» также была многократно апробирована в сотнях и сотнях текстов. И если в произведениях мэтров национальной поэзии подобные «общие места» воспринимались как характеристики индивидуального, но национально обозначенного стиля, то представители более молодых поколений могли быть обвинены в эклектизме и прямом подражании. Циклы эволюции словесного творчества, как, на первый взгляд, следует из обзора национальных литератур человечества, не имеют обязательных составляющих. Даже такие, генерационно архаичные этапы, как мифология и эпос, не видятся неизбежными в истории этносов [Бауаев 2015: 122].

В балкарской литературе ситуация ничем не отличалась от той, что складывалась в регионе в целом. Субстратные топологические архетипы, пространственно-временные модели восприятия, в основном, были сформированы в своих парадигмально достаточных формах ещё в национальном фольклоре, точнее, в его эпической части [Тхагазитов, Толгуров 2015: 947]. Безусловные архетипы идентификации окружающего получили разностороннюю семантическую вариативность ещё в дореволюционный период [Урусбиева 2003], а первое советское поколение поэтов, фактически, исчерпало возможности гносеологической их интерпретации. Художественное мышление народа остро нуждалось в новых наборах базовых объектов и символике, которые могли бы стать основой новых рефлексивных моделей национальной поэзии.

К сожалению, этап реформации балкарской поэтики был недолог – по историческим меркам. К концу 80-х годов, в эпоху расшатывания и гибели идеологии советского общества, последняя была замещена совершенно новой парадигмой мировоззренческих ориентиров и целей. Национальная литература естественным образом перешла к освещению и осмыслению проблем этнической идентичности и достаточно долго оставалась в границах политических, по сути, интересов. Соответственно, главным направлением творческого поиска поколений авторов, впервые заявивших о себе в 70-х – начале 80-х годов, стала выработка художественных форм этнических деклараций, причём, в значительной мере – сугубо дидактического свойства. На восьмом десятке своей истории балкарская поэтика вернулась к нормам и стереотипам, весьма схожим со схемами идеологического, революционного

просветительства – в современной модификации, по сути, представлявших собой презентации этнической аутентичности.

Это не были потерянные годы в смысле прогресса национальной поэтической традиции, но генеральная линия эволюции поэтических рефлексивных моделей в определенной степени оказалась вне внимания целой плеяды талантливых авторов, хотя в 70-х векторы дальнейшего поступательного движения были уже намечены.

Мы далеки от мысли охарактеризовать и проанализировать все позитивные сдвиги художественного сознания балкарцев, наблюдавшиеся на рассматриваемом этапе, то есть – во второй половине 60 – середине и конце 70-х годов XX столетия. На плечах первого поколения советских поэтов – С. Шахмурзаева, К. Кулиева, К. Отарова, Б. Гуртуева – выросла целая группа одарённых художников, каждый из которых искал свои пути выхода из пространства уже выстроенного и не удовлетворявшего их пространства эстетических моделей. Однако общий абрис реформации национально-поэтического мышления не требует детализированного описания.

Балкарская поэзия в основе своей архетипична. Архетипична в том смысле, что, хотя ей не чужда «процессуальная» рефлексия, эмоциональная медитация, осмысление понятийных концептов и любые другие виды эстетической перцепции, в основе всей национальной системы художественного отражения лежит осознание реально существующего объекта. Центры осмысления национальной Вселенной – всегда архетипы видимого мира, и даже отвлечённые процессы, постигаемые умозрительно, чётко связаны не с рациональными обобщающими концептами, а с их материальными прототипами. Это гносеологическое свойство балкарского мировосприятия не раз привлекало внимание учёных и даже определяет сциентологические объекты исследования, например, не «Метафизика круга», а «Метафизика колеса» [Урусбиева 2003].

Но, как мы уже отметили, на определённом этапе суггестивный и эстетический ресурс естественных витальных архетипов перестал удовлетворять запросам авторов. Безусловная опора на объектность исключала возможность перехода на какие-то принципиально иные типы поэтического отражения. Реальный выход был лишь один – формирование кенотипов, которые и должны были инициировать появление дополнительных возможностей эстетического познания в обновлённой информационной среде.

И, как показал опыт ведущих балкарских поэтов, эффективных способов выстраивания архетипов второй генерации оказалось всего лишь два. Первый путь создания кенотипа – радикальная реформация традиционных конструкторов низкого уровня с переносом их устойчивого ассоциативного, эмоционального и семантического ореола в альтернативные рефлексивные области. То есть – не просто «надстраивание» архетипа, но и изменение векторов его суггестивной атрибуции с погружением в лирическое сопереживание с совершенно иным, нежели у прототипа, пафосным направлением.

Предрасположенность к такому кенотипу демонстрировали, прежде всего, поэты, априори, в силу неких индивидуальных качеств склонные к ломке

клише – как творческих, так и социальных. Совершенно закономерно в национальной поэзии самым ярким представителем, тяготевшим к преодолению устойчивой семантики исконных архетипов [Толгуров 1991а: 42] стала Танзиля Зумакулова. Она была первой балкарской поэтессой профессионального уровня, что само по себе требовало от неё недюжинной гражданской смелости, а, с учётом её приверженности к эмоциональной открытости, постоянного стремления прямо манифестировать переживания «камерного», интимного плана – осознанной решимости и готовности к кардинальной ломке стереотипов. И поэтесса, действительно, всегда тяготела к неожиданным образам, жёстким и достаточно неожиданным поэтическим декларациям:

*...Хвала, хвала ему – тому, кто не поёт,
Понимающему, что не споёт красиво,
Желающему петь, но молчащему!
Хвала, хвала ему – этому мудрецу,
Умеющему сдержать в себе ненужные слова!* [Зумакулова 1996а: 242]

В этом программном стихотворении, в принципе, не нуждающемся в комментариях, поэтесса обращается к общей для всей мировой литературе фигуре поэта, и её нарочито инверсивная трактовка знакомого символа, хотя и может быть возведена к древнейшей в мировой культуре паре «жрец-жертва», всё же, видится новым, несколько эпатажным, переосмыслением социальной роли стихотворца. Пожалуй, это – один из редчайших примеров использования адаптивного этнического стандарта, зафиксированного в многочисленных народных идиомах, в составе архаичного бинара. Нас, однако, интересует сам факт столь радикальной переоценки универсальных значений, многое говорящий о характере эстетического мышления Т. Зумакуловой. Апелляция к стабильному образу с последующей его трансформацией, трансформацией, зачастую придающей диаметрально противоположный смысл традиционному символу, становится маркером её индивидуального стиля.

И, закономерно, именно на долю Зумакуловой выпадает роль создателя кенотипа на основе реформированного архетипа:

*Цветок, что смог вырасти, разорвав камень скалы,
Испытавший удары ветра, зной солнца...
...С твёрдого камня увидевший всё мироздание –
Он никогда не искал спокойствия,
Наверное, ощущал в себе терпение камня,
Раз уж, вырос, расколов, на поверхности камня!* [Зумакулова 1996b: 243]

– один из примеров модернизации архетипического образа, присутствующего в словесном ещё эпосе. Почему мы имеем право говорить о кенотипическом характере этой трансформации? Прежде всего – из-за полной переориентации описываемого объекта в пафосном, функциональном и рефлексивном планах. Камень присутствует в строках Зумакуловой в полноте

своих традиционных значений, однако центром представленной апперцептивной матрицы не является. При этом его антипод – цветок – обладает всей уровневой полнотой информационного наполнения, от рационально-понятийной до сензитивной, обуславливая, однако, совершенно иное направление лирического переживания, иную онтологию текста.

Надо отметить, что центральный символ поэзии К. Кулиева – камень – видоизменялся и в текстах самого великого балкарского стихотворца. Канонический для него образ раненного, либо опалённого, либо почерневшего от дыма пожарищ камня хорошо знаком читателю и, в сущности, с конца 60-х вошёл в фонд основных представлений всей советской поэзии. Но речь – об изменении пафосного и эмотивного содержания объекта. И у Кулиева, например в стихотворении «Раздавленный цветок», мы находим подобную трактовку, удивительным образом совпадающую с видением Т. Зумакуловой: «На каменной скале.../...цвёл издавна цветок.../...Алеешь на скале» [Кулиев 1985: 67].

Но цветок Кулиева, выросший на камне, нельзя принять за попытку представления кенотипа. Прежде всего – из эпизодического использования в текстах. Кенотип в плане порядков заключённого в нём контента обладает всеми свойствами архетипа: парадигмально полного информационного модуля, адресующего сознание реципиента ко всем смысловым составляющим, усматриваемым в базовом объекте, в терминологии самого К. Юнга – проекциями [Юнг 2009: 18]. С этой точки зрения Зумакулова целенаправленно конструирует мультивекторную сопереживательную матрицу, раз за разом возвращаясь к картине цветка на камне, в каждом новом случае придавая образу новый семантический оттенок. В конечном итоге, «цветок на камне – цветок на скале» превращается из сквозного образа в полноценный кенотип, вся совокупность смыслов которого цельно ощущается читателем на подсознательном уровне.

Существенной особенностью процесса видится то обстоятельство, что циклический возврат к образу и поэтапное обогащение его семантики были единственной возможностью реформирования его в кенотип. Конституирующим началом последнего видится обобщающая номинативная платформа рационально-понятийного плана [Кассирер 1912:152]. Танзиле же Зумакуловой была свойственна рефлексия чувственного, эмоционально-сензитивного типа. Это в полной мере справедливо относительно национального мирозерцания в целом, хотя в исследовательской литературе соотносится, в основном, с поэтикой Кулиева. Стихи балкарской поэтессы никаким образом не выбивались из этнических практик материально-иннервационного отражения окружающего, зачастую выступая как полноценные визуальные, обонятельные и осязательные слепки реальности:

*...И мой хлеб парит и пахнет на поддоне,
И мой дом наполняется вкусным запахом.
И бьёт мне в нос аромат травы,
И молоко моё, вспениваясь, закипает* [Зумакулова 1996с: 256].

При таком явном доминировании сенсорной идентификации объекта, его понятийная база могла варьироваться и заполнять весь объём безусловного, интуитивного пространства кенотипа только при постоянном обороте в текстах.

И, так как, пластическое, материально обозначенное отражение, обусловленное особенностями карачаево-балкарского языка, было чертой большинства национальных поэтов [Толгуров 1991b: 273], «технология» многократного возврата к определённом образу неизбежно стала способом образования кенотипов несколько иного вида.

Первые шаги к ним проложил неоспоримый лидер балкарской литературы – К. Кулиев. Будучи художником редкого дара, он не остановился в своём развитии на «фактурных» единицах поэтической рефлексии. Трудно сказать, ощущал ли он какое-либо ограничение в выборе механизмов эстетической рефлексии – созданные, фактически, им самим материализованные структуры позволяли художественное решение проблем любой глубины и масштаба. Но его движение к созданию кенотипов второго вида – автономных, не имеющих поддержки в фольклоре – прослеживается явно и неоспоримо. Кочующие из одного произведения в другое устойчивые образы при каждом новом своём появлении, так же, как и в случае с трансформированными архетипическими матрицами, приобретают дополнительные семантические фрагменты:

*...Белая веточка алычи,
Перед чёрной горой ты – как пламя свечи [Кулиев 1985: 19].
...В Чегеме зацветает алыча,
И это благо [Кулиев 1985: 22]
...На горе белеет алыча –
Это сказки аромат полночный [Кулиев 1985: 37].
...И снежной высоте, и алыче,
Дороге в поле, плугу и лопате! [Кулиев 1985: 145]
...И, следя снегопад,
Наконец-то я вслушаюсь зорко в Шопена.
Снег идёт
Над орешинной и алычой... [Кулиев 1985: 56]*

Как видно из приведённых отрывков, Кулиев варьирует направления лирического переживания, хотя и оставляет их в поле одного и того же поэтического объекта. В первом случае перед нами – пара оппозиции вечного-мимолётного, хтонического-солярного, во втором – интрузия чувственно-конкретного компонента «алычи» в круг ассоциаций отвлечённых аксиологических дефиниций, в третьем – алыча связана с культурным, условно-литературным ассоциативным шлейфом русского романтизма и восточной поэзии, в четвёртом образце алыча выступает элементом зримой конкретики повседневного быта, в пятом – служит медиатором между сознанием

этнического читателя и символическими областями высокого искусства Европы. И так далее.

Можно было бы предположить, что такой стабильный и разнохарактерный возврат к одному и тому же объекту – органический результат фиксации естественной информации. Но дело в том, что созидание подобных циклических образных линий для Кулиева весьма типично:

...Ну, а небо – синее такое,

Так багров береговой кизил! [Кулиев 1985: 157].

...И зелень муравы, и злой багрец кизила... [Кулиев 1985: 152].

...Вода так чиста,

И кизил краснеет так ярко... [Кулиев 1985:122].

...И чинары Аксу, что давали мне тень,

И кизил, для меня расцветавший весной... [Кулиев 1985: 63].

...Но девушки давно на свете нет...

...Но здесь я повторил:

– *О, деревце моё, о, мой кизил!* [Кулиев 1985: 62] – абсолютно аналогичный механизм возведения единичного образа в сквозной символ, а затем – в кенотип. Это не может быть случайностью и, даже если речь не идёт об осознанной целенаправленной креативности автора, то, во всяком случае, мы имеем дело с системным тенденциальным явлением. Ещё несколько устойчивых поэтических объектов прогрессировали в его текстах в том же направлении, но ввиду недостаточной частоты обращения к ним, остались в границах устойчивого образа.

Описанный нами способ – перманентное привлечение природного или умозрительного объекта во всей полноте его семантических вариаций оказался, как уже говорилось, единственно возможным инструментом создания новационных безусловных информационных матриц – кенотипов в конце 60-х – 70-х годах. И им пользовались все, без исключения, балкарские авторы. Такие поэты, как А. Байзуллаев, И. Бабаев, М. Батчаев – вероятней всего, самые недооценённые стихотворцы Балкарии и Карачая – в своих творческих поисках вышли на новый уровень структуризации и атрибуции окружающего мира, используя циклический межтекстовый рефрен для формирования кенотипов с преимущественным понятийным наполнением, что позволило резко расширить философскую базу национальной литературы и универсальность её коммутационного инструментария. Однако, как мы и упоминали, к концу 80-х годов прошлого века, изменилось направление художественного поиска и онтология творческого процесса. Поколение авторов, ныне составляющее основной корпус художников, пишущих на карачаево-балкарском языке, по ряду причин внелитературного характера сменило приоритеты и концептуалистику своих произведений. Новые вектора развития эстетической мысли, конечно же, дадут свои результаты. Это неизбежно. Однако так же неизбежно и то, что в процессе восхождения национальной художественной словесности к новым уровням осознания Вселенной, поэты будут вынуждены вернуться к опыту 70-х годов.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

- Бауаев 2015 – *Бауаев К.К.* Этно-культурный статус и эпические архетипы // Современные проблемы науки и образования. – 2015. – № 2–1. – С. 406.
- Битов, Пулатов 1986 – *Битов А.Г., Пулатов Т.И.* Язык народа и язык искусства // Литературная газета. – 1986. – № 18. – С. 3.
- Гринберг 1982 – *Гринберг И.Л.* Два крыла литературы. – М.: Советский писатель, 1982. – 368 с.
- Зумакулова 1996а – *Зумакулова Т.М.* Почёт непоющему! // Антология балкарской поэзии (на балк. яз.) – Нальчик: Издательский центр «Эль-Фа», 1996. – С. 242.
- Зумакулова 1996б – *Зумакулова Т.М.* Цветок // Антология балкарской поэзии (на балк. яз.) – Нальчик: Издательский центр «Эль-Фа», 1996. – С. 243.
- Зумакулова 1996с – *Зумакулова Т.М.* Я никому не завидую // Антология балкарской поэзии (на балк. яз.) – Нальчик: Издательский центр «Эль-Фа», 1996. – С. 256.
- Кассирер 1912 – *Кассирер Э.* Познание и действительность: понятие о субстанции и понятие о функции. – СПб.: Алетейя, 1912. – 454 с. Репринт изд.
- Кулиев 1985 – *Кулиев К.Ш.* Человек. Птица. Дерево. – М.: Советский писатель, 1985. – 367 с.
- Толгуров 1991а – *Толгуров Т.З.* Цветы на камне (особенности образного мышления Танзили Зумакуловой) // Женщина Кавказа и современность: тезисы доклада I региональной научно-практической конференции. – Нальчик: КБГУ, 1991. – С. 42–43.
- Толгуров 1991б – *Толгуров З.Х.* В контексте духовной общности. – Нальчик: Эльбрус, 1991. – 286 с.
- Тхагазитов, Толгуров 2015 – *Тхагазитов Ю.М., Толгуров Т.З.* Топологические форманты этико-эстетического сознания кабардинцев и балкарцев // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2015. – Т. 2 – № 11. – С. 365–369.
- Узденова 2016 – *Узденова Ф.Т.* Художественное пространство карачаево-балкарской поэзии: этнокультурный контекст. – Нальчик: Изд-во КБИГИ, 2016. – 211 с.
- Урусбиева 2003 – *Урусбиева Ф.А.* Метафизика колеса: вопросы тюркского культурогенеза. – Сергиев посад: «Весь Сергиев посад», 2003. – 207 с.
- Юнг 2009 – *Юнг К.Г.* Эон. Исследования о символике самости. – М.: Академический проект, 2009. – 340 с.

REFERENCES

- BAUAEV K.K. *Etno-kul'turnyi status i epicheskie arkhetipy* [Ethno-cultural status and epic archetypes]. IN: *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya*. – 2015. – No. 2–1. – P. 406. (In Russian)
- BITOV A.G., PULATOV T.I. *Yazyk naroda i yazyk iskusstva* [The language of the people and the language of art]. IN: *Literaturnaya gazeta*. – 1986. – No. 18. – P. 3. (In Russian)
- GRINBERG I.L. *Dva kryla literatury* [The two wings of the literature]. – M.: Sovetskii pisatel', 1982. – 368 p. (In Russian)
- JUNG C.G. *Eon. Issledovaniya o simvolike samosti* [Eon. Studies on the symbolism of the self]. – M.: Akademicheskii proekt, 2009. – 340 p. (In Russian)
- KASSIRER E. *Poznanie i deistvitel'nost': ponyatie o substantsii i ponyatie o funktsii* [Cognition and reality: the concept of substance and the concept of function]. – SPb.: Aleteiya, 1912. – 454 p. (In Russian)
- KULIEV K.Sh. *Chelovek. Ptitsa. Derevo* [Person. Bird. Tree]. – M.: Sovetskii pisatel', 1985. – 367 p. (In Russian)
- TKHAGAZITOV Yu.M., TOLGUROV T.Z. *Topologicheskie formanty etiko-esteticheskogo soznaniya kabardintsev i balkartsev* [Topological Formants of the Ethical and Aesthetic

Consciousness of Kabardins and Balkars]. IN: *Gumanitarnye, sotsial'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki*. – 2015. – Vol. 2 – No. 11. – P. 365–369. (In Russian)

TOLGUROV T.Z. *Tsvety na kamne (osobennosti obraznogo myshleniya Tanzili Zumakulovoi)* [Flowers on a Stone (features of the imaginative thinking of Tanzil Zumakulova)]. IN: *Zhenshchina Kavkaza i sovremennost': tezisy doklada I regional'noi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Caucasian woman and modernity: abstracts of the report of the first regional scientific and practical conference]. – Nalchik: KBGU, 1991. – P. 42–43. (In Russian)

TOLGUROV Z.Kh. *V kontekste dukhovnoi obshchnosti* [In the context of a spiritual community]. – Nalchik: El'brus, 1991. – 286 p. (In Russian)

URUSBIEVA F.A. *Metafizika koleasa: voprosy tyurkskogo kul'turogeneza* [Metaphysics of the Wheel: Issues of Turkic Cultural Genesis]. – Sergiev posad: Ves' Sergiev posad, 2003. – 207 p. (In Russian)

UZDENOVA F.T. *Khudozhestvennoe prostranstvo karachaevo-balkarskoi poezii: etnokul'turnyi kontekst*. [Artistic space of Karachay-Balkar poetry: ethno-cultural context]. – Nalchik: Izd-vo KBIGI, 2016. – 211 p. (In Russian)

ZUMAKULOVA T.M. *Pochet nepoyushchemu!* [Honor to the ignorant]. IN: *Antologiya balkarskoi poezii* [Anthology of Balkar poetry]. – Nalchik: Izdatel'skiy tsentr «El'-Fa», 1996. – P. 242. (In Balkar)

ZUMAKULOVA T.M. *Tsvetok* [Flower]. IN: *Antologiya balkarskoi poezii* [Anthology of Balkar poetry]. – Nalchik: Izdatel'skiy tsentr «El'-Fa», 1996. – P. 243. (In Balkar)

ZUMAKULOVA T.M. *Ya nikomu ne zaviduyu* [I don't envy anyone]. IN: *Antologiya balkarskoi poezii* [Anthology of Balkar poetry]. – Nalchik: Izdatel'skiy tsentr «El'-Fa», 1996. – P. 256. (In Balkar)

ФОЛЬКЛОР И ЛИТЕРАТУРА НАРОДОВ КAVKAZA

УДК 821.512.142.0

DOI 10.31143/2542-212X-2021-1-181-193

ТРЕВОГИ ВРЕМЕНИ В СОЦИАЛЬНОЙ ЛИРИКЕ КЯЗИМА МЕЧИЕВА**Т.Ш. БИТТИРОВА**

*Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук»
360000, КБР, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18
E-mail: tbittirova@mail.ru*

Аннотация. В данной статье ставится целью определение места темы социальной справедливости в творчестве классика карачаево-балкарской литературы Кязима Мечиева и формы ее художественного воплощения. Научная новизна заключается в том, что впервые социальная лирика поэта рассматривается в широком историческом контексте, в привязке к хронотопу. Полученные результаты показали масштабность мышления поэта, его чуткость к историко-политическим трансформациям в жизни горского общества. В работе установлено, как события начала XX века преломляются через мировосприятие автора и, какое место в поэтическом наследии классика карачаево-балкарской литературы К.Б. Мечиева занимает тема социального протеста. Проанализированы стихи К. Мечиева, посвященные предреволюционным и революционным событиям, гражданской войне, их соответствие историческим реалиям. Выявлены глубина и масштаб отражения вызовов времени в творчестве поэта, его боль, отчаяние и надежды.

Ключевые слова: карачаево-балкарская литература; поэзия; Кязим Мечиев; социальная лирика; репрессии.

THE ANXIETIES OF TIME IN THE SOCIAL LYRICS OF KYAZIM MECHIEV**T.Sh. BITTIROVA**

*Institute for Humanitarian studies – branch of the FSBSE «Federal Scientific Center 'Kabardin-Balkar Scientific Center of the Russian Academy of Sciences'»
360000, KBR, Nalchik, Pushkin st., 18
E-mail: tbittirova@mail.ru*

Abstract. This article aims to determine the place of the topic of social justice in the work of the classic of Karachai-Balkarian literature Kyazim Mechiev and the forms of its artistic embodiment. The scientific novelty lies in the fact that for the first time the poet's social lyrics are viewed in a broad historical context, in relation to the chronotope. The results obtained showed the scale of the

poet's thinking, his sensitivity to historical and political transformations in the life of highland society. The work establishes how the events of the early twentieth century are refracted through the author's worldview and what place the theme of social protest occupies in the poetic heritage of the classic of Karachai-Balkarian literature K.B. Mechiev. Analyzed the poems of K. Mechiev, dedicated to the pre-revolutionary and revolutionary events, the civil war, their accordance to historical realities. The article reveals the depth and scale of reflection of the challenges of the time in the poet's work, his pain, despair and hope.

Keywords: Karachay-Balkar literature; poetry; Kyazim Mechiev; social lyrics; repression.

Актуальность данной работы обусловлена тем, что тема социальной справедливости в переломные этапы истории в творчестве К. Мечиева в заданном аспекте с использованием исторического контекста специально не рассматривалась. При этом нужно иметь в виду, что его поэзия – картина времени, стремящаяся быть объективной и предельно честной в оценке событий, несмотря на идеологический пресс 30-х годов и депортацию народа в 1944 году. При написании статьи были использованы общетеоретические исследования [Достоевский 2006; Потапова 2012; Тимофеев 1976], а также работы, непосредственно посвященные творчеству Кязима Мечиева [Джуртубаев 1997; Кучмезова 1996; Кучукова 2005; Маммеев, 1966; Теппеев 1979; Теппеев 2010; Теппеев 2001].

Социальная лирика, при всей условности ее жанровых границ, говорит об идеологической позиции автора, направленности его поэтического мироощущения, его личностной установки. Мировосприятие Кязима Мечиева было чрезвычайно заостренным и чутким, чем и объясняется феноменальная популярность его поэзии среди народа. Если исходить из объяснения литературоведов, что «...лирика – это отражение всего многообразия действительности в зеркале человеческой души, во всех тончайших нюансах человеческой психики и во всей полноте речевой экспрессии, им отвечающей», то данное положение полностью соответствует произведениям К. Мечиева, посвященным социальной тематике [Тимофеев 1976: 108].

Социальная лирика в русской поэзии достигла своей вершины в творчестве Н.А. Некрасова. При всей несхожести литературной судьбы авторов мы наблюдаем одни и те же мифологемы и тематическое сходство творчества двух классиков: темы женской судьбы, социального неравенства, предопределенности, неудержимого стремления дойти до истины. Ф.М. Достоевский писал по этому поводу: «...За Некрасовым остается бессмертие, вполне им заслуженное... за преклонение его перед народной правдой, что происходило в нем не из подражания какого-нибудь, не вполне по сознанию даже, а потребностью, неудержимой силой» [Достоевский 2006: 114].

Творчество Кязима Мечиева пронизано социальным содержанием, т.е. практически во всех произведениях поэт изображает жизнь социума в его драматических проявлениях. Множество его стихов, поэмы «Раненый тур» и «Желтый кош», будучи частью его социальной лирики, передают тревоги и вызовы времени. О чем бы он ни писал, всегда в его стихах и поэмах на первый план выходят проблемы современного ему общества. Часто он их намеренно

заостряет, чтобы добиться желаемого эффекта: достичь гармонии в обществе («жамауате») посредством слова. Как пишет М. Джуртубаев, исследование этого аспекта творчества имеет «большое значение для понимания поэзии, мировоззрения и самой личности великого поэта Балкарии...» и «бунтарская позиция поэта определялась не только и не столько логикой философского рефлексирования и скорби о несовершенстве мира, но, в первую очередь, болью и тревогой за судьбу народа [Джуртубаев 1997: 54–55].

Время расцвета творчества поэта пришлось на пореформенный период – он и родился в год реформ, когда на Кавказе с завершением войны была проведена реформа, в результате которой были освобождены зависимые сословия¹. При этом их владельцам была выплачена ощутимая компенсация деньгами и землей. И, тем не менее, этот сложный процесс сопровождался большими потерями в общественных взаимоотношениях. Верхи не могли смириться с потерей своего могущества², низы также не могли приспособиться к новым обстоятельствам и жить самостоятельно. Многие освобожденные крестьяне продолжали жить и работать по-прежнему на своих хозяев. Стоит отметить, что и дореформенные отношения были далеки от идеальных: эксплуатация человека человеком, меньшинством большинства всегда порождает конфликтные ситуации. Тем не менее веками была налажена система социальной иерархии, где каждому члену сообщества была отведена его более-менее комфортная ниша: была видимость прочности мира, значимости каждого человека.

Свои раздумья над несовершенством жизни К. Мечиев часто преломляет через традиционный институт тау адет – кодекс горца, в котором предусмотрены все жизненные ситуации и пути их решения. По мнению поэта, все недоразумения возникают из-за того, что:

Кругом полно наставников негодных,
Над книгой не склоняющих чела.
Не чувствующих чаяний народных
Добро не отличающих от зла...

Пер. Г. Яропольского [Кязим... 2003: 98]

Наращение социальных конфликтов в конце XIX века обусловило появление в творчестве К. Мечиева радикальных произведений, таких как поэма «Раненый тур», где отдельный индивидуум в обществе не защищен ни правом, ни моралью, ни адатами, и, по мысли автора, в такой ситуации он обязан занять активную общественную позицию. К. Мечиев в молодости был свидетелем множества несправедливостей в отношении близких родственников, друзей и соседей. В горских обществах жизнь была достаточно

¹ Датой рождения поэта принято считать 1859 год, однако обнаруженные нами архивные материалы свидетельствуют о том, что он родился на восемь лет позже, в 1867 году [Биттирова 2019: 48-55].

² Данное обстоятельство было одной из причин переселения горцев в Османскую империю, где еще не было подобной реформы.

суровой, к тому же усложненной системой сословных отношений. Эти отношения в социуме регламентировались давно сложившимся сословно-иерархическим порядком, ставшим в определенный исторический период препятствием для дальнейшего развития общества. Поэт много размышлял о предопределенности социальных установок, стремился раскрыть их своим словом, служить их преодолению. Кязим Мечиев к теме взаимоотношения, как между сословиями, так и внутри них, подходит с мировоззренческих позиций, стараясь внести мир и понимание между сословиями, сблизить их позиции на общечеловеческих ценностях. Философское восприятие жизни и взгляд на эти отношения ярко выражены в известном стихотворении «Такие нам нужны князья»:

Къул, езден деп айырмагъан,
Мадар излеп, тюз къарагъан,
Орун берген игибизге,
Аллай бийле керек бизге...

Не делящие народ на кулов и узденей,
Ищущие верные пути,
Оберегающие талантливых,
Такие нам нужны князья...

1905

Пер. подстр. – Т.Б. [Мечиланы... 1989-1: 296]

Поэт перечисляет тот минимум требований, которые кажутся ему самыми важными в личности тех, кто решает судьбу отдельно взятого сообщества:

Народ чтобы свой ярмом не душили
И свою честь по праву носили,
Да по жизни правдивыми были, –
Такие князья народу нужны!..
Богач ли бедняк – чтобы не различали,
Нуждающемуся руку подали,
Умных людей вперед выдвигали, –
Такие князья народу нужны!

Пер. подстр. – Т.Б. [Мечиланы... 1989-1: 296]

В этом программном стихотворении – «Такие нам нужны князья» очевидна попытка примирения бедных с богатыми. Здесь открыто декларируются просветительские принципы, которые во многих его произведениях присутствуют, но не так четко выражены. Он создает идеальный образ князя, когда настоящий предводитель общества по отношению к зависимым сословиям проявляет заботу, защищает их от внешних врагов, реализует принцип толерантности. Призыв к единению народа, к примирению между сословиями, соответствие поступков и князей, и карахалка (простого

народа) кодексу обычаев – «тау адет», выработанных веками, звучат в поэзии Кязима накануне революции и в разгар братоубийственной гражданской войны.

В этом, и ряде других его стихотворений, Кязим, реализуя свои просветительские идеи, старается довести до власть имущих свое убеждение, что они ответственны за многое в обществе, за принятие решений, за справедливое сосуществование членов социума. Особенно примечательно в этом отношении его стихотворение «Завещание сыну», где воедино сливаются мечты и тревоги поэта:

Сын мой, скоро я в могилу лягу.
Сколько зла судьба мне принесла!
Ты же, может быть, придешь ко благу.
Жизнь увидишь без людского зла.

Если ты увидишь, что взрастили
Люди мир и счастье на земле,
Сын мой, подойди к моей могиле,
Крикни мне о побежденном зле.

Может быть, сквозь черный прах могильный,
Чтоб я смог спокойно отдохнуть,
Голос твой услышу звонкий, сильный...
Только, сын мой, крикнуть не забудь!

1906

Пер. Г. Яропольского [Кязим... 2003: 48]

Но, как подчеркивает первый ученый, кто фундаментально исследовал творчество поэта, Алим Теппеев: «Кязим Мечиев не являлся общественно активным человеком в том смысле, что не принимал участия в решении каких-то революционных или иных политических проблем в жизни общества. Он был проповедником идеи добра, чистоты ислама, честности и справедливости. Его общественная активность и значимость заключались в том, что он был связан с жизнью народа и каждый нерв, каждая клеточка его души отзывались на общественные явления, касалось ли это семейной жизни или исходило из противоречий и противостояния в общественной жизни» [Теппеев 2010: 93].

Те, кто обращается к творчеству великого поэта, совершенно справедливо называет его народным заступником. Заступничество К. Мечиева привязано к конкретным фактам из жизни его соплеменников, происходящих на его глазах:

Сегодня князь Суююнч Ахмата-бедняка
Ударил палкою и голову рассек.
Той палкой ранен я, и рана глубока:
Душа моя в крови, – не заживет вовек.

1912

Пер. С. Липкина [Кязим... 2003: 102]

Поэт часто обращается к Творцу. В его обращениях молитва не за себя, а за справедливое обустройство мира, чтобы «мрачный свод небес», нависший над скалами, очистился, и «горести, как снег, посыпавшиеся на крыши», обошли стороной его соплеменников. Его обращения к Творцу часто носят богоборческий характер с неукротимым стремлением к переустройству мира:

Байгъа сен байлыкъ кѣп бердинг,
Жарлыгъа тарлыкъ тежединг.
Аллах, олмуду тюзлюгюнг, –
Биз жарлылагъа берлигинг?

Кючлюге сен кюч къошаса,
Кючсюзю атып къояса.
Аллах, олмуду къадарынг, –
Биз жарлылагъа мадарынг?

Богатому Ты дал много добра,
Бедному определил безысходность.
Аллах, это твоя справедливость,
И то, что дал нам, бедным?

Ты добавляешь силу сильному,
Оставляешь без внимания слабого.
Аллах, и это наша жизнь, –
Для нас, бедняков, судьба?..

1905

Пер. подстр. – Т.Б. [Мечиланы... 1989-2: 284]

В своей социальной лирике поэт создал галерею портретов, противопоставляя добро и зло, насилие и свободу, красоту и уродливость отношений. Он осуждает «хвастливого княжича» –

На нас ты смотришь свысока,
А чем ты лучше бедняка?
Из века в век, из года в год
Чужим трудом живет твой род!».

1907

Пер. С. Липкина [Кязим... 2009: 41]

Воздвигает в абсолют храбрость, что «острее любого кинжала» и изобличает трусость, что «тупее мотыги тупой»:

Храбрость прочнее и тверже гранита,
Трусость бессильна, безвольна, как дым.
Храбрость, друзья, выбираем открыто,
Ибо людьми называться хотим!

1900

Пер. С. Липкина [Кязим... 2009: 31]

Раздумья над вечными истинами постоянно приводят поэта к мыслям о том, какой след человек оставляет на земле. В этом отношении стихотворение «Бызынгы къабырлары» – «На кладбище в Безенги» является совершенно неожиданным для балкарской поэзии. В нем противопоставляются два князя, поступки которых по отношению к своим соплеменникам были диаметрально противоположными. Если князь Тарюк выступает заступником своего народа, то другой князь хуже врага, ибо безразличен к его бедам. Поэт рассуждает о бренности мира, о том, что каждого, да и самого поэта, ждет могильный тлен:

Я, скорбя, обхожу за могилой могилу.
Здесь, Кязим, ты найдёшь свой последний приют.
Жизнь дана не навек, не храбрись через силу,
Верой дух укрепляй... Все однажды уйдут.

Ни один богатырь не укрылся от дани,
Даже горы седые сравнялись с землёй,
И в траву превратились пугливые лани,
Что, пыля, по степям проносились стрелой.

И служивший добру, и злодей бессердечный –
Все страшились конца, но в могилу сошли.
Там, под спудом, в обители истинной, вечной
Им открылась обманчивость этой земли.

1934

Пер. Г. Яропольского [Кязим... 2003: 139]

В поисках истины и справедливости, в надежде найти край обетованный поэт несколько раз совершает хадж. Его влекло не только религиозное чувство, но и желание понять, как живется в мире простым людям, на чем основано их мировоззрение и миропонимание. Он пешком исходил дороги Мекки и Медины, встречался с богословами, суфиями, богачами и бедняками. Стихи Кязима периода мекканских исканий полны разочарований и тревог:

Мир полон горя, радость же – редка.
Я к счастью путь найти не смог пока.

Изрешетили сердце сотни бед –
Кязим воюет с ними много лет.

Глаза араба, горца ли глаза –
В них горечи безвыходной слеза.

Печаль – повсюду, где ни прохожу.
В лицо всем нищим с болью я гляжу.

1910

Пер. Г. Яропольского [Кязим... 2009: 31]

Кязим Мечиев проделал огромный путь в поисках истины и счастья: неоднократно посещал святыне для всех мусульман места, учился в университете Аль-Азхар, в турецком центре суфиев городе Конья. Он был уверен, что в дальних странствиях найдет место на земле, где торжествует справедливость и живут счастливые люди. Он искал истину в тафсирах – толкованиях священного для всех мусульман Корана, в философских трактатах конийских суфиев. Долгие странствия не принесли поэту ни душевного покоя, ни надежды. Он дошел до понимания изначальной несправедливости общества и, что нет уголка на земле, где люди равны а ргіогі. Однако он был счастлив настоящему, оказавшись после скитаний в своем несчастливом ауле. И в этом – истина, которую так долго искал поэт:

У турков, арабов, проделав скитаний круги,
Я снова увидел вершины твои, Безенги.
Что может быть лучше, отраднее в мире земном,
Чем запах кизячного дыма в ауле родном!

1910

Пер. С. Липкина [Кязим... 2009: 52]

Период расцвета творчества великого поэта пришелся на смутные времена в истории России: пореформенные тяжелые десятилетия смены формаций, войны, революции, гражданская война. Все эти события нашли отражение в творчестве К. Мечиева и составляют его трагические страницы. В период исторических катаклизмов слово поэта было нужным как воздух, и в его стихах было заложено стремление горцев вырваться из плена обстоятельств и потому они были близки слушателям и читателям поэта. Он обращается и ко Всевышнему, и к сильным мира сего:

Скорбит земля родная, плачут реки,
И топчет сильный тех, кто послабей.
Чтоб мой народ свободным стал навеки, –
Помочь прошу я Бога и людей.

1910

Пер. С. Липкина [Кязим... 2009: 57]

Однако мало кто представлял, как может общество вырваться из затяжного экономического и политического кризисов. Искал пути преодоления вызовов времени и Кязим Мечиев, обладавший особым даром предвидения. Как было сказано выше, важное место в его поэзии занимает отношение к общественным институтам. Прошлое, где «были равны и бедный, и богатый», идеализируются поэтом, покрываясь романтическим ореолом. В то же время очевидно, что поэт понимает всю глубину пропасти между богатыми и бедными, что необдуманные действия власть предержащих могут привести к разрушению более-менее устойчивого мира. Предотвращение раскола в обществе становится главной идеей произведений поэта в этот напряженный период его творчества.

В начале века произошла Русско-японская война, где впервые участвовали по призыву балкарцы и карачаевцы. Затем последовал 1914 год, положивший начало Первой мировой войне и последующему государственному перевороту в России. Кязим остро переживал за результаты войны мирового масштаба. Пожалуй, он первый в горской поэзии дал развернутую характеристику зловещему 1914 году:

Землю кровь орошает рекой –
Наш под корень подрублен покой.
Разрушается мир почем зря!
Все раздоры – по воле царя.

Рады ль матери доле своей,
Провожая на фронт сыновей?
А поборы растут и растут –
И тоской наши души гнетут.

Наш под корень подрублен покой –
Даже радости прежней, скупой,
Не изведает ныне народ:
Скоро голод в дома к нам придет.

Черный день наступил на земле:
Даже солнце как-будто в золе.
Черный день к нам пришел, как палач,
И повсюду царит только плач.

Но и это наш выдержит дом –
Все осилим мы, переживем.
Кто затеял войну эту, тот
Пусть ответит; а солнце – взойдет!

1914

Пер. Г. Яропольского [Кязим... 2003: 112]

Настал судьбоносный 1917 год, год февральской революции, год свержения царизма, год октябрьского переворота. Различные слои населения по-разному понимали цели и задачи революции, связывая с ними улучшение своего положения. Кязим Мечиев принял революцию, как избавление от тяжкого пути народа, с нетерпением ждал перемен и воспринял Советскую власть как «алтын терек» – «золотое дерево», плоды которого должны были осчастливить всех обездоленных. Прошло всего несколько лет, как начались жестокие репрессии, начало которым положила гражданская война:

Одни бегут, другие вдогонку скачут,
Настигнутых душат в пути,
И за ними – вновь горе и печаль,
А безвинный народ за это кровью платит...

Пер. подстр. – Т.Б. [Так это было... 1994: 230].

«Эти стихи обрушиваются на нас, как мятежная река после ливня, – писал Кайсын Кулиев. – Сплошные рифмы и глагольные окончания идут как мощный поток» [Кулиев 1975: 75].

К. Мечиев осудил репрессии советской власти в 20–30-е годы XX века, когда светлые надежды на обновление горской жизни сменялись отчаянием. Поэт не мог молчать и писал правдивые стихи, задавал неудобные власти вопросы: «Куда делись славные сыновья Балкарии, принесшие в горы идеи революции, служившие ей?». Такова суть его стихотворений «Боюсь, что наступит голод», «В чем секрет?», «Молодым писателям», «Невежда» и др., а в стихотворениях «Куда делся сын Энеевых» и «Как же так вышло, Хаджибекир?», поэт прямо говорит об уничтоженных сынах Балкарии.

Можно сказать, что Кязим составил летопись гражданской войны и послереволюционных событий. Особенно остро свои мысли он выразил в стихотворении, посвященном Хаджибекиру, рядовому революционеру:

Сколько знал я отличных парней,
Лишь вчера в барабаны стучавших.
И – пропавших бесследно... верней,
Где-то там навсегда замолчавших.

1938

Пер. Г. Яропольского [Кязим... 2003: 146]

Современники заучивали наизусть стихи поэта, призывающие проявить «милость к падшим», естественно, они не могли быть опубликованы и жили в устной передаче. И так силен был авторитет Кязима Мечиева, что никто не предал поэта, и он не был репрессирован за свои крамольные стихи.

Последний этап творчества классика карачаево-балкарской поэзии Кязима Мечиева был тесным образом связан, как и предыдущие, с судьбой родного народа, и в нем отразились самые трагические события первых лет депортации балкарского народа. Балкарцы были рассеяны по разным областям

Казахстана и Киргизии, родственники часто оказывались в различных поселениях и не имели права выходить за пределы населенного пункта, чтобы искать родных и близких. «Балкарский народ был разбросан на огромных просторах Средней Азии и Казахстана и достойно удивления, что, понеся значительные людские потери, он, спустя 13 лет вернулся на родину, сохранив внутреннюю целостность», – пишет Х.-М. Сабанчиев [Сабанчиев 2004: 34]. При отсутствии государственной идеологии, защищающей права депортированного народа, поэзия явилась той духовной силой, которая помогала выстоять в огне репрессий и жестоких условиях депортации и сохранить этническую целостность. Кязим Мечиев до самой смерти оставался духовным лидером народа.

Кязим Мечиев – автор проникновенной социальной лирики. Все его творчество пронизано идеями справедливого общественного устройства. Но взгляд поэта на общественные неурядицы не был прямолинейным, он был далек от деклараций, он искал причины этих неурядиц и апеллировал к тем, кто мог их устранить. Особое место в его поэзии занимает отношение к традиционным общественным институтам. Патриархальный уклад, когда старший был почитаем наравне с пророками; прошлое, где «были равны и бедный, и богатый», идеализируется поэтом, покрываясь романтическим ореолом. В то же время очевидно стремление к усовершенствованию взаимоотношений в «жамауате» (общество), провозглашается – «такие нам нужны князья», где основное требование к «хорошим князьям» – объединение народа в борьбе за выживание в трагические периоды истории. Его стихи вместе с поэтическими оценками событий содержат надежду на справедливое решение социальных проблем. Предотвращение раскола в обществе становится главной идеей творчества поэта в период революции и гражданской войны. Кязим Мечиев выполнил долг настоящего мастера слова, оставаясь душой народа в самые тяжелые годы репрессий и депортации.

Творчество К. Мечиева характеризуется глубиной и широтой охвата трагических событий первой половины XX века, их достоверным отражением через поэтическое слово, в нем подняты многие животрепещущие вопросы. Талант и мастерство автора позволили создать реальную картину современной ему действительности, его стихи нашли отклик в сердцах тысяч благодарных читателей и стали духовной опорой народа. Слияние поэтического и политического в творчестве автора дали возможность рассказать о событиях истории эмоционально и правдиво, преломляясь через мировосприятие автора, Тема социального протеста в поэтическом наследии классика карачаево-балкарской литературы К.Б. Мечиева имеет стержневой характер, на нее нанизывается весь тематический спектр творчества. Литературоведческая наука должна дать достойную оценку поэтическим шедеврам автора в будущих монографиях и др. научных публикациях, ибо они – эмоциональный слепок времени.

Размышления поэта о судьбе народа так естественны и органичны, что его душа воспринимается как душа народа. Необходимо отметить, что раздумья Кязима актуальны и сегодня, поскольку бесценны как поэтическое, так и

реалистическое восприятие обстоятельств, свидетелем которых он был. Несмотря на то, что «к началу 1990-х годов возникло ощущение исчерпанности социально-политической темы как материала для поэтического высказывания в виду идиосинкразии, вызванной использованием данной темы советскими поэтами, писавшими по партийному заказу, и антисоветскими поэтами, у которых разногласия с властью были не эстетические, а идеологические», – пишет Т.С. Потапова [Потапова 2012: 231]. На наш взгляд, тема не может исчерпаться, пока существуют разногласия в обществе. Поэтому опыт каждого автора в раскрытии темы социальной справедливости, если он обладает художественной ценностью, будет востребован и последующими поколениями.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Биттирова 2019 – *Биттирова Т.Ш.* Основные принципы реконструкции творческой биографии классика карачаево-балкарской литературы Кязима Мечиева // Вестник Института языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы. – 2019. – № 20. – С. 48–55.

Джуртубаев 1997 – *Джуртубаев М.Ч.* Душа Балкарии. – Нальчик: Эльбрус, 1997. – 232 с.

Достоевский 2006 – Достоевский Ф.М. Записки о русской литературе. – М.: ЭКСМО, 2006. – 163 с.

Кулиев 1975 – *Кулиев К.* Так растет и дерево. – М: «Современник», 1975. – 463 с.

Кучмезова 1996 – *Кучмезова Р.* И мой огонь горел: эссе о слове Кязима. – Нальчик: Эльбрус, 1996. – 187 с.

Кучукова 2005 – *Кучукова З.А.* Онтологический метакод как ядро этнопоэтики. – Нальчик: Эльбрус, 2005. – 309 с.

Кязим... 2003 – Кязим Мечиев. Стихи. Поэмы. – Нальчик: Эльбрус, 2003. – 394 с.

Кязим... 2009 – Кязим. Разум и Голос. Стихотворения и поэмы. – Нальчик: Эльбрус, 2009. – 240 с.

Лукьяев 1989 – *Лукьяев В.* А вы вернетесь, верьте мне... // Юность. – 1989. – № 1. – с. 68–75.

Маммеев 1966 – *Маммеев Д.М.* Кязим Мечиев. – Нальчик: Кабардино-Балкарское книжное издательство, 1966. – 136 с.

Мечиланы... 1989 – *Мечиланы* Кязим (Кязим Мечиев. Стихотворения и поэмы: в 2-х томах. На балк. языке / Сост., автор предисловия и комм. А.М. Теппеев). – Нальчик: Эльбрус, 1989. – Т. 1. – 414 с.; – Т. 2. – 318 с.

Потапова 2012 – *Потапова Т.С.* Новая социальная поэзия // Уральский филологический вестник. Серия: Драфт: молодая наука. – 2012. – № 4. – С. 231–237.

Сабанчиев 2004 – *Сабанчиев Х.-М.А.* Были сосланы навечно. – Нальчик: Эльбрус, 2004. – 160 с.

Так это было... 1994 – *Так это было.* Национальные репрессии в СССР 1919–1952 годы. Худож.-док. сборник: в 3-х т. Т. 2 / Составитель С.У. Алиева. – М.: Инсан, 1994. – 336 с.

Теппеев 1979 – *Теппеев А.* Кязим Мечиев. К 120-летию со дня рождения основателя балкарской литературы. – Нальчик: Эльбрус, 1979. – 205 с.

Теппеев 2010 – *Теппеев А.М.* Кязим Мечиев // Очерки истории балкарской литературы / Отв. ред. З.Х. Толгуров. – Нальчик: ГП КБР «Республиканский полиграф им. Революции 1905 г.», 2010. – С. 106–133.

Теппеев 2001 – *Теппеев А.М.* Мечиев Кязим. Очерк о жизни и творчестве. – Нальчик: Эльбрус, 2001. – 230 с.

Тимофеев 1976 – *Тимофеев Л.И.* Основы теории литературы: учебное пособие. – М.: Просвещение, 1976. – 448 с.

REFERENCES

- BITTIROVA T.Sh. *Osnovnye printsipy rekonstruktsii tvorcheskoi biografii klassika karachaevo-balkarskoi literatury Kyazima Mechieva* [Basic principles of reconstruction of the creative biography of the classic of Karachay-Balkar literature Kazim Mechiev]. IN: *Vestnik Instituta yazyka, literatury i iskusstva im. G. Tsadasy*. – 2019. – No. 20. – P. 48–55. (In Russian)
- DZHURTUBAEV M.Ch. *Dusha Balkarii* [Soul of Balkaria]. – Nalchik: El'brus, 1997. – 232 p. (In Russian)
- DOSTOEVSKY F.M. *Zapiski o russkoi literature* [Notes on Russian literature]. – M.: EKSMO, 2006. – 163 p. (In Russian)
- KULIEV K. *Tak rastet i derevo* [So the tree grows]. – M: «Sovremennik», 1975. – 463 p. (In Russian)
- KUCHMEZOVA R. *I moi ogon' gorel: esse o slove Kyazima* [And my fire burned: an essay on the Kazim's word]. – Nalchik: El'brus, 1996. – 187 p. (In Russian)
- KUCHUKOVA Z.A. *Ontologicheskii metakod kak yadro etnopoetiki* [Ontological metacode as the core of ethno poetic]. – Nalchik: El'brus, 2005. – 309 p. (In Russian)
- Kyazim Mechiev. Stikhi. Poemy* [Kazim Mechiev. Poetry. Poems]. – Nalchik: El'brus, 2003. – 394 p. (In Russian)
- Kyazim. Razum i Golos. Stikhotvoreniya i poemy* [Kazim. Mind and Voice. Poetry and poems]. – Nalchik: El'brus, 2009. – 240 p. (In Russian)
- LUK'YAEV V. *A vy vernetes', ver'te mne...* [And you will come back, believe me...]. IN: *Yunost'*. – 1989. – No. 1. – P. 68–75. (In Russian)
- MAMMEEV D.M. *Kyazim Mechiev*. – Nalchik: Kabardino-Balkarskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1966. – 136 p. (In Balkar)
- Mechilany Kyazim (Kyazim Mechiev. Stikhotvoreniya i poemy: v 2-kh tomakh. Na balk. yazyke / Sost., avtor predisloviya i komm. A.M. Teppeev)* [Poetry and poems: in 2 volumes. Comp., author of the preface and comm. A. M. Teppeev]. – Nalchik: El'brus, 1989. – Vol. 1. – 414 p.; – Vol. 2. – 318 p. (In Balkar)
- POTAPOVA T.S. *Novaya sotsial'naya poeziya* [New social poetry]. IN: *Ural'skii filologicheskii vestnik. Seriya: Draft: molodaya nauka*. – 2012. – No. 4. – P. 231–237. (In Russian)
- SABANCHIEV Kh.-M.A. *Byli soslany navechno* [Were exiled forever]. – Nalchik: El'brus, 2004. – 160 p. (In Russian)
- Tak eto bylo. Natsional'nye repressii v SSSR 1919–1952 gody. Khudozh.-dok. sbornik: v 3-kh t. T. 2 / Sostavitel' S.U. Alieva* [So it was. National repressions in the USSR 1919–1952: in 3 vols. Vol. 2. Compiled, author of the preface and comments of S.U. Alieva]. – M.: Insan, 1994. – 336 p. (In Russian; In Balkar)
- TEPPEEV A. M. *Kyazim Mechiev. K 120-letiyu so dnya rozhdeniya osnovatelya balkarskoi literatury* [Kazim Mechiev. To the 120th anniversary of the birth of the founder of Balkar literature]. – Nalchik: El'brus, 1979. – 205 p. (In Russian)
- TEPPEEV A.M. *Kyazim Mechiev* IN: *Ocherki istorii balkarskoi literatury / Otv. red. Z.Kh. Tolgurov* [Essays on the history of Balkarian literature. Ed. by Z.Kh. Tolgurov]. – Nalchik: Respublikanskii poligrafkombinat im. Revolyutsii 1905 g., 2010. – P. 106–133. (In Russian)
- TEPPEEV A.M. *Mechiev Kyazim. Ocherk o zhizni i tvorchestve* [Mechiev Kazim. An essay on life and work]. – Nalchik: El'brus, 2001. – 230 p. (In Russian)
- TIMOFEEV L.I. *Osnovy teorii literatury: uchebnoe posobie* [Fundamentals of Literature Theory: A Study Guide]. – M.: Prosveshchenie, 1976. – 448 p. (In Russian)

ФОЛЬКЛОР И ЛИТЕРАТУРА НАРОДОВ КAVKAZA

УДК 821.352.3

DOI 10.31143/2542-212X-2021-1-194-207

**О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ СТАНОВЛЕНИЯ
АДЫГСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ****Л.Б. ХАВЖОКОВА**

*Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного
бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский
научный центр РАН»
360000, КБР, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18
E-mail: lyudmila-havzhokova.86@mail.ru*

Аннотация. В статье представлено обзорное исследование процесса зарождения и становления адыгских (кабардинской, черкесской, адыгейской) литератур, охватывающего период XIX – первой половины XX в. Актуальность темы обусловлена необходимостью прояснения некоторых моментов в истории национальной художественной словесности, касающихся специфики ее становления, дифференциации, периодизации и т.д. Здесь впервые проводится комплексное исследование общеадыгского литературного процесса с акцентированием внимания на особенностях развития литератур адыгских субэтносов. Цель исследования заключается в воссоздании целостной объективной картины становления и первичного развития литературы этноса. Она достигается посредством решения комплекса задач, включающего: определение идейно-тематической ориентации, изучение жанрово-стилевой парадигмы, выявление специфики поэтики адыгской литературы рассматриваемого периода. К исследованию привлечен ряд общенаучных методов (обобщение, анализ, синтез, описание). Полученные результаты могут стать теоретическим подспорьем при дальнейшем изучении кабардинской, черкесской, адыгейской литератур. Они могут найти практическое применение при составлении спецкурсов, написании различного рода исследовательских работ.

Ключевые слова: адыгская литература; кабардинская литература; черкесская литература; адыгейская литература; становление; обобщающий термин; классификация; периодизация; жанровая характеристика.

**ON SOME FEATURES OF THE FORMATION
OF THE ADYGHE LITERATURE****L.B. KHAVZHOKOVA**

*Institute for Humanitarian studies – branch of the FSBSE «Federal Scientific Center 'Kabardin-Balkar Scientific Center of the Russian Academy of Sciences'»
360000, KBR, Nalchik, Pushkin st., 18
E-mail: lyudmila-havzhokova.86@mail.ru*

Abstract. The article presents an overview study of the process of the origin and formation of the Adyghe (Kabardian, Circassian, Adygheyan) literatures, covering the period of the 19th – first half of the 20th century. The relevance of the topic is due to the need to clarify some points in the history of national literary literature, concerning the specifics of its formation, differentiation, periodization, etc. Here, for the first time, a comprehensive study of the common Adyghe literary process is carried out with an emphasis on the peculiarities of the development of the literatures of the Adyghe sub-ethnic groups. The purpose of the study is to recreate a holistic objective picture of the formation and primary development of the literature of an ethnic group. It is achieved by solving a set of tasks, including: defining the ideological and thematic orientation, studying the genre and style paradigm, identifying the specifics of the poetics of the Adygheyan literature of the period under consideration. A number of general scientific methods were involved in the study (generalization, analysis, synthesis, description). The results obtained can become a theoretical aid in the further study of the Kabardian, Circassian, Adygheyan literature. They can find practical application in the preparation of special courses, writing various kinds of research papers.

Keywords: Adyghe literature; Kabardian literature; Circassian literature; Adyghe literature; formation; generalizing term; classification; periodization; genre characteristics.

Предваряя исследование по изучению литературы адыгов в ретроспективном аспекте, представляется важным обосновать целесообразность употребления термина «адыгская литература» и определить границы обозначаемого им понятия. Данный вопрос непосредственно коррелирует с историей и культурой этноса, устным народно-поэтическим творчеством, хроникой создания письменности, тенденциями развития национальных языков, а также с процессом генезиса литератур, созданных на этих языках.

На начальном этапе формирования «в результате создания писательских организаций и образовательных учреждений по административно-территориальному принципу литературный процесс принял признаки автономного развития: адыгская литература представляет собой фактически три основных относительно самостоятельных образования. В связи с этим в обиход вошел обобщающий термин “адыгские литературы”» [Гутов 2006: 747], содержащий в своей семантике литературу трех субэтносов – кабардинцев, черкесов, адыгейцев. Художественная словесность зарубежной адыгской (черкесской) диаспоры рассматривается отдельно.

В настоящее время литература адыгов дифференцируется по нескольким критериям. По субэтнической принадлежности подразделяется на кабардинскую, черкесскую, адыгейскую; по территориальному признаку выделяются все три перечисленные литературы и в качестве четвертой разновидности отдельно изучается литература черкесского зарубежья (или «литература зарубежной черкесской диаспоры»), охватывающая творчество адыгских авторов, проживающих в Турции, Сирии, Иордании, Израиле и ряде других стран. Кроме обозначенных, существует еще один признак – языковой,

на основе которого литература адыгов делится на кабардино-черкесскую и адыгейскую в соответствии с одноименными литературными языками, на которых они создаются. Вместе с тем обозначенные признаки и способы типологизации носят условный характер, поскольку художественная словесность всех субэтносов, составляющих адыгский этнос, восходит к единому истоку – адыгскому устно-поэтическому творчеству. Все адыги, независимо от территории проживания и субэтнической принадлежности, связаны единой историей, уникальной традиционной культурой, общими мифологическими и религиозными воззрениями. Приведенными фактами мотивирована целесообразность употребления сочетания «адыгская литература» как термина, обобщающего литературу адыгов. При этом в целях глубокого детализированного изучения вопросов формирования и динамики национального литературного процесса в определенных случаях представляется закономерным обращение к терминам «кабардинская литература», «черкесская литература», «кабардино-черкесская литература» «адыгейская литература», «литература черкесского зарубежья» и обособленное рассмотрение некоторых проблем развития литератур субэтносов, обусловленных экстралитературными (историческими, социально-политическими, административно-территориальными и др.) факторами. Подобный структурированный подход к изучению адыгской (кабардинской, черкесской, адыгейской, черкесского зарубежья) литературы позволит воссоздать общую картину ее генезиса и эволюции.

Адыгская литература создавалась на протяжении многих десятков лет поэтами и писателями разных поколений и творческих индивидуальностей, одни из которых стояли у самых истоков и проложили пути ее становления и первичной эволюции от фольклора к профессиональной литературе, другие – продолжили обогащение художественных традиций с сохранением этноментальных духовных ценностей и параллельным освоением новых форм и направлений развития национальной литературы и культуры в целом.

На настоящем этапе в истории адыгской художественной словесности выделяются несколько стадий и периодов. Согласно мнению некоторых исследователей, национальная литература прошла три стадии становления – долитературную, предлитературную и собственно литературную [Гутов 2006: 747; Гутов 2019b: 7]. Принимая во внимание, что приведенная стадийная градация носит условный характер, важно подчеркнуть ее необходимость в целях систематизации процесса становления литературы и логической структуризации исследования, посвященного ее изучению.

Долитературную (по-другому – нелитературную) стадию представляет устное народное творчество – фольклорные произведения, «которые имеют косвенное отношение к формированию предпосылок письменного авторского художественного творчества. Одним из атрибутивных признаков их можно считать доминирующую в них роль традиционных составляющих, что обусловлено коллективным характером творчества» [Гутов 2019a: 7]. Рассматриваемую стадию представляют обрядовая и мифологическая поэзия

адыгов, народная лирика и народная проза (предания, легенды, сказки), нартские пшинатли и т.д.

Предлитературная стадия, как и долитературная, относится еще к фольклору, но, будучи промежуточным этапом между устным народным творчеством и письменной литературой, имеет свои специфические особенности, главная из которых состоит в индивидуализации творческого процесса и «осознании авторства», т.е. формировании индивидуально-авторского творчества. Данный факт является первым признаком возникновения литературы.

В предлитературную стадию произведения подвергались определенным трансформациям: в них протекал «поступательный процесс вытеснения устнопоэтических клише (*loci communes*) и других приемов типизации средствами индивидуальной характеристики. Центр внимания постепенно переходил к изображению личности, чему сопутствовала переакцентировка внимания на личностное восприятие. Соответственно возрастал удельный вес изобразительно-выразительных средств, способствующих индивидуальной характеристике персонажей или демонстрации личностного восприятия явлений» [Гутов 2019b: 7–8].

Предлитературная стадия представлена творчеством джегуако (народных песнотворцы, певцы и сказители) и писателей-просветителей. Деятельность последних охватывает период с XIX до начала XX в., в рамках которого выделяются три исторических этапа просветительского движения: первый этап – первая половина XIX в., период Кавказской войны (представлен творчеством Шоры Ногмова, Хан-Гирея Султана, Казы-Гирея Султана, Адиль-Гирея Султана), второй этап – вторая половина XIX в. (представлен творчеством Умара Берсея, Кази Атажукина, Крым-Гирея Инатова, Адиль-Гирея Кешева, Лукмана (Дмитрия) Кодзокова), третий этап – конец XIX – начало XX в. (представлен творчеством Кази-Бека Ахметукова, Сефербия Сиюхова, Батырбека Шарданова, Темтеча Хаджимукова, Паго Тамбиева, Талиба Кашежева, Эльбаздуко (Владимира) Кудашева) [Хашхожева 2019: 91–117].

В указанный период XIX – начала XX в. развитие национальной художественной словесности протекало по двум направлениям: с одной стороны, было заметно влияние русской и европейской культур (западный канал), с другой – прослеживались мотивы арабской и турецкой культурных традиций (восточный канал).

В целом, первые предпосылки возникновения адыгской литературы датируются началом XIX века. К этому времени народными джегуако была подготовлена почва для формирования литературных форм, которую развили писатели-просветители, стоявшие у истоков зарождения профессиональной литературы. Именно вторыми из них были созданы образцы художественных произведений, определивших тенденции развития национальной словесности. Однако в условиях отсутствия письменности многие из них были утеряны, за такими редкими исключениями, как стихотворение «Хох» Шоры Ногмова, посвященное академику А. Шегрену, и стихотворение Наутоко Шеретлокова (в некоторых источниках – Нотаук Шеретлук [Хакуашев 1978: 105–122], Науток

Шеретлук [Хашхожева 2019: 85]), написанное по случаю смерти шапсугского князя Сефер-бей Зана.

Первые произведения адыгской литературы были созданы на русском языке и только во второй половине XIX века появилась литература на родных наречиях. Однако это была не художественная, а учебная литература в виде букварей, книг для чтения и справочных изданий. И лишь к началу XX века с открытием первых типографий в Темир-Хан-Шуре, Казани и позднее при Баксанском просветительском центре, созданном Н.А. Цаговым и А.А.-Г. Дымовым, сложились благоприятные условия для создания профессиональной литературы.

Национальное просветительское движение большей частью коррелировало с русской культурой. Адыгские писатели воплощали идеи русского просвещения, писали на русском языке и печатали свои произведения в журналах, издаваемых в Москве и Петербурге. Это обусловило возникновение многочисленных дискуссий относительно целесообразности отнесения к адыгской литературе произведений, написанных на других языках. До настоящего времени исследователями литературы компромисс в этом вопросе не найден. По мнению некоторых из них, главным критерием отнесения творческого наследия автора к национальной литературе является его этническое происхождение и проблемы, освещаемые им в произведениях (они должны быть связаны с историей этноса, отражать его традиции, культуру, взаимодействие с другими народами, в целом – содержать информацию этноспецифического характера). Другими же исследователями приоритетным признается языковой фактор, иначе говоря, согласно их точке зрения, к адыгской литературе относятся произведения, написанные исключительно на адыгских (кабардино-черкесском и адыгейском) языках. В процессе поиска решения рассматриваемой проблемы следует учитывать, что возникновение литературы любого народа генерируется комплексом компонентов и явлений, в числе которых главным, наряду с языковым фактором, является этнический характер художественного мышления, формирующийся на генетическом уровне. Этим фактом подтверждается принадлежность творческого наследия иноязычных (в основном – русскоязычных) авторов (как просветителей XIX в., так и современных писателей) к национальной литературе.

Следует признать, что круг читателей литературы, созданной просветителями, был ограничен неграмотностью народа и незнанием его большей частью русского языка. Тем не менее, просветительская литература с ярко выраженным национальным характером сыграла важную роль в культурном развитии этноса, создании письменности (многие просветители составляли собственные алфавиты, на которых создавали свои произведения и буквари – например, Ш. Ногмов, Н. Шеретлоков, У. Берсей и др.) и формировании профессиональной литературы на родном языке. Творческие идеи, воплощенные писателями-просветителями, были направлены на ликвидацию безграмотности и пропаганду знаний среди необразованной части народа. В их произведениях отражались страницы истории адыгов, судьба отдельных его представителей, воссоздавался типичный образ храброго горца, описывались нравственные устои

общества, другими словами – воспроизводилась художественно оформленная, но правдивая картина жизни этноса.

Таким образом, в эпоху просветительского движения в условиях отсутствия письменности и возможности книгопечатания, главным критерием, определявшим национальную принадлежность произведения и творчества автора в целом, являлась этноментальная ориентированность, отодвигавшая на второй план языковой признак. Впоследствии с созданием письменности, формированием литературных языков и развитием профессиональных литератур языковой фактор стал доминантным критерием национальной идентификации творчества писателя.

В духовном развитии адыгов и, в частности, в становлении литературы значительна роль устного народного творчества. «Фольклор, как основной хранитель народной памяти и этноментальных <...> ценностей, сопутствует этносу на протяжении всего пути его исторического развития. История находит в нем всестороннее и многоаспектное освещение. Одним из важных элементов фольклора является историческая конкретность, позволяющая воссоздавать прошлое народа в художественных образах» [Хавжокова 2016: 15]. Иначе говоря, фольклор выполняет функцию летописца истории этноса.

Неоценима роль фольклора и в развитии национального художественного сознания. Адыгская литература уходит корнями в народное устно-поэтическое творчество. Большинство литературных жанров было сформировано с опорой на обширное жанровое разнообразие, богатство языка и художественных приемов фольклора, что подтверждается исследованиями северокавказских фольклористов и литературоведов С.Ш. Аутлевой, Л.А. Бекизовой, А.М. Гутова, Д.Г. Костанова, А.А. Схалыхо, Ю.М. Тхагазитова, Х.Х. Хапсиорокова и др. В одном из них утверждается, что в дореволюционный период «оставаясь единственным идеологическим оружием у трудового народа, фольклор адыгов приобрел большую общественную силу, часто выполняя роль печати и литературы» [Костанов 1964: 8]. Таким образом, в эпоху становления новописьменной адыгской литературы «чрезвычайно большое влияние фольклора было закономерным явлением, которое объясняется отсутствием развитой художественной традиции» [Бекизова 1974: 147].

Влияние фольклора на становление литературы оказалось процессом длительным, продолжавшимся более полувека – с конца XIX до второй половины XX в.: «именно к этому времени национальная художественная словесность завершила свое качественное формирование: от фольклора, а также переходных устно-литературных и иноязычных феноменов, к становлению основных литературных жанров» [Гутов 2019b: 5]. Однако это не значит, что в указанный период литература полностью отграничилась от народного творчества: в последовавшие за ним этапы и современную эпоху она опирается на фольклор, как в формальном, так и содержательном плане. Известно, что всякое явление, насколько бы далеко оно не эволюционировало, неотрывно от своих истоков, поскольку главным условием любого успешного развития является наличие прочного фундамента. Подобным основанием для литературы адыгов послужил фольклор, при этом особенно заметным его влияние оказалось

на стадии становления. Отчетливее всего оно проявилось в художественном наследии ряда авторов, чье творчество стало промежуточным этапом между народно-поэтическим наследием адыгов и профессиональной литературой. В их числе – Бекмурза Пачев (1854–1936), Цуг Теучеж (1855–1940), Амирхан Хавпачев (1882–1972), Ибрагим Цей (1890–1936), Халид Абуков (1900–1937), Ахмед Хатков (1901–1937), Магомет Дышеков (1902–1943).

В формировании письменной литературы также была значительна роль последних представителей института джегуако Камбота Абазова (1837–1899), Сагида Мижаева (1850–1949), Ляши Агнокова (1851–1918), Кильчуко Сижажева (1863–1945), Индриса Кажарова (1895–1941). Их сочинения, как по содержанию, так и по форме, представляли собой «выраженно авторские» (по определению А.М. Гутова) произведения, что «является эпохальным шагом навстречу к формированию подлинно литературной поэтики. В сущности, это уже настоящая литература, только пока еще не зафиксированная письменно» [Гутов 2019с: 62].

Указанными джегуако и писателями-просветителями не исчерпывается список художников слова, стоявших у истоков профессиональной адыгской литературы, однако именно перечисленным персоналиям удалось «проложить мостик» (по выражению Дж. Налоева) между фольклором и литературой.

Одной из проблем изучения истории адыгской литературы является ее периодизация. В обобщающих и индивидуальных (монографических) исследованиях учеными предложены различные варианты ее решения, которые в целом обусловили условное выделение следующих хронологических рамок:

- 1) 20–30-е гг. XX в.;
- 2) 1941–1945 гг. – военное время;
- 3) 1945–1956 гг. – послевоенное время;
- 4) 60–80-е гг. – эпоха «оттепели»;
- 5) 90-е гг. – постсоветский период (или «новое время»);
- 6) с 2000-х гг. – новейший период.

Начальным этапом становления литератур всех трех адыгских субэтносов (кабардинцев, черкесов, адыгейцев) принято считать 20–30 гг. XX в., когда, согласно точке зрения некоторых исследователей, образовалась широкая читательская аудитория, в результате чего «литература обрела социальный статус» [Гутов 2019b: 11]. Другим не менее значимым показателем возникновения литературы является формирование литературных жанров. Таким образом, к началу XX в. в культурной жизни адыгов сложились все условия для становления профессиональной литературы: зародилось авторское творчество, появилась читательская публика, созданы первые образцы литературных произведений.

Становление адыгской литературы связано с Октябрьской революцией 1917 года и ее последствиями, распространившимися на все сферы жизни. Результатом их влияния на новописьменную национальную литературу стала идеологизация художественного сознания, которую полностью удалось искоренить лишь в конце 80-х – постсоветские 90-е гг. В соответствии с установками утвердившейся власти художественное слово было направлено на

воспевание социалистического строительства, пропаганду коллективного духа, отрицание индивидуального мышления, отказ от индивидуализации героев и психологизации произведений. Отмеченные тенденции настолько прочно укрепились в творческом сознании, что сами писатели «лирическое «я» <...> воспринимали как авторскую нескромность, как самовоспевание» [Налоев 1970: 49]. Они были вынуждены создавать социальные типы – образы, в которых отсутствовало личностное начало: персонажи произведений были «обязаны» стать людьми «нового времени», борцами за «новую жизнь», утверждение социализма. Отвечая подобным требованиям, «молодая адыгейская литература следовала за событиями и идеями эпохи, не очень заботясь о раскрытии психологического содержания характера человека» [Шаззо 1999: 199]. Аналогичные явления также были свойственны кабардино-черкесскому литературному процессу. Тем не менее, вопреки всем сложностям эпохи, уже в 20-е годы адыгская литература породила первую плеяду выдающихся личностей, выполнивших «ключевую функцию катализаторов общественно значимых изменений художественного сознания, обуславливающих прогресс в данной области» [Гутов 2019а: 157].

Основа профессиональной адыгской литературы была заложена группой авторов, часть которых представляет дореволюционный период (Б. Пачев, А. Хавпачев, П. Кешоков, П. Шекихачев, И. Цей, Ю. (К.-Б.) Ахметуков, С. Сиюхов, Ш. Кубов и др.), а творчество другой части писателей (А. Шогенцуков, Х. Абуков, М. Дышеков, А. Хатков, Х. Андрухаев, Т. Керашев, Б. Кобле, М. Паранук) сформировалось в 20-е годы. Вслед за крайней плеядой в литературу влились не менее талантливые творческие деятели в лице Бетала Куашева, Амирхана Шомахова, Залимхана Максидова, Адама Шогенцукова, Алима Кешокова, Абдуллаха Охтова, Хусина Гашокова, Ибрагима Амирокова, Юсуфа Тлюстена, Аскера Евтыха, Дмитрия Костанова и др.

На этапе первичной эволюции в литературах адыгских субэтнотосов наблюдались некоторые различия в освоении жанров: если в кабардинской литературе преобладала поэзия, то в черкесской и адыгейской – прозаические жанры (в основном малые формы – очерк, рассказ, фельетон). Такая тенденция была связана с творчеством конкретных, наиболее ярких личностей, выступавших движущей силой эволюции национальной художественной словесности. Другими словами, в кабардинской литературе поэзия вышла вперед благодаря поэтическому искусству ее основоположника и классика А. Шогенцукова. В черкесской и адыгейской литературах ведущие позиции занимали жанры прозы, активно развивавшиеся в творчестве Х. Абукова, М. Дышекова, Х. Гашокова, А. Охтова, С. Сиюхова, И. Цея, Т. Керашева, А. Хаткова и др.

В целом, в первые десятилетия XX в., до 40-х годов, адыгскими писателями и поэтами были освоены все главные жанры литературы, начиная от лирических, заканчивая драматургическими формами. Значимым событием рассматриваемого периода стала реформа национального стиха, проведенная А. Шогенцуковым. В рамках ее реализации в национальную поэзию привнесена

и удачно адаптирована силлабо-тоническая система стихосложения, которая была апробирована в стихах и поэмах самого Али Асхадовича и впоследствии продолжила свое развитие в произведениях поэтов последующих поколений – Б. Куашева, А. Шомахова, Ад. Шогенцукова, А. Кешокова и далее – в творчестве так называемых «поэтов-шестидесятников».

Тематика поэтических произведений рассматриваемых лет в полной мере соответствовала идеологии эпохи. Лозунги социализма отразились в стихотворениях «Рождение жизни», «Мы победили» Б. Пачева, «Песня о Ленине», «Ленин – наше солнце», «Серго Орджоникидзе» «Песня о Ворошилове» А. Хавпачева, «Советская власть», «КИМ», «25 октября» Т. Борукаева, «Лина – трактористка», «Колхозная полоса», «Пахарь», «Красавица Сатаней» А. Шогенукова, «Наша страна», «Песня дружных», «Наш хлеб белый, как снег», «Кубань» И. Цея и т.д.

Национальная поэзия, как и вся литература, была насыщена политическими и социальными мотивами. Как верно отмечается в «Истории адыгейской литературы», «лирика 20-х годов (до середины XX века. – Л.Х.), как и фольклорная поэзия, была творчеством масс <...>. Облик творца, лирического индивида в стихах <...> почти невозможно уловить. Даже и тогда, когда поэт писал от лирического «я», он будто говорил от имени масс, и, выражая их мысли, чувства, говорил их языком, ориентировался на их жизненный и эстетический опыт» [Шаззо 1999: 220].

К середине 30-х гг. адыгская поэзия вышла на новый уровень освоения жанров мировой лирики. К этому времени некоторыми национальными поэтами осмыслены глубинные основы разных сфер жизни, которые были воплощены в лиро-эпическом жанре – в частности, в поэмах «Мадина» (1928), «Зимняя ночь» (1929), «Партизан Жамбот» (1934) А. Шогенцукова, «У подножия гор» (1934) А. Кешокова и др.

В 20–30 гг. созданы первые произведения адыгской прозы, которые во многом напоминали народные новеллы (хабары), но отличались новаторскими приемами, применявшимися в них. Несмотря на непосредственное влияние фольклорной поэтики, в указанную эпоху были определены основные ориентиры и направления развития национальных прозаических жанров. Особенностью рассказов, очерков и фельетонов тех лет стало представление конкретных личностей с подробным описанием их портретов. Иначе говоря, «первые литературные герои – это по существу очерковые фотографии реальных людей» [Бекизова 1964: 45].

Для начального этапа достаточно активным и перспективным оказалось развитие жанров очерка и фельетона. В 1924–1935 гг. были опубликованы фельетоны черкесского писателя Х. Абукова. В жанре очерка заметна была работа кабардинских и адыгейских авторов: Т. Борукаева («Замужество», «Как я возился с магнитом»), С. Сиюхова («Воскрешение из мертвых», «Черкесы-адыге», «В стране освобожденного Абрскила») и некоторых других писателей. «Многообразие тем породило новые виды очерков, как, например, “окраинный очерк”, “полярный очерк” и др.» [Алхасова 1999: 222].

В целом, в 20–30 гг. в адыгской литературе преобладали зарисовки публицистического содержания, портретные очерки (очерки-зарисовки, очерки-портреты), но уже к концу обозначенного периода начали появляться художественные очерки и очерки-рассказы, как, например, «Дружба» Х. Теунова. Кроме того, многие очерковые произведения, написанные С. Кожаевым, Т. Кашежеевым, А. Тлюняевым и другими авторами, содержали в себе явно выраженные художественные элементы содержательного и формального (композиционного) характера, сближавшие их с рассказом. В очерках последующих лет – 30–40 гг. – произошло совмещение фактического, документального материала с художественным вымыслом, что в первую очередь оказало заметное влияние на становление жанра рассказа.

В первые десятилетия XX в. жанр рассказа успешно развивался в творчестве А. Шогенцукова («Пуд муки», «Под старой грушей»), З. Максидова («Этого забывать нельзя», «Прошлые дни Гисы», «Удар адата»), А. Пшенокова («Муса»), Т. Борукаева («Детские рассказы»), Х. Гашокова («Трактор и люди»), И. Цея («Фатимино счастье», «По заветам старины»), Т. Керашева («Водка», «Позор Машука», «Тайна Сарие»), А. Хаткова («Жертва денег»), Ю. Тлюстена («Аминэт») и др.

Начиная с 30-х гг., наряду с малыми формами были освоены крупные прозаические жанры. В частности, появились повести «Одинокий» (1930) И. Цея, «Новь» (1935) С. Кожаева, «Начало» (1935) Дж. Налоева, «Молодой бригадир» (1935) И. Амирокова, «Радостная жизнь» (1936) С. Темирова, «Путь открыт» (1938) Ю. Тлюстена.

Знаковым явлением в культурной и литературной жизни народа стал выход свет первых адыгских романов – «На берегах Зеленчука» (1930) Х. Абукова, «Шамбуль» (1932; во второй редакции – «Дорога к счастью», 1947) Т. Керашева, «Зарево» (1934) М. Дышекова, «Камбот и Ляца» (1936) А. Шогенцукова.

Появление произведений, написанных в крупных жанрах прозы, было не только закономерным шагом на эволюционном пути новописьменной адыгской литературы, но и острой необходимостью, обусловленной тем, что некоторые важнейшие темы исторического значения и проблемы эпохи, требовавшие всестороннего художественного разрешения, не укладывались в рамки малых форм – не только по объему, но и по структурно-композиционным особенностям.

Заметным событием в становлении национальной литературы стало издание в 1929 г. сборника «Свободный черкес» («Адыгэ шъхьафит»), включившего произведения первых адыгейских авторов: драма «Касей» А. Тхаркахо, повесть «Ильяс» И. Ашкана, стихотворения А. Уджуху, переводы с русского и украинского языков [Мамий 2006: 753].

Следующим достижением национальной литературы стал выход в свет альманахов «Новая сила» («КъаруушIэ», 1932) и «Первый шаг» («Япэ лъэбакъуэ», 1933), на страницах которых состоялись творческие дебюты многих кабардинских поэтов и писателей. В начальном номере «Первого шага» были опубликованы поэтические произведения А. Шогенцукова,

А. Пшенокова, М. Пшенокова, Т. Шакова, М. Афаунова, А. Шомахова, А. Кешокова и др., обозначившие в литературе субэтнуса доминирование поэтических жанров над прозаическими.

Другим значимым явлением середины 30-х гг. стало издание коллективного сборника-альманаха «Идем на пробу» («Зыдогъэунэхуж», 1934), в котором были опубликованы произведения черкесских авторов М. Дышекова, Х. Абукова, А. Охтова, Х. Гашокова, И. Амирокова, Н. Озова и др. В издании были представлены только прозаические произведения, что свидетельствовало о ведущих позициях прозы в черкесской литературе на этапе ее становления.

Таким образом, в 20–30 гг. в адыгской литературе были сформированы все основные жанры прозы, которые воплотили социальные и отчасти политические идеи времени их создания. В них отразилось прошлое этноса, что подтверждает их историческую значимость. Вместе с тем следует признать, что в первых прозаических произведениях национальных авторов обнаруживаются определенные недостатки, касающиеся организации художественного текста, подачи материала, логического выстраивания сюжетных линий, сопровождавшиеся «слабостью конфликтов и растянутостью повествования» [Бекизова 1964: 80]. Однако велика роль этих произведений в общекультурном развитии, поскольку без этого первичного опыта адыгских писателей невозможно было бы становление национальной литературы и продолжение процесса духовного и культурного просвещения этноса, начавшегося в XIX веке.

К рассматриваемому периоду также относится зарождение драматургических жанров адыгской литературы. В эпоху недостаточной образованности большей части народа и отсутствия развитого печатного производства вполне закономерной стала активизация деятельности агитбригад и театральных коллективов, функционировавших в регионах проживания адыгов – Адыгее, Карачаево-Черкесии и Кабардино-Балкарской Республике. Именно через них происходила практическая апробация первых драматургических произведений национальных авторов.

Начиная с середины 20-х гг. вышли в свет произведения, заложившие основы адыгской драматургии: драма «Кочас» (1925) И. Цея, пьесы «Зули» и «Зариля» (1929) Т. Табулова, «Детская пьеса» (1932) М. Дышекова, «Октябрь» (1935) И. Амирокова, «Кахун» (1935) Дж. Налоева, «Пламя» (1935) М. Афаунова, «Коригот» (1936) П. Шекихачева, «Мажид и Марьят» (1938) М. Тубаева, «Аул Батыр» (1939) А. Шортанова. Как заметно хотя бы по количеству перечисленных произведений, уже на начальном этапе развития национальная литература достигла определенных высот в освоении жанров драматургии. Вместе с тем и здесь наблюдались некоторые недостатки, которые, по словам исследователя, драматурга и писателя А.Т. Шортанова, «объяснялись незнанием авторами особенностей драматургического искусства. Отсюда проистекали все беды: слабое композиционное построение живых диалогов, рыхлость сюжетной линии, многословие, почти полное отсутствие «внутреннего развития» героев, вялость действия и т.д.» [Шортанов 1961: 44].

Таким образом, 20–30 гг. XX в. стали временем открытия адыгскими писателями нового мира художественной литературы. Главным достижением

адыгской литературы рассмотренного этапа становления следует признать создание «новых художественных традиций, связанных, с одной стороны, с социально-политическими борениями эпохи, с другой – обогащенных опытом национального устного народного творчества» [Шаззо 1999: 215]. В произведениях тех лет, написанных как в поэтических (стихи, поэмы), так и прозаических (рассказы, очерки, фельетоны, повести, романы) и драматургических (пьесы) жанрах, обнаруживаются первые попытки отбора и типизации явлений действительности и удачные случаи их художественного обобщения и воплощения. Эти процессы способствовали приобретению и развитию писательского мастерства, оттачиванию таланта национальных авторов. При этом естественными были недостатки прозы и драматургии, заключающиеся в простом пересказе событий, констатации фактов, поверхностной характеристике героев, которые были свойственны произведениям начинающих писателей.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Алхасова 2019 – *Алхасова С.М.* Кабардино-черкесская литература 20–30-х годов XX века // История адыгской (кабардино-черкесской) литературы. Т. I. – Нальчик: Редакционно-издательский отдел ИГИ КБНЦ РАН, 2019. – С. 217–257.

Бекизова 1974 – *Бекизова Л.А.* От богатырского эпоса к роману. – Черкесск: Ставропольское книжное издательство. Карачаево-Черкесское отделение, 1974. – 288 с.

Бекизова 1964 – *Бекизова Л.А.* Черкесская советская литература: (Становление и развитие) / Науч. ред. И.В. Тресков. – Ставрополь: Ставропольское книжное изд-во, 1964. – 199 с.

Гутов 2019а – *Гутов А.М.* Бекмурза Пачев // История адыгской (кабардино-черкесской) литературы. Т. I. – Нальчик: Редакционно-издательский отдел ИГИ КБНЦ РАН, 2019. – С. 157–216.

Гутов 2019б – *Гутов А.М.* Введение // История адыгской (кабардино-черкесской) литературы. Т. I. – Нальчик: Редакционно-издательский отдел ИГИ КБНЦ РАН, 2019. – С. 3–18.

Гутов 2019с – *Гутов А.М.* Искусство джегуако // История адыгской (кабардино-черкесской) литературы. Т. I. – Нальчик: Редакционно-издательский отдел ИГИ КБНЦ РАН, 2019. – С. 44–55.

Гутов 2006 – *Гутов А.М.* Литература: Предварительные замечания // Адыгская (черкесская) энциклопедия / Гл. ред. М.А. Кумахов. – М.: Фонд им. Б.Х. Акбашева, 2006. – С. 747–748.

Костанов 1964 – *Костанов Д.Г.* Некоторые вопросы становления и развития адыгейской советской литературы // Ученые записки АНИИ языка, литературы и истории. Серия фольклора и литературы. – Майкоп, 1964. Т. 3. – С. 5–24.

Мамий 2006 – *Мамий Р.Г.* Адыгейская литература // Адыгская (черкесская) энциклопедия / Гл. ред. М.А. Кумахов. – М.: Фонд им. Б.Х. Акбашева, 2006. – С. 753–761.

Налоев 1970 – *Налоев З.М.* Послевоенная кабардинская поэзия (1945–1956). – Нальчик: Эльбрус, 1970. – 156 с.

Хавжокова 2016 – *Хавжокова Л.Б.* Художественное осмысление темы Кавказской войны и махаджирства в адыгской поэзии. – Нальчик: ООО «Печатный двор», 2016. – 192 с.

Хакуашев 1978 – *Хакуашев А.Х.* Адыгские просветители. – Нальчик: Эльбрус, 1978. – 257 с.

Хашхожева 2019 – *Хашхожева Р.Х.* Адыгская просветительская литература XIX – нач. XX в. // История адыгской (кабардино-черкесской) литературы. Т. I. – Нальчик: Редакционно-издательский отдел ИГИ КБНЦ РАН, 2019. – С. 85–142.

Шаззо 1999 – *Шаззо К.Г.* Зарождение и становление новописьменной адыгейской литературы (20-е годы) // История адыгейской литературы в 2-х томах. Т. I. – Майкоп: Меоты, 1999. – С. 188–235.

Шортанов 1961 – *Шортанов А.Т.* Театральное искусство Кабардино-Балкарии. – Нальчик: Кабардино-Балкарское книжное изд-во, 1961. – 159 с.

REFERENCES

ALHASOVA S.M. *Kabardino-cherkesskaya literatura 20–30-h godov XX veka* [Kabardino-Circassian literature of the 20-30s of the XX century]. IN: *Istoriya adygskoj (kabardino-cherkesskoj) literatury. T. I* [History of the Adyghe (Kabardino-Circassian) literature. Vol. I]. – Nalchik: Editorial and Publishing Department of IHR KBSC RAS, 2019. – P. 217–257. (In Russian)

BEKIZOVA L.A. *Cherkesskaya sovetskaya literatura: (Stanovlenie i razvitie)* [Circassian Soviet Literature: (Formation and Development)]. – Stavropol: Stavropol book publishing house, 1964. – 199 p. (In Russian)

BEKIZOVA L.A. *Ot bogatyrskogo eposa k romanu* [From the heroic epic to the novel]. – Cherkessk: Stavropol Book Publishing House. Karachay-Cherkess branch, 1974. – 288 p. (In Russian)

GUTOV A.M. *Bekmurza Pachev* [Bekmurza Pachev]. IN: *Istoriya adygskoj (kabardino-cherkesskoj) literatury. T. I* [History of the Adyghe (Kabardino-Circassian) literature. Vol. I]. – Nalchik: Editorial and Publishing Department of the IGI KBSC RAS, 2019. – P. 157–216. (In Russian)

GUTOV A.M. *Iskusstvo dzheguako* [Dzheguako art]. IN: *Istoriya adygskoj (kabardino-cherkesskoj) literatury. T. I* [History of the Adyghe (Kabardino-Circassian) literature. Vol. I]. – Nalchik: Editorial and Publishing Department of the IGI KBSC RAS, 2019. – P. 44–55. (In Russian)

GUTOV A.M. *Literatura: Predvaritel'nye zamechaniya* [Literature: Preliminary remarks]. IN: *Adygskaya (cherkesskaya) entsiklopediya / Gl. red. M.A. Kumakhov* [Adyghe (Circassian) encyclopedia. Ed. by M.A. Kumakhov]. – M.: Fond im. B.Kh. Akbasheva, 2006. – P. 747–748. (In Russian)

GUTOV A.M. *Vvedenie* [Introduction]. IN: *Istoriya adygskoj (kabardino-cherkesskoj) literatury. T. I* [History of the Adyghe (Kabardino-Circassian) literature. Vol. I]. – Nalchik: Editorial and Publishing Department of the IGI KBSC RAS, 2019. – P. 3–18. (In Russian)

KHAKUASHEV A.H. *Adygskie prosvetiteli* [Adyghe educators]. – Nalchik: Elbrus, 1978. – 257 p. (In Russian)

KHASHKHOZHEVA R.H. *Adygskaya prosvetitel'skaya literatura XIX – nach. XX v.* [Adyghe educational literature XIX – early XX century]. IN: *Istoriya adygskoj (kabardino-cherkesskoj) literatury. T. I* [History of the Adyghe (Kabardino-Circassian) literature. Vol. I]. – Nalchik: Editorial and Publishing Department of the IGI KBSC RAS, 2019. – P. 85–142. (In Russian)

KHAVZHOKOVA L.B. *Hudozhestvennoe osmyslenie temy Kavkazskoj vojny i mahadjirstva v adygskoj poezii* [Artistic comprehension of the theme of the Caucasian war and mahadjirism in the Adyghe poetry]. – Nalchik: LLC "Printing House", 2016, 2016. – 192 p. (In Russian)

KOSTANOV D.G. *Nekotorye voprosy stanovleniya i razvitiya adygejskoj sovetskoy literatury* [Some questions of the formation and development of the Adyghe Soviet literature]. IN: *Uchenye zapiski ANII yazyka, literatury i istorii. Seriya fol'klora i literatury* [Scientific notes of the ANII language, literature and history. A series of folklore and literature]. – Maykop, 1964. Vol. 3. – P. 5–24. (In Russian)

MAMII R.G. *Adygejskaya literatura* [Adyghe literature]. IN: *Adygskaya (cherkesskaya) entsiklopediya / Gl. red. M.A. Kumakhov* [Adyghe (Circassian) encyclopedia. Ed. by M.A. Kumakhov]. – M.: Fond im. B.Kh. Akbasheva, 2006. – P. 753–761. (In Russian)

NALOEV Z.M. *Poslevoennaya kabardinskaya poeziya (1945–1956)* [Post-war Kabardian poetry (1945–1956)]. – Nalchik: Elbrus, 1970. – 156 p. (In Russian)

SHAZZO K.G. *Zarozhdenie i stanovlenie novopis'mennoj adygejskoj literatury (20-e gody)* [The origin and formation of newly written Adyghe literature (20s)]. IN: *Istoriya adygeiskoi literatury v 2-kh tomakh. T. I* [History of the Adyghe literature in 2 volumes. Vol. I]. – Maikop: Meoty, 1999. – P. 188–235. (In Russian)

SHORTANOV A.T. *Teatral'noe iskusstvo Kabardino-Balkarii* [Theatrical art of Kabardino-Balkaria]. – Nalchik: Kabardino-Balkarian book publishing house, 1961 . – 159 p. (In Russian)

ФОЛЬКЛОР И ЛИТЕРАТУРА НАРОДОВ КАВКАЗА

УДК 82–1

DOI 10.31143/2542-212X-2021-1-208-227

**ЖЕНЩИНЫ-ДЖИГИТЫ ИЛИ ГЕНДЕРНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ПОЭЗИИ
ФОУСАТ БАЛКАРОВОЙ****Л.Ч. КУМЫШЕВА
З.А. КУЧУКОВА**

*Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова
360004, КБР, г. Нальчик, ул. Чернышевского, № 173
E-mail: kuchuk60@list.ru, lyanakumysh@icloud.com*

Аннотация. На материале лирических и эпических произведений авторы статьи исследуют специфические особенности гендерной картины мира классика кабардинской литературы Фоусат Балкаровой. Структуризация целостного материала на 5 взаимосвязанных разделов позволяет авторам последовательно, крупным планом рассмотреть тематический, личностный, языковой, хронологический и конфликтогенный аспекты этногендерного сознания поэтессы. Показан исторически обусловленный процесс трансформации социальных конструктов «мужественное» и «женственное» адыгского патриархального общества под давлением факторов цивилизации и модернизации. Проведенный анализ позволил выявить в поэзии Ф. Балкаровой и идентифицировать онтологический метакод «женщина-джигит», маркирующий доминирование маскулинных черт в образе новой, самодостаточной женщины послевоенных лет. В статье также рассмотрен комплекс вопросов, связанных с ускоренным темпом жизни, «двойным репертуаром» женщины, гендерной асимметрией, конфликтом двух поколений, художественным этнографизмом.

Ключевые слова: гендер; кабардинская поэзия; Фоусат Балкарова; женщина-джигит; гендерная асимметрия; конфликт; адыгский этикет; цивилизация.

**WOMEN-DZHIGITS OR GENDER DIMENSION OF FOUSAT
BALKAROVA'S POETRY****L.Ch. KUMYSHEVA
Z.A. KUCHUKOVA**

*Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov
360004, KBR, Nalchik, Chernyshevsky Str., 173
E-mail: kuchuk60@list.ru, lyanakumysh@icloud.com*

Abstract. On the basis of lyric and epic works, the authors of the article investigate the specific features of the gender picture of the world of the classic of Kabardian literature Fousat Balkarova. The structuring of the holistic material into 5 interrelated sections allows the authors to consistently, close-up consider the thematic, personal, linguistic, chronological and conflict-prone aspects of the

poetess' ethnogender consciousness. The historically conditioned process of transformation of social constructs «masculine» and «feminine» of the Adyghe patriarchal society under the pressure of factors of civilization and modernization is shown. The analysis made it possible to reveal in the poetry of F. Balkarova and identify the ontological metacode «woman-dzhigit», marking the dominance of masculine traits in the image of a new, self-sufficient woman of the post-war years. The article also examines a complex of issues related to the accelerated pace of life, the «double repertoire» of women, gender asymmetry, the conflict of two generations, artistic ethnography.

Keywords: gender; Kabardian poetry; Fousat Balkarova; dzhigit woman; gender asymmetry; conflict; Adyghe etiquette; civilization.

Точку отсчета гендерных исследований в кабардино-балкарской литературоведческой науке определяет Международная научная конференция Российской ассоциации исследователей женской истории с примечательным названием «Российская гендерная история с «юга» на «запад»: прошлое определяет настоящее», состоявшаяся в 2013 году в КБГУ. Объясняя важность проведения подобного форума на Северном Кавказе, организаторы Н.А. Пушкарева и М.А. Текуева подчеркнули, что «данный регион сегодня представляет узел политических противоречий, межконфессионального напряжения, где сложный этнический состав населения определяет специфику гендерных отношений». Далее названные гендерологи отметили, что «собравшись вместе – можно обсудить проблему понимания равенства, ее историчность и ее трансформации, вычленив из современного общественного дискурса сложный комплекс проблем, связанных с конфликтом традиционной ментальности и трансформационных процессов современности» [Пушкарева, Текуева 2013: 12].

Конференция положила начало активной разработке в КБР основ гендерного литературоведения, позволяющего рассматривать динамику женского социального самосознания на материале художественных текстов. Среди таких гендерно маркированных исследований следует отметить труды З.Х. Гулиевой, Э.Х. Манкиевой, Л.Ф. Хараевой. Благодаря этим и другим работам, во многом проясняются вопросы, связанные с архаичными гендерными конструктами, их исторически предопределенной трансформацией, этногендерной ментальностью, явлениями феминизма и женской эмансипации. По мнению современных кавказоведов, настала пора «дать импульс к становлению этнической гендерологии, очертив проблемно-тематические контуры и возможные горизонты ее развития» [Детерминация... 2019: 4].

Неразработанной в этом плане областью остается творчество Фоусат Гузеровны Балкаровой (1932–2009) – «первой адыгской профессиональной поэтессы» [Хакуашева 2003: 105], которая в 1960 г. окончила Литературный институт им А.М. Горького, является автором многочисленных сборников на родном и русском языках. Актуальность данной статьи обусловлена необходимостью изучения этногендерного аспекта творческого наследия Ф. Балкаровой для осмысления путей исторического развития традиционного кабардинского общества, его аксиологии в разрезах «мужское и женское», «константное и переменчивое». *Цель статьи* – исследование гендерного

дискурса балкарской поэзии в тесной соотнесенности с биографическим, историко-культурным и литературным контекстом.

Методы. В процессе исследования использовались как исторически сложившиеся, так и инновационные методы в их взаимосвязи и взаимодействии: сравнительно-исторический, семиотический, герменевтико-интерпретационный, а также метод гендерной экспертизы текста. Специфику нашей методологии определяет учет статического и динамического в содержании гендерных конструктов, испытывающих синхронное влияние национальных традиций и универсальных процессов глобализации. При разработке вопросов, связанных с теорией гендера, мы обращались к работам З.Х. Гулиевой [Гулиева 2015], Э.Х. Манкиевой [Манкиева 2017], Н.Л. Пушкаревой [Пушкарева 2007], М.А. Текуевой [Пушкарева, Текуева 2013], Л.Х. Сабанчиевой [Сабанчиева 2016], Л.Ф. Хараевой [Хараева, Кучукова 2018], Х.Г. Тхагапсоева и его соавторов [Детерминация... 2019]. Важным методологическим подспорьем при изучении творчества Ф. Балкарской стали труды кабардинских литературоведов А.Х. Мусукаевой, Ю.М. Тхагазитова, М.А. Хакуашевой. Авторы сочли возможным использование в работе русских переводов поэтических текстов Ф. Балкарской, ввиду их высокой степени соответствия первоисточникам, благодаря мастерству таких авторитетных переводчиков, как М. Петровых, Ю. Нейман, В. Звягинцева, Л. Васильева, и в особенности, А. Кайданов – уроженец Кабардино-Балкарии, изнутри знающий этнокультуру адыгов.

Тема

Гендерный индекс любого автора главным образом проявляется на тематическом уровне. Это тот случай, когда «анатомия – это судьба» [Душенко 2011: 776], определяющая повышенный интерес женщины-автора к женской тематике. Фемининный дискурс обнаруживает себя, прежде всего, на уровне заголовков произведений кабардинской поэтессы: «Мать», «Матери», «Мать то вздохнет глубоко...», «Две матери», «Святое слово – мать», «Мне снятся мамины глаза», «Слезы матери», «Улыбка матери», «Тина разговаривает с письмами», «Я дочь Кавказа», «Дочь моей земли», «Дочь народа», «Девушка впервые полюбила», «Девичья песня», «Гармонистка», «Кабардинка», «Мой совет девушкам», «Свекровь», «Вдова», «Восьмое марта», «Свадьба с любимой», «Солнце, родник, девушка», «Артистка», «Наседка», «Три сестры», «Под деревом девушка ждет», «Подруга», «Хаца» и др.

Справедливости ради следует отметить, что в кабардинской художественной словесности женская тематика и до Фоусат Балкарской не была *terra incognita*. Она достаточно широко освещалась в национальном фольклоре, в творчестве основоположников адыгской литературы. Но при этом наблюдалась явная исполнительско-мировоззренческая диспропорция, о которой сама поэтесса весьма рельефно и аналитично написала в стихотворении «Возникла песня»:

И у адыгов песнопевцы есть,

Немало их... Но все они – мужчины.

«Не дело женщины – стихи писать!» –

И кабардинки жили, чувства пряча.

Лишь гыбза – песня горя, песня плача –

Была при них – сестра, подруга, мать...

Лишь причитать нам разрешалось вслух,

Звучала гыбза всюду с нами рядом.

Хымсад, и Гошагаг, и Адиюх

Оплаканы ее унылым ладом [Балкарлова 1986: 13].

Здесь лирическая героиня Ф. Балкарловой, выступая в роли историка литературы, справедливо отмечает, что длительное время понятия «грамота», «письменность», «поэзия», «творчество» были прерогативой мужчин, вследствие чего профессиональные литературные работники среди женщин на Северном Кавказе появились только после культурной революции в начале XX столетия. Далее, рассуждая о генезисе кабардинской лирики, героиня анализируемого стихотворения со знанием дела отмечает процесс постепенного отпочкования от гыбзы, песни-плача «тоненькой зеленой веточки» [Балкарлова 1986: 13], имя которой «кабардинская женская поэзия». Естественно, нельзя отрицать творческое мастерство величайших авторов-мужчин в мировой литературе, которые с поразительной психологической достоверностью описали космо-психо-логос женщины, но все же был важен «взгляд изнутри», который мог быть осуществлен только путем гендерного самовыражения женщины.

Как справедливо отмечает Н.Л. Пушкарева, «в женских эго-документах, как правило, значительное внимание уделяется теме дома, семьи, частной жизни; эта тема значима практически для всех авторов-женщин, и чем более они не похожи, не стараются быть похожими на авторов-мужчин, тем больше в их текстах можно обнаружить присутствие этой темы "частного"» [Пушкарева 2007: 327]. Нельзя сказать, что Ф. Балкарлова полностью пробила брешь в запретных темах «женской телесности», но все же она значительно расширила диапазон дозволенных рефлексивных практик по вопросам гендерной культуры. В сферу высокой поэзии она вводит понятия «свекровь», «развод», «измена», много рассуждает о психологическом климате семьи, эталонах женственности и мужественности. Поэтессе, волей судьбы оказавшейся на перекрестке исторических времен, приходится «на ходу» определяться с тем, что взять из старых патриархальных ценностей, из адыгского этикета, а что из инновационного, советско-социалистического. Она понимает, что часто происходит столкновение идеалов, как в ее собственном сознании, так и в реальной жизни. Эта ситуация расходящихся точек зрения естественным образом обнаруживает себя в поэтических текстах.

«Зым Гэпыхур зым кыщтэжу» (То, что один уронил, другой подбирает) – в этой поговорке зафиксирован кабардинский народный идеал семейных отношений, основанный на абсолюте взаимопонимания и взаимопомощи на всех уровнях. Фольклорной формулой такого рода гендерной симметрии является композиция «если / то», репрезентированная в одном из ранних стихотворений поэтессы:

А если над тобой нависнут тучи,
То я их разгоню, солнца став лучом.
А если станешь ты орлом могучим,
То стану ветром под твоим крылом.
А если ты в горах замерзнешь снежных,
Я стану буркой теплой для тебя [Балкарова 1986: 103].

Подобный жанр литературоведами определяется как «дуэтное песнопение» [Хараева, Кучукова 2018: 57]. На каждую гипотетически обусловленную ситуацию партнер (или партнерша) отвечает максимально эгожертвенным поступком. Такого рода союз, напоминающий «инь и ян», является гендерным идеалом кабардинской поэтессы. Но в условиях стремительных исторических перемен этот социальный идеал становится недостижим, чаще всего, вследствие конфликта поколений, расхождения интересов консервативных «отцов» и прогрессивных «детей». Как показывает Ф. Балкарова, в этой необъявленной войне двух поколений больше всех страдает женщина, поскольку с одной стороны, как личность, она стремится к реализации своих творческих и профессиональных возможностей, а с другой, как добропорядочная сноха, она должна беспрекословно подчиняться требованиям своих новообретенных родственников в мужнем доме. Не меньше страдает и молодой человек, который одинаково сильно любит новобрачную супругу и собственных родителей.

«Меж двух огней» – таким удачным заголовком своей гендерно маркированной поэмы Ф. Балкарова обозначила суть поликонфликтной ситуации, в которую оказались втянуты свекровь и невестка, муж и жена, село и город, работодатель и профессионал, патриархальный мир и цивилизация. Во вводной части произведения поэтесса в лучших традициях гендерно-исповедальных откровений делится с читателями эпизодом из собственной автобиографии:

Семейных много знаю драм,
Да и сама страдала,
Когда меня, признаюсь вам,
Свекровь не принимала.
Ах, если бы могла она
Понять меня немного!..
Я тоже не жила б одна,
Одна с детьми сегодня! [Балкарова 1986: 195]

Далее в поэме описывается начало счастливой семейной жизни Халида и Амины. Каждый из партнеров до вступления в брак успел самореализоваться по полной программе и занимает достаточно твердую позицию в социуме. Халид работает завскладом, имеет городскую квартиру, в свободное время занимается в аэроклубе. Его избранница Амина является востребованной вокалисткой в госфилармонии, ее ценят зрители и руководство, у нее много творческих планов, она – народная артистка. После свадьбы равнодостойные молодые люди, женившиеся по большой взаимной любви, поселяются в городской квартире. Для полноты счастья, для ощущения родовых корней они забирают к себе и мать Халида, которая поначалу чувствует себя вполне комфортно рядом с молодыми, помогает им по уходу за внучком.

Но с возрастом бабушку Тину, как магнитом, начинает притягивать к себе патриархальная старина, она мечтает возвратиться в сельский дом, заняться домашним хозяйством. Синхронно с тягой к старине в свекрови нарастает количество претензий к снохе: «не чтит Аллаха, уразу» [Балкарова 1986: 196], «на уме у ней – наряды да помада» [Балкарова 1986: 201], «пропадает день и ночь на представленьях» [Балкарова 1986: 201], «готова детей отдать в ясли, чтоб самой не нянчить» [Балкарова 1986: 202]. Под огонь критики попадает и сын Тины, которого мать обвиняет в выполнении «женских дел»: «Терпи ее порядки! // Стирай! Вари обеды» // Жена пусть будет весела!» [Балкарова 1986: 199].

Метафорическим выражением «разъят я на две части» [Балкарова 1986: 204] главный герой показывает свое сложное психологическое состояние, невозможность занять одну из предложенных сторон. Поначалу он шутками-прибаутками, риторическими вопросами пытается образумить категоричную мать: «И в чем вина перед тобой // Жены моей Амины? // В том, что в квартире городской // Нет места для скотины? // И кукуруза не растет // На городских газонах?» [Балкарова 1986: 199]. Но неугомонная женщина настаивает на разводе со снохой – «бездельницей, кукушкой» [Балкарова 1986: 198] и угрожает в одиночестве, «босиком», «пешком» вернуться в родное село.

Художественное мастерство Ф. Балкаровой заключается в том, что она не ограничивается изложением частного драматического приключения на семейную тематику. Будучи тонким психологом, она умудряется попутно измерить степень этногендерной толерантности собственного народа опосредованным образом. Оперировав исключительно литературными приемами, она «организует» своеобразный соцопрос через дискуссию, в которой участвуют не только главные герои (Тина, Амина, Халид), но также и несколько посторонних лиц, в том числе, друг Халида Хабас, родители Амины и ее коллеги по работе.

На повестку дня вынесены важные вопросы этногендерного порядка: «Должна ли мать/свекровь вмешиваться в дела новой семьи? Чью позицию в споре следует занять «истинному адыгу»: жены или матери? Что должно быть приоритетнее для замужней женщины: семья или профессиональная деятельность?»

Чадолубивый Хабас, которому жена родила девятерых детей, считает, что интересы всех взрослых должны быть направлены на воспитание детей. Дети – превыше всего. По его мнению, развод недопустим, поскольку «малютки – дети» не должны жить в разлуке с отцом и «в зависти к другим» [Балкарова 1986: 214]. Он открыто осуждает немудрую, эгоистичную «мамашу, не понимающую, в чем суть всей новой жизни нашей» [Балкарова 1986: 215].

Диаметрально противоположную позицию занимает мать Амины. В полном соответствии с законами патриархального общества, она напоминает дочери о том, что «свекровь – вторая мать», «надо слушать мужа», «семья важнее работы», «село ничем не хуже города» [Балкарова 1986: 223].

Самую гуманную по отношению к дочери позицию в поэме занимает Жамал, отец Амины, который считает, что женщина имеет право на реализацию своих творческих возможностей. В подтексте произведения таится справедливая мысль автора о том, что подлинная интеллигентность человека определяется не «белым воротничком» и «дипломом в нагрудном кармане». Сказанное имеет прямое отношение к Жамалу – «потомственному чабану» [Балкарова 1986: 219], который на самом деле является подлинным народным просветителем. Именно в его уста поэтесса вкладывает поговорку: «Арбе подобен без колес безграмотный невежда» [Балкарова 1986: 219]. В свое время Жамал поддержал желание дочери получить профессиональное образование («Пять лет учиться ей пришлось // В Саратове, на Волге» [Балкарова 1986: 220]. В полном соответствии с мнением современных гендерологов, мудрый старик считает, что в идеале каждая самодостаточная женщина способна исполнять «двойной репертуар», то есть заниматься любимой профессией, и в той же мере успешно вести домашнее хозяйство. Дипломатичный Жамал предпринимает все усилия для оздоровления семейного климата своей дочери. Словами «Хороший зять – что сын родной» [Балкарова 1986: 220] он подчеркивает важность родственных отношений, но в то же время избегает прямого, императивного вмешательства в дела Халида. Его слова: «Ты мать чем хочешь, утешай, // Будь ей хорошим сыном, // Но все ж судьбу семьи решай, // Как истинный мужчина» [Балкарова 1986: 221].

Судя по концовке поэмы, «истинный мужчина» не смог справиться с навалившимся на него грузом проблем. Ему так и не удалось преодолеть психологическую зависимость от своей деспотичной матери, вследствие чего, оставив жену и двоих детей, он возвращается в село, где потихоньку деградирует, «пытаясь вином залить свое горе» [Балкарова 1986: 217].

Поэма «Меж двух огней» написана Ф. Балкаровой в 1967 г. С той поры минуло более полувека, но проблема межсемейных отношений, вызванная многочисленными факторами социального, этнического, психологического порядка, по-прежнему актуальна. Завершая данный раздел, считаем уместным привести слова отечественного философа и литературоведа Г.Д. Гачева о дефиците культуры Любви в современном обществе: «Но вот нынешняя грозная демографическая ситуация в России, когда катастрофически падает рождаемость, распадаются семьи, умножаются разводы... – ставит во всей остроте вопрос о непродуманности проблем Эроса в нашей культуре.

И повинно в этом, в частности, ханжески-чистоплюйское отношение к культуре Эроса в нашей мысли и в литературе последних десятилетий. Между тем тут именно культура должна выработаться, а не слепота и закрывание глаз страусиное» [Гачев 1994: 7].

Женщины-джигиты

«Конструирование гендера – это процесс и результат встраивания индивида в социально и культурно обусловленные модели мужественности или женственности, принятые в данном обществе на данном историческом этапе» [Гендер в британской... 2012: 200] – отмечают современные гендерологи. Отталкиваясь от приведенной цитаты, можно сделать вывод о диалектическом единстве устойчивости и изменчивости гендера как этнокультурного конструкта в адыгском, и шире, кавказском социуме.

Речь идет о том, что в каждом этноколлективе есть определенные базовые представления об «образцовой женщине» с целым набором ее социально одобряемых атрибутивных признаков – от внешнего вида до поведенческого комплекса. Но подобный архетипический образ имеет достаточно большую амплитуду колебаний в зависимости от национальных традиций, исторических условий, политического режима и иных факторов.

В трудах многих дореволюционных этнографов-кавказоведов можно встретить этюды о социальном положении адыгских девушек, их трудовых обязанностях. Многие авторы отмечают, что девушек не привлекали к тяжелой физической работе: «их учат вязать, плести позументы, шить платья, плести корзинки и циновки и другим занятиям, подходящим для их пола [Адыги... 1974: 222].

Однако от этой идиллии дамского времяпровождения и следа не остается, если на смену мирных дней приходят военные тяготы. В условиях, когда мужское население этноколлектива занято военными действиями и значительная его часть погибает, гендерный конструкт женственности претерпевает кардинальные изменения, невозможное становится возможным, ранее невысказанное – жизненно необходимым.

Именно такой род гендерной трансформации описывается Ф. Балкаровой в целом ряде ее стихотворений, которые условно можно объединить в единый цикл под названием «Женщины-джигиты». Кстати, так называется одно из самых характерных произведений поэтессы. Естественно, первопричиной подобного социально-гендерного перекоса стала Великая Отечественная война 1941–1945 гг., обусловившая раннюю потерю будущей поэтессой своего отца, психологическую травму, связанную с этой трагедией, тяготы физических нагрузок, ставшие нормой, потребность отныне быть постоянно внутренне мобилизованной.

В послевоенные годы на место поэтизации чисто женских добродетелей приходит андроцентризм, акцентирующий внимание на мужских качествах, необходимых для выживания в экстремальных условиях, то есть, бесстрашии, силе, ловкости, выносливости.

Замечательный художественный образ подобной гипертрофированной девочки-джигита запечатлен Ф. Балкаровой в ее автобиографическом стихотворении «Поединок». Приведем три первые строфы:

Что сила ценится у нас,
Я знала с детских лет.
Хотя девчонкой родилась,
Меня любил мой дед.

Проворство ног моих и рук
Похваливал, ценя,
И, точно я и вправду внук, –
Звал «Мишкою» меня.

Да я и впрямь была крепка,
Иным парням под стать,
Мне их, на радость старика,
Случалось побеждать [Балкарова, 1986: 98].

Дед в послевоенных условиях колоссального дефицита мужского населения на подсознательном уровне «лепит» из своей внучки мальчика, джигита, вплоть до того, что даже присваивает ей мужское имя «Мишка». Старик методично тренирует ее, воспитывает в ней «культурные детерминанты мужества» [Бгажноков 1999: 61], для оттачивания мастерства устраивая для нее спортивные поединки. Много объясняет и интертекстема «Лашин», встречающаяся в тексте. Это имя героини кабардинского фольклора – обладательницы невероятной богатырской силой, которая в военной схватке победила иноземных противников [Кабардинский... 2000: 84].

Типологически сходный образ физически сильной, мужественной женщины, способной в критический момент стать «выше самой себя» [Гулиева 2015:11], автор создает в поэме «Встреча с сыном». У главной героини Гошаны муж погиб во время Гражданской войны, сноха и внук – в Великой Отечественной войне. Движимая жаждой мести, бесстрашная женщина становится участницей партизанского отряда. Вот как Ф. Балкарова описывает схватку партизанки с фашистским палачом на городской площади, где ее ожидала виселица:

Но вдруг вернулась к ослабевшей сила,
Плевком в лицо ответив подлецу,
Упавшую скамью она схватила,
За гибель внука, за сноху свою,
За всех – удар обрушила Гошана.
Такой бесстрашной видели в бою
Вдову Мамбета наши партизаны» [Балкарова 1986: 128].

Гендерный архетип «железная женщина» прочно вошел в мировую культуру после премьер-министра Великобритании Маргарет Тэтчер (1925–2013), с именем которой прочно ассоциируются такие качества как властность, решительность, мужество и отважный ум, позволяющий брать на себя те формы социально-гражданской ответственности, которые исстари считались прерогативой мужчин. Через вегетативный образ «железного дерева» в одноименном стихотворении Ф. Балкаровой изображается типаж мужественной женщины. Корни дерева отважно «врезаются в скалы», «его хлещут молнии», «метель безжалостно его сгибает», «осенние ветра пытаются его согнуть», «его сжигает летняя жара», но вопреки всем природным невзгодам, железное дерево ежегодно «по весне шумит листвой» [Балкарова 1986: 7]. Сравнивая с ними себя и своих современниц, поэтесса пишет: «Невольно сходство со своей судьбой // В его уделе нахожу я часто» [Балкарова 1986: 8].

В стихотворении «Горит кремлевское созвездие» Ф. Балкарова от образа легендарной Лашин перекидывает интертекстуальный мостик к героической плеяде советских женщин в лице орденоносной трактористки Паши Ангиной и ее последовательниц, которые «джигитами счастливыми вели железных скакунов»; военных летчиц и штурманов, «взмывавших в небо, как орлы»; Валентины Терешковой, «салутовавшей в космосе» [Балкарова 1986: 57]. Для поэтессы важно обозначить тот большой эволюционный путь, который горянка Северного Кавказа прошла от «скромной молчаливицы», до социальной активистки и покорительницы космических просторов. Данная мысль зафиксирована и в научных трудах отечественных социологов, отмечающих что «именно в этот исторический отрезок произошли кардинальные изменения в этнокультурном облике гендера», вследствие чего женщины достигли заметных высот «в области образования, профессионального роста в различных отраслях труда» [Сабанчиева 2016: 152].

Язык

Одним из дискуссионных вопросов в современной науке о литературе является правомерность терминологического образования «гендерная поэтика», предусматривающего наличие отличительных признаков в художественном языке авторов-мужчин и авторов-женщин. Впечатляющую подсказку в этом плане нам дает А.П. Ланщиков, который резонно задается риторическим вопросом: «Если мы считаем природу источником и причиной нашей физической жизни, то есть ли у нас основания искать источники и причину нашей духовной жизни непременно за пределами той же природы?» [Ланщиков 1974: 145]. Если следовать этой логике, то естественным образом иное устройство женской биологической природы наряду с иной формой восприятия мира, иным нейролингвистическим механизмом приводит к закономерному порождению особых женских фреймов и образных комплексов. Аналогичная концепция встречается в диссертационной работе гендеролога Г.В. Барышниковой, которая пишет: «Существование различий между мужчинами и женщинами, в том числе, и языке, имеет многоаспектную

природу. Фактор пола биологически, психологически, социально и культурно оказывает влияние на когнитивную сферу, поведение, восприятие и использование языка» [Барышникова 2004: 5].

Если сказанное спроецировать на поэтический гипертекст Ф. Балкаровой, то можно найти целый ряд интересных поэтологических примеров. Одним из женских маркеров ее художественного языка является повышенный интерес к «малышам» и вообще к микромиру, – интерес, обусловленный материнским инстинктом. Из многообразия предметного мира Вселенной лирическая героиня прицельным взглядом выхватывает «птенцов еще неокрепших» [Балкарова 1986: 7], «скворчиху, милующуюся с детищем» [Балкарова 1986: 8], «дочку, пробудившуюся от сна» [Балкарова 1986: 12], «труженицу-пчелку» [Балкарова 1986: 25], «первый шаг ребенка» [Балкарова 1986: 38], «волка, доброго к ягненку» [Балкарова 1986: 40], «кузнечика в траве» [Балкарова 1986: 54], «телят на росном лугу» [Балкарова 1986: 65], «продрогшего щенка» [Балкарова 1986: 92], «сиротку на чужбине» [Балкарова 1986: 113], «младшего братика» [Балкарова 1986: 116], «прутик ивы» [Балкарова 1986: 153] и др.

Каждой личности, в том числе, литератору, в процессе познания мира свойственно менее понятное сравнивать с более понятным, прибегая к предметам из своего ближайшего окружения. Данная закономерность прослеживается и в индивидуальной поэтологической системе Ф. Балкаровой, где главным компонентом многих метафорических сравнений являются предметы из социокультурного контекста женщины. Начнем с одного из самых ярких примеров. В отечественной поэзии сложилась целая художественная «эльбрусиада», где двуглавую белоснежную гору сравнивают с двумя братьями, с верблюжьим горбом, с влюбленной парой и т.д. Знаком выраженной гендерной компаративистики отмечено видение Ф. Балкаровой:

И, словно мать, чья грудь всегда тепла,
Гора мне свою силу отдала.
С тех пор всегда гляжу издалека
На два вершины, полных молока [Балкарова 1997: 92].

Нальчик из-за созвучия с «мальчиком» в когнитивном сознании многих людей ассоциируется с мужским началом. В образительно-выразительной же системе Ф. Балкаровой «Нальчик нарядный уподобляется невесте» [Балкарова 1986: 16]. «Сито времени» [Балкарова 1986: 44] – так называется одно из философско-лирических стихотворений поэтессы, где со ссылкой на повседневный кухонно-утилитарный предмет проводится беседа о таких категориях как конечное и бесконечное, подлинные и ложные ценности, забвение и историческая память. В другом произведении образным комплексом «Вот и годы промелькнули, словно четки в быстрых пальцах наны» [Балкарова 1986: 163] опредмечивается абстрактное понятие «историческое время». В этом же ряду находится метафорическая соотнесенность функциональных возможностей прялки (шерсти, нити) с индивидуальной судьбой человека в стихотворении «Женщины-джигиты» [Балкарова 1997: 26]. Соляные образы

также «одомашниваются» поэтессой путем сравнения Солнца с «нежными руками наны» [Балкарова 1986: 169].

Как всякой истинной женщине, лирической героине Ф. Балкаровой близок мир национальной кухни. Понятия «джэдлибже» (курица, жареная в сметанном соусе), «халуа» (сдобная халва из пшеничной муки с медом), «лакум» (сдобные лепешки, жареные в подсолнечном масле), «махсыма» [Балкарова 1986: 18] она легко переводит из гастрономической сферы в сферу поэтическую. Фактурность – еще одна особенность художественного почерка поэтессы, которая внимательна к деталям тактильного свойства: «На ветках горят, как огни, // Шершавые желтые // Кислые дикие груши, // Что мы собирали когда-то // В далекие дни» [Балкарова 1986: 53].

К феномену «женского эстетизма» следует отнести традицию Ф. Балкаровой сравнивать природные явления с девичьими аксессуарами и наоборот. В стихотворении «На дороге» лирической героине «туман голубой» представляется в виде «шарфа», а овцы на альпийских лугах «как шарики белых бус» [Балкарова 1986: 24]. В текстах часто встречаются как в прямом, так и опосредованном смысле такие реалии, как «коромысло», «колыбель», «люлька», «кольцо», «платье», «мука», «хлеб», «мамалыга» «свадебный чемодан», «вышивка на небе».

Практически нет поэта на Кавказе, который не воспел бы в своем творчестве А.С. Пушкина, имя которого органично связано с Югом России. При этом каждый автор находит свой индивидуальный ракурс портретизации русского гения. У Ф. Балкаровой есть два стихотворения о нем – «Ты родился большим поэтом» и «Поэт». Отличительной чертой обоих произведений является «материнская» точка зрения. Условная лирическая героиня выступает своего рода заступницей, защитницей многострадального поэта. Как за родного сына она испытывает боль от того, что при жизни поэта окружали коварные и завистливые недруги. Знаком материнского сострадания пронизаны финальные строки: «Если б знал ты, каким любимым // Станешь ты на своей отчизне, // Ты бы не был таким ранимым, // Беззащитным таким при жизни» [Балкарова 1986: 47]. Аффiliationная метафоризация присутствует и во втором стихотворении кабардинской поэтессы, где говорится о том, что «Кавказ любит Пушкина как сына», его «как материнским молоком реки чистые поили» [Балкарова 1986: 41].

Большая часть творческой биографии Ф. Балкаровой пришлась на период социалистического реализма. В целом поэтесса соблюдает идеологические рамки данного метода, но, как всякий талантливый художник, изыскивает и находит много способов избежать «смирительной рубашки». Одной из плодотворных «лазеек» для нее становится эскейпизм от партийно-декларативных требований в женский мир субъективной рефлексии. К примеру, по соображениям верности коммунистическим идеалам и делу Революции, каждому литератору негласно вменялось освещение ленинской тематики в собственном творчестве. Любопытно, что там, где все обращается к образу вождя мирового пролетариата, кабардинская поэтесса, верная своему гендерному началу, объектом исследования избирает образ матери Владимира

Ильича – Марии Александровны. Речь идет о стихотворении «Бессмертные». Автора интересует психологический облик женщины, которая «кручинится о сыне», избравшего для себя сложнейший путь «со ссылками, с тайгой и с морозами Сибири» [Балкарова 1986: 75].

Время

Сильные женщины Ф. Балкаровой обладают особым историческим «темпераментом», торопливостью, желанием успеть многое за короткий отрезок времени. Недаром свой нрав и нрав своего поколения поэтесса сравнивает с «порывистым течением горной реки из-под Эльбруса, из-под ледника», которая несется «вприпрыжку меж тяжелых глыб», «ныряя в ущелья», «пробивая скалы» [Балкарова 1986: 11]. Подобный хронологический логос был заложен в основу и советских идеологов, типа «пятилетку за 4 года», «даешь ускоренное развитие». Куда делось время? Почему его так остро не хватает? Ведь жили раньше люди размеренно, неспешно? На все эти вопросы устами своей лирической героини кабардинская поэтесса дает весьма оригинальный ответ, не лишенный художественной логики в стихотворении «Судьба».

Мне времени все время не хватает,
Так повелось уже в судьбе моей.
Мир детский мой взяла война большая,
Она тогда коснулась всех детей [Балкарова 1986: 36].

Другими словами, война хищническим образом забрала у мирных людей огромный пласт исторического времени, тем самым вынудив их в ускоренном темпе наверстывать упущенное, жить на пределе, «гореть» на работе, соглашаться на сверхурочные задания.

Гендерная асимметрия

Сильной, мобилизованной героине Ф. Балкаровой весьма сложно найти жизненного партнера, отвечающего ее требованиям. Исследуя художественным языком такое негативное социальное явление, как развод, поэтесса приходит к мысли о том, что основной его причиной стал когнитивный диссонанс внутри этногендерной идеологии кабардинского народа. С одной стороны, послевоенные суровые обстоятельства кардинально изменили физический и психологический облик женщины, вынужденно сменившей туфельки на кирзовые сапоги, а адыгэ фацэ – на рабочую одежду. Во многом женщина, освоившая современную профессию, занятая на государственной службе, стала самодостаточной. Но с другой стороны, требования адыгского этикета никто не отменял, вследствие чего *self-made woman* в условиях патриархального дома была обязана принять на себя роль услужливой, немногословной снохи. Не каждой женщине хватало таланта и желания играть предложенную двойную

социальную роль: на работе быть бойкой начальницей, а дома – застенчивой невесткой.

В той же мере и мужчину, воспитанного в рамках адыгских традиций, мог раздражать такого рода эмансипированный типаж жены, особенно если он сам оказывался ниже ее по социальному статусу и к тому же лишенным здоровых амбиций и целеустремленности.

«Тебя хотела видеть я иным» [Балкарова 1986: 103] – так называется одно из программных стихотворений Ф. Балкаровой, где лирическая героиня высказывает свои претензии в адрес слабовольных мужчин, и конструирует свой идеал настоящего адыга – «с лицом приветным и улыбкой доброй, // С характером и стрежнем волевым», чтоб он умел «снискать любовь и уважение», чтоб жизнь его «было полна значенья» [Балкарова, 1986: 104].

В поисках моделей достижения «гендерной симметрии» поэтесса часто обращается к народному опыту и создает своего рода цикл «ретроспективных» стихотворений. В одном из них воспроизводится обычай адыгских девушек лунной ночью выходить во двор и на луну глядеть «сквозь подаренное кольцо» в надежде увидеть там облик своего возлюбленного. Особым пафосом высокой трагедии это стихотворение наполняет присутствующий в нем контекст Великой Отечественной войны, поскольку многие отчаявшиеся вдовы своих без вести пропавших супругов от безысходности искали в небесах, на луне.

В финале стихотворения, вновь актуализируя проблему гендерной асимметрии, автор в ироническом ключе обыгрывает символику колец: «Время шло, ползло, бежало. Кольца предлагали часто, // Но... кольцо не то бывало // И... не тот дарил, к несчастью!» [Балкарова 1986: 115].

«За водой» – еще одно ностальгическое стихотворение, где автор в рамках художественного этнографизма, по рассказам «мам и бабушек» воспроизводит теперь уже ставший архаичным пример налаживания культурной коммуникации между юношей и девушкой. Своего рода главным героем в стихотворении является река Баксан, к которому с коромыслом на плечах и двумя ведрами в любое время года было принято ходить за водой. Как показывает поэтесса, берег Баксана в те времена становился своего рода «магическим театром», где разыгрывались настоящие ролевые игры:

Нередко один из неробких парней,
Чтоб встречу продлить,
На подъеме крутом
Выплескивал воду.
И сам же потом
Бежал за водой
И любимой своей
Признанья шептал,
Что огня горячей... [Балкарова 1986: 90].

Из этой же серии пасторальная история, описанная в стихотворении «Молодой чабан». Юноша, который сначала без особой охоты согласился

подменить прохворавшего старика-чабана, вскоре сам попросил на добровольных началах продлить ему «вахту». Причиной оказалась любовь к девушке, которая каждое утро приводила к отаре овец своего козленка. Юноша придумал весьма оригинальный, опосредованный способ подружиться с девушкой, напрямую с ней не общаясь. Для этого он избрал «язык цветов»: каждый вечер он привязывал к рогам козленка определенные луговые цветы, которые она «читала» как тексты любовных посланий. Девушка долго хранила молчание. Но в один из дней вид козы привел молодого чабана в восторг, поскольку на ее рогах он заметил начертанные рукой девушки слова «Ты мой милый» [Балкарова 1986: 108].

Великому французскому писателю-гуманисту XX столетия принадлежат слова: «Зорко одно лишь сердце, главного глазами не увидишь» [Экзюпери 2019: 79]. Приведенная мировоззренческая матрица имеет интересное этногендерное преломление в лиро-эпической поэме Ф. Балкаровой «Серебряное кольцо» и фактически определяет ее философскую сущность. Поэма написана от имени первого лица, в исповедальной форме, придающей повествованию особый экспрессивный характер. Еще одна немаловажная деталь связана с отсутствием в тексте имени главной героини, которое замещается культурологемой «Си псэ», что в переводе означает «Моя душа». Думается, данным статусом главной героини автор хотел наделить обобщенную женскую душу и одновременно подчеркнуть автобиографические нотки произведения.

«Девочка – девушка – женщина» – в трехступенчатой форме автор рисует становление своей героини. Девочку из традиционного общества с ранних лет готовят к удачному замужеству. С этой целью ее отправляют к искусной портнихе для постижения швейного искусства. За короткий срок она «научилась обращаться с ниткой и иглой», «постигла сочетанье цвета», «могла сшить черкеску или даже праздничное платье» [Балкарова 1986: 161].

На следующем этапе девушка получает право посещать всевозможные мероприятия, но, как отмечает автор, при обязательном сопровождении кого-то из младших родственников мужского пола:

Я впервые получила право
Появиться на большом веселье
И предстать пред взором стариков.
Был тогда у нас такой обычай:
Младший брат неслышной гибкой тенью
На гулянье, танцах ли,
Девушку всегда сопровождал.
Этому имелись и причины.
Старики поныне не забыли
Случаев лихого умыканья
Дерзкими джигитами невест.
Девушки заполучить согласие
Было вовсе ни к чему когда-то.

Люб – не люб,
Кому какое дело!
Бросят поперек седла и –
Вскачь!
Сколько крови пролито напрасно!
Сколько жизней пуля оборвала!
Кровниками становились люди –
Пленники гордыни вековой.
Самые красивые джигиты
Гибли в пламени междоусобиц.
Мстили роду – род,
Аул – аулу,
Враг – врагу
И друг – бывший друг...
И ко мне был тоже брат приставлен
Для защиты,
Да и для надзора [Балкарова 1986: 154–155].

Далее по сюжету, в девушку почти одновременно влюбляются два молодых человека – Аслан и Каншау. На первый взгляд, они являются абсолютными антиподами. Аслан – выходец из добропорядочной, уважаемой семьи, с повадками юного принца, объект внимания и зависти многих потенциальных невест. Каншау же имеет репутацию разбойника, конокрада, абрека. Он стал настолько одиозной личностью, что народ вскоре забыл его подлинное имя, привыкнув к кличке Шхафеч, что в переводе с кабардинского означает «головорез».

Постепенно героиня поэмы, Аслан и все их окружение привыкают к мысли, что «эти два человека созданы друг для друга». Дело идет к свадьбе, молодой человек даже успел подарить своей нареченной серебряное колечко. Кульминационным моментом в поэме становится неожиданное, дерзкое похищение девушки Шхафечем. Согласно кабардинским обычаям, он привозит любимую к своей родственнице и оставляет там на несколько дней, чтобы она пришла в себя после такого потрясения. Здесь следует отметить интересный с этногендерной точки зрения эпизод. Дело в том, что трудолюбивая и мастеровитая девушка для того, чтобы «не сидеть без дела», взялась изготовить черкеску, даже не зная, «для кого предназначался труд» [Балкарова 1986: 188]. Позже, когда в ее покои на переговоры зашел Шхафеч, выяснилось, что наряд идеально подходит ему по размеру. То, что девушка интуитивно угадала размер, и с любовью сшила «черкеску для черкеса», было символическим знаком их предназначенности друг для друга. Любовь преобразила Шхафеча – «был Каншау аккуратно выбрит, // И казался молодым, красивым, // И совсем не страшным, не чужим» [Балкарова 1986: 192]. Тот, кого называли «головорезом» и «разбойником», на поверку оказался обаятельным «кабардинским Робин Гудом», который «грабил богатых, помогал бедным» [Балкарова 1986: 167]. Внутреннее преображение претерпела и девушка,

которая всей душой полюбила «нового Шхафеча» и согласилась стать его женой.

Анализируемое произведение имеет несколько культурных смыслов, интересных с этногендерной точки зрения. Во-первых, балкарская героиня «переросла» по зрелости Татьяну Ларину и ее матримониальный принцип «Но я другому отдана и буду век ему верна» [Пушкин 1967: 201]. Во-вторых, «Сипсэ» делает осознанный выбор из двух мужчин, убедившись в том, что «зорко одно лишь сердце» и за внешними, поверхностными характеристиками человека могут скрываться невидимые глазу внутренние достоинства. В-третьих, для решения проблемы «гендерной асимметрии» не следует превращать брак в отбывание социальной повинности и во главу угла ставить желание соответствовать чьим-то ожиданиям.

Все рассмотренные произведения ценны тем, что в них автор показывает «историческую закономерность процессов социального переустройства мира» [Мусукаева, Тхагазитов 2005: 122]. Обучающий слой текстов заключается в «гармонизации взаимоотношений между мужчинами и женщинами, прошлым и настоящим, Западом и Востоком» [Манкиева 2017: 11].

В результате исследования гендерной картины мира в лиро-эпосе кабардинской поэтессы Фоусат Балкаровой нами сделаны следующие выводы:

1. Гендерная картина мира Ф. Балкаровой отмечена знаком андроцентричности, обусловленным специфическими условиями Великой Отечественной войны и послевоенного периода, когда культивируется образ мужественной, мобилизованной женщины, способной заменить образовавшийся дефицит мужских ресурсов в социуме. Подобному гендерному архетипу сам автор присваивает типологическое имя «женщина-джигит», фигурирующее в нескольких стихотворениях.

2. Гендерное измерение творческого наследия Ф. Балкаровой позволяет выявить диссонанс между новым образом эмансипированной кабардинки и консервативными идеалами традиционного патриархального общества. Итогом этого мировоззренческого конфликта становятся такие социальные явления как «развод», «ревность», «мать-одиночка», являющиеся предметом художественного осмысления в лиро-эпосе кабардинской поэтессы.

3. Особенности «женского языка» и «женской поэтики» Ф. Балкаровой проявляются в тяготении автора к гендерно маркированным предметам, которые из материального мира переводятся во «вторую реальность» – в стихию поэзии.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Адыги... 1974 – *Адыги*, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. / ред. В.К. Гарданов. – Нальчик: Эльбрус, 1974. – 636 с.

Балкарова 1986 – *Балкарова Ф.Г.* Зари хрустальный звон. Стихи и поэмы. – Нальчик: Эльбрус, 1986. – 240 с.

Балкарова 1997 – *Балкарова Ф.Г.* Узоры мыслей. Стихотворения и поэмы. Избранное. Том I. – Нальчик: Эль-Фа, 1997. – 537 с.

- Барышникова 2004 – *Барышникова Г.В.* Гендерные различия эмоционального коммуникативного поведения художественных партнеров (на материале французской литературы XVII–XX вв.): автореф. ... дис. канд. филол. наук. – Волгоград, 2004. – 25 с.
- Бгажноков 1999 – *Бгажноков Б.Х.* Адыгская этика. – Нальчик: Эль-Фа, 1999. – 96 с.
- Гачев 1994 – *Гачев Г.Д.* Русский Эрос. – М.: Интерпринт, 1994. – 279 с.
- Гендер 2012 – *Гендер* в британской и американской лингвокультурах: монография / Е.С. Гриценко, М.В. Сергеева, А.О. Лалетина, А.А. Бодрова, Л.Г. Дуняшева; под общ. ред. Е.С. Гриценко. – 2-е изд., стереотип. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2012. – 224 с.
- Гулиева 2015 – *Гулиева З.Х.* Поэзия Танзили Зумакуловой: этногендерный аспект. Автореф. ... дис. канд. филол. наук. – Нальчик, 2015. – 23 с.
- Детерминация... 2019 – *Детерминация* гендера этническим фактором: кавказский дискурс: Коллективная монография (Тхагапсоев Х.Г. и др.). – М.: Спутник, 2019. – 134 с.
- Душенко 2011 – *Душенко К.В.* Большой словарь цитат и крылатых слов. – М.: Эксмо, 2011. – 1216 с.
- Кабардинский... 2000 – *Кабардинский фольклор* / Научный редактор Р.У. Туганов. – Нальчик, «Эль-Фа», 2000. – 649 с.
- Ланщиков 1974 – *Ланщиков А.П.* Многообразие искусства. Литературно-критические статьи. – М.: Моск. рабочий, 1974. – 192 с.
- Манкиева 2017 – *Манкиева Э.Х.* Женщины Северного Кавказа в изображении русских писателей XIX века. – М.: Akademia, 2017. – 392 с.
- Мусукаева, Тхагазитов 2005 – *Мусукаева А.Х., Тхагазитов Ю.М.* О Фоусат Балкаровой // Литературы народов России: XX в.: словарь / отв. ред. Н.С. Надъярных; Ин-т мировой лит. им. А.М. Горького. – М.: Наука, 2005. – С. 124–125. – 365 с.
- Пушкарева 2007 – *Пушкарева Н.Л.* Гендерная теория и историческое знание. – СПб.: Алетей; АНО «Женский проект СПб», 2007. – 496 с. – (Серия «Гендерные исследования»).
- Пушкарева, Текуева 2013 – *Пушкарева Н.Л., Текуева М. А.* Прошлое определяет настоящее? О шестой Международной научной конференции Российской ассоциации исследователей женской истории // Российская гендерная история с «юга» на «запад»: прошлое определяет настоящее: материалы Шестой международной научной конференции РАИЖИ и ИЭА РАН, 3–6 октября 2013 года. Т. 1. – Нальчик: КБГУ, 2013. – С. 12–15.
- Пушкин 1967 – *Пушкин А.С.* Евгений Онегин. Роман в стихах. – М.: Издательство «Художественная литература», 1967. – 223 с.
- Сабанчиева 2016 – *Сабанчиева Л.Х.* Гендер в социально-политических процессах в Кабардино-Балкарии (20-е гг. XX в. – начало XXI в.). – Нальчик: Издательский отдел КБИГИ, 2016. – 156 с.
- Сент-Экзюпери 2019 – *Сент-Экзюпери А.* Маленький принц / пер. Н. Галь. – М.: Эксмо, 2019. – 104 с.
- Хакуашева 2003 – *Хакуашева М.А.* О Фоусат Балкаровой // Писатели Кабардино-Балкарии. XIX – конец 80-х гг. XX в. Библиографический словарь. – Нальчик: Эль-Фа, 2003. – С. 105–109. – 442 с.
- Хараева, Кучукова – 2018 – *Хараева Л.Ф., Кучукова З.А.* Гендер и этногендер (на материале кабардинской женской прозы). – Нальчик: Принт Центр, 2018. – 192 с.

REFERENCES

- Adygi, balkartsy, karachaevtsy v izvestiyakh evropeiskikh avtorov XIII–XIX vv. / red. V.K. Gardanov* [Adyghes, Balkars and Karachays in the reports of European authors of the 13th – 19th centuries. Edited by V.K. Gardanov]. – Nalchik: El'brus, 1974. – 635 p. (In Russian)
- BALKAROVA F.G. *Uzory myslei. Stikhotvoreniya i poemy. Izbrannoe. Tom I* [Patterns of thoughts. Poems and poems. Favorites. Volume I]. – Nalchik: El-Fa, 1997. – 537 p. (In Russian)
- BALKAROVA F.G. *Zari khrustal'nyi zvon. Stikhi i poemy* [Dawn the crystal ringing. Poems]. – Nalchik: Elbrus, 1986. – 240 p. (In Russian)

BARYSHNIKOVA G.V. *Gendernye razlichiya emotsional'nogo kommunikativnogo povedeniya khudozhestvennykh partnerov (na materiale frantsuzskoi literatury XVII–XX vv.): Avto-ref. ... dis. kand. filol. nauk* [Gender differences in the emotional communicative behaviour of artistic partners (based on French literature of the 17th–20th centuries): dissertation abstract for the candidate of Philological Sciences degree] – Volgograd, 2004. – 25 p. (In Russian)

BGAZHNOKOV B. Kh. *Adygskaya etika* [Adyghe ethics]. – Nalchik: El-Fa, 1999. – 96 p. (In Russian)

Determinatsiya gendera etnicheskim faktorom: kavkazskii diskurs: Kollektivnaya monografiya [Determination of gender by ethnic factor: Caucasian discourse]. – M.: Sputnik, 2019. – 134 p. (In Russian)

DUSHENKO K.V. *Bol'shoi slovar' tsitat i krylatykh slov* [A large dictionary of quotes and winged words]. – M.: Eksmo, 2011. – 1216 p. (In Russian)

GACHEV G.D. *Russkii Eros* [Russian Eros]. – M.: Interprint, 1994. – 279 p. (In Russian)

Gender v britanskoi i amerikanskoi lingvokul'turakh: monografiya / pod obshch. red. E.S. Gritsenko [Gender in British and American Linguistic Cultures: A Monograph. Ed. by E.S. Gritsenko]. – M.: FLINTA: Nauka, 2012. – 224 p. (In Russian)

GULIEVA Z.Kh. *Poeziya Tanzili Zumakulovoi: etnogendernyi aspekt. Avto-ref. ... dis. kand. filol. nauk* [Poetry of Tanzilya Zumakulova: ethnogender aspect: dissertation abstract for the candidate of Philological Sciences degree]. – Nalchik, 2015. – 23 p. (In Russian)

Kabardinskii fol'klor / Nauchnyi redaktor R.U. Tuganov [Kabardian folklore. Ed. by R.U. Tuganov]. – Nalchik: El-Fa, 2000. – 649 p. (In Russian)

KHAKUASHEVA M.A. *O Fousat Balkarovoi* [About Fousat Balkarova]. IN: *Pisateli Kabardino-Balkarii. XIX – konets 80-kh gg. XX v. Biobibliograficheskii slovar'* [Writers of Kabardino-Balkaria. XIX – late 80s XX century. Biobibliographic Dictionary]. – Nalchik: El-Fa, 2003. – P. 105–109. – 442 p. (In Russian)

KHARAEVA L.F., KUCHUKOVA Z.A. *Gender i etnogender (na materiale kabardinskoi zhenskoi prozy)* [Gender and Ethnogender (Based on the Material of Kabardian Women's Prose)]. – Nalchik: Print Tsentr. 2018. – 192 p. (In Russian)

LANSHIKOV A.P. *Mnogoobrazie iskusstva. Literaturno-kriticheskie stat'i* [Variety of art. Literary critical articles]. – M.: Moskvoskii rabochii, 1974. – 192 p. (In Russian)

MANKIEVA E.Kh. *Zhenshchiny Severnogo Kavkaza v izobrazhenii russkikh pisatelei XIX veka* [Women of the North Caucasus depicted by Russian writers of the 19th century]. – M.: Akademia, 2017. – 392 p. (In Russian)

MUSUKAEVA A.Kh., TKHAGAZITOV Yu.M. *O Fousat Balkarovoi* [About Fousat Balkarova]. IN: *Literaturny narodov Rossii: XX v.: slovar' / otv. red. N.S. Nad'yarnykh* [Literature of the peoples of Russia: XX century: dictionary. Ed. by N.S. Nadyarnykh]. – M.: Nauka, 2005. – P. 124–125. – 365 p. (In Russian)

PUSHKAREVA N.L. *Gendernaya teoriya i istoricheskoe znanie* [Gender theory and historical knowledge]. – SPb.: Aleteiya; ANO «Zhenskii proekt SPb», 2007. – 496 p. (In Russian)

PUSHKAREVA N.L., TEKUEVA M.L. *Proshloe opredelyaet nastoyashchee? O shestoi Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii Rossiiskoi assotsiatsii issledovatelei zhenskoi istorii* [Does the past define the present? About the Sixth International Scientific Conference of the Russian Association of Researchers of Women's History] IN: *Rossiiskaya gendernaya istoriya s «yuga» na «zapad»: proshloe opredelyaet nastoyashchee: materialy Shestoi mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii RAIZhI i IEA RAN, 3–6 oktyabrya 2013 goda. T. 1* [Russian Gender History from “South” to “West”: the Past Determines the Present: Proceedings of the Sixth International Scientific Conference of RARWH and IEA RAS, October 3–6, 2013. Vol. 1]. – Nalchik: KBSU, 2013. – P. 12–15. (In Russian)

PUSHKIN A.S. *Evgenii Onegin. Roman v stikhakh* [Eugene Onegin. A novel in verse]. – M.: Izdatel'stvo «Khudozhestvennaya literatura», 1967. – 223 p. (In Russian)

SABANCHIEVA L.Kh. *Gender v sotsial'no-politicheskikh protsessakh v Kabardino-Balkarii (20-e gg. XX v. – nachalo XXI v.)* [Gender in socio-political processes in Kabardino-Balkaria (20s of the XX century – the beginning of the XXI century)]. – Nalchik: Izdatel'skii otdel KBIGI, 2016. – 156 p. (In Russian)

SAINT-EXUPERY A. *Malen'kii prints* / per. N. Gal'. [Little Prince. Translated by N. Gal]. – M.: Eksmo, 2019. – 104 p. (In Russian)

Наши авторы

Акамов Абусупьян Татарханович – д-р филол. наук, главный научный сотрудник отдела литературы Института языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы.

E-mail: iyalidnc@mail.ru

Бауаев Казим Каллетович – д-р филол. наук, доцент, заведующий кафедрой русской и зарубежной литератур ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова».

E-mail: kazim_bauaev@mail.ru

Биттирова Тамара Шамсудиновна – д-р филол. наук, ведущий научный сотрудник Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр РАН».

E-mail: tbittir@mail.ru

Кажаров Артур Гусманович – д-р истор. наук, доцент, ведущий научный сотрудник сектора новейшей истории Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр РАН».

E-mail: artur-kazharov@yandex.ru

Кетенчиев Мусса Бахаутдинович – д-р филол. наук, профессор, заведующий кафедрой карачаево-балкарской филологии ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова».

E-mail: ketenchiev@mail.ru

Кулькова Марианна Алексеевна – канд. геолого-минералогических наук, доцент, доцент кафедры геологии и геоэкологии, заместитель директора ЦКП «Геоэкология» Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена.

E-mail: kulkova@mail.ru

Кумышева Ляна Чаримовна – аспирант кафедры русской и зарубежной литератур ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова».

E-mail: lyanakumysh@icloud.com

Кучукова Зухра Ахметовна – доктор филолог. наук, профессор, профессор кафедры русской и зарубежной литератур ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х. М. Бербекова».

E-mail: kuchuk60@list.ru

Лобанов Владимир Борисович – канд. истор. наук, доцент, старший научный сотрудник Военной академии связи имени Маршала Советского Союза С.М. Буденного.

E-mail: lobanov19772009@yandex.ru

Лоов Анзор Ахмедович – старший преподаватель кафедры истории и философии ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный аграрный университет им. В.М. Кокова»

E-mail: anzor-44@yandex.ru

Мамсиров Хамитби Борисович – д-р истор. наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова».

E-mail: mamsirhb@mail.ru

Мирзоев Асланбек Султанович – канд. истор. наук, старший научный сотрудник сектора средневековой и новой истории Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр РАН».

E-mail: marzeibach@mail.ru

Осташинский Сергей Матвеевич – научный сотрудник Государственного Эрмитажа.

E-mail: osm@mail.ru

Тамазов Муслим Султанович – канд. истор. наук, директор Социально-гуманитарного института ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова».

E-mail: muslimt@mail.ru

Тегуев Алим Инзрелович – д-р истор. наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр РАН».

E-mail: alim-tetuev@mail.ru

Хавжокова Людмила Борисовна – канд. филол. наук, зав. сектором кабардино-черкесской литературы Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр РАН».

E-mail: lyudmila-havzhokova.86@mail.ru

Хубулова Светлана Алексеевна – д-р истор. наук, профессор, профессор кафедры российской истории ФГБОУ ВО «Северо-Осетинский государственный университет имени Коста Левановича Хетагурова».

E-mail: hubul@yandex.ru

Электронный журнал

Кавказология

Caucasology

№ 1 / 2021

DOI: 10.31143/2542-212X-2021-1